

Анатолий Беляев

**ВСЁ
НАЧАЛОСЬ
С ЕНИСЕЯ...**

**Книга первая
Детские годы в Сибири**

3-е издание, дополненное и исправленное

Москва
«НОЛМЕДИА»

2019

ББК 84-4
Б44

Беляев А.И.

Б44   Всё началось с Енисея... Книга первая. Детские годы в Сибири / Анатолий Беляев. — 3-е изд., доп. и испр. — М.: ПОЛИМЕДИА, 2019. — 360 с. с ил.

ISBN 978-5-89180-109-7

Эта книга написана для детей и внуков автора, но, несомненно, будет полезна и для тех молодых людей, которым дорога отечественная история.

Цель книги — познакомить читателя, хоть отчасти, с тем бесценным наследием уходящих поколений, которое было накоплено в советскую эпоху второй половины XX века. Удивительно, что, несмотря на материальный недостаток, на обилие различных негативных обстоятельств политического и социального характера, молодые люди в глухой сибирской деревне на Енисее при взрослении укреплялись в неуязвимой любви к своей как малой, так и большой Родине. И этому способствовала не только советская идеология, но и местные исторические быт и нравы, и, конечно же, одухотворяющая сила енисейской тайги и великой реки Енисей.

ББК 84-4

ISBN 978-5-89180-109-7

© Беляев А.И., 2016

© Оформление. ООО «ПОЛИМЕДИА», 2016

Предисловие

Ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное из детства, из родительского дома. <...> Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасён человек на всю жизнь...

*Алёша Карамазов
в романе «Братья Карамазовы»
Ф.М. Достоевского*

Желание оставить детям и внукам историю своей жизни и свою родословную появилось давно, когда старшая дочь Юля родила внука (1986 год). Но все не хватало решимости начать писать. А ведь известно, что стоит только начать «копать» свое прошлое, как неуверенность будет отступать, а натиск воспоминаний должен сделать свое дело. «*Отвори мне калитку в былое и былым мое время продли...*» (романс на стихи Б. Ахмадулиной).

Нас не может не волновать связь поколений, тем более родственных поколений. Для сохранения родословных связей нужна преемственность поколений. В годы революции, гражданской войны и построения социализма вследствие классовой идеологии были разрушены многие родственные связи. Больше всего пострадали поколения интеллигентских, дворянских, аристократических и религиозных сословий. Много людей оказалось «без роду и племени». Духовно-нравственные устои предшествующих поколений были отвергнуты. Но вот рухнул советский строй. В стране начал насаждаться либерализм, была провозглашена демократия и свобода. Появилась возможность восстановить родословные связи между людьми, разбросанными не только по нашей необъятной стране, но и по всему миру. Но процесс этот идет

сложно из-за существующего разрыва между поколениями «отцов» и «детей», произошедшего в результате социальной и экономической революции в стране. Функции, роль и значение молодежи как возрастной группы в современном обществе недооценивается. Молодые мозги, нетрадиционный тип мышления, так нужные для развития новых отраслей науки, наукоемких производств и внедрения в жизнь новейших технологий, не востребованы. Общественный кризис больно ударил по молодежи. Ожидание детей и внуков на улучшение жизни в нашей стране не сбылось. С отцами и дедами ухудшилось взаимопонимание. Наиболее способная часть молодежи стала уезжать в США, Англию, Германию и другие западные страны. Старшее поколение, застигнутое врасплох государственным переворотом, не может не испытывать своей вины перед детьми и внуками. Вот и я оказался в этой роли: мои две дочери, окончившие МГУ им. М.В. Ломоносова (биологический факультет и факультет вычислительной математики и кибернетики), оказались в годы перестройки невостребованными в нашей стране и вынуждены были уехать в США. Мне остается только надеяться на то, что дочери и внуки не утратят связи с Россией, где у них живет много родственников. Надеюсь, что эта книга, где описана не только моя жизнь и родословная, которую удалось частично восстановить, но и быт, условия жизни моего поколения и поколения моих родителей, поможет детям, внукам и правнукам лучше узнать Россию, ее житейское многообразие и сохранить тягу к ней.

Очень печалит то, что нынешнее молодое поколение России плохо знает историю своей страны. Такое (в большей или меньшей мере) было во все времена. Еще в XIX веке великий гражданин России Ф.И. Тютчев (поэт, дипломат, ученый) писал: *«Одно поколение, словно волна, набегает на другое, совсем не зная друг друга»*. Нынешнее государственное школьное обучение плохо воспитывает патриотов. В школе на преподавание зарубежной истории отводится больше времени, чем на историю Отечества. Совсем мало говорится о значимости семьи, семейных союзов, кланов, сообществ. В истории нашей страны много примеров существования больших семей-

ных кланов, являющихся опорой государства. Так, в Сибири, на Енисее, в XIX веке существовали родовые сообщества по 50–70 семей. Было известно родовое гнездо Юшковых, состоящее из 70 семей, 25 из них (200 человек) жило в деревне Овсянкино. Такие кланы сохраняли нравственно-духовные традиции и хозяйственно-бытовой уклад. Каждый член нес ответственность и обязательства не только перед родовым сообществом, но и государством. Если молодое поколение не приемлет наработанные «генеральные» ценности, не находит в наследии полезное и не опирается на это, то общество не может нормально развиваться, обречено на застой и деградацию.

Написать «былое и думы» — дело ответственное. Поэтому постараюсь быть до конца честным, факты излагать без искажений, а увиденное, услышанное и пережитое передать без фантазии и вымысла. Многие бытовые факты и детские восприятия удалось восстановить благодаря сохранившимся дневниковым записям.

Мои воспоминания — это не захватывающий сюжет, не отпускающий читателя до конца книжки. Надеюсь на думающего читателя, готового осмыслить и понять, как жизнь отдельного человека соотносится с жизнью других, рядом с ним находящихся людей, с идеологией государства, которая через школу, радио, газеты, трудовые коллективы формирует этого человека. И почему в годы взросления большинство моих сверстников, как и я, укреплялись в любви к своей Родине, несмотря на обилие негативных обстоятельств реальной жизни.

От основного биографического ствола будут прорастать рассказы, очерки с описанием сибирской природы и сельского уклада жизни, с благодарностью людям, которыми я горжусь. Надеюсь, что и читателя потянет на философские раздумья о жизни...

Глава 1

Бакенская эпопея родителей

*...Без тебя не найти мне покоя.
Ты любви моей первой сильней.
Снова думаю. Сердцем, строкою
Возвращаюсь к тебе, Енисей...*

Казимир Лисовский

Лирическое отступление

Осознанно воспринимать мир я начал зимой 1941 года в возрасте три с половиной года. Память стойко держит фантастические видения далей Енисея, которые открывались из окна бакенской избушки, что одиноко стояла на острове Еловый. Трое детишек (я, сестренки Тпоня и Валя, первая старше, вторая младше меня на два года) ждали маму, ушедшую за продуктами в ближайшую деревню Сергеево (около 10 км). Часы ожидания у окна. Перед глазами – белоснежная гладь широкой реки, кое-где испещренная ледяными торосами, следами осеннего малого ледохода. И вот на фоне белой простыни появляется движущаяся черная точка, которая вскоре вырастает в комочек и, наконец, в очертания движущегося человека. О, радость ребенка! Мы узнаем маму, она на охотничьих лыжах и с груженной нартой. Солнечные блики от снега и торосов мешают взглядываться, но одновременно очаровывают сказочными картинами.

Солнце, солнце! Только люди северных широт по-настоящему знают ему цену. С приходом солнца преобладает не только вся природа, но и оживает человек, ощущает себя бодрее, физически здоровее, крепнет духовно и психически. Вот пишу эти строки, смотрю в окно московской квартиры, на земле еще местами серый снег, а на небе, хоть и нет явно выраженных облаков, но нет и солнца. А так не хватает его живительных бликов! Недолюбливает солнце столицу. А если и явятся солнечные дни, то все равно они обеднены яркостью, искристостью. Обворовывается солнечный свет то постоянно висящими облачками, то взвешенным в воздухе смогом. Давно замечено, что в хмурую погоду некоторых людей охватывает непонятная нутряная тоска, хандра. И не догадывается человек, что это может быть связано и с природой...

Бакенские избушки оживляли суровые берега Енисея

Взглянем на карту России, на ту ее часть, которая зовется Сибирью. Длинная голубая полоса прорезает Сибирь с юга на север. Это Енисей — одна из самых полноводных рек мира. Она начинается со снежных вершин Саян, проходит через знойные степи Хакасии, необозримые тайгу, тундру и вливается в Карское море. Площадь ее бассейна в два раза больше бассейна великой русской реки Волги. По своей протяженности Енисей уступает в России лишь Амуру, Лене и Оби, но он многоводнее каждого из них. Енисей — мощная водная и главная транспортная артерия Красноярского края. Протяженность реки до морского порта Диксона — 4224 км.

Вот краткий портрет Енисея, взятый из путеводителя «По Енисею», составленного А.Н. Колесовым (Красноярское книжное издательство, 1971 год):

«Началом Енисея принято считать место слияния у столицы Республики Тува¹ — города Кызыла двух рек, по-тувински называемых Бий-Хем (Большой Енисей) и Ка-Хем (Малый Енисей).

¹ Современное название — Республика Тыва.

В пределах Тувы Енисей течет среди холмистых степей тувинской котловины. На юге Красноярья могучий исполин проложил свое русло среди отвесных скал Западного Саяна, а затем среди широких просторов Минусинской котловины.

От Абакана до Красноярской ГЭС долина Енисея в наши дни превращена в Красноярское море. На север от Красноярской ГЭС Енисей снова в горах. От города Красноярска до устья реки Кан берега его несколько утрачивают свой горный характер, хотя и на этом участке нередко встречаются отроги Енисейского кряжа. Прорываясь через них, река образует Атамановскую трубу. На 770 км к северу от устья реки Кан вдоль правого берега тянется Енисейский кряж, крутые склоны которого местами отвесно обрываются к реке. И только в 2000 км от места своего рождения, далеко за устьем Подкаменной Тунгуски, великая река несет свои воды в равнинных берегах.

От верховьев до Подкаменной Тунгуски на Енисее много порогов, шивер¹ и перекатов. Главные из порогов — Большой, Казачинский и Осиновский — серьезные препятствия для судоходства. Река в порогах сужается, скорость течения достигает до 20 километров в час. За порогами образуются большие заводи с водоворотами и обратными течениями.

С первых своих шагов Енисей — стремительная и многоводная река. Но после слияния с Ангарой она становится еще более великой и могучей. Ширина ее на плесе Стрелка — Ярцево составляет пять-шесть, а в районе Дудинки восемь-десять километров. В низовьях Енисей очень глубок. Только в одну реку Евразийского материка более чем на 800 км от устья заходят океанские корабли».

О неповторимой красоте Енисея написано много повестей, стихов и песен, сложено много былин и легенд. «Видел я Альпы швейцарские и итальянские, но никогда не видел такой красоты, как эта, наша сибирская», — так говорил о сибирской природе, о Енисее великий живописец В.И. Суриков, сотворивший большую часть картин, живя в Красноярске.

А вот как вдохновенно написал о Енисее красноярский поэт Казимир Лисовский:

¹ Шивера — каменистый мелководный участок реки с быстрым течением.

*«... Ты штурмуешь высокие скалы,
Ты — в работе с утра до утра.
Нет, не зря навсегда от Байкала
Убежала к тебе Ангара.
Что Байкал? Только славное море!
А тебе океаны сродни,
А тебе бушевать на просторе,
Зажигать путеводно огни...».*

Какова же была жизнь на Енисее в 50—70-е годы прошлого столетия? Плывая на теплоходе, нельзя было не обратить вни-

Теплоход «Иосиф Сталин»

мание на многочисленные красные и белые сигнальные бакены на правой и левой сторонах реки соответственно, а иногда и посередине, где торчащие над стремительной

водой камни делят судовой ход на левый и правый.

По берегам также можно было видеть часто встречающиеся опрятные бакенские избушки¹, специально построенные в тех местах, где пороги, перека-
ты, шивера угрожали судовождению. Эти избушки были своего рода украшением Енисея, они одухотворяли малозаселенную реку, делали ее живой.

Буксирный теплоход «В. Куйбышев»

¹ У профессиональных речников использовалось другое название бакенской избушки — бакенская будка или просто пост. Ныне бакенские избушки отсутствуют.

Теплоход «А. Матросов»

Про бакены, бакенские избушки и бакенщиков того времени я не могу не говорить с душевным волнением, поскольку отец и мать на протяжении семи лет были бакенщиками. Первые четыре года моей жизни прошли в бакенских избушках, которые редко навещали люди, но чаще медведи и рыси.

Затерянные в глухомани среди суровой и дикой природы, бакенские посты в те времена мужественно несли трудную государственную службу по обеспечению безопасности фарватера для пассажирских и транспортных судов. Размещение бакенских избушек на обслуживаемом участке выбиралось с большим разумением. Избушка должна была находиться на высоком берегу, незатопляемом в половодье, и быть хорошо видимой судам, идущим как вверх, так и вниз по течению.

Избушка всегда выглядела нарядно. Фасад ее, обращенный к реке, имел цветную маркировку. Над избушкой, как правило, возвышалась сигнальная мачта, покрашенная по стандарту бело-черными полосами. На этой мачте иногда вывешивались специальные сигнальные знаки, предупреждающие об опасности. Это происходило редко, ведь бакенщики несли службу исправно. Но Енисей вытворял иногда такие

шалости, что бакенщик не в силах был оперативно предотвратить угрозу. Эти шалости чаще всего были связаны с резким падением или подъемом горизонта воды. В случае высокой воды несло много мусора. Травяной или древесный мусор мог нацепляться на трос и заставить катиться якорь бакена по дну. Стояние бакена на ложном месте — это уже возможная беда. Нередки были случаи, когда бакены оказывались жертвой «маток»¹, сплавляемых в низовье реки и неумело управляемых буксирным теплоходом.

Бакенщики обслуживали бакены и устанавливали сигнальные знаки (вехи), обеспечивая судам безопасный проход на опасных участках.

Бакен — деревянная конструкция пирамидальной формы. Сигнальным огнем служила керосиновая лампа, устанавливаемая внутри застекленной верхней части бакена. Бакенщик должен был в любую погоду (туман, дождь, шторм) каждый вечер зажигать лампу, заправляя ее керосином, а утром гасить. Некоторые бакенщики дозировали керосин в лампах только на одну ночь и освобождали себя от необходимости гасить утром. Бакен устанавливался на легкую деревянную плавучую конструкцию в виде буквы «А» и надежно закреплялся. Вся эта конструкция на лодке вывозилась в определенное место стремительно текущей реки и фиксировалась с помощью якоря.

Труд бакенщика — ответственный, опасный, и вместе с тем трудоемкий и разнообразный. Помимо обслуживания сигнальных знаков бакенщик должен был отслеживать на фарватере продольные и поперечные уклоны, свальные течения, появление новых перекатов и в соответствии с переменами корректировать места установок знаков. В те времена лодочных моторов не было, плавали на вёсельных самодельных

---

¹ Матка — длинная лента плотов шириной несколько десятков и длиной до нескольких сотен метров. Проводка плотов по реке требовала большого умения. Обычно впереди «матку» буксировал теплоход. В хвостовой части плота сооружался домик-сруб, в котором жили сплавщики. Сплавщики следили за состоянием плота и контролировали проводку. В коварных местах фарватера они спускали цепи (якоря) с целью торможения и разворота плота, а после прохождения такого места поднимали цепи (якоря) с помощью лебёдок.

лодках. Только смелость и навыки бывалого речника позволяли ладить с Енисеем. Помимо работы на воде у бакенщиков хватало дел и на берегу. Нужно было самим изготавливать бакены, якоря, конопатить и смолить лодки, делать рыболовные снасти и прочее. Бакенщики, как правило, жили семьями и имели домашнее хозяйство: огород, скот, птицу, обязательно собаку. В зимний период бакенщики занимались охотой и подледным ловом рыбы.

Трагическая судьба отца

Бакенская эпопея родителей началась в 1934 году с обслуживания трех бакенов на Шиверском перекате, что в 70 км севернее Красноярска. В бакенской избушке недалеко от села Шивера в 1935 году родилась старшая сестра Тоня. На одном месте родители долго не укоренялись. Успешных и надежных бакенщиков переводили на более трудные участки. Следующим местом обитания была бакенская избушка недалеко от села Предивно (ныне это большой поселок городского типа Предивинск). В этой избушке я и родился. Как рассказывала мама, был солнечный день, схватки у нее начались в лодке на реке, отец помог добраться до избушки, где и произошло мое быстрое появление на свет. Но я не успел прощупать ножками ту землю, где родился. Через год родителей перевели на участок реки вблизи деревни Посольня Енисейского района (195 км от Красноярска). Там в 1939 году родилась сестренка Валя.

В конце 1939 года семья переехала в Ярцевский район¹, на остров Еловый. На этом острове в декабре 1941 года родилась третья сестренка Лена.

Остров Еловый находится в 595 км севернее Красноярска между селом Назимово и деревней Сергеево. От левого берега реки остров отделен протокой шириной около 70 м. Медведи почему-то любили бывать на этом острове. Им переплыть протоку такой ширины не составляло труда. Медве-

¹ Сейчас Ярцевского района нет. Территория этого района вошла в 1957 году в Енисейский район.

жье мясо у нас не переводилось, так как отец был хорошим охотником. Ширина реки до дальнего правого берега — около полутора километров, годная для прохода судов. Бакенская избушка стояла так, что перед ней простиралась вся ширь реки как вверх, так и вниз по течению. Фарватер этого участка реки сторожили три бакена (один на одной стороне реки, два — на другой) с разносом по дальности до шести километров. На острове Еловом нашей семье тоже долго побыть не пришлось.

Мой отец Беляев Илья Иванович родился в 1902 году в селе Шивера Красноярского края. Образование — несколько классов начальной сельской школы. До знакомства с мамой жил в селе Берёзовка, где у него была семья: жена и ребенок. Мама в то время жила в деревне Ярлычиха. Была такая деревня недалеко от села Малороссийка. Встретив маму, отец ушел из семьи. Впоследствии она рассказывала, что не хотела выходить за него замуж. Он был старше на 12 лет, немногословный и ничем не примечательный. На приглашения погулять она ему отказывала, где-то даже его побаивалась. Как-то раз он выманил ее из дома, завернул в одеяло, взвалил на плечо, сбежал к Енисею, где стояла лодка, и уплыл вниз по реке. Как потом говорила мама: *«Не скажу, что волей шла, но и не силком брал»*. Молодыми они оказались в 1933 году в низовье Енисея, в Игарке. Мама довольно быстро смирилась с тем, что произошло. Зная ее характер, я не сомневаюсь, что сделала она это не потому, что была рабыней. Она почувствовала за мужиком житейскую силу и опору. В Игарке мама родила первого ребенка — сестренку Любу. Совсем маленькой она ушла в иной мир. Суровая Игарка отцу с мамой не понравилась, и они в 1934 году вернулись в село Шивера, на родину отца. Последний раз моя встреча с отцом произошла в начале лета 1942 года, когда мне было четыре с половиной года. Он был арестован, находился в Назимово и ждал отправки в город Енисейск. Отцу по его просьбе дали возможность попрощаться с семьей. С острова Елового мама с четырьмя детьми (я, сестры Тоня, Валя и махонькая Лена) добралась до Назимово на попутной барже, буксируемой катером.

Город **Енисейск** (по реке 413 км от Красноярска) – районный центр, крупный порт, самый древний город на Енисее (на 9 лет старше Красноярска). Небольшой острог, заложенный казаками в 1619 году, превратился в город-крепость, и в 1677 году стал областным городом. Енисейску подчинялась почти вся Восточная Сибирь (Енисейский, Мангазейский, Красноярский, Иркутский, Нерчинский и Албазинский уезды). Появление Московско-Сибирского тракта, проходящего через Красноярск, привело к тому, что Енисейск стал терять значение транзитного торгового пункта. Со строительством в конце XIX века Транссибирской железнодорожной магистрали Енисейск превращается в торговый придаток Красноярска.

Енисейск находится в списке городов-памятников России и является одним из туристических центров Красноярского края. В нем числится более 70 памятников истории и культуры.

Енисейск – один из бывших центров политической ссылки. Здесь отбывали свой срок декабристы, ссыльные по делу Каракозова, по делу «Народной воли», народовольцы, социал-демократы, большевики-депутаты IV Государственной думы. В советское время здесь находились в ссылке десятки репрессированных. Среди них профессор-историк С.М. Дубровский – декан исторического факультета Ленинградского университета и его спутница жизни профессор-историк Берта Граве. Отбывали ссылку Клара Спиваковская – бывшая прима Венской оперы, певшая вместе с Энрико Карузо, жена советского дипломата С.С. Александровского, расстрелянного в 1945 году; Р.А. Штильмарк – писатель, журналист, дипломат, боевой офицер, командир разведроты, автор книги «Наследники из Калькутты»; Ольга Михайлова (Будённая) – жена Будённого, солистка Государственного Большого Академического театра (в Енисейске работала уборщицей в школе); Ю.Б. Румер – физик, доктор физико-математических наук, арестованный вместе с Л.Д. Ландау (после отбытия срока в ядерной шарашке в Енисейске преподавал физику в пединституте); А.И. Тодоровский – комкор, кавалер четырех орденов Красного Знамени, начальник Управления высших военных учебных заведений РККА.

Помню небритого худого дядю (ему было 39 лет), сидевшего под охраной двух милиционеров в деревянной загородке сельсовета. Он попросил маму принести квашеной капусты. Лепешку, видимо пашек, вытащил из-за пазухи, разломил на части и отдал нам, ребятишкам. Мама детям не рассказывала подробности про отца. Только позднее, когда я приезжал на побывку в Назимово из Норильска в 1953 году, мне удалось от

мамы узнать то, что она знала. В 1941 году после окончания навигации на Енисее поздней осенью отца вопреки его воле попасть на фронт отправили в трудармию, в закрытую зону под Красноярск. Как мне удалось узнать позднее, условия там были не лучше, чем в лагерях для заключенных: унижения, болезни, недоедание. Пробыв несколько месяцев на таком «трудовом» фронте, отец, до этого живший как вольный сын реки и тайги, не выдержал и сбежал. Так он стал дезертиром.

Трудармия – особые военизированные формирования, существовавшие в период 1941–1946 годов для выполнения принудительной трудповинности. Мобилизация дееспособных мужчин и женщин шла через военкоматы. Трудармия сочетала в себе элементы армейской службы и почти гугаговского трудового и бытового режима жизни. Главную подпитку в рабочей силе трудармия в Сибири получила в результате депортации поволжских немцев, калмыков и живших на территории Ленинградской области финнов. В Красноярском крае трудармейцы строили военные объекты, объекты НКВД, заводы (кирпичный, гидролизный и аффинажный), занимались лесозаготовками и работали на деревообрабатывающих комбинатах. Строительство аффинажного завода имело особое значение, так как было связано со строительством никелевого завода в Норильске. Шламы, являющиеся побочным продуктом при получении рафинированного никеля, содержали много ценных металлов. На аффинажном заводе из шламов, доставляемых самолетами из Норильска, выделяли платину, палладий, серебро и золото.

По Енисею, скрываясь от людей, по берегу, по воде, по тайге он добрался до острова Елового. По ночам приходил в избушку. Я смутно помню, как его арестовывали. Было это весной 1942 года. Ночь, истошный лай собаки, резкий стук в дверь, потом появление чужих дядей в доме. У одного из них, видимо, был опыт вести дознание, используя детей. Как рассказывала мама, когда меня, четырехлетнего несмышленика, в упор спросил дядя: «Где папа?», я показал рукой на подпол, где прятался отец. Отца избили, приказали быстро одеваться. Спустя 35 лет мне случайно удалось встретиться и поговорить с одним из милиционеров, охранявших арестованного отца. Уже пенсионного возраста, живя в деревне Пономарёво, он

по каким-то делам оказался в Назимово. Обычно, приезжая из Москвы, я не скупился на выпивку. Деревенские мужики добрели, становились словоохотливыми, рассказывали байки и анекдоты. Захмелевший бывший милиционер, узнав, кто я, поведал историю смерти моего отца при его сопровождении в Енисейск. Между селом Назимово и городом Енисейском (около 174 км) сухопутных дорог не было, круглогодичных нет и до сих пор¹. Путь только по воде. Обычно для этого требовалось несколько дней. Весенний ледоход уже прошел, но навигация еще не началась. Пробирались вверх по реке на лодке, работая шестами, бечевой и часто веслами. По берегам еще не везде растаяли ледяные нагромождения. Изнуренного отца заставляли то грести, то тащить бечевой большую лодку, груженую людьми. Он упрямился, его били. На каком-то участке пути он бросил бечеву и попытался убежать в лес. Один из милиционеров его застрелил. Я тогда делал попытку узнать место на берегу Енисея, где было закопано тело отца. Но бывший милиционер, как я тогда понял, говорил не всю правду, чего-то боялся и отказался указать мне место захоронения. Сестра Лена, живущая в Красноярске, в 2009 году делала официальный запрос о судьбе отца в Главное управление внутренних дел по Красноярскому краю. Получила ответ: *«На Ваше заявление сообщаем, что Информационный центр ГУВД по Красноярскому краю сведениями об аресте, осуждении, нахождении в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении, судьбе Беляева Ильи Ивановича, 1902 г. р., не располагает»*.

Официальная информация о том, что отец не был осужден, рассеивала сомнение в правдивости рассказа бывшего милиционера. Юридически отец не был обвинен в дезертирстве. По-видимому, этим объяснялось то, что никто в семье не слышал укора о дезертирстве отца ни от учителей, ни от жителей села, ни от учеников. Как я узнал потом, этот эпизод из жизни бакенщика, жившего на острове Еловом, знали директор школы, руководители сельсовета и колхоза и некоторые

¹ Ныне имеются зимники – автодороги, эксплуатация которых возможна только в зимних условиях, когда замерзают и покрываются снегом река Енисей, многочисленные болота и таежные речки.

жители. В молодые годы при заполнении анкет я писал, что отец умер в 1942 году, находясь в трудармии. Всякий раз меня тяготило, что я не знал об отце всю правду, которая может обнаружиться. Но неправды не было, что подтвердил официальный ответ ГУВД по Красноярскому краю.

Много позже, приезжая в Назимово уже студентом, я расспрашивал об отце тех немногих людей, которые знали его. Он не имел постоянного общения с людьми ближайших поселений, так как постоянно был при бакенах. В Назимово и Сергеево он наведывался только для сдачи пушнины, приобретения охотничьего припаса (пороха, дробы) и кое-какой провизии. Хозяйственное снаряжение, нужное для обслуживания бакенов, и долгохранящиеся продукты питания (мука, соль, крупы и др.) обычно доставлялись сразу на весь период навигации служебным путевым катером.

От Енисейска на север люди добирались до своих мест обитания летом только по воде (пароходом или на лодке), зимой после рекостава по льду на лошадях. В те времена малая авиация над Енисеем еще не работала. Бакенская избушка для многих проезжающих была местом передышки. Память сохранила смутные образы тетушек и дядюшек, сидящих за столом, что-то рассказывающих и угощающих нас то печеньем, то конфеткой, а один раз сыром. Про сыр я хорошо помню потому, что такую еду я пробовал впервые. Она мне не понравилась, я ее отдал собаке. Собака тоже с пренебрежением от нее отвернулась.

Когда наезжали гости, детей укладывали спать вповалку на полу. Был такой случай. Мама для устройства более мягкой постели для ребятишек принесла охапку свежескошенной травы. Сверху на траву постелила какую-то дерюгу. Все легли спать. И вдруг старшая сестра Тоня вскочила и стала с испугом говорить, что под подстилкой кто-то ползает. Когда зажгли керосиновую лампу и подняли дерюгу, то оказалось — змея. Змей в тех местах водилось много: кусачих и некусачих.

Зимой бакенщик должен был выполнять еще одно государственное дело — добывать пушнину. Отец слыл хорошим промысловиком, сдавал много беличьих шкурок, причем вы-

сокого качества. Добыть много белки без толковой собаки невозможно. Поэтому в семье всегда были одна-две сибирские лайки. Мне запомнился кобель по кличке Угадай. Это была хорошая охотничья собака. Отец не боялся с ней ходить даже на медведя. Но пёс признавал только маму и отца. Нас, маленьких, не любил. Старшую сестру Тоню он кусал дважды (были глубокие укусы и тяжелое лечение), меня — один раз (шрам у правого уха ношу до сих пор как наглядную память о той далекой жизни). Как-то ночевали в нашей избушке проезжающие мужчина и женщина. Рассвирепевший Угадай сорвался с цепи и покусал гостя. После этого отец вынужден был застрелить собаку.

Позже при встрече с людьми, которые знали отца, мне приятно было слышать о нем как о толковом бакеншике, умелом охотнике и надежном человеке. Лучше всех знал моего отца Василий Иванович Пынько — отец дорогого для меня Петра Васильевича Пынько, школьного учителя и директора назимовской семилетки. Василий Иванович до войны был лесником, встречался с отцом, хорошо знал его и отмечал его порядочность и благонадежность.

Мама всегда хорошо отзывалась об отце: *«Он меня любил и ни разу не тронул даже пальцем»*. Умел мастерить лодки, сани, лыжи, подвесные люльки — зыбки. Любил играть на балалайке и петь. Слова и мелодии некоторых песен остались в памяти:

*«...Дайте в руки мне гармонию,
Золотые планки.
Парень девушку домой
Провожал с гулянки...»*

* * *

*«... До свиданья, милый скажет,
А на сердце камень ляжет.
До свиданья, до свиданья,
Не забудь мое страданье...»*

Конечно, я не мог не испытать волнения, когда в студенческие годы впервые услышал эти песни в исполнении

хора им. Пятницкого и узнал, что первая написана на стихи М. Исаковского «Провожанье», а вторая является русской народной песней «Разлилась Волга широко».

После отъезда отца в трудовую армию мы продолжали жить на острове в бакенской избушке, и маме всю зиму и весну пришлось самой добывать пищу. Надо было прокормить четверых детей (от годика до семи лет со ступенькой в два года). Пока был охотничий припас — стреляла рябчиков, копылух¹. Однажды зимой мама заметила, что на помойку стали прилетать копылухи. Патронов уже не было. Птицы как будто знали об этом и не боялись. Мама догадалась поставить капканы, привязав их к дереву. Так были пойманы две копылухи. На реке мама ставила под лед морды и ловила рыбу.

Много лет спустя я навещал родные места на острове Еловом. Бакенская избушка все также смотрела на реку, но уже «уволненная» с госслужбы (бакены обслуживал служебный катер). Жила в избушке неприветливая кержацкая семья². Бродил я по широкой поляне, что отделяла избушку от леса, и в памяти всплывали кое-какие картины раннего детства.

Морда (мордушка) — остроумная рыболовная снасть, сплетенная из прутьев тонкого ивняка. Малая конусная корзина с горлом вставляется в большую конусную корзину. Рыба заходит через пасть(хайло) и попадает в узкое входное горло. Внутренняя часть горла обычно обмазывается тестовидной массой для заманки рыбы. Рыба, оказавшись в большой корзине, выйти не может. Сужающаяся часть большой корзины заканчивается отверстием для выемки рыбы. Отверстие закрывается деревянной затычкой. Но иногда острую часть стягивают и завязывают как мешок. Снасть устанавливают в протоках озер, в глубоких ручьях и на реках недалеко от берега. Чтобы не унесло течением, к морде крепится груз, обычно камень. Рыба может находиться в корзине длительное время и быть живой, как в садке. Обычно снасть «смотрят» два-три раза в сутки, вынимая каждый раз по несколько килограммов живой рыбы.

¹ Копылуха (иногда в литературе встречается название копалуха) — сибирское название тетёрки.

² Кержаки — староверы, старообрядцы, бежавшие в Сибирь из Нижегородской, Пермской и Вятской губерний. Название происходит от Керженских скитов, разгромленных в 1720 году.

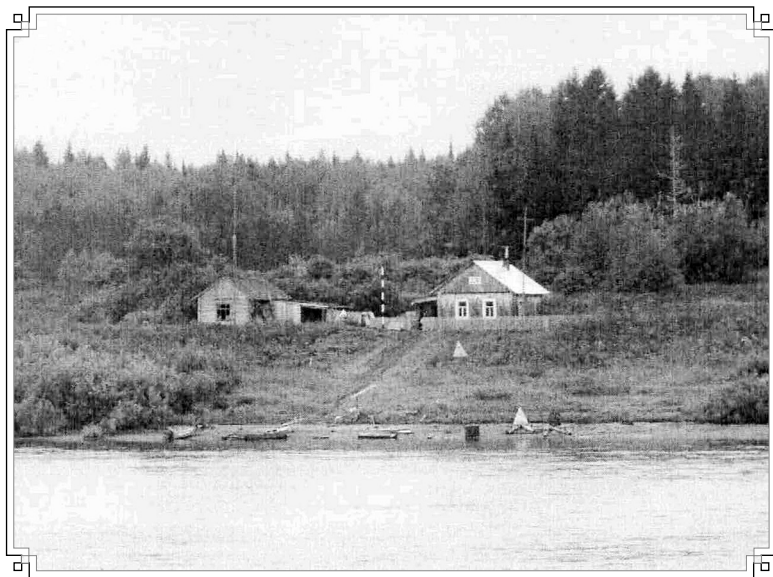
Нельзя забыть первую благосклонность судьбы к еще совсем маленькому человеку. Я тонул в Енисее. У детей это происходит просто. Трехлетний парнишка садится верхом на бревно, каких много прибывает волнами к берегу, отталкивается и довольный плывет. Течение подхватывает бревно и отбрасывает на глубину. Ребенок начинает ручками подгребать к берегу, но ничего не получается. Он сваливается в воду, но хорошо, что держится руками за бревно. Почувствовав беспомощность, начинает плакать. И тут происходит чудо — появляется мама. Она идет за водой, видит тонущего ребенка, бежит, залезает в воду и спасает его.

Была первая, тогда еще совершенно неосознанная, и поэтому не страшная, встреча с медведем, которого мы с мамой потревожили у диких зарослей малинника. Запомнился его толстый зад, медленно уплывающий в высокой траве. Мама не боялась медведей. Чтобы не было неожиданных встреч с таежным хозяином в лесу, она периодически постукивала палкой по ведру.

Памятным был поход с отцом к таежной рокочущей речушке, где отец ставил морду. Поваленное толстое дерево служило мостом, с которого можно было опускать и поднимать из воды снасть. Подняв снасть, отец не обнаружил ни одной рыбины, но зато внутри находился неживой довольно крупный темноватый зверек. Так я впервые познакомился с выдрой, которая любит лакомиться рыбой. В погоне за рыбой она угодила в мордушку, выбраться не смогла и скоро задохнулась, так как в воде долго находиться не может.

Многое, что ребенком пришлось увидеть на острове Еловом, стало генетической памятью. В поздние годы меня всегда тянуло к бакенским избушкам. В год отъезда из Назимово (1952 год) мне удалось побывать с ночевкой в бакенской избушке, что находится на острове Крутовом (от села около 20 км вверх по реке). Хозяином избушки был знатный бакенщик Андрей Пономарёв. С его племянником Андрюшкой мы учились в одном классе и дружили. Отца у Андрюшки не было. Жить у мамы, живущей в Красноярске, Андрюшка почему-то не мог. Вот и жил он у родного дяди, который не баловал

племянника, а приучал быть во всех делах надежным помощником. Андрюшка не подводил и часто выручал дядю даже в досмотре за бакенами. В 1955–1956 годах я учился в десятом классе в поселке Барыбино Московской области. Не знаю почему, но в конце 1955 года именно в Барыбинскую школу был совершен выезд из Москвы «в народ» редакции журнала «Юность», главным редактором которого в ту пору был писатель Валентин Катаев. Вся школа готовилась к приезду «Юности». Мы, ученики, должны были дать свое понимание, свою оценку тематическим разделам журнала. В дни подготовки я внимательно прочитал предоставленные нам материалы одного из номеров. Мне очень понравилась повесть о буднях речников. Я загорелся желанием написать рассказ о бакенщиках Енисея. Рассказ «Бакены» был написан, послан в редакцию «Юность», но напечатан не был. И поделом. Рассказ в литературном отношении был слабым.

Бакенская избушка на берегу Енисея

Глава 2

Село Назимово. Семилетняя школа

*Сажали сотки, стоговали сено,
Сплавляли бревна, корчевали пни...
Всегда однообразно и смиренно
В заботах проходили ваши дни...*

М. Метлицкий

Село-то стародавнее

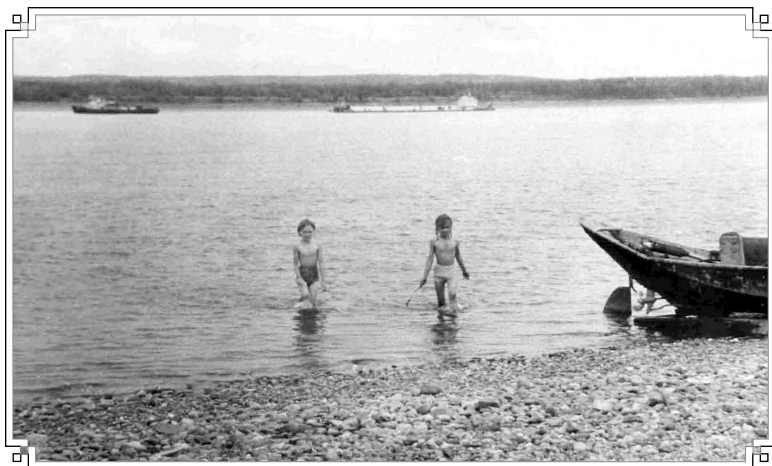
К началу летней навигации маме нужно было освободить казенную бакенскую избушку. С четырьмя детьми она перебралась в начале лета 1942 года в село Назимово. Началась новая жизнь уже в большом селе (в то время около 150 дворов), вытянутом вдоль реки примерно на два километра.

Село Назимово, где прошло мое детство и не успела начаться юность, расположено севернее Красноярска (587 км),

В Законе Красноярского края от 25.02.2005 года «Об установлении границ и наделении соответствующим статусом муниципального образования Енисейский район и находящихся в его границах иных муниципальных образований» прописано: деревня **Назимо-во**, поселки Новоназимова и Сергеево, деревня Колмогорова и так далее. Когда существовала церковь, название село было правомерным. Название сохранялось и в последующие годы, когда церкви уже не было.

В Назимово отбывал ссылку декабрист А. Якубович. Якубович по просьбе ученого А.Ф. Миддендорфа вел метеорологические наблюдения и изучал флору Туруханского края. Миддендорф использовал эти материалы в своих печатных трудах и, несмотря на запрет губернатора, все же упомянул имя политического ссыльного.

В Назимово в семье художника-иконописца родился и провел детство скульптор, заслуженный художник РСФСР Г.Д. Лавров (1895–1991). Учился в Красноярской рисовальной школе (1910–1912), в Парижской академии художеств Жульена и Академии «Гранд Шомьер» у Бурделя (1927–1935). Прожил интересную жизнь, полную взлетов и трагизма. Красным бойцом сидел в застенках колчаковцев и чудом спасся от расстрела. В 1939 году по обвинению в участии в антисоветской террористической организации был арестован и до 1945 года находился в Магадане. С 1945 по 1954 годы жил и работал в Красноярске, Минусинске и Мариуполе. В 1954 году после реабилитации переехал в Москву, где и умер. Творчество Г.Д. Лаврова оставило заметный след в истории отечественной скульптуры. Его скульптуры можно встретить в музеях и на улицах Москвы, Красноярска, Магадана, Мариуполя, Орла и Шушенского.

На берегу деревни Назимово

на левом берегу реки, на достаточно высоком яру, с которого вниз и вверх по Енисею открывается широчайший горизонт, дающий ощущение величественного простора и покоя.

Космонавт, обозревая эти места с космической высоты, должен видеть слева от реки зеленые равнины бескрайней Западно-Сибирской низменности, а справа — горную страну, тянущуюся далеко на восток. Настоящая Сибирь вообще начинается только за Енисеем. Еще немецкий натуралист на русской службе Иоганн Гмелин, путешествовавший в XVIII веке по Сибири, отмечал, что до Енисея его сопровождали обычные растения и животные, и лишь за этой рекой заметно изменяется природа. А.П. Чехов, побывавший на Енисее в 1890 году при путешествии на Сахалин, писал: *«Природа оригинальная, величавая и прекрасная начинается только с Енисея...»*. На восточном и западном берегах Енисея даже птицы разные. В среднем течении Енисея дупель и серая ворона встречаются преимущественно на левом, западном берегу. Зато белая трясогузка и рыжий дрозд обитают на правом.

Поселение Назимово основано в 1631 году знаменитым исследователем Сибири Ерофеем Хабаровым. Первоначально оно называлось Назимовское. Имеются две версии названия. Первая — от зимовья, построенного на этом месте Хабаровым

во время зимовки. Вторая версия — по фамилии богатого купца Назимова, промышлявшего пушниной и рыбой.

В книге «Поездка его преосвященства преосвященнейшего Тихона, епископа Енисейского и Красноярского в Туруханский край для обозрения церквей» (Красноярск, типография А.Д. Жилина, 1890 год) можно прочесть, что *«в селе Назимовском в 1750 году тщицем Енисейского протоиерея Даниила Безлуцкого был построен однопрестольный Богородице-Казанский храм. Храм обнесен деревянною решетчатую оградю, в которой находится здание волостной школы»*. А в книге «Краткое описание приходов Енисейской Епархии» (репринтное воспроизведение историко-справочного издания 1916 года, Красноярск, 1995 год), сообщается, что в *«селе Назимовском имеется почтово-телеграфное отделение. <...>В церкви имеются богатые иконы. Серебропозлащенные ризы на иконах в иконостасе. <...> Над царскими вратами красуется серебряная ... «Тайная вечеря» работы художника Сазикова. <...>При церкви имеется библиотека, в которой насчитывается всех книг 170 томов и журналы религиозного содержания за разные годы. <...>При приходе (село Назимовское, деревни Пономарёво и Остяцкое) насчитывается всего 702 человека мужского пола и 671 человек женского пола¹. Население состоит из коренных сибиряков и отчасти из ссыльных. Все население православное, кроме двух ссыльных католиков. Сектантов и раскольников нет»*.

В Назимовском существовало церковно-приходское училище с трехгодичным курсом, а в начале 1915 года появился фельдшерско-акушерский пункт. До революции Назимовское было селом богатым, через него шли все лошадиные обозы на золотые прииски Северо-Енисейска.

В 1908 году в Назимово жил писатель Вячеслав Шишков, автор романов «Угрюм-река» и «Пугачёв». Свои наблюдения о жизни людей в Назимово и других ближайших деревнях Шишков описал в повести «Тайга». Там можно прочесть: *«Назимово — большое стародавнее село. В Назимово и царские*

¹ Согласно последней переписи в 2010 году, ныне жителей в деревне всего 250 человек. Большая часть населения — пенсионеры. Молодежь не задерживается и по окончании школы уезжает в город.

преступники, и политики жили, и книжка по рукам ходила, и грамоте кой-кто из парней кумекал. Школа была. Там церковь каменная, колокол большущий, есть священник. Торговый человек Иван Степанович Бородулин жил в двухэтажном доме с палисадом».

До революции самым богатым человеком в Назимово был купец В. Евсеев. Он имел няню, горничную, стряпуху. Жил в большом красивом доме, украшенном лепниной. Владел золотым прииском, имел пасеку, 11 лошадей и много крупного рогатого скота. На момент появления колхозов Евсеева раскулачили и сослали в ссылку на север, в Игарку.

В конце 30-х годов (незадолго до войны) церковь была разрушена. Старожилы, которым довелось ее видеть, утверждают, что каменная с конусообразной кирпичной колокольной церковь являлась украшением не только села, но была одной из лучших среди многих церквей, которые существовали в поселениях по Енисею в северных краях.

Церковь, построенная на высоком угорье села, особенно впечатляла своим величественным видом с реки, на удалении. Подплывая на пароходе или лодке с низовья или верховья реки, человек всегда поражался открывающемуся видению: рассеянный куполом церкви божественный свет оживлял все вокруг, и человек, оказавшийся в этом просторном, но глухом и дремучем крае, уже не чувствовал себя одиноким и беспомощным.

Разрушал церковь неместный человек, рьяный коммунист Логинов. Кирпич от церкви был пущен на строительство школы и свинарника. Как рассказывают старожилы, бог покарал вероотступника. Во время грозы его убил разряд молнии. В 1940 году школа сгорела, а позднее сгорел и свинарник. В том месте, где стояла церковь, оставались еще следы разрушенной церковной ограды и несколько мраморных плит на бывших захоронениях. Плиты хранили священную старину и завораживали какой-то таинственностью. Ребятишки любили бывать на территории бывшей церкви. Здесь росли могучие кедры и сосны, черемуха и рябина, когда-то посаженные священнослужителями. Мы наперегонки лазали по деревьям, а в конце лета лакомились дарами природы без боязни, что это у кого-то крадем.

Ссылные немцы с Поволжья

Долго не садился писать. Что-то не ладилось. Почувствовал, что многое забыл, а кое-что плохо знаю. Надо было перечитать старые письма, пообщаться с однокашниками, живущими в Сибири. Появилась потребность больше узнать об истории села Назимово, о сложных судьбах ее жителей. Разве можно не написать про обрусевших немцев, выселенных в первый год войны с Поволжья, про раскулаченных жителей Алтая и Северного Казахстана, про кержаков (староверов), живших уединенно и уклонявшихся от советских праздников и избирательных кампаний.

Большую помощь в собирании материалов и уточнении некоторых фактов оказали живущие в Назимово пенсионерка Мария Александровна Шароглазова (на год старше меня), ее дочь Светлана Римашевская, работающая ныне учительницей в Ново Назимовской средней школе. Им большое спасибо.

Наше село, как и многие другие сибирские селения, явилось приютом для многих народов: немцев, татар, украинцев, литовцев и поляков. Жил в селе даже француз, тишайший и безобидный толстячок, сосланный в Сибирь непонятно за какие деяния. Он на быке развозил по селу воду и молчаливо сносил задиристые усмешки ребятишек, предлагавших для еды лягушек. Людей объединяла общая судьба, общее горе, общие радости, повседневная трудная работа. Это была общность людей, в которой не было разделения на бедных и богатых, не было места национальным разногласиям.

Депортированные с европейской части страны немцы¹ составляли почти третью часть населения села. Пораженные в

¹ Депортация (насильственное переселение) немцев в Северный Казахстан и Сибирь осуществлялась после начала войны в 1941 году из Южной Украины, из Крыма, Волгоградской и Саратовской областей. Только из Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О выселении немцев из районов Поволжья» от 28 августа 1941 года в Красноярский край было депортировано около 75 тысяч человек. В Енисейском районе Красноярского края с 8 по 10 октября 1941 года было размещено 214 немецких семей (970 человек). В Назимово немцы попали после вторичной депортации в 1942 году из южных и центральных районов Красноярского края.

правах, они не имели паспортов и, соответственно, не могли куда-либо уехать. Но пораженными в правах были не только немцы, но и все колхозники, живущие в Сибири, так как они тоже не имели паспортов и тоже не могли покинуть село.

Я рос с немецкими детьми, дружил с ними. Удивительно, но русские ребята никогда с ними не дрались. Да и у взрослых, если и были в период войны недружественные отношения, то со временем конфликтов не стало. Почему мы жили мирно? Я пробовал не раз размышлять на эту тему. Немцы безропотно подчинялись колхозным порядкам, отличались трудолюбием и более высокой культурой быта. В домах и во дворах — чистота и порядок. В подворье — поленицы дров, запасное сено, обязательно водилась живность (коровы, свиньи, куры, у некоторых даже овцы). Среди них не было ни ругани, ни тем более драк. Пьяного немца можно было увидеть редко. Жили скромно, богатства не было (откуда ему было взяться!), не было и зависти. Все это располагало на мирное существование. Немцы при восходе солнца первыми выходили на поля. Бригадиру не надо было по много раз стучать палкой в окошко: *«Нюрка, етит твою мать, выходи!»*.

Вот судьба одной из немецких семей — уважаемой в селе Ольги Карловны Бастер (Конради), ныне покоящейся на Назимовском кладбище. С ее младшим братом Юрием я учился в школе. Теперь хранительницей биографических данных семьи Бастер является внучка Ольги Карловны Горшкова Катя. Присланные мне Светланой Римашевской материалы из Назимово написаны Катей.

По приглашению царицы Екатерины II в XVIII веке предки Ольги Карловны, приехав из неметчины, поселились в Саратовской области в городе Марксштадт (ныне город Маркс). Отец Карл Бастер — немец, мать Мария Ивановна Целуйкина — русская. До революции родители имели добротное хозяйство. Была своя пимокатная мастерская. В 1924 году в семье появился первый ребенок — Карл, в 1925 году — дочь Ольга, в 1935 году — сын Юрий. Семья жила дружно и сытно. Ничто не предвещало беды. Но вот 1941 год, война, все изменилось. Осенью 1941 года поволжских немцев стали де-

портировать в Сибирь. На сборы давали сутки, максимум двое. С собой разрешалось брать только продукты и личные вещи. Выселенцев отправляли на сборные пункты, грузили в товарные вагоны и везли в далекую Сибирь. Ехали долго и мучительно. Так семья Бастер зимой 1942 года оказалась в Красноярском крае, в селе Еловка. Жить было негде. Размещали по квартирам. Семью (пять человек) подселили к семье из трех человек, в одну из двух комнат. В комнате кроме лавок и стола не было ничего. Жили голодно и холодно. Дети не учились. К лету семье выделили участок земли, были посажены картофель, репа, морковь и свекла. Весной 1942 года в трудармию забирают отца и 18-летнего Карла. В августе 1942 года судьба посылает новые испытания. Пришли официальные люди и сказали Марии Ивановне, оставшейся с двумя детьми (16-летней Олей и 6-летним Юрой), быть через 24 часа готовой к новому переселению. Не давая дожидаться урожая с огорода, семью отправили на колесном пароходе «Мария Ульянова» в низовье Енисея. Трюм парохода, специально оборудованный нарами для перевозки спецконтингента, был полностью набит людьми. Высадку в то или иное селение производили группами, по несколько семей. Так семья Бастер и еще несколько немецких семей оказались выброшенными на берег села Назимово. Куда идти? Их здесь никто не ждал. Отвели в клуб, где уставшие и измученные переселенцы провели ночь. На следующий день их стали расселять по домам местных жителей. Не думайте, что жители их встречали с восторгом. Начальство, не спрашивая, приказывало. Принцип был простой. Поселяли туда, где поменьше семья и просторнее дом. Семья Бастер попала к Федору и Анастасии Зотиным. Детей у Зотиных не было, к тому же хозяин был охотником и много времени пропадал в тайге.

Как-то прожили трудную, голодную зиму 1943 года. Следующим пристанищем был заброшенный дом, бывший сельмагом. Мать и дочь Ольга работали в колхозе. На заработанные трудодни в бедном колхозе нормально прокормиться было нельзя.

Своего огорода еще не было. Супы варили из стеблей морковника и борщевика¹. В колхозе существовала рыболовецкая бригада. В засольне Мария Ивановна брала рыбный рассол, с которым был так вкусен отварной картофель.

Летом 1943 года Юре исполнилось 8 лет, осенью пошел в школу. Но обувки не было. «Нагота да босота». До выпадения снега Юра бегал в школу босиком, с ног не сходили чирьи. К зиме добрые люди дали старые пимы. С 1944 года в школе было организовано одноразовое питание (горячий суп). Появились надежды на выживание. Люди помогали друг другу. Несмотря на нужду, вместе отмечали праздники, устраивали посиделки, пели народные песни и танцевали.

В 1951 году образовался укрупненный колхоз «Сталинец»² — объединились Назимовский и Тамаровский колхозы. Спецпереселенцы из поселка Тамарово (раскулаченные русские с Алтая и немцы с Поволжья) вынуждены были перебраться в Назимово. Опять шло насильственное подселение. Но тамаровские рукастые мужики быстро отстроились, заимели свои дома, скотные дворы, огороды. Колхоз после укрупнения стал на трудодни выдавать зерно, сено, а после 1956 года трудодни стали оплачивать даже деньгами.

Отец Карл Бастер, за короткое время ставший в трудармии профнепригодным, был отпущен домой в 1942 году. Но по пути домой он или умер, или погиб — никто не знает. Ждали с нетерпением из трудармии старшего сына Карла. Отпустили его только в 1953 году. Но некогда здоровый парень за 11 лет спецработ стал инвалидом. В 1953 году семье Бастер дали дом

¹ Морковник и борщевик — многолетние травянистые растения семейства зонтичных. Стебли молодого борщевика в сибирских деревнях называли «пучки». В голодные годы ребятишки (да и взрослые тоже) ели с удовольствием дудчатые стебли молодого борщевика. При переедании пучило живот, может, поэтому и такое название.

² В 1957 году колхоз «Сталинец» участвовал во Всероссийской сельскохозяйственной выставке и был награжден дипломом и медалью ВДНХ СССР. Колхоз «Сталинец» просуществовал до 1962 года, а потом был переименован в колхоз «Сибирь» и существует до сегодняшнего дня. По продажам государству молочно-товарной продукции колхоз в соревнованиях по району был постоянно в лидерах. В 1988 году колхоз был награжден переходящим Красным знаменем горкома КПСС, Исполкома райсовета и Райкома профсоюза. Назимовское хозяйство имеет много почетных грамот и дипломов.

с огородом. В это время в селе произошла «промышленная революция» — появились первые автомашина и гусеничный трактор, работающие на березовых дровах.

Ольга стала в колхозе умелой дояркой. Юра после окончания семилетки сначала работал в колхозной конторе, а после появления в колхозе машинотракторной техники, работающей уже на бензине, пересел с конторского стула на сеноуборочный комбайн и стал одним из лучших механизаторов.

Вернувшийся из трудармии Карл, несмотря на инвалидность, был принят на работу в систему Енисейского пароходства и скоро стал авторитетным механиком на служебном катере «Путейский», обслуживающем сигнальные огни для судоходства.

Как выживали сибиряки

На примере кратких историй семей Марии Александровны Шароглазовой и Ольги Ивановны Беляевой можно увидеть, как тяжело приходилось выживать в военные и послевоенные годы в сибирских селах не только ссыльным немцам, но и русским людям.

М.А. Шароглазова родилась в 1936 году и знала военную и послевоенную жизнь не понаслышке. Биографический материал был составлен внучкой Леной Римашевской.

Отец Марии Александровны воевал и пропал без вести в 1942 году. Уже после войны стало известно, что он попал в немецкий концлагерь, где его жизнь и прервалась.

Мама Марии осталась с семерыми детьми. По социальному положению — служащая. Чтобы прокормить большую семью, вынуждена была много работать в колхозе. Уходя на работу, оставляла под подушкой каждому ребенку по кусочку черного хлеба. В хозяйстве была корова. Но служащие, имеющие домашнюю живность, облагались большим налогом. За корову надо было сдавать масло. Настоящего молока почти не видели. Пили обрат. Постоянное чувство голода не проходило. Один за другим умирали дети. Мария чудом ос-

талась жива. Корову содержать было трудно, не хватало корма. Вскоре она почилa при отёле. В 1944 году Мария пошла в школу. Но вынуждена была ходить в первый класс аж четыре осени. Зимой не могла учиться — не было теплой одежды и обуви. Помимо голода, одолевал и холод. Чтобы обогреться и что-то сварить, нужны были дрова. Мать нанимала в колхозе лошадь, брала в помощницы восьмилетнюю Машу, ехала в лес и по пояс в снегу пилила сухостойные лесины. Надо было выжить до весны, до схода снега. При появлении проталин ребятишки оживали, пропадали на полях, искали в земле перезимовавшие колоски, картошку, турнепс. При появлении травы ели щавель, крапиву, пучки. Домашнее хозяйство и колхоз держались на женщинах, детях и стариках. Повзрослеть детям военного времени пришлось рано. Работящих мужчин почти не было.

На колхозных полях выращивали пшеницу, овес, ячмень, рожь, коноплю, картофель, капусту, свеклу, турнепс. Из-за погодных условий нива часто была немилостива к людям. Зерновые часто не успевали созреть и вызвали от студеной утренней инеи. Несмотря на малые урожаи, колхозники все равно не бросали своего исконного дела — упорно растили эти злаки.

Летом пололи сорняки, окучивали картофельные грядки, заготавливали сено, силос. Жали серпами рожь, ячмень и вязали в снопы. Наибольший объем работы приходился на осень. Почти до снега — копка картофеля, уборка капусты, свеклы, турнепса, выдергивание руками конопли. Помимо полевых работ рыбачили неводом. Надо было выполнять план по сдаче рыбы государству. Дети работали вместе со взрослыми. Детский труд оплачивался скудно, но детей кормили и даже выдавали про запас кое-какие продукты. Уклоняющихся от общих работ не было, за этим строго следили.

В перерывах между работой кто пел, кто плакал от усталости, от безысходности, от бессилья, а кто от горя — приходили похоронки. *«Горе скачет, горе пляшет, горе песенки поет»*. Было горе, но оно не превращалось в озлобление. Люди стойко переносили трудности, им помогала вера скорой победы над врагом и надежда на лучшие времена.

У красноярского поэта Ю. Авдюкова есть такие трогательные строчки про то время:

*«Сюда, в Сибирь, не долетали пули,
Но грохот фронтовой нас содрогал...
<...>Лето, сенокосная страда.
Возим волокуши на кобылах.
Будто угли, оводов стада
жарят нас и в спину, и в загривок.
Трудодень, он в мыле весь до пят.
К вечеру качаешься, как прутик.
Крынку молока поставит мать,
да насчет работников пошутит.
Горько так, легко, но без обид,
глубоко печаль под сердце пряча.
У кого болит, тот не кричит,
про себя и стонет тот, и плачет...».*

* * *

*«Темнота. Собачий лай.
Голод и разруха.
Господи, не обрекай
радость на разлуку.
Молодая мать моя
от заботы гнется.
Жутко в доме без огня,
ночь, как думы, вьется.
Будет утро или нет,
осветит ли хату?
Мать вздыхает лишь в ответ —
в чем же виновата?
Нет предела и конца
невезенью, что ли...
Есть победа. Нет отца.
Нет хозяина-творца
в нашем отчем доме».*

Прошло много-много лет. Наш народ гордится победой. Много сделано и делается, чтобы сохранить память о погиб-

ших на фронтах, не забываем вернувшихся с войны фронтовиков. Но так и не дана должная оценка героической роли тылового фронта, подвига тружеников тыла. Экономика страны работала по-военному, и без нее не было бы победы. Основная нагрузка на заводах, фабриках, колхозах, лесозаготовках, шахтах и других производствах легла на женщин, детей и стариков. Сколько из них стали инвалидами, сколько преждевременно ушли из жизни.

На долю многих нынешних пенсионеров, у которых погибли отцы, выпало тяжелое, страшное детство. Александр Блок написал как будто про нас: *«...Мы дети страшных лет России, забыть не можем ничего»*. Печально и совсем несправедливо, что государственное обеспечение пенсионеров таково, что многие из них вынуждены владеть нищенское существование. Ныне Мария Александровна живет в Назимово, имеет инвалидность, приобретенную в борьбе за выживание, получает нищенскую пенсию. Хорошо, что есть дочка Света, внучка Лена, которые помогают ей сохранять оптимизм и побеждать болезненные недуги.

Как складывалась жизнь нашей семьи в Назимово? Сначала мы жили в чьей-то бане. Было очень голодно. Как говорили в старину: *«Придет кручина, как нет ни дров, ни лучины»*. За работу маме давали кое-какие продукты. Как-то ее поощрили порцией ячменя. Запомнилось, как я и старшая сестра Тоня, сидя на банной лавке, с трудом размалывали зерно в чугунной ступе. Не хватало силенок. Мама просеивала, и из так называемой муки пекла на печке вкусные лепешки.

Уже в первый год жизни в селе председатель правления сельпо¹ хвалил маму за ударную работу при заготовке сена и уборке зерновых в поле. Хоть в селе и имелась «техника» в виде конных сенокосилок, но без женской работы косами и серпами обойтись не могли. Сжатые сроки летних работ, да еще жесткий прессинг со стороны районного начальства —

¹ Сельпо — сельское потребительское общество, государственная торгово-заготовительная организация. Сельпо осуществляло розничную торговлю и заготовку пушнины, рыбы, ягоды, кедрового ореха, грибов, черемши и лекарственных трав.

Мама во дворе своего дома

только женщины могли спасти положение. Мужиков не хватало. Шла война.

В конце лета наши жилищные условия улучшились: из бани мы перебрались в дом, где в предоставленной комнате нам было вольготнее и светлее. Зимой мама работала в тайге при заготовке дров. Опять ее хвалили за выносливость, за ловкость, за умение работать топором. Из женщин она была лучшим сучкорубом. Я был еще мал, но уже «взошел в разум» и понимал, что говорили про маму, про ее задор в работе, и гордился ею. Ведь она ежедневно с раннего утра до позднего вечера «одной работой веселилась».

После года разнообразных работ то в колхозе, то в сельпо маме, по социальному положению являющейся служащей, в 1943 году предложили поработать техничкой в школе. Четыре года мама успешно выполняла совсем нехитрые обязанности технички (содержание в чистоте школы и двора, топка печи зимой). Хорошо помню это время. Я и старшая сестра Тоня

активно помогали в уборке помещений, чистке туалетов, расчистке дорог от снега и т.п.

Школе я обязан многим. Учился без труда. Дружил с Виталием Александровым¹, Виктором Штумпфом², Юрием Бастером³, Мишей Никитиным⁴, Яшей Вагнером, Юрой Брюхановым, Иваном Ткачёвым, Андреем Пономарёвым. В выпускной 1952 год аттестаты с отличием и, соответственно, Похвальные грамоты получили Яша Вагнер и я. В те времена Похвальная грамота давала возможность поступать без экзаменов в ремесленные училища и техникумы.

Яша и младший его брат Андрей росли без отца. Яша уже в то время отличался мастеровитостью. Освоил пайку и чинил жителям прохудившиеся кастрюли, ведра и даже чугунки. Работы хватало. Яша не устанавливал плату. Кто как мог, так и благодарил. Как-то в школе был объявлен конкурс на лучшее изделие, сделанное своими руками. Победителем был Яша. Он сумел всех удивить тонкой работой по дереву: была сделана изящная композиция — лошадь, запряженная в сани. Я хорошо это запомнил, так как был обескуражен. Моя лошадка, тоже вырезанная из дерева, никак не могла конкурировать с его произведением искусства. Мне, как «свободному человеку» (из семьи служащих), удалось после окончания семилетки «уплыть» из села и продолжить учебу, а вот очень способному Яше вырваться из села сразу не удалось. Он был принят без экзаменов в Красноярский речной техникум, но из села его не выпустили. Пришлось несколько лет работать в леспромхозе (зимой) и в колхозе (летом). Только во времена Хрущева

¹ В. Александров после окончания семилетки остался жить в деревне. Работал завклубом. Хорошо играл на баяне. Жил по-доброму, миролюбиво. Рано ушел из жизни, не дожив даже до 45 лет. После себя оставил двух сыновей и дочь.

² В. Штумпф после окончания семилетки остался жить в деревне. С младшим братом Юрой «срубил» много домов в Назимово и НовоНазимово. Хороший печник. Имеет трех взрослых сыновей и семерых внуков.

³ Ю. Бастер всю жизнь работал в колхозе: счетоводом, трактористом, механизатором. Работящий, добрый, незлобивый. Семью так и не заимел. Много помогал племянникам по хозяйству, да и часто выручал деньгами.

⁴ М. Никитин умер в 2008 году, похоронен в Санкт-Петербурге. После Назимовской семилетки окончил Красноярский финансово-кредитный техникум и Ленинградский финансовый институт. Много лет успешно работал в Эфиопии (советник-консультант от Госплана СССР по планированию промышленности).

(спустя четыре года), Яша смог уехать на Урал к родственникам. Окончил индустриальный техникум и работал в городе Ижевске мастером, прорабом и начальником участка. Мы с ним переписывались. После «потепления» в мире Яша с женой и двумя детьми уехал в объединенную Германию. Связь прервалась, о чем сожалею.

Техничкой в школе мама проработала до 1947 года. Мне уже было 10 лет. Жилось трудно. Голодали все, а нашей семье с четырьмя детьми было особенно тяжело. В это время мы уже жили в доме набожного деда Трубчанинова, которого председатель сельсовета «уговорил» сдать нам комнату. С дедом жила его дочь и внук Володька (12 лет). Володька, слывший у взрослых оболтусом и хулиганом, часто проникал в нашу кладовку через крышу (умудрялся раздвигать плахи) и уворовывал даже то небольшое из еды, что маме выдавали за работу.

Нас спасал огород. Маме был выделен участок земли около десяти соток, где мы выращивали картошку, морковь, свеклу, репу, турнепс. Картошки накапывали по 20-30 мешков. Ее хватало на всю зиму. Хранили картошку в погребе, или, как у нас говорили, в ямке. Дед Трубчанинов выделил нам сусек в своей просторной яме.

Несколько слов о ямах, которые имел в селе каждый хозяин. Ямы располагались на задах двора, в огороде. У хорошего хозяина они имели навесы от дождя и снега. Ямы делались такой глубины, что спустившийся по лесенке человек мог в ней ходить, не задевая головой перекрытие. Грунтовые воды находились достаточно глубоко (десятки метров). Верховая вода в ямку тоже не просачивалась, так что ямы оставались сухими даже при сильных дождях. Зимой в ямах хорошо сохранялись картофель и овощи (морковь, свекла, репа, турнепс), а также соленья (капуста, огурцы, грибы, черемша). С весны в ямах держали лед, который хоть и таял летом, но очень медленно. Это позволяло в ямах хранить летом молочные, мясные и рыбные продукты.

В сельмаге хлеб, сахар, крупы, мука выдавались по карточкам. Мясо и сливочное масло не продавались, их колхоз сдавал государству. Иногда в сельмаге продавалась свежая, только что выловленная в Енисее рыба. Эту некондиционную

рыбу (мелкие окуни, ельцы, пескари, ерши) сдавала в сельпо колхозная рыболовецкая артель. Хорошую рыбу артель отправляла в Енисейск.

Многие жители держали коров и другую живность. Излишки молока, масла и мяса продавали тем, у кого коров не было. Хлеб в сельмаге был каждый день, но всем не хватало, пекарня делала одну выпечку и в сутки выдавала около 120 буханок. Были лимиты на муку. Иногда делали две выпечки. В такие дни в деревне был праздник: можно было купить буханку черного (ржаного) и буханку белого. Но очередь надо было занимать с раннего утра, а иногда и с вечера. Рано утром до открытия сельмага очередь проверялась. Отсутствующих вычеркивали. Нас, ребятишек, родители отсылали к магазину с вечера. Иногда дежурили всю ночь. Около магазина некоторые ребята, прислонившись к заплоту, крепко засыпали прямо на земле. Вспоминается все это как романтические приключения. Озорничать мы не переставали. Одному приятелю, когда он крепко заснул, я разрисовал древесным углем всю физиономию. Было много смеха, когда он, разбуженный под утро, ничего не понимая, пытался найти свою очередь.

Следует заметить, что все немцы в селе имели имена русские, а фамилии немецкие: Володя Шеффер, Юрий Бастер, Федор Адольф, Виктория Браун и другие. С Виктором Штумпфом из многодетной семьи (мать и еще четверо детей) мы не раз подкапывали лазы под колхозные склады, где можно было насобирать полные карманы ячменного зерна, просыпавшегося на землю сквозь щели пола. Виктор любил лошадей и пропадал на конном дворе. Конюх (из немцев) часто давал Виктору лошадь покататься. Виктор не забывал меня. Скоро и я стал лихим наездником. Видя, что мы неплохо управляемся с лошадьми, конюх стал нам доверять разминку застоявшихся в конюшне лошадей, но не диковатых, а объезженных и не уросливых. Мы галопом без сёдел (при таком беге меньше набиваешь мозоли на заднице) скакали в дальние ромашковые и саранковые¹ поля, а на обратном пути купали лошадей в «кир-

¹ Саранка – лилия кудреватая, многолетнее луковичное растение высотой 30–150 см. Съедобная луковица имеет диаметр до 8 см.

пичном» озере (есть за огородами такое озеро с теплой, мягкой водой, но с пиявками), да и сами вдоволь набулькивались, как утята. Так что были и у нас счастливые минуты.

С Мишей Никитиным, который рос без отца, нас сближала рыбалка перемётами. Миша в этом деле преуспевал. У него всегда были крючки и три-четыре перемёта. Он не жадничал и часто делился не только крючками, но и перемётами.

С Виталькой Александровым (тоже рос без отца) нас сближало увлечение ловлей деревенских ласточек. Почти в каждом сельском доме гнездились воробьи и ласточки. Воробьи жили как-то проще, особо не таясь людей. В жизни же ласточек было больше загадочного. Они, как и воробьи, тоже тянулись к людям, но вели себя не назойливо, стараясь людям не мешать. Загадочная тяга к стрижам, особенно к ласточкам-касаточкам, у нас носила несколько жестокий характер. Поймать быстрокрылую длиннохвостку было непросто и вызывало чувство гордости. Продержав красавицу сутки-двое в клетке, убедившись, что она не поддается приручению, мы ее отпускали на волю.

Как мы их ловили? Делалось приспособление, называемое «пушок». Бралась обычная швейная нитка (лучше десятый номер) длиной около 15 см, к одному концу привязывался грузик (для этого использовался удлинённый камешек), к другому концу — белое пушистое перышко, которое всегда можно было найти в курятнике. Такой «пушок» бросался на дорогу в грязное место, откуда ласточки брали материал для лепки своих гнезд. Как правило, «пушок» долго не лежал. Чаще всего его хватали стрижи, реже ласточки-касатки. Летает ласточка, переваливаясь с одного крыла на другое, и грузик на нитке запутывает крылья. Ласточка не падает камнем, а куваясь, все-таки садится на лапки. Нужно быстро подбежать и накинуть на нее тряпку (обычно рубаху).

Из спортивных увлечений в селе в то время были только лапта, городки и бабки. В лапту играли мячами, скатанными из коровьей шерсти. Покупных мячей не было. Я любил эту игру. Меня даже брали в команду более взрослые ребята, что мне льстило. Если у меня не получалось сделать битой «свеч-

ку» аж до облаков, как это делали взрослые ребята, зато салить меня было непросто. Увертываться от мяча мне помогали ловкость и быстрый бег.

Было у мальчишек еще одно спортивное соревнование, скрытное, не для трибун. Выявлялся победитель по дальности пуска струи при писании. Это дело тоже требовало смекалки. Чтобы победить, надо было не только сильно напрячь мочевого пузырь, но и правильно выбрать угол струи. Тогда мы еще не знали, что дальность полета какого-либо предмета, брошенного под углом к горизонту, наибольшая при угле 45 градусов. Выигрывал тот, кто интуитивно правильно сочетал несколько факторов. Главным все-таки был физиологический фактор. Но это не значит, что побеждал всегда один и тот же. Все-таки происходила смена победителя.

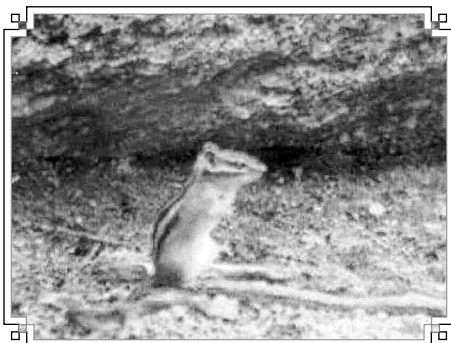
В сенокосную (летом) и уборочную (осенью) страду сельские ребяташки активно помогали взрослым. При заготовке сена мы лихо подвозили копны к местам стогования, сбивая до крови задницу на хребтастых кобылах. При молотье мне нравилось подсовывать снопы в жующую пасть молотилки, приводимой в движение лошадкой, понуро шагающей по очерченному кругу и видящей мир одним незашоренным глазом¹. На этих работах к вечеру уставали все. А утром, преодолевая ломоту в теле, а иногда и боль, надо было снова выходить трудиться и не показывать свои слабости.

В 1948 году весной все ребята школы были мобилизованы на выполнение плана по добыче бурундука. Конечно, план по пушнине выполняли профессиональные охотники и делали это только зимой, в разрешенный для охоты период, когда мех соболя, белки, колонка, лисы и других зверушек становится высокоценным. Но вот в части выполнения плана по меху бурундука были проблемы. Профессиональным охотникам было несолидно заниматься ерундовым делом, тем более что стоимость шкурки бурундука была очень низкая.

---

¹ Для того чтобы лошадь (особенно пугливая) не смотрела по сторонам и не сбивалась с круга, на уровне глаз прикрепляют боковые наглазники – шоры. Часто такие шоры закрепляют только с одной, внешней стороны.

Сибирский бурундук — симпатичный маленький зверек с длиной туловища до 15–18 см, хвостом до 10–14 см и довольно коротким мехом красно-или серо-бурого окраса. Вдоль спины пять темных полос, разделенных белыми или серыми полосами. Относится к отряду беличьих, но отличается от белки образом жизни: всю зиму спит в норе. После зимней спячки у бурундуков ранней весной начинается брачный период.

И вот на ловлю этого невинного зверька были брошены ребяташки. Каждому выдавалась снасть, заготовленная стариками: свистулька из ивового прутика и длинная палка (подобие удилища для ловли рыбы) с петлей-удавкой на конце, сплетенной из нескольких конских волосков. В лесу, в тех местах, где любит обитать зверек (валежник, буреломы), надо было сесть на какое-либо упавшее дерево и с помощью свистульки изображать позывной свист самки-бурундука. Через некоторое время можно было сначала услышать «цыканье», а затем и увидеть одного, двух и даже более зверушек-самцов, ищущих желанную подругу.

Самый доверчивый и безрассудный мог даже залезть на спину. Менее суетливый мог усесться на задних лапках в полтора-двух метрах и внимательно осматривать тебя черными выпуклыми глазками. Но такому грозит беда. Ты медленно опускаешь ему на шею петлю. От любовной тоски зверек теряет осторожность. Петля его не пугает, он ее шупает, нюхает, ищет любимую. Делаешь рывок вверх, и зверек пойман. Все остальные убегают. Придушенного пойманного зверька кладешь в сумку и начинаешь опять свистеть, чтобы все повторить. Но поймать зверька было непросто. Делалось много безуспешных попыток. Все-таки не всякий зверек жаждал попасть в петлю. За одну вылазку в лес мне не удавалось поймать

больше десяти бурундуков. Поймать больше десяти удавалось немногим.

В последующие годы такая ловля бурундуков была отменена. Что послужило причиной, не знаю. Или организаторы этой затеи увидели в ней нежелательный воспитательный момент, или сыграла роль низкая эффективность метода ловли, а может районная контора по заготовке пушнины додумалась вообще отменить план по меху на этого зверька. Последний фактор более вероятен. Сколько же надо иметь шкурок этого малого зверька, чтобы сшить шапку даже для мальчишки.

Два раза мужики брали меня в тайгу «делать кедровый орех». Хотя и было мне 12–13 лет, но я шустро лазал по деревьям и мог палкой сбивать шишки, забравшись на высокий кедр. Обычно мужики добывали шишку, сотрясая дерево с помощью специальной колотушки — «колота» (толстая длинная слега с закрепленной на конце чуркой). Но при толстом стволе сбить всю шишку не удавалось, и тогда подключали меня. Ловкость и малый вес позволяли мне доставать шишку не только на самой верхушке, но и на длинных толстых ветках. Мужики из тайги обычно выносили чистый кедровый орех. Для этого с собой в тайгу брались нехитрые приспособления, позволяющие делать три операции: перемалывать шишку (самая трудоемкая стадия), просеивать орех с шелухой через веялку-решето и, наконец, отвеивать легкую шелуху на ветру. Какая была радость в доме, когда я приносил полмешка чистого ореха. Но при этом мне приходилось долго отмывать как одежду, так и самого себя от очень липкой кедровой смолы. Волосы же на голове превращались в колтун — долго нельзя было расчесать.

Существовал в те времена и дикий, варварский способ добычи кедрового ореха. Толстое дерево колотушкой не встряхнешь, залезть же на него — требуются ловкость, сноровка и смелость. А если этого нет, а есть лишь грубая сила, пила и топор, то могучий кедр валили и обирали. Конечно, старались делать это скрытно (тайга большая) и умалчивать про свои деяния. Местные жители, в большей своей части, осуждали эти «подвиги». Власть же с этими браконьерами ни-

как не боролась. Мне в сибирской тайге не раз приходилось видеть такие загубленные кедры не только в детские годы, но и в более поздние времена (70–80 годы).

Что важно отметить? Не только в Назимово, но и во многих селениях Сибири на протяжении многих десятков лет сложился такой уклад жизни, при котором жители умели выживать в условиях минимальной помощи со стороны государства. В селениях было немало мастеровых людей: плотников, бондарей, кузнецов, печников, сапожников, скорняков, пимокатчиков и так далее. Люди сами строили дома, изготавливали телеги, сани и охотничьи (камусовые) лыжи, мастерили снасть и ловушки для рыбалки и охоты, из древесины делали лодки, бочки, вёдра, кадушки, ушаты и прочее. От гнуса и комара умели мастерить головной убор — накомарник. Сетку или «личинку» ткали из конских волос. Сельмаги были далеки от изобилия продуктовых и промышленных товаров. Хозяйство больше было натуральным. Жители содержали скот, птицу, выращивали картофель и овощи, заготавливали квашеную капусту, ягоды, кедровые орехи, соленую рыбу, соленые и сушеные грибы. Брусника и черемша заготавливались впрок в больших количествах — отличная энергетическая и витаминная подпитка в период весеннего авитаминоза. Даже такие хозяйственные товары, как известковая побелка, дёготь, смола, в село не завозились, а заготавливались на месте.

Например, как получали дёготь? Размельчали кору (с берестой), содранную с толстых старых берез, закладывали в довольно глубокую яму (больше метра). Кучу коры обмазывали глиной, оставляя отверстие для вытекания дёгтя. Сбоку и сверху разжигали огонь. В яме делали подъямок, куда ставили ведро для собирания дёгтя. После почти суточного костра со дна ямы уже можно было доставать дёготь.

А вот как делали известь для штукатурки и побелки стен в домах. На берегах Енисея, усыпанных множеством камней, при старании можно было найти известковый камень (известняк). Тут же, на берегу, делали яму, сооружали костер и обжигали известняк. Пережженный известняк гасили водой и получали гашеную известь.

Любил я бывать в кузнице, стоящей на задах деревни, в скрытом месте. Кузнечная работа в селе была в почете. Я мог часами смотреть, как оживает и разрастается в горне синий огонь, раздуваемый самодельными мехами, как веером рассыпаются с наковальни горячие искры, как под молотом ползет, мнется мягкое железо, приобретая по задумке молотобойца ту или иную форму. Обычно работал один кузнец, но в периоды аврала — два кузнеца. Они, как мне казалось, могли делать все, что нужно было для домашнего и колхозного подворья. Гнули для плугов отвалы и лемеха, рубили для них «носы», делали бороны и косы, оттягивали топоры, сковывали лопаты и тяпки, ломы и багры, оковывали телеги и сани, делали фигурные подковы, костыли и даже гвозди. Без кузницы не могла быть сделана ни телега, ни та колхозная техника, с помощью которой на конной тяге обрабатывалась земля, убирались зерновые и заготавливалось сено. Какую же великую роль играли кузницы в жизни любого российского поселения! А какие были мастера-кузнецы! В 2007 году я, оказавшись с туристической поездкой в городе мастеров Павлово-на-Оке, был приятно удивлен, увидев оригинальный памятник кузнецу: бронзовый жилистый дядя только что выковал на наковальне подкову и показывал ее всем проходящими мимо гражданам.

На протяжении многих лет, живя в Москве, я поддерживал дружеские отношения с однокашниками Юрием Брюхановым и Иваном Ткачёвым. Мы переписывались. По приезду в Назимово у меня всегда была мужская поддержка как в делах (починка дома, заготовка дров на зиму), так и отдыхе (рыбалка, охота). Я не забывал привозить из Москвы дефицитные запчасти к лодочным моторам, иногда помогал Юре Брюханову в заготовке на зиму сена, поэтому помощь не была односторонней.

Иван Ткачёв с женой Лидой (немкой) жили в поселке Новоназимово, образовавшемся в 60-х годах в 10 км от Назимово (ниже по Енисею) на базе леспромхоза. Иван был заядлым охотником и рыболовом. Даже в новом поселке, где на реке была запань, ежедневная суета и, соответственно, шум и гам, он умудрялся самоловом ловить осетра и стерлядь. Контроль

со стороны рыбоохраны был жестокий, поэтому смотреть са-моловы, опущенные на дно, рыбаки плавали ночью. На реке с Иваном и произошел трагический случай. В темень на моторке, будучи под хмельком, налетел на боны или топляк, лодка перевернулась. Обо что-то ударившись головой, Иван потерял сознание и утонул. Труп был найден через несколько дней. С трезвым Иваном вряд ли бы это случилось.

Рано ушел из жизни и Юра Брюханов, старше меня на два года. Окончив Красноярское речное ремесленное училище, он какое-то время плавал на судах по Енисею механиком. Женившись, бросил якорь в Назимово, завел хозяйство (корову, поросенка, кур). Пройдя обучение на курсах в Енисейске, освоил профессию монтера. Профессия — очень ответственная и сложная для сибирских слабообжитых территорий. Телефонная и телеграфная связь между селениями по Енисею, друг от друга удаленными на 30—50 км, осуществляется по проводам. В непогоду, когда валятся деревья и заодно с ними и телефонно-телеграфные столбы, монтеру нужно уметь оперативно добраться до нужного места (зимой — на лыжах, летом — по лесу пешим ходом или на лодке по воде), поставить деревянный столб, натянуть провода и обеспечить связь.

Меня и Юру с детских лет объединяло многое: жили по соседству, часто вместе рыбачили, охотились. Не могу не описать один несчастный случай, произошедший в пору, когда мне было двенадцать, а Юре четырнадцать лет. Мы возвращались с охоты. Вышли из леса в поле и подходили к верхней части села. Трофеев не было. В поле нам повстречались два хлопца. Один из них был мне ровесник, другой года на три меньше. И вот старшой стал задираться, говоря что-то обидное про никудышных охотников. Тогда Юра снимает с плеча ружьё, нацеливается на хлопцев и говорит, что сейчас их подстрелит. И действительно раздался выстрел. Старшому дробью изрешетило плечо, у меньшого, который выглядывал из-за плеча, было поражено ухо и верхняя часть головы. Ребят срочно пришлось везти в Енисейск, где их удалось вылечить без последствий.

Какой же урок на всю жизнь! Были забыты важнейшие наставления взрослых. Первое — когда выходишь из леса, обязательно вынь из ствола (или стволов) патрон (патроны) и положи в патронташ. Второе — никогда не целся в человека, даже если ты уверен, что ружье не заряжено. Даже теперь, когда я стал дедом, меня берет оторопь при виде мальчика, наставляющего на меня игрушечный автомат и строчащего «тра-та-та, тра-та-та...».

Юра, естественно, не ожидал выстрела и был напуган настолько, что, бросив ружье, убежал в тайгу. Не приходил в село несколько дней. Вздурораженные происшедшим, жители организовали его поиски. Вскоре он был найден, но боялся возвращаться. Пришлось его в село приводить силком.

С Юрой мы часто рыбачили ельцовкой, «подергушкой» (во время окуневого жора), реже неводом и самоловом. Как-то в один из очередных приездов в Назимово в первый же вечер Юра пригласил меня сплавать «на самолов». В то время отчаянные рыбаки ставили самоловы вопреки всем запретам. Как правило, с помощью «народного радио» рыбакам всегда было известно, где находится районный рыбнадзорский катер и можно ли рисковать в данный момент.

Был поздний темный вечер, и на малой скорости шумной «моторки» мы поплыли. При свете удаленных звезд, ориентируясь по чуть видимым на берегах метам, плывая туда-сюда поперек течения, надо было зацепить «кошкой» рыболовную снасть, уложенную на дно. При второй попытке зацеп удался. Как только Юра стал подтягивать снасть к лодке, то сразу почувствовал большую рыбину. Осетр не успел замориться и сильно мотал снасть. Осторожно выбирая тетиву с острыми крючками и цепляя их за борт лодки, Юра старался не ослаблять тетиву. Неопытный рыбак в борьбе с большой рыбиной может и сам оказаться жертвой — попасться на крючки, да еще и вывалиться за борт. Такой случай на Енисее описан в превосходном повествовании Виктора Астафьева «Царь-рыба». Когда в темной воде блеснул острый хребет длинной спины, Юра ловким движением подцепил под водой рыбину острым багорком и вбросил в лодку вместе с опутав-

шей ее снастью. Удача! Юра был доволен: *«Плавайшь, плавайшь, не везет, а вот ковды и повезет»*. Показывал на меня и говорил, что это я удачливый. Утром при взвешивании оказалось двенадцать килограмм. К этому времени у Юры уже была большая семья — жена Галя, дочь Лариса, сыновья Володя и Саша, старенькая бабуся. Рыбу ели не каждый день. С уловом повезло еще и потому, что Юра очень хотел меня угостить свежей осетриной.

Юра Брюханов был щедрым, добрым и веселым человеком, умел шутить, балагурить, много знал побасенок, разных небылиц и анекдотов. С ним не было скучно. Он любил озадачить неожиданной загадкой: «С когтями — а не птица, летит и матерится», «У какого молодца вечно капает с конца», «Сунул голыш в мохнатку и тепло», «Много мяса, мало дров» и т.д. Когда кто-то делал неудачную попытку отгадать загадку, подразумевая в ней непристойность, Юра хитро улыбался и укорял за срамные мысли, хотя его подборка загадок всегда имела потаенный грешный смысл. Например, «голыш и мохнатка» — это оказывается рука в рукавице, а «много мяса, мало дров» — это деревянная заноза в попе.

У Юры была запущенная болезнь — язва желудка. Он не берегся. Но как убережешься при большом хозяйстве! Помимо частого надрыва на физической работе Юра еще и злоупотреблял алкоголем. Так и нагрянула преждевременная смерть.

Несколько лет мы жили по соседству с Юриными родными бабушкой и дедушкой, у которых какое-то время жил Юра. Бабушка Евдокия Ивановна (баба Дуня) и дедушка Михаил Никитич Тарбаковы были в селе знатными, заслуженными старожилками.

Большой род Тарбаковых заслуживает отдельного описания. Было бы справедливым описать жизнь не только Евдокии Ивановны и Михаила Никитича, но и воздать должное Гавриле Никитичу (брату Михаила Никитича), который несколько лет содержал пасеку при колхозе и часто угощал медом сельских ребятишек. Благодарных слов заслуживает Александр Михайлович (сын Михаила Никитича), который много-много лет возглавлял почту и сделал ее образцовой в масштабе района.

Надеюсь, что кто-нибудь из нынешнего молодого поколения Тарбаковых решится на это благородное дело и оставит память потомкам об этих заслуженных сибиряках.

Я любил бывать в гостях у бабы Дуни, она меня подкармливала, а я посильно помогал по хозяйству (бегал в магазин, приносил с реки воду и прочее). А какой радостью для меня были поездки на рыбалку, чаще всего с бабой Дуней, так как у Михаила Никитича постоянно болела спина. Рыбачи-

*Мама (слева) и баба Дуня
(Евдокия Ивановна), 1959 год*

ли мы сетью «ельцовкой»¹. Своей сети у нас не было. Я был ловким и уже многое умел. А требовалось от меня совсем нехитрое дело — тащить бечевой лодку и иногда грести вёслами. Удачную рыбалку обеспечивала баба Дуня. Она всегда знала, куда в данный вечер лучше поплыть, чтобы быть с рыбой. Помнила все коварные места, где были задевы (подводные камни или коряги) и можно было порвать сеть. Я не припомню ни одного случая, чтобы с бабой Дуней у нас была неудачная рыбалка. Мы за один вечер привозили по три-четыре ведра рыбы. Всякий раз баба Дуня улов делила строго пополам.

Е.И. и М.Н. Тарбаковы всю жизнь работали бакенщика-ми на Енисее. Баба Дуня говорила, что на бакенах им пришлось «мантулить» больше тридцати лет. Но были они известны (и не только в Назимово!) еще и тем, что в ноябре 1916 года в доме Михаила Никитича несколько дней жил И.В. Сталин,

¹ Ельцовка — специальная наплавная сеть собственной вязки для ловли ельца и тугунов.

Мантулить – выполнять тяжелую неблагодарную работу. В 70-е годы я делал попытку в райсобесе города Енисейска разобраться с низкой пенсией, выплачиваемой Е.И. (220 рублей). На мой письменный запрос, в котором я делал ударение не только на большой стаж, но и на высококвалифицированный труд указанных бакенщиков, был получен официальный ответ, что труд бакенщика относится к ручному и малоквалифицированному. Так что труд бакенщика действительно оказался неблагодарным.

как тогда говорили «бежавший из Туруханской ссылки». Сталину понравился Михаил Никитич, который в селе считался грамотным (три класса церковно-приходской школы), интересовался политикой, умел играть на гармошке и хорошо пел. На память Сталин подарил Михаилу Никитичу фотографию. Когда в студенческие годы мне об этом рассказывали Тарбаковы и показывали фотографию молодого Сталина (с красивым чубом), я молчаливо внимал, но не верил. Бежать зимой из Курейки в Красноярск можно было только по Енисею. Миновать населенные пункты (станки), расположенные друг от друга на расстоянии 30–50 км, было невозможно. В станках усердно несли службу местные урядники, в задачу которых входило отлавливание беглых. К тому же откуда у бежавшего из глухой ссылки Сталина могла появиться фотография? Однако в более поздние годы, ознакомившись с материалами, описывающими подробности Туруханской ссылки Сталина (например, В. Швейцер. Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщицы. М., 1940 г.), я перестал сомневаться в правдивости рассказа Тарбаковых. Село Назимово тогда насчитывало более 600 жителей. Было в селе около десятка лавок и лавчонок, несколько кабаков и даже своя фотомастерская. Было много конюшен. При большом постоялом дворе имелись ночлежка и кабак.

Существенным фактом оказалось то, что Сталин не бежал из ссылки, как это трактовалось, а был отправлен из Курейки в Красноярск в сопровождении урядника для отбывания воинской повинности, так как в октябре 1916 года распоряжением царского правительства была объявлена мобилизация всех административно-ссылных. Сталин чувствовал себя почти на свободе и не подчинялся местным урядникам. До

Красноярска Сталин ехал два месяца (ноябрь и декабрь) сначала на оленях и собаках, а после Назимова на лошадях. По несколько дней останавливался в селениях, где встречался с местными ссыльными.

«Беляевский» хлеб

В 1947 году маме было сделано предложение стать пекарем. Как я узнал позже, были две кандидатуры. Но выбрали маму. Она отличалась хорошим здоровьем, трудолюбием, а главное, что, видимо, было замечено, опрятностью и чисто-плотностью.

После того, как мама стала пекарем, в семье исчез голод. После каждой выпечки пекарю разрешалось брать из пекарни (минуя магазин) одну буханку хлеба. Помимо этого мы могли, как и все, получать хлеб по карточкам в магазине.

Спустя много лет, приезжая в Назимово, мне приятно было видеть, как проплывающие мимо суда (грузовые теплоходы, самоходки, катера) бросали якоря, спускали шлюпки, плыли к берегу, шли к магазину и спрашивали «беляевский» хлеб. Мама прославилась тем, что умела из обычной пшеничной муки печь запашистый, духовитый, вкусный наливной хлеб. Особенно вкусным хлеб удавался из крупчатой муки. Когда я позже пытался выведать у мамы секреты выпечки вкусного хлеба, она отвечала: «Никакого секрета нет, просто надо любить свою работу». Как просто и правильно! Печь хлеб мама действительно любила, делала это добросовестно и со всем тщанием. Но секреты все-таки существовали. Про некоторые из них мне рассказали сестры Валя и Лена, много помогавшие маме в пекарне и не раз заменявшие ее во время отпуска.

Главное — это всегда иметь хлебную закваску и перед новой выпечкой готовить свежие хлебные дрожжи¹, при этом соблюдая большую точность и внимание. Закисающая закваска делалась из теста, специально приготовленного из ржаной

¹ В те времена в селе не было тех дрожжей, которые сегодня есть в продаже. Следует заметить, что на нынешних покупных дрожжах пышный хлеб не получишь.

и пшеничной муки в отдельной небольшой квашне. Это тесто должно было простоять при определенной температуре не менее суток. Обычно пекари с целью экономии времени стараются хлебные дрожжи готовить заранее и сразу много. Но при заквашивании на старых дрожжах хороший хлеб не получится. Квашни перед новым замесом всегда тщательно мылись. Строго отслеживался временной график всех операций.

Очень важно было правильно протопить печь. Смешанные (березовые, сосновые, еловые и другие) дрова не годились. Дрова должны были быть однородными и иметь одинаковые размеры. Я часто готовил такие дрова, раскалывал толстые поленья на тонкие и одинаковые. Нестандартные поленья, тем более с большими смолянистыми сучками, не годились, их мама браковала. Закладка дров в печь производилась по строгим правилам. Все пространство печи должно было прогреваться равномерно. Тогда и формовой хлеб мог пропекаться одинаково по всей печи. Очень важно было определить момент готовности хлеба. Были и другие тонкости, которые знала только мама. Как говорится, «одна мучка, да не одна ручка».

Председатель сельпо иногда заказывал маме изготовить брагу для продажи. Жители села брагу любили и почти все умели ее делать. Это был ходовой напиток. Но его всегда не хватало. Мамина брага пользовалась большим спросом, так как отличалась вкусом и крепостью. Приготавливалась она в деревянном пузатом бочонке на 40–50 л с круглым отверстием (диаметром 30–40 см) посередине боковой стороны. Дырка плотно затыкалась деревянной затычкой и обмазывалась тестом для герметичности. Варились дрожжи с мукой и обязательно с хмелем. В бочонок заливалась теплая кипяченая вода. Традиционный сахар иногда заменялся конфетами из карамели (с фруктовой начинкой): их завозили в село в деревянных ящиках и при летней доставке самоходкой по реке конфеты приобретали вид слипшейся массы. В продажу такой продукт не годился, но браге он придавал особый изысканный вкус. Закладка конфет производилась дважды. Бочонок должен был лежать на боку и в теплом месте. Процесс брожения шел около

двух недель. Вся муть оседала на дно. После охлаждения и процеживания брага имела почти прозрачный вид.

В шестидесятых годах спрос на «беляевский» хлеб существенно возрос, его все время не хватало, хоть и делали уже в сутки по три выпечки летом, по две — зимой. У мамы уже были помощники: сначала две, а позднее — три женщины. Сутились с рассвета до вечерних звезд на небе. Надо было самим колоть дрова, просеивать муку, готовить хлебные дрожжи, месить тесто, закладывать в формы, топить печь, отслеживать процесс самой выпечки, тщательно все промывать и так далее.

Авторитет у мамы был высокий. К ней приезжали консультироваться пекари даже с других селений. С общим стажем работы почти в сорок пять лет она в 65-летнем возрасте ушла на пенсию. Уже были проблемы со зрением (катаракта), донимала гипертония, да и былых сил и сноровки уже не было, ощущался общий износ организма. После мамы пекари уже не смогли удержать славу вкусного назимовского хлеба.

Отчим — знатный сапожник и строгий воспитатель

В 1947 году в нашей семье появился отчим Шалыгин Михаил Иванович. На самом деле он имел отчество Федорович, но об этом чуть ниже. Он был из раскулаченной семьи. Раскулачивали даже в Сибири, где успешно вести свое хозяйство удавалось очень трудолюбивым и способным.

Приехал дядя Миша в Назимово в 1946 году, мало попидавший, но много испытывший. До этого он находился в Игарке, где отбывал срок. До войны жил в Красноярске, работал в Потребкооперации, имел семью, сына Женю. Потребкооперация того времени — коварное учреждение, в котором честный работник мог легко «подзалететь». Дядю Мишу или подставили, или он сам что-то проворонил, неизвестно. Дали ему шестилетний срок за растрату.

В 70-е годы, будучи старшим научным сотрудником НИИ Космического приборостроения, я часто бывал в командировках на оборонных предприятиях Красноярска и его

городов-спутников. В Красноярске я несколько раз навещал родную сестру дяди Миши Лидию Федоровну и их 90-летнюю маму Марфу Лаврентьевну. Через Марфу Лаврентьевну удалось узнать кое-что о семье Шалыгиных. До раскулачивания Шалыгины жили в селе Куваршино, имели большое хозяйство и занимались выделкой кож. Были наемные работники и, естественно, такая семья при классовой идеологии советского государства, была отнесена к классу эксплуататоров. И вот такой семьи не стало, ее разорили. Родители были сосланы в другой район, дети разбежались.

Дядя Миша был инвалидом, нормально работала лишь одна нога. Вторая нога — кожа да кости, подволакивалась. Без посоха ходить не мог. Нога была раздавлена бревнами на Игарской лесобирже. Он имел дореволюционное четырехклассное образование, умел вести бухгалтерские расчеты. Без него мама не смогла бы составлять отчетность по доходам-расходам в пекарне.

Смена отчества у дяди Миши связана, по-видимому, с тем, что из Игарки он сбежал, не отбыв там положенного срока ссылки. Поселился в глухомани, в селе Назимово, чтодалече как от Игарки, так и от Красноярска. Сменив отчество, надеялся, что его не найдут. Но попытки найти его были. Как-то к берегу причалил один из загадочных больших катеров, которые у нас, ребятишек всегда вызывали повышенный интерес тем, что имели большую скорость и чаще всего очень озабоченно проплывали мимо. Строгий дядя с катера расспрашивал, не живет ли в деревне Михаил Фёдорович Шалыгин. Не получив точного подтверждения, дяденька не стал выяснять, кто такой живущий в деревне Михаил Иванович Шалыгин, он торопился. Катер уплыл. Не исключено, что дело с М.Ф. Шалыгиным «замяли», решив, что поселился человек в глухом селе и пусть живет. Так дядя Миша и прожил всю жизнь в Назимово, но похоронен в Енисейске, куда в 63-летнем возрасте был привезен для лечения в больницу.

Дядя Миша был знатным сапожником. Мастеровой человек в селе — почтенная личность, будь это плотник, печник, кузнец, пимокат или сапожник. Весь сапожный инструмент

(колодки всех размеров и форм на мужскую и женскую ногу, шилья, крючки) дядя Миша мастерил сам. Сапожный молоток с широким бейком, «лапу» и «ногу» заказывал в кузнице. Помимо обычного ремонта обуви мог изготовить фасонистые бурки, модные сапоги, туфли, тапочки. Было много заказов на пошив бродней. Сейчас такую обувь мало кто знает. А ведь бродни (то же самое, что и бахилы, чирки, покшены), изобретенные, видимо, давно для деревенской работы, охоты и рыбалки, были удивительно удобной недорогой обувью, легкой, мягкой, годной для ношения осенью, весной и даже зимой. Делались бродни из толстой кожи (обычно свиной) со швами внутрь. Подошва без каблука и тоже из толстой кожи. Длинные голенища имели завязочки вверху и у щиколоток. Кожа пропитывалась дёгтем или рыбным жиром и не пропускала воду. Вместо стельки — прослойка сена. Ногам всегда сухо и тепло. Обувь годилась для сельского быта, но не для городского шика.

В Назимово других сапожников не было, работы было много. Дядя Миша выполнял работу добросовестно, брал умеренную плату, и люди на него не обижались. Работа оплачивалась редко деньгами, чаще «натурой»: молоком, маслом, мясом, яйцами и рыбой. Что у кого было. С появлением в семье отчима нам стало жить намного легче. Ведь одной маме с четырьмя детьми было очень уж надсадно. В 1947 году старшей сестре Тоне было уже 12 лет, остальным меньше (со ступенькой в два года).

С этого времени началось и мое обучение сапожному мастерству. Дядя Миша поучал: *«Учись, ремесло — не груз, за плечами не носить, а кусок хлеба всегда заработаешь»*. Я быстро освоил посильные для мальчишки обязанности. Сапожными крючками выполнял любые швы (как с тонкой ниткой, так и толстой дратвой). Руки маленькие, ловкие, могли залезть внутрь любой, как большой, так и маленькой обуви. Шустро скручивал дратву, делал шпильки из сухой березы, сноровисто ими приколачивал стельки и подошвы. Научился делать шилья и сапожные крючки. Сделать, например, хороший сапожный крючок — тоже искусство. Проволока для крючков годи-

лась не всякая. По заказу проволоку нужного качества дядя Мише привозили даже из Енисейска. Например, для крючков средних размеров по качеству (жесткости, ломкости) хорошо подходят велосипедные спицы. Мелкий ремонт обуви я делаю сам и сейчас. Замена сношенного каблука на новый, заделка крючком разошедшегося шва и прочее — это для меня отдых, удовольствие.

Когда сапожной работы было много, дядя Миша не отпускал меня на «свободу» по несколько дней. А сколько было соблазнов! Зимой — катание с крутого яра или прогулка в лес на лыжах по искрящемуся от солнца морозному снегу. Санки и лыжи в селе жители делали сами. Летом — река. Можно было не только вдоволь накупаться, но и наловить рыбы. Удочки и перемёты были почти у каждого мальчишки. За то короткое время, на которое меня отпускали из дома, я успевал только искупаться и с завистью посмотреть, как ребята при вытаскивании перемёта ловили сорвавшихся с крючков рыбин, пытающихся упрыгнуть обратно в воду. Иногда я срывался, убегал из дома. Вместо разрешенного часа я прогуливал несколько часов. Приходя домой, я уже знал, что будет порка. У отчима для этих случаев всегда были заготовки — ивовые пруты. Гибкие, не ломкие, они хорошо оставляли «память». Мама все дни пропадала на работе. Воспитывал нас дядя Миша строго. Попадало не только мне, но и за разные провинности сестренкам (Тоне, Вале, Лене). Удивительно, но мы — дети, повзрослев, совершенно не держали зла на отчима. Большинство наказаний было по делу.

Воспитывал дядя Миша не только ремнем, но и поучениями. До сих пор помню одно из них. Было у отца два сына: Петька и Сашка. И любил отец больше Сашку. Петька как-то спросил отца, почему тот больше любит Сашку. Отец, выглянув в окно, увидел, что по санной дороге движутся два длинных груженных обоза, позвал сыновей и говорит им: «Сбегайте, узнайте, что за товар они везут». Петька побежал к первому обозу, а Сашка — ко второму. Скоро вернулись и докладывают отцу, что везут рыбу (Петька) и мясо (Сашка). А что за рыба? А куда везут? По какой цене собираются продавать? Петька

говорит, что сейчас сбегает, узнает. А Сашка проявил инициативу, все узнал про мясо и на все вопросы ответил сразу. Тогда отец и говорит Петьке: вот видишь теперь, за что я больше люблю Сашку.

Дядя Миша говорил, что любое сложное дело без сметки быстро и хорошо не сделаешь. С детства помню его рассказ из истории постройки Петербурга. На площади остался лежать огромный камень. Но как его убрать? Предлагались разные приспособления для вывоза камня, но все они были сложными и дорогими. А пришел простой мужик, походил около камня и говорит: «Я сделаю». И сделал. Выкопал рядом с камнем яму, камень сам в нее свалился, лишнюю землю мужик вывез на телеге.

Дядя Миша, когда бывал выпившим (это бывало часто, так как его любили приглашать в гости, он умел остроумно балагурить), добрел, гладил по голове, жалел, иногда плакал, говорил нам, что жизнь у мамы тяжелая (он маму любил!), а мы, несознательные, плохо помогаем по дому. Мы, дети, когда он был «под градусом», его не боялись и радовались недолгой свободе. Тогда удавалось мне и порыбачить, и в тайгу смотаться.

В послевоенные голодные годы людей в Сибири часто спасала охота. С одиннадцати лет я тоже стал приносить домой то утку, то рябчика. Дядя Миша в качестве оплаты за сапожный труд приобрел подержанное 16-калиберное ружьишко. Самому дяде Мише с одной ногой было не до охоты, и поэтому это «удовольствие» было поручено мне. Я был очень горд. Ведь любой мальчишка в сибирском селении больше всего ценит ружье и лошадь.

Была проблема с охотничьими припасами. Порох и дробь получали только охотники, которые заключали с сельпо договор. Но дядя Миша и эту проблему решал, договариваясь с каким-нибудь охотником об оплате сапожных услуг патронами. Получив пару патронов, дядя Миша выдавал мне один и говорил, что я должен принести пару уток. Я не возражал. Как сейчас говорят ловкие люди, нет проблем. У большой лужи в поле, куда часто садились перелетные утки, я соорудил

жал шалашик из веток, подстилал сено и лежал, ожидая, когда плюхнется на воду стая уток. Чаще всего садились маленькие утки-чирки, но они не вдохновляли. Тратить патрон на них было жалко. Ведь над головой пролетали и селезни, и кряквы, и шилохвости и гоголи, и даже крохали. Многие из них искали более привлекательную воду, чем моя лужа. Но терпеливое ожидание все равно вознаграждалось. Иногда и на малой воде передышку делали крупные утки — селезни и кряквы. И тогда я осторожно наводил ствол в нужную сторону и ждал, когда две-три утки подплывут поближе и скучкуются. Когда такой момент наступал, я затаивал дыхание и плавно нажимал курок. О, радость! Две утки наповал — кряква и красавец селезень. С какой гордостью я приносил добычу домой!

Но были и сбои. Помню случай, когда после выстрела одна утка замерла сразу, а другая оказалась подранком. Скинув штаны, голышом я ее ловил (был конец весны и на полях еще не везде сошел снег). Раненая утка ныряла, выныривала уже в сторонке, я за ней, она — опять под воду. Когда подранок достиг берега, где росли кусты, то я сдался. Там утка прячется так, что найти ее без собаки невозможно. Было до слез обидно, но такая неудача тоже закаляла — не все коту масленица, и надо мириться с судьбой. Удивительно, что купание в ледяной воде обходилось без простуды. Видимо, побеждал эмоциональный азарт.

Первые навыки столярной работы мне привил тоже дядя Миша. Это очень пригодилось позже, в студенческих строительных отрядах, в которых удалось побывать семь раз и непременно со своим плотницким топором. Для школы нужно было сделать двадцать парт. Этот заказ взялся выполнить дядя Миша. Меня он взял в помощники. Учитель у меня был строгий, поблажки не давал, и я освоил азы работы топориком, рубанком и стамеской. Каждая парта делалась на два ученика и так, чтобы они могли сидеть в оптимально удобной позе. Парты имели наклонные столешницы, а высота спинки подбиралась такой, чтобы поддерживать поясницу. Парты красились в темные тона и были очень прочными. Для крепления использовались только деревянные гвозди — шканты и столярный клей. Когда много лет спустя я приезжал в село и

навещал школу, мне приятно было видеть и трогать все еще пригодные парты. Жаль, что современные школы оснащены не партами, а столами с плоской поверхностью. Школьники вынуждены над такими столами склоняться, быстрее устают, да и подчас приобретают искривление позвоночника.

Горжусь я еще одной памятной работой, которую мы сделали с дядей Мишей для жителей села по просьбе председателя сельсовета. Нужно было изготовить около 150 дощечек с номерами домов и изображением какого-либо элемента пожарной утвари (ведро, лопата, багор, лом). Все, что было написано и нарисовано на дощечках, делал я. Эти «произведения искусства» много лет украшали дома села Назимово.

Для жителей Назимово одной из основных летних забот являлась заготовка на зиму дров. Казалось бы, это можно делать и зимой — тайга ведь рядом. Но живое дерево, если готовить на дрова, надо валить заранее, чтобы оно успело подсохнуть, и только тогда вывозить из леса. Свалить и раскряжевать дерево — не самое трудное дело. Сложнее вывезти кряжи по глубокому снегу, что не всегда под силу было даже лошади (тракторов в селе в то время не было).

Летняя заготовка дров — менее трудоемкая. Начинается она со сплава баланов, собираемых по берегам реки. Вверх по реке на лодке добираются вплоть до соседней деревни Пономарёво, что разместилась тоже на левом берегу (от Назимово около 35 км). Если хочешь приплавить больше дров, то надо плыть туда, где труднее, опаснее и куда забирается не всякий назимовский житель. Место это — на правом берегу реки напротив Пономарёвских камней, выше порогов Кармакулы. Пономарёвские камни, похожие на медвежьи спины, торчат

Баланы — так жители прибрежных поселений на Енисее называют неошкуренные бревна, специально заготавливаемые в леспромхозах для сплава. В нынешние времена плотовой сплав древесины по Енисею отсутствует. Обработанную древесину перевозят на грузовых судах. Жители села Назимово ныне закупают дрова на зиму в леспромхозе, где неполноценная древесина бракуется, распиливается на чурки, крупно колется («швырок») и используется на дрова.

Пороги Кармакулы – гряда выступающих из воды камней на правой стороне реки. Ныне на этом берегу находится перевалочная база Северо-Енисейской золотодобывающей компании ЗАО «Полюс». На базу летом по реке завозят топливо (бензин, солярку, уголь), а зимой по «зимнику» вывозят в вахтовый поселок Еруда (около 140 км на восток от Енисея), где находится горно-обоганительный комбинат. Компания ЗАО «Полюс» входит в структуру группы «ОНЭКСИМ», главным акционером которой является М. Прохоров.

чуть ли не посередине реки и делят судовой ход на левый и правый, что существенно затрудняет судовождение. Пороги Кармакулы более коварные. Они перегораживают правую сторону реки на 300 м. То в одиночку, то группами торчащие острые камни могут быть как над водой (видимые), так и под водой (невидимые). Перед этими порогами перебираться с плотом на другую сторону реки труднее и опаснее. Без опыта и трезвого расчета можно угодить в объятия камней. В малую воду риск существенно возрастает, и только сильные физически и духовно идут на такой сплав.

Уровень воды в Енисее постоянно меняется. Летом перепавы могут составлять 2–5 м. В весенний ледоход подъем воды может достигать 10–15 м, что приводит к затоплению прибрежных поселений. При большой воде унесенные баланы могут застревать в береговых кустах, на песчаных или каменных отмелях. При спаде воды эти баланы остаются на суше, подсыхают и становятся привлекательной добычей для местных жителей.

Каждой семье надо было заготовить на зиму не меньше 20–25 кубометров дров. Для заготовки такого объема приходилось плавать за дровами не один раз. Одна из памятных поездок была в 1957 году, когда после окончания первого курса Московского университета я приезжал в Назимово на летние каникулы.

Нам с дядей Мишей удалось за одну поездку приплавить дров сразу на всю зиму. Эта четырехдневная поездка особенно запомнилась. Нам повезло, что в тех местах, куда мы забрались, еще никто в это лето не побывал. Берег пестрил сухим плавником и баланами.

Была возможность выбора баланов посуше, потолще, поровнее, без больших сучков. Такие баланы чаще всего прятались под крутояром в тальниковых зарослях. В этом случае приходилось мешающий тальник рубить под корень, с помощью деревянной ваги поднимать конец бревна, перебрасывать его через тальниковые обрубки и далее катить по наклонному берегу к воде. Если на пути встречались большие камни, опять же с помощью ваги они преодолевались. Ловко подваживая, я не испытывал больших затруднений даже с толстыми бревнами. Дядя Миша постоянно находился в лодке. Спихнутый в воду балан я подталкивал пиканкой¹ к плоту, дядя Миша его подхватывал, подводил к нужному месту и закреплял. Вторая половина первого дня и весь второй день ушли на скатывание бревен и сплотку. Начался третий день. Мы уже закончили основной настил (оплотину) и начали накатывать на плот бревна верхнего настила. К вечеру планировали не только закончить сборку всего плота, но и соорудить на нем пару козел, сделать гребни и установить их на козлы. Массивный плот вёсельной лодкой не утянешь. Вот гребни и должны были помочь быстро отскочить от берега и не дать быстрому течению затянуть плот на злые пороги Кармакулы.

Наши планы по времени были сбиты печальной неожиданностью. При обходе на лодке затопленного тальника дядя Миша обнаружил застрявший труп человека — мужчины. Он был уже на плаву. Не всякий житель деревни соблюдал закон — нашел утопленника, схорони его. Дядя Миша был из тех, кто этот закон соблюдал и передал эту «зарубку» и мне. Мне пришлось копать могилу, правильнее сказать, неглубокую яму глубиной меньше метра. Чтобы выкопать эту яму под яром, где еще мало земли и много камней вперемешку с песком, мне пришлось изрядно помучиться. У нас не было лопаты, зато хорошо, что был лом. В селе я больше всего не любил кладбище, а на покойников старался не смотреть. Дядя Миша подсказал мне срубить две молодые березки, в воде мы на эти березки затащили труп. Далее волоком все это я протаскил к могильной

¹ Пиканка — очень удобный инструмент для работы с бревнами на воде. Это фактически тот же багор, но с острой пикой на конце.

яме. Последнее доброе дело сделал дядя Миша – закрепил с помощью камней палку с крестом. Мы потеряли полдня. У меня еще не было понимания, что любой добрый поступок возвышает человека. Но, несмотря на усталость, какое-то душевное довольство содеянным все-таки было.

При возвращении в село об утопленнике было сообщено председателю сельсовета, ведь его могли искать. Через какое-то время в село приехала женщина, ей было показано место захоронения. Хорошо, что труп сохранился. Его мог утащить в тайгу медведь, что часто случалось. Медведь чуял запах даже на большом расстоянии, тем более, если в сторону тайги мог дуть ветер. Женщина опознала мужа, приходила к дяде Мише и очень нас благодарила.

Памятная поездка в Сибирь в 1961 году

В летние студенческие каникулы со мной, окончившим 5-й курс университета, в Сибирь отправились еще трое: студентка 4-го курса биофака Ольга Козьминых и аспиранты физфака Анатолий Баранов и Валерий Кандидов¹. Нами была задумана и реализована комплексная программа ознакомления с Сибирью. Помимо плана посещения таежного уголка моего детства, нам очень хотелось побывать в новосибирском Академгородке, на Красноярской и Братской ГЭС. Академгородок активно строился, Братская ГЭС находилась в фазе завершения, на Красноярской ГЭС шло перекрытие Енисея. Десять дней мы отвели на ознакомление с этими стройками века, о которых тогда много писали.

В 60-е годы Сибирь стала главной площадкой советской экономики. Осваивались новые газовые и нефтяные место-

---

¹ А.В. Баранов – кандидат физ.-мат. наук, главный специалист по автоматизации жизнеобеспечения космических аппаратов в ГНЦ РФ «Институт медико-биологических проблем»;

В.П. Кандидов – доктор физ.-мат. наук, профессор физфака МГУ им. М.В. Ломоносова;

О.Б. Беляева (Козьминых) – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник биофака МГУ им. М.В. Ломоносова, ставшая после поездки в Сибирь моей женой.

рождения, шло строительство крупнейших в мире ГЭС в Саяногорске, Братске и Красноярске, развивались новые для региона отрасли промышленности — нефтехимия, металлургические заводы и целлюлозно-бумажные комбинаты. В Сибирь со всего Советского Союза съезжались комсомольцы, смелые, энергичные люди. Строилась новая Сибирь, формировалась новая порода людей — выносливых, романтических и жизнерадостных. И мы, студенты, не могли не чувствовать героическое и романтическое время, не могли не гордиться нашей страной, не могли не видеть, что при таком размахе строительства страна действительно «прирастает Сибирью».

Двое с половиной суток поездом (в общем вагоне) до Новосибирска. Новосибирску и Академгородку было отведено два дня. Пять суток добирались до города Тайшета. Далее пересадка на поезд Тайшет — Братск и, наконец, Братская ГЭС. Через двое суток мы уже катили на поезде обратно в сторону Красноярска, чтобы там сесть на пассажирский теплоход. В нынешнее время при тех скудных деньгах, которые мы тогда имели, такую поездку было бы совершить просто невозможно. Для нас счастье было не в деньгах, поэтому мы были счастливыми.

В Сибирь мы ехали в конце июля, обратно — в конце августа. В это время поток людей, едущих в Сибирь, небольшой, поэтому нам удавалось всегда брать проездные билеты на общие места. Гостиницы нас не волновали, мы просто их игнорировали. Денег на гостиницы у нас не было, да и знали мы, что попасть в них сразу было в большинстве случаев проблематично.

Мы готовились к поездке в Сибирь, как туристы. Рюкзаки были набиты самым необходимым: палатка на четверых, теплые вещи, котелок, кружки, ножи, ложки и кое-что из продуктов (чай, сахар, сухари, тушенка). Мы могли ночевать где угодно.

В день приезда нам удалось познакомиться с городом Новосибирском, который нас совсем не вдохновил. Много старых невзрачных домов и грязных неасфальтированных улиц. Но Театр оперы и балета, построенный в стиле конструктивизма (авангарда), нас поразили величием и красотой. Проект здания был выполнен еще до войны во 2-й

Московской архитектурной мастерской академика А.В. Щусева. Удивительно, но театр достраивался в годы войны и был сдан в эксплуатацию в 1944 году. Сейчас театр является памятником истории и архитектуры. Главная часть театра — купол, имеющий диаметр 60 м и высоту 35 м. Купольное перекрытие не имеет контрфорсов и ферм, что было впервые применено в строительной практике Европы. Кровля купола — тысячи железных чешуек серебристого цвета. Пространственная композиция здания гармонично объединена мощными пилоастрами, переходящими в монументальный 12-колонный портик главного фасада.

Ночь мы как-то переспали в скверике цирка, а рано утром отправились в Академгородок, что стоит на берегу Обского моря, в сосновом лесу (25 км южнее Новосибирска). Шло интенсивное строительство Научного городка. Помимо уже функционирующего Университета строился целый комплекс разных НИИ: Вычислительный центр, институты математики, теплофизики, ядерной физики, гидродинамики, теоретической и прикладной механики, автоматики и электрометрии, цитологии и генетики и др. Строительство велось с любовью и бережным отношением к природе. Коттеджи, дома в пять и девять этажей возводились без вырубki леса. В лесу проложены бетонные дорожки. Висел предупредительный знак: «Осторожно, белки!». Мы впервые видели, что можно строить города в гармонии с камнями, водой, деревьями.

Спустя 20 лет Новосибирский Академгородок превратился в мощный научно-технический центр общесоюзного значения. Было построено 34 института. Именно опыт этого Академгородка использовали японцы при строительстве одного из самых передовых своих научных центров — «города мозгов» Цукубы. Печально, что олигархический капитализм, захлестнувший Россию, «обескровил» Новосибирский Академгородок, как и другие крупные научные центры в Москве и Московской области, в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Томске, Красноярске, Иркутске и т.д. За многие годы недофинансирования в этих центрах состарилась приборная база и вся научная инфраструктура, углубился кадровый кризис.

Нынешнее бюджетное финансирование науки в нашей стране совсем недостаточно, чтобы обеспечить не только ее развитие, но даже выживаемость. Поэтому не могло не удивить ученых предложение Президента Медведева строить «с нуля» научный городок в Сколково Московской области. Для существующих научных центров нужных денег нет, а вот немалые деньги, требуемые для Сколково, почему-то нашлись.

Нам не хотелось покидать Академгородок. Здесь все было пронизано таинством науки. В уже работающих лабораториях институтов дерзали молодые ученые. С некоторыми удалось поговорить. Нас не могла не тронуть удивительная атмосфера научного городка, энтузиазм ученых, их вера в безграничные возможности науки.

Вернувшись поздно вечером в Новосибирск, стали искать место ночлега. Пошли в Парк культуры и отдыха. Присмотрели летний крытый читальный зал. Но на одном из столов спал полупьяный мужчина. Как его выпроводить? Решили выдать себя за дружинников. И вот трое молодых людей (Ольга ожидала нас неподалеку с вещами), потребовали у мужчины документы. Их у него не оказалось. На требование «пройдемте в милицию» он послушно пошел на выход. По дороге мы ему объяснили, что парк ночью охраняется. При выходе из парка он был отпущен (с радостью для него и для нас). На сдвинутых столах нам удалось неплохо выспаться.

Следующий день начался с посадки рано утром на проходящий поезд «Москва — Владивосток». Чтобы добраться до Братска, надо было проскочить Красноярск, доехать до Тайшета и сделать там пересадку. В городах Тайшете и Братске у нас было по одной ночевке. В Тайшете коротали ночь на вокзале. Запомнилось вечернее купание в очень холодной и стремительной реке Бирюса. В Братске ночевали в лесу, в палатке.

Братская ГЭС, воспетая Е. Евтушенко, нас не могла не ошеломить своим величием и технологической мощью. То, что мы увидели, потрясало воображение — живая мощь реки Ангара была укрощена твердью плотины. На отметке 70 м вода должна попадать в трубы диаметром десять метров и, падая, вращать турбины. Шел монтаж турбогенераторов. Из учебни-

ков физики мы знали, что такое электромотор и его составные части — ротор и статор. Но размеры установленных в огромном машинном зале двенадцати турбогенераторов поражали. Мы облазили все закоулки. Даже прошлись по тоннелю, который шел внутри плотины. Никто нас не останавливал. В те времена охрана не требовалась.

Мы тогда не знали главную цель возведения гигантской ГЭС и предназначения ее энергии. Это было большим секретом! В те же сроки в Ангарске сооружался секретный центрифужный комбинат для производства обогащенного урана. Сотни тысяч центрифуг, стоящих на корундовых иглах и сверху удерживаемых магнитным полем, — выдающееся научно-техническое свершение, так и не воспроизведенное американцами. Ангарские центрифуги безостановочно работают до сих пор. Поэтому стоимость российского урана в пять раз дешевле американского, и до 40 процентов первоклассных мировых мощностей по обогащению урана находится в России.

Но сам город Братск нас разочаровал. Застройка однообразна и архитектурно невыразительна. Острая нехватка жилья. Многие строители ГЭС живут в вагончиках, в самодельных домиках-временках. Бросается в глаза резкий контраст — величайшая в мире ГЭС и хаотически разбросанные невзрачные домики. Мало зелени, улицы грязные, много пьяных, много мата. На вокзале молодой мужчина с горечью говорил о вынужденном отъезде. На ГЭС идет завершающий этап строительства, заканчивается монтаж турбогенераторов, многие строительные профессии стали не нужны, а в городе, хоть и можно найти работу, но нет возможности быстро получить жилье. Непроизводственное строительство было неглавным, поэтому во многих городах Сибири повсеместно не хватало жилья, детсадов, бань, пекарен, магазинов, столовых.

От местных жителей мы узнали, что неподалеку от того места, где находится Братская ГЭС, провел два года заточения в башне Братского острога протопоп Аввакум.

Обратный путь до Красноярска не был для нас сложным. Все было уже знакомо. Первый день в Красноярске — отдых от цыганской жизни со стиркой и баней. Приютили нас мои

сестренки Валя и Лена, живущие в Красноярске. Сестренки работали и снимали комнату. На полу этой комнаты мы и устроили четыре спальных места.

Утром после ночевки крылатая «Ракета» за час доставила нас из Красноярска в молодой город Дивногорск, который нас очаровал сразу. В отличие от Братска мы увидели на высоком берегу многоэтажные дома, сверкающие витринами магазины, ресторан. Город продолжал строиться, повсюду маячили башенные краны. Улицы шли вдоль реки и поднимались террасами. Широкая лестница-улица с площадками спускалась к причалу, к которому одна за другой подваливали «Ракеты». У красноярского поэта В. Морозова есть такие строчки:

*«Помню я Дивногорский причал,
Где свиданья тебе назначал,
Где от глаз посторонних вдали
Мы в любви объясниться могли.
Тихий берег. Тальник. Плеск волны.
Мы с тобою, как птицы, вольны.
С нами только любовь да простор
С Енисейской волной «Дивных гор».*

До строящейся ГЭС надо было идти пешком чуть больше километра. Место размещения плотины оказалось зажато между двумя высокими скалистыми берегами. В этом месте Енисей не был спокойным. Течение быстрое, рваное и гневное. Шло перекрытие Енисея. Вереница мощных самосвалов подъезжала к кромке искусственной дамбы и сбрасывала в бурлящую воду огромные камни и железобетонные глыбы. Одновременно по обеим сторонам реки шли интенсивные земляные работы: рычали экскаваторы, ревели самосвалы, крутились краны. Сооружалась ГЭС с высотой плотины около 100 м и по мощности на втором месте в России после Саяно-Шушенской ГЭС.

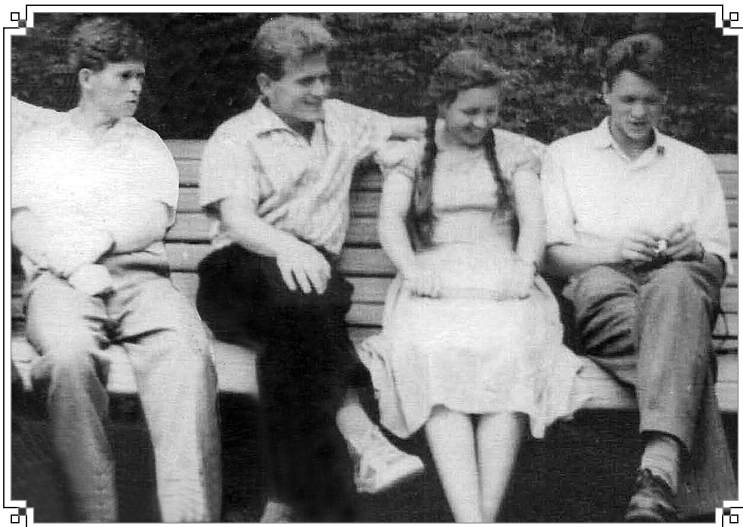
Отплытие из Красноярска состоялось в полдень следующего дня на колесном пароходе «Спартак», курсирующем по линии Красноярск — Дудинка. Самые дешевые билеты четвертого класса (места в трюмах на нарах!) были взяты до

города Енисейска, так как «Спартак» по расписанию не имел остановки в Назимово. В Енисейске же пришлось пересаживаться на другой теплоход. В те годы по Енисею курсировали семь двухпалубных грузопассажирских дизель-электроходов, изготовленных на верфях Чехословакии и пригнанных на Енисей по Северному морскому пути в 1957–1958 годах. Но на эти комфортабельные дизель-электроходы палубные билеты (4-го класса) продавались только на короткие трассы (2–4 часа), а билеты третьего класса (в каюты) многим пассажирам (и нам в том числе) были не по карману. Надо заметить, что упоминаемые дизель-электроходы часто курсировали полупустыми. Жители енисейских селений предпочитали плавать на менее дорогих судах.

Колесный двухпалубный грузопассажирский пароход «Спартак», как и аналогичный пароход «Мария Ульянова», но менее красивый и более тихоходный, имел суровую трудовую биографию. Оба парохода надежно работали на линии Красноярск — Дудинка с давних довоенных времен, когда еще не было пассажирских теплоходов. Эти пароходы не были комфортабельными и имели мало кают для пассажиров. Но зато в трюмах были специально оборудованы трехъярусные нары, в свое время предназначенные для перевозки спецконтингента (заключенных и переселенцев). В 60-е годы, во времена так называемой «хрущевской оттепели», на Север насильно людей уже не отправляли. Но пароходы «Спартак» и «Мария Ульянова» сохраняли живучесть и по-прежнему трудились. Но теперь уже перевозили вольнонаемных и вербованных. Опять же выручали нары.

Из Красноярска мы отплывали в прохладную погоду, поэтому, оказавшись в теплом и малолюдном трюме, чувствовали себя вольготно, и, разместившись на нарах, мы как-то не сознавали тогда, что находимся в помещении, которое много раз превращалось в многодневную плавучую тюрьму для многих-многих несчастных людей.

За двадцать дней пребывания в Назимово мои друзья наполнились незабываемыми впечатлениями от увиденного, услышанного и пережитого. Ведь им удалось познакомиться

Слева направо:

А. Баранов, В. Кандидов, О. Козьминых, А. Беляев

с одним из таежных уголков России, жизнью, бытом и нравами людей сибирского села. В памяти остались путешествия в тайгу, плавание по порожиному притоку Тису, рыбалка, наваристая уха на диких берегах из только что пойманной рыбы, жаркие дискуссии о политике партии и правительства, мои и валерины ухаживания за миловидной Ольгой.

Конечно, запомнилось также наше плавание за дровами, которое явилось полезным уроком познания сурового быта местных жителей. Все было повторено, как в прошлой моей поездке с дядей Мишей (только без утопленника!). Была прочесана береговая полоса на протяжении более пяти километров, в воду было скатано не менее сорока баланов, собран плот в два настила, сооружены гребни, при сплаве был преодолен опасный участок Кармакулы, пересечен двухкилометровый Енисей и, наконец, совершенно удачное причаливание к нужному месту в Назимово. Далее были трудовые будни — за-таскивание баланов на берег, распилка их двуручной пилой, колка чурок и т. д.

Я и Валерий Кандидов пилим дрова

Позабавили нас в селе три «тунеядца», заброшенные в сибирскую глухомань аж из самой Москвы. Во времена «царствования» Хрущева из стольного града за 101-й километр высылались на исправление так называемые «ту-

неядцы» — молодые люди, не имеющие постоянной работы, занимающиеся спекуляцией или просто живущие за счет родителей. Меня один из «тунеядцев» донимал расспросами о Москве, откуда он был выселен год назад. Председатель сельсовета П.В. Пынько (в мои детские годы — директор школы) жаловался, что «тунеядцы» повели за собой всю сельскую молодежь. У них хорошо подвешены языки, они много знают скабрёзных анекдотов, а главное умеют (двое) играть на гитаре и петь песни. Сложилась парадоксальная ситуация — кто кого воспитывает?! Как я узнал позже, двое из этих ребят были выселены из Назимова. Оставшийся в селе парень через какое-то время женился, заделался пастухом, научился щелкать бичом и развлекал буренок игрой на гитаре.

В эту поездку село Назимово мне не понравилось. В десяти километрах активно развивался леспромхоз и на базе его строился рабочий поселок НовоНазимово. Там даже появилось дизельное электричество. Большая часть сельчан стала ездить на работу в новый поселок. Сельская улица была разбита, по ней лихо сновали грузовые машины. Редкую лошадку с телегой отодвинули на обочину. Люди ходили по деревянным тротуарам, которые во многих местах прогнили, и вечером в темноте можно было провалиться и покалечиться.

На территории бывшей церкви, где в детские мои годы было много роскошных кедров, сосен, черемуховых и рябиновых деревьев, стало пустынно. Почти все деревья были выкорчеваны. Понаехало много шальных людей, польстившихся на хорошие заработки в леспромхозе. Разухабистая жизнь (мат, пьяная ругань и драки) вторглась в забывавшуюся с детства сельскую патриархальность. В конце 60-х годов в селе были даже убийство и изнасилование.

Обратно до Красноярска (около двух суток вверх по течению) мы плыли на теплоходе «Композитор Калинин». Обилечивались пассажиры после посадки в касе парохода. Палубные билеты не продавались, а каюты третьего класса для нас были дороговаты. Деньги кончались, а надо было еще доехать поездом до Москвы, на что требовалось пять-шесть дней. Мы решили ехать зайцами. Ночью было холодно. Из рюкзаков мы доставали теплые вещи и прижимались к теплым палубным стенкам. Все эти неудобства нас не смущали. Ольга даже читала вслух «Кобзаря» Тараса Шевченко.

Билеты проверялись при выходе. Конечно, в Красноярском речном порту нас выловили. Продержав какое-то время на судне, пристыдив, нас, бедных студентов, отпустили. Больше всех обман переживали Ольга и Валерий. Валерий и теперь, спустя более полувека, краснеет от стыда, когда мы вспоминаем этот эпизод.

Неувядаемая любовь к малой родине

*Это звоны ледохода на торжественной реке,
Перекличка парохода с пароходом вдалеке...
Что за пламенные дали открывала нам река!
Но не эти дни мы звали, а грядущие века...*

Александр Блок

Прежде чем перейти к следующему этапу своей жизни (уже в Красноярске, затем в Норильске), хочется еще раз объяснить в любви к малой родине.

*Фотография учеников смешанных 5–7 классов, 1950 год.
Слева направо в первом ряду: Витя Кооп, Саша Шинков,
Миша Карпинский, Лиля Митина, Петя Митин и я;
во втором ряду: Галя Семёнова, Тоня Беляева, Нина Тарбакова,
Галя Тарбакова, Маша Шароглазова, Георгий Суворов, Люда Пынько;
в третьем ряду: учительница З.Я. Суворова и директор школы
И.А. Петраков*

То, что истинный патриот на протяжении всей жизни не может не испытывать неодолимую тягу к малой родине, не ново. Понятие родины есть не только у людей. Учеными доказано, что память родины есть и у птиц, и у рыб, и у черепах, и у млекопитающих, особенно к тому месту, где прошло рождение и взросление. Но у людей это не только тяга к «родовым гнездам». Есть что-то и еще. Не случайно об этом писал гениальный А.С. Пушкин: *«Невольно к этим берегам влечет меня неведомая сила»*. Я не раз размышлял над тем, что же меня так тянет в Назимово. И пришел к выводу, что определяющими здесь являются несколько факторов: незабываемая школьная жизнь, величественная река, магическая красота тайги со своей неповторимой фауной и флорой и здоровая психологическая обстановка в селе.

В то время неполная средняя школа в Назимово ограничивалась семью классами. У нас большая Родина тоже начина-

лась «с картинки в твоём букваре». Ученики не могли не видеть высокую ответственность учителей за воспитание граждан и патриотов. В школе царил дух доброты и справедливости. Никто из выпускников не мог вспомнить ни одного случая унижения ученика, проявления злобы и, тем более, учительского хамства, что часто можно видеть в современных школах.

Первый выпуск семилетней школы, построенной после войны (довоенная школа сгорела), относится к 1950 году. Мое окончание школы в 1952 году — это уже третий выпуск. Учителями в Назимовской школе были И.А. Петраков (первый директор), П.В. Пынько (директор школы после Петракова и учитель физики и истории), Н.И. Пынько (завуч и учитель ботаники, зоологии, немецкого языка), И.А. Бородин (математика), З.В. Соколова (география), в младших классах в разные годы — З.Я. Суворова, А.М. Суворова, А.Ф. Лубникова, К.С. Шульгина. Сохранилось чувство благодарности ко всем учителям. У нас не было страха перед ними. Мы их уважали.

Запомнились последние дни выпуска 1952 года. Учителя организовали посадки деревьев в школьном дворе. Каждый из выпускников должен был принести из леса и посадить свое любимое дерево. Это были кедр, береза, ольха, лиственница, ель, рябина и другие деревья. Я посадил черемуху. Приезжая в село в последующие годы, я всякий раз заходил на школьный двор и общался со своей родной черемухой:

*«...Шумят высокие деревья,
Сажали их на выпускной...
И память в кронах зеленеет
Колоколами надо мной».*

Жаль, что ни школа, в которой я учился, ни школьный двор с нашими посадками не сохранились. Школьников в селе становилось все меньше. И с 1975 года назимовских ребятшек стали возить в поселок Новоназимово, где была открыта средняя школа.

Незабываемая встреча учеников первых выпусков Назимовской школы была организована в июле 1987 года. Съехалось 25 человек. Многие не виделись друг с другом десятки лет. Вспоминали учителей и удивительно благодатную атмосферу в

школе и в селе. Восстановилось наше общение (письма и встречи). До сих пор не прерывается и моя связь с Беляевой (Бенко) Антониной, Гуляевым Павлом, Игошиной Ниной, Ивановой Людмилой, Морозовой (Зоря) Галиной, Пономарёвым Андреем, Шароглазовой (Браун) Викторией, Шароглазовой Марией, Шароглазовым Игнатием, Шинковым Александром. С большой горечью вспоминаем ушедших: Гуляева Владимира, Карпинского Михаила, Лагошину Нину, Никитина Михаила, Песчасткину (Никитину) Валентину, Попову Ольгу, Семёнова Александра, Шароглазову (Сухоребрик) Елену.

Последняя встреча выпускников состоялась в июле 2009 года. Съехалось уже около пятидесяти учеников. Здесь уже преобладали ученики более поздних выпусков. Окунулись в атмосферу детства семидесятилетние и сорокалетние. Опять говорили о неубывающей ностальгии по Назимовской школе, особой воспитательной роли учителей и неувядаемой любви к малой родине.

В селе была здоровая психологическая и социальная обстановка. Руководители колхоза, сельсовета, сельпо ладили между собой и с населением. Большинство людей работало в колхозе, остальные — в сельпо. Всех объединял коллективный труд, социальное равенство. Немцы и русские сосуществовали мирно, многие породнились семьями, росли красивые дети. В праздники в одиночку никто не отсиживался. Собирались коллективами в домах. Пили, пели и плясали под гармонь. Хорошо работал сельский клуб. Раз в одну-две недели киномеханик показывал привезенный из Енисейска фильм. В этот день все принаряжались. В клубе по выходным объявлялись танцы (под гармошку или баян). Работала самодеятельность. Помимо исполнения песен (сольных или коллективных) и частушек, в клубе декламировали стихи и даже иногда ставили пьесы.

А разве можно забыть праздники в деревне! Конечно, все они были официальные, но запоминающиеся. Даже выборы в Верховный Совет СССР сельская власть (конечно, по указанию сверху!) превращала в праздник. Если это было зимой, то по селу пускали двух бегунцов, запряженных в роскошные кошёвки и обряженных в праздничные сбруи. Разукрашенная

в узоры дуга будоражила всех колокольчиками и создавала веселое настроение.

Особо почитался Новый год. Здесь уже люди сами готовились к празднику и устраивали его. Председатель колхоза давал задание водовозу залить ледяную горку. Посередине села есть достаточно пологий спуск к реке, по которому обычно завозят с реки в село любой большой груз. Так вот этот пологий спуск заливался водой и превращался в каток. Ледяной коридор метился елками, а ночью освещался керосиновыми фонарями «летучая мышь». Под Новый год взрослые и дети, кто на санках, а кто на конных санях, сломя голову с гиканьем катались здесь, проявляя свое ухарство. Как же важно ощутить единение и радость взрослых и детей!

На людей не могла не влиять благотворно гармония и одухотворенность местной природы — реки и тайги. Хорошо об этом написано у Н. Рубцова:

*«О, сельские виды,
О, дивное счастье родиться в лугах,
Словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!».*

Стоишь на угоре, и дух захватывает — взгляд не может оторваться от широкой панорамы реки. Ты чувствуешь ее магическое воздействие, а за рекой — таинство безграничных просторов. *«И за душу небо хватает, зовет и зовет за собой...»*. А если еще мимо проплывает красавец-теплоход и одаривает тебя песней *«Севастопольский вальс, золотые деньки, мне светили в пути не раз ваших глаз огоньки...»*, да если песня звучит в исполнении Георга Отса, то ты уже паришь в небесах.

Невозможно забыть вечернюю красоту тихого Енисея и песнопения доярок, возвращающихся после вечерней дойки на больших лодках с другой стороны реки. Нельзя было без замирания в душе слушать сильные, чистые и слаженные голоса: *«Веет свежестью ночь сибирская, собрались друзья у костра...»*.

Невозможно забыть и первую мальчишескую любовь. Мне нравилась Альбина Колесник. Меня тянуло к ней магнитом, хотелось ее чем-нибудь удивить или рассмешить. Но у меня это не

получалось. Я не любил себя за неумение быть интересным и за малый рост. В 7-м классе я был уже смелее. Иногда приглашал Альбину потанцевать, угощал конфетами (были только фруктово-ягодные) и даже пробовал один раз поцеловать. Но у Альбины, видимо, не было ко мне ответного чувства. После отъезда из Назимово я еще долго писал ей письма, она по-дружески отвечала.

У меня, как и у многих людей, в жизни не раз возникали тревоги и даже отчаяние. И всегда для меня самым успокоительным лекарством были воспоминания о Енисее и Назимово. Я себе говорил: *«Ты должен быть сильным, у тебя есть запасная площадка, на которую не страшно прыгнуть из города, построить там домик и жить на природе, слушая пароходные гудки и шум прибрежной волны завораживающей реки».*

Нынешняя политическая и экономическая ситуация в России крайне удручает. Что мы имеем? Непроходимую сырьевую зависимость, паразитирование на советском наследстве, умирание целых отраслей промышленности, научно-технический застой, чудовищное разделение на богатых и бедных, коррупцию, чиновное чванство, духовный недуг и моральную деградацию общества.

За последние годы в России исчезли с лица земли десятки тысяч деревень. Невнимание государства к социальному развитию деревни, кабала ростовщиков и перекупщиков не дают селам/деревням окрепнуть. А ведь село/деревня — это образ жизни, основа создания национальной культуры. С разрушением деревни разрушается храм души человека.

Но родное село Назимово не сдается! Радует, что сохраняются лучшие традиции школьного патриотического воспитания. При поддержке местной администрации каждый год 9 мая в Назимово проходит митинг, посвященный ветеранам и погибшим в годы Великой Отечественной войны сельчанам. Ученики средней школы несут вахту памяти, и Дню Победы посвящается 10-километровый пробег со стартом у Новоназимовской школы и финишем у памятника воинам в деревне Назимово. Когда я рассказываю московским друзьям, как отмечают День Победы в далеком таежном сибирском селе, мне не все верят. Я горжусь своими земляками.

На красивом гранитном мемориале Славы в Назимово высечены имена пятидесяти погибших сельчан. Война без возврата забирала часто весь род. В Назимово не вернулись с войны Гуляевы — пять человек, Поповы — четыре, Пономаревы — четыре, Евсеевы — три, Назимовы — три, Карпинские — три, Тарбаковы — три, Семёновы — три человека. Довоенный большой род Евсеевых (один из Евсеевых был председателем колхоза) после войны вообще не сохранился.

Набатом бьют стихи Р. Рождественского в книге Памяти Новоназимовской школы:

*«Помните! Через года, через века помните!
О тех, кто уже не придет никогда, — помните!
Не плачьте! В горле сдержите стоны...
Памяти павшим будьте достойны».*

Молодцы красноярцы, воздвигнувшие под Москвой памятник-мемориал «Воинам-сибирякам». Памятник воздвигнут на 42-м километре Волоколамского шоссе, где в битвах за подмосковные Дедовск и Снегири сибирские дивизии одержали первые победы. Торжественное открытие памятника состоялось в день 60-летия разгрома фашистских войск под Москвой 5 декабря 2001 года.

Памятник воинам-сибирякам в Подмоскowie

Глава 3

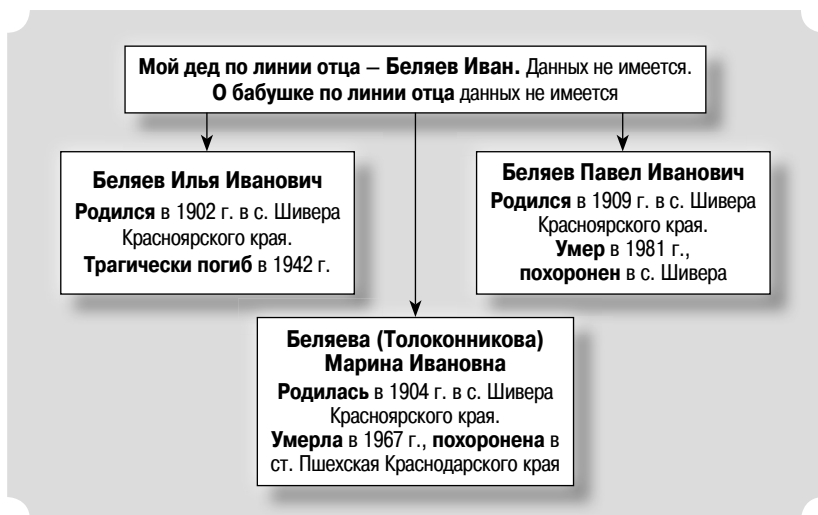
Родословная

Много попыток я делал, чтобы узнать что-то про отцовских предков. В 1959 году я проводил студенческие каникулы у мамы, где усердно заготавливал на зиму дрова, утеплял дом завалинкой и чинил крышу. Из Назимово специально выехал теплоходом с двухдневным запасом (железнодорожный билет в Москву был куплен заранее), чтобы заехать в село Шивера. Там родился отец и жил его родной брат Павел Иванович. Дядя Паша жил один. Высокий, худой, он ходил степенно, без суеты. Звали его в селе Гусак. Прошел всю войну. Был шофером, подвозил на передовую снаряды. Конечно, я с нетерпением ждал встречи с родным дядей, надеясь что-то выведать про предков. Встреча состоялась, но я был совсем трезвый, а дядя совсем пьяный. Разговора не получилось. После ночевки утром дядя Паша кое-как уразумел, что приехал племянник из Москвы и интересуется родословной. Но он маялся с похмелья, ему было не до меня, поэтому путного разговора опять не получилось. Так, без нужной информации я вынужден был покинуть Шивера, рассчитывая через год-два сюда заехать. Но ни через год, ни через два мне это сделать не удалось. В 1981 году он умер. Так ушло в безвременье то небольшое, что можно было узнать о молодости отца и его родовых корнях. Вот скудная информация об отцовской родословной.

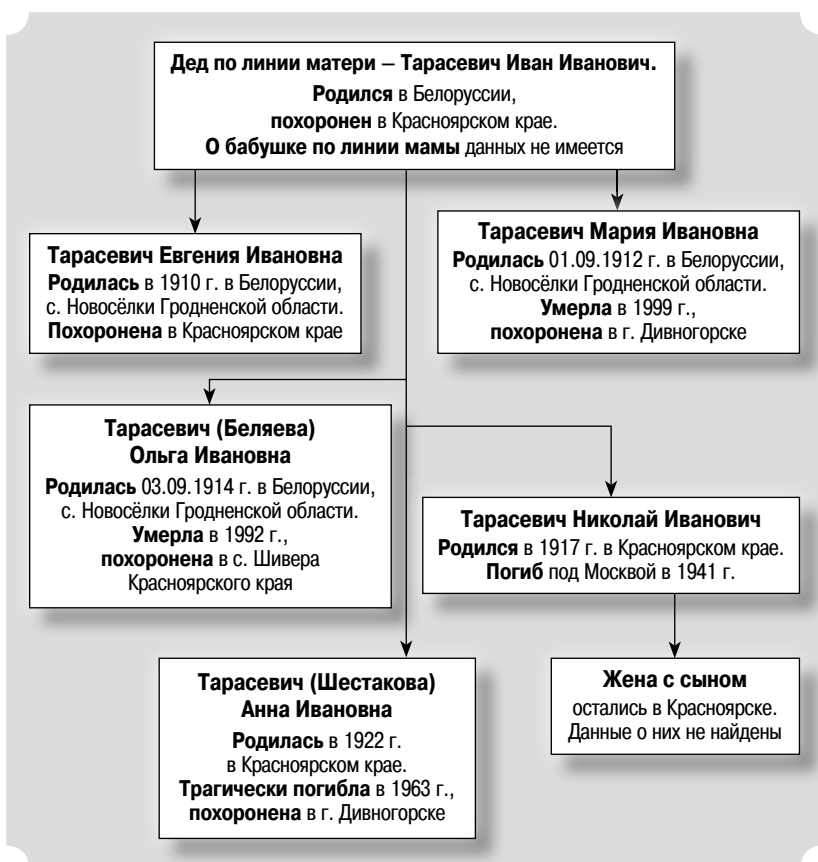
Дед Иван (по маминой линии) с дочкой Анной и сыном Николаем, 1939 год

Нет данных ни про деда, ни про бабушку. Сохранить семью и уклад жизни, сложившийся за многие годы, на Руси всегда было сложно. А в советский период этому препятствовала классовая идеология. Рушились не только прежние традиции и нравственные устои, но обрывались и семейные узы. В студенческие годы мне удалось разыскать двоюродную сестру Валию Власову (по отцовской линии), живущую в городе Туапсе. Оказалось, что сестра отца Марина Ивановна, жившая в Сибири, в 1945 году с мужем Толоконниковым Фомой Семеновичем уехала в Краснодарский край. Мне не удалось увидеться с Марией Ивановной при ее жизни. Зато были знакомства и встречи с ее детьми. Старший сын Анатолий умер в 1962 году и похоронен в станице Пшехская. Его старший сын Виктор обосновался в городе Елец, младший Алексей, большой патриот казачества, живет в станице Пшехская. Две дочери Вали (Людмила и Оксана) живут в Туапсе.

Глубокие впечатления детства у меня связаны с мамой. Имея на руках семерых детей, она сумела выстоять в тяжелейшие военные и послевоенные годы, не сломаться, сохранить детей и оставить добрую память у жителей села Назимово – это по большому счету подвиг. Про мамин род удалось узнать несколько больше, чем про отцовскую родню.

Мама родом из Белоруссии (Гродненская область, деревня Новосёлки). В военное лихолетье 1916 года семья Тарасевич из пяти человек (Иван Иванович — отец семейства, мать Антонина и три дочери: Женья, Маша и двухлетняя Оля), оставшись без дома (сгорел от снаряда), бежала на восток. Семья сумела проехать всю Россию и добраться до Енисея, до деревни Ярлычихи (100 км севернее Красноярска). В Сибири деду Ивану и бабушке Антонине пришлось сначала перебиваться случайными заработками у зажиточных людей, а когда появились колхозы, стали колхозниками. В Сибири родились сын Николай и дочь Аня.

Жизнь разбросала сестер так, что в военные и послевоенные голодные годы они не общались и почти не переписывались. Только в конце сороковых годов нашли друг друга Мария и Аня. А в 70-е годы через адресный стол была найдена и Евгения Ивановна (ей было уже 75 лет и жила она в поселке Сизая Шушенского района).

Мария Ивановна сначала жила в Красноярске, а в конце 60-х годов перебралась в новый город Дивногорск, еще в 1957 году являвшийся поселком строителей Красноярской ГЭС.

Дочь Марии Ивановны Галина Радченко с семьей (муж Анатолий, дочка Оксана и внушка Марина) ныне живет в Дивногорске.

Мамин брат Коля погиб в 1941 году в битве под Москвой. *«Уходил на войну сибиряк, с Енисеем, тайгою прощался...»*. Где похоронен молодой, красивый сибиряк, неизвестно. Мама рассказывала, что Коля хорошо рисовал, все любили его за добрый характер. Жаль, что потеряна связь с его женой и сыном.

Мамин брат Коля с семьей, 1941 год

Младшая сестра мамы Аня жила в Красноярске, родила двух детей, Валу и Таню. Трагическая смерть родителей в 1963 году (на

стройке Красноярской ГЭС) сделала сиротами Валю и Таню. На воспитание их взяла Мария Ивановна. Добродетельные Мария Ивановна и ее муж Илья Иванович дали Вале и Тане десятилетнее образование, помогли им встать на ноги.

Валя, старшая дочь тети Ани, и ее муж-немец Володя Кооль с 2000 года живут в Германии. Володя Кооль родился в Северном Казахстане. В Сибири оказался после переселения туда матери. Там и встретил Валю. Их дети Ира, Володя и Оля имеют семьи и тоже живут в Германии. В семье Иры растут дети Максим, Лаура и Лоренс, в семье Владимира — дети Марк, Ральф и Кристина, в семье Оли — дети Эрна и Татьяна. Можно только гордиться Вале и ее мужем, которые не только сами родили троих, но и передали детям мощный заряд жизненной силы и понимание того, что нет счастья без детей.

Таня, младшая дочь тети Ани, ее муж Сергей Васильев, сын Дима и дочь Аня живут в Карелии в городе Костомукша, куда они совершили прыжок из Сибири (Дивногорска) в 1983 году. Железорудный горняцкий город Костомукша с мощным обогатительным комбинатом по производству окатыша возник на северо-западе Карелии в короткие сроки (1977–1985 годы). Со всей России сюда съехались способные и энергичные работники. Привлекали стимулы — надежная работа, хороший заработок, а главное — возможность быстро получить квартиру. Сибирская сноровка и умение работать были оценены, и молодая семья Васильевых уже через полгода получила в Костомукше благоустроенную квартиру.

Я рад был встрече с Таней и ее дочерью Аней в Москве, куда они специально приезжали в 2005 году познакомиться не только со столицей, но и со мной (до этого мы не встречались). Мне было приятно увидеть открытых душой, добрых по натуре, жизнелюбивых, красивых родственников. Таня очень хвалила свои края и звала провести отпуск в Карелии.

В 2007 году такая поездка в Карелию состоялась. Я и друзья (Сергей Литвиненко, его спутница по жизни Светлана Сорокина) побывали не только в красивом городе Костомукше, но и на острове Кижы в Онежском озере (Государственный

историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»), острове Валааме в Ладожском озере (Валаамский мужской монастырь) и Соловецких островах в Белом море (Соловецкий мужской монастырь). Я специально пишу об этой поездке, чтобы поделиться с читателем своими впечатлениями и ощущениями. Нравящегося к истории России человека, впервые побывавшего в этих местах, ждет душевное потрясение от всего увиденного и услышанного. Эти места окрыляют, притягивают, сюда хочется возвращаться снова и снова. Познать духовную историю этих мест за одну поездку невозможно, но можно почувствовать великую значимость их для России.

Северный Афон — Валаам, последнее из посещаемых нами мест. «*О, дивный остров Валаам...*» — пели гимн монастыря монахи и плакали, покидая в 1940 году родную обитель. Перед войной с фашистской Германией здесь была размещена школа боцманов, после войны — турбаза и интернат для инвалидов войны. Этот интернат — печальная веха послевоенной истории Валаама. В интернат были привезены одинокие, безнадежно больные, в основном безногие и безрукие. Здесь, как в ссылке, они провели последние годы своей жизни.

До этого на острове семь веков жили исключительно монахи. До революции 1500 монахов превратили Валаам в один из самых процветающих монастырей России. На острове действовало более 30 мастерских, среди них — часовая, столярная, слесарная, фотомастерская. Работали кирпичный и гончарный заводы. В 1863 году был построен один из первых в России водопровод. В монастырском саду росло 50 сортов яблонь. Здесь, в одинаковых с Аляской широтах, умудрялись выращивать дыни и арбузы. В 1989 году стараниями Алексия II, тогда имевшего сан митрополита Ленинградского и Новгородского, остров Валаам передается в подчинение патриарху и на острове возрождается монашеская жизнь. Шесть монахов, сойдя на берег, первым делом ударили 12 раз в колокол, возвестив миру, что Валаам ожил. Сейчас на Валааме уже нет той разрухи, какая там была сотворена за 50-летний послевоенный период. Насельники (их в 2008 году было 225 человек)

полностью обеспечивают себя. Пекарня снабжает вкусным хлебом весь остров. Фермерское хозяйство кормит жителей молоком, яйцами, мясом. В теплицах выращивают помидоры, огурцы, в полях другие овощи. Восстановлены легендарные монастырские сады. Есть яблони, которым по 130 лет, и они плодоносят. Есть 240-летняя груша, которая тоже плодоносит. Ученые лишь руками разводят.

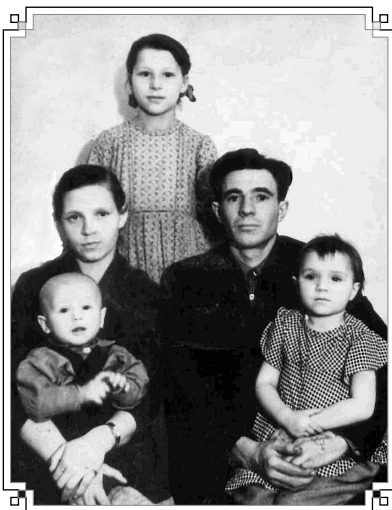
Было трогательное прощание с Валаамом. Я, Сергей и Света стояли на берегу, смотрели на суровые воды Ладоги и тихо пели строчки ромansa:

*«Крики чайки белоснежной,
Запах моря и сосны,
Неумолчный, безмятежный
Всплеск задумчивой волны...».*

На схеме (с. 87) показан клан Беляевых-Шалыгиных. Мама и дядя Миша не были зарегистрированы.

Всем детям по линии Шалыгина мама оставила фамилию Беляевы. Самой старшей из детей в семье Беляевых является Тоня. После окончания назимовской семилетки, являясь одной из лучших учениц класса, Тоня уехала в Красноярск и поступила в Кредитно-финансовый техникум. Жила в общежитии, на стипендию. Помощи из дома не было. Выдержала три года. За ней стал ухаживать молодой человек, Василий Бенко, проходивший армейскую службу в Сибири. Угово-

*Семья сестры Тони:
муж Василий, на руках —
дочка Оля и сынишка Коля.
Стоит сестра Галя (в гостях),
1963 год*

рил выйти замуж. Так образовалась первая семья нового поколения рода Бенко-Беляевых. Учебу в техникуме пришлось бросить. Сначала семья жила в селе Малороссийка, где родились первые мои племянники Оля и Коля. Но в 1964 году семья перебралась в село Шивера, где легче было обзавестись домашним хозяйством (корова, бычок, свиньи, куры и даже кролики). В Шиверах родился третий ребенок Володя. Сейчас уже шиверская родня разрослась до 16 человек: у сестры Тони трое детей, семь внуков и четыре правнука.

После Тони родился я. За мной идут сестренки Валя и Лена. Закончив учебу в школе, Валя и Лена вынуждены были несколько лет жить в селе, помогая семье выживать. Валя уехала из Назимова в 1957 году, а Лена годом позже. Валя несколько лет работала на Красноярском комбайновом заводе, снимала комнату. После замужества (муж Виктор Тимаев) молодая семья переехала в село Шу-

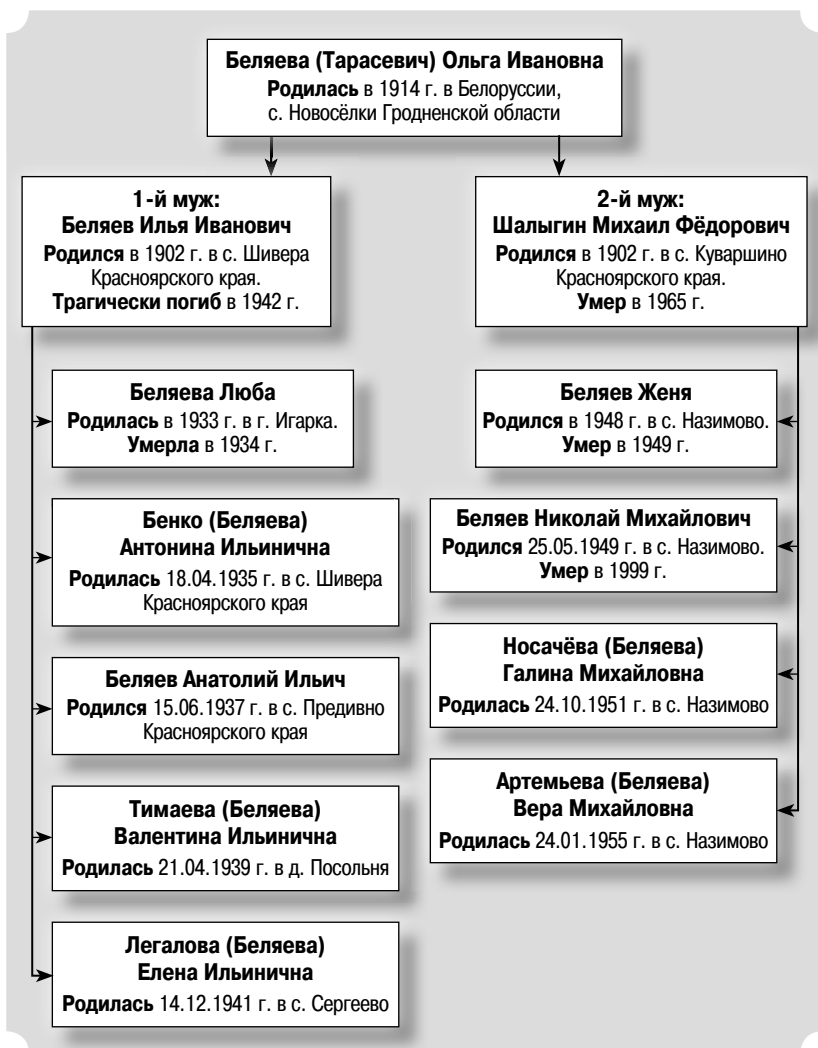

Ольга Ивановна и я

Слева направо сестренки Лена и Валя, 1959 год

шенское, где у них родились девочки Света и Тома. Живя в Красноярске, Валя окончила кондитерско-поварские курсы и всю жизнь работала в сфере столовых и кафе. Парал-

лельно с общеобразовательной школой дочери закончили музыкальное училище, освоив игру на баяне (Света еще и на фортепиано). Света продолжила музыкальное образование в Красноярском училище искусств. Тома стала работать по торговой части, закончив заочно Московский торгово-эко-

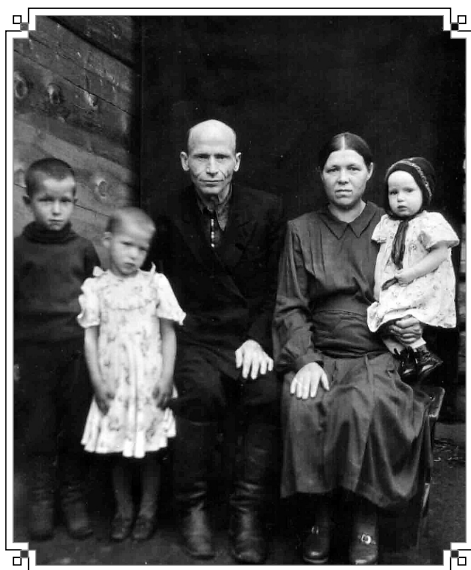
номический техникум. Пришло время, девочки вышли замуж. Вскоре у сестры Вали появились внуки Дина и Артём, а теперь уже растут и правнуки Алексей и Игорь. Ныне Валя на пенсии, живет в городе Лесосибирске.

Лена, приехав в Красноярск, пошла ученицей на швейную фабрику «Заря» и скоро стала швеёй. Одновременно училась в школе рабочей молодежи, чтобы получить полное среднее образование. Несколько лет работала на телевизионном заводе. В 1965 году вышла замуж за Василия Легалова — инженера-энергетика Дивногорской ГЭС. После рождения первого сына молодая семья сначала жила в Белогорске, а затем в 1971 году переехала в строящийся город Лесосибирск, где у них родился второй сынишка Миша. Ныне Лена и Вася на пенсии. Живут в городе Красноярске, куда их уговорил переехать заботливый старший сын Юра. На правом берегу в экологически чистой зоне (о чем

говорят сами названия улиц Янтарная, Медовая, Пасечная, Зелёная) был куплен дом с земельным участком, где Лена помимо овощей в теплице выращивает красивые цветы, а Вася увлеченно занимается пасекой.

Новая ветвь родословной от дяди Миши (М.Ф. Шалыгина) образовалась после рождения двух братьев (Жени и Коли) и двух сестер (Гали и Веры). После рождения Веры мама была награждена орденом Материнской славы III степени.

Братик Женя, не прожив и двух лет, умер

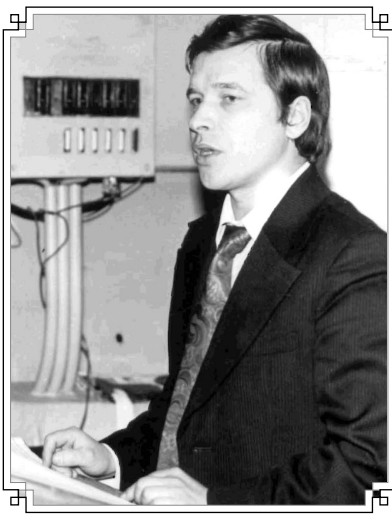

*Слева направо:
Коля, Галя, дядя Миша (Михаил
Фёдорович), мама (Ольга Ивановна)
и Вера, 1956 год*

в 1949 году от дизентерии. Я помню его милый лик. Все пытались его спасти, но он быстро зачах. Это было мое первое осознанное соприкосновение со смертью. Гробик стоял на столе в доме, и я долго потом не мог избавиться от брезгливости, вызванной, как казалось мне, запахом смерти.

Второй ребенок от дяди Миши, Коля, прожил 50 лет. Короткая жизнь. Трагическая смерть. Рак предстательной железы. В некрологе, напечатанном в газете «Заря Енисея» города Лесосибирска и подписанном всеми знатными людьми города (34 человека), отмечалось, что *«...вся жизнь Коли была связана с судьбой и историей комсомольцев и молодежи 60–70 годов, становлением и развитием города Лесосибирска. Начиная с Николая Михайловича работать электриком в Северо-Енисейской геофизической экспедиции, затем с должности энергетика канифольного завода был рекомендован освобожденным секретарем комитета ВЛКСМ треста «Красноярсклеспроект»; далее — труд в ГК ВЛКСМ, ГК КПСС, заместителем начальника Лесосибирского ГОВД по кадрам и старшим мастером по производству в ГПТУ-48 <...>. Формировался его характер и жил он в ту пору, когда чувство сплоченности, взаимовыручки, своей полезности, сопричастности к судьбе своего города объединяло нас всех, и его комсомольские годы стали главными в биографии <...>. Жизнерадостность, состояние молодости души не оставляли его до конца своих дней <...>. Удивительно честный, бескорыстный, в чем-то по-детски наивный и незащищенный... Чистый душой, ранимый и предельно искренний человек...»*.

В этом коллективном монологе нет преувеличения и лакировки, что часто бывает в некрологах.

*Брат Коля
на комсомольской трибуне*

Трудовую деятельность Коля начал с помощника машиниста после окончания Красноярского железнодорожного техникума. До призыва в армию полтора года водил тяжеловесные грузовые поезда на участке Боготол — Красноярск. Мы с ним регулярно переписывались. Как-то он поделился своими переживаниями по поводу одного чрезвычайного происшествия. Поезд, который вел Коля, у переезда задавил двух нетрезвых мужчин. Коля и его наставник видели надвигающуюся трагедию, но тяжелый грузовой состав остановить было невозможно. На этом участке тормозной путь для их поезда составлял около 500 метров. Наставник успокаивал Колю: «Привыкнешь...» Мне он писал, что привыкнуть к этому не сможет. После окончания трехлетней службы в армии, Коля уже не вернулся на железную дорогу. Этому способствовало еще одно печальное событие в его жизни. Перед уходом в армию Коля познакомился в Красноярске с девушкой, которую полюбил, переписывался с ней и планировал связать с ней свою судьбу. Но на последнем году его службы с любимой произошел несчастный случай. В Красноярске поездом ей отрезало ноги. Родители девушки переехали жить в Москву. После возвращения из армии Коля приезжал в Москву и встречался с девушкой. Девушку-инвалида родители взяли под опеку и никакие другие варианты ее жизнеустройства ими не рассматривались.

После Армии Коля уехал жить в новый город Сибири Лесосибирск. Сначала работал электриком, затем энергетиком. Работая, заочно окончил Красноярский технологический институт. В Лесосибирске влюбился в красавицу Свету. Образовалась семья. Вскоре появились сыновья Руслан и Саша.

Хочется рассказать о некоторых эпизодах службы Коли на посту заместителя начальника Лесосибирского ГОВД по кадрам. Во времена правления Андропова (1982–1984 годы) в стране была сделана попытка укрепить органы внутренних дел свежими и непорочными молодыми кадрами, проявившими себя на комсомольской и партийной работе. Колю уговорили надеть милицейскую форму и возглавить кадровую работу в городском ОВД. Начал Коля свою службу с передачи на

вторичное рассмотрение двух нераскрытых судебных дел, по которым судебное расследование было прекращено, так как замешанными оказались родственники (дети) сильных мира сего. Через какое-то время в почтовом ящике Коля обнаружил письмо с угрозой потерять сыновей, если не прекратит «копать». Было понимание того, что заступил на край «минного поля». Он мне писал об этом, был, по-видимому, в растерянности и хотел получить какие-то поддержку и помощь. Но чем я мог ему помочь? Я уже тогда понимал, что воевать против сильных мира сего, не имея широкой общественной поддержки, бесполезно. Проиграешь. Но я не мог так ему ответить, не мог поколебать его веру в справедливость. Тем более во времена Андропова повышенная уверенность в торжестве справедливости была не только у Коли, но и у меня. Некоторые из моих друзей, более мудрые и опытные, говорили, что дела, переданные на вторичное рассмотрение, вряд ли будут успешно завершены и все вернется на «круги своя».

Несмотря на разные противодействия, Коля все-таки продолжал настойчиво продвигать дела, подключая к ним следователей из Красноярска. Кончилось все тем, что как-то начальник — генерал ГОВД — пригласил Колю к себе в кабинет и попросил написать заявление об уходе, а иначе придется дать ход судебному делу, заведенному на Колю. Оказывается, нашлись два свидетеля, которые «видели» наезд на человека машины, принадлежащей Коле и скрывшейся с места происшествия. На Колиной машине даже была обнаружена вмятина. Такой неожиданный зигзаг жизни оказался для Коли шоком, тяжелым житейским испытанием. После этого он ушел работать старшим мастером по производству в ГПТУ-48. Но пережитый эмоциональный стресс не прошел бесследно. *«Беда, как полая вода, польет — не удержишь».*

Прилетел Коля в Москву из Красноярска в 1998 году безнадежно больным раком, но с надеждой на всесильную Москву. Обследования в Центральном военном госпитале имени Мандрыки и в Главном военном госпитале им. Бурденко подтвердили диагноз, сделанный в Красноярске: рак предстательной железы (четвертой степени) с метастазами в

печень и позвоночник. Предлагался шанс выжить — операция с удалением «всего и вся». Коля отказался, сказав: *«Мне такая жизнь не нужна»*.

Утопающий хватается за соломинку. У меня была надежда на доктора биологических наук, профессора, почетного вице-президента РАЕН Андрея Георгиевича Маленкова¹. Я знал его еще со времен совместной учебы в МГУ им. Ломоносова. Он был известен в ученых кругах как новатор по применению новых фармакологических средств по профилактике и лечению рака. Лечение онкологических заболеваний с помощью гомеостатических препаратов, рекомендуемых А.Г. Маленковым, а именно геомалином (каменным маслом), применяемым в тибетской медицине, и тодикампом (грецкими орехами, настоянными на высокоэктановом бензине), давало положительные результаты.

Николай жил у меня. Ухаживала за ним приехавшая из Сибири преданная ему Света. Тяжело было видеть мучения брата от болей. Обезболивающие препараты не помогали. Мы стали лечить Колю каменным маслом, чтобы снять хронический стресс, восстановить активность иммунной системы и, как говорил Маленков, «выработать в организме установку на выздоровление». Андрей Георгиевич внимательно отслеживал все изменения в крови. Через несколько месяцев появились надежды на улучшение. Состояние крови показывало, что рост раковых клеток стал заметно снижаться. Прошло еще полтора месяца, и Андрей Георгиевич объявил, что рост рака прекратился. Было принято решение применить более сильное средство — тодикамп (для уничтожения раковых клеток). Но этот препарат оказался для ослабленного организма весьма сильным. Он стал интенсивно выгонять из организма токсины и шлаки, и произошло самое ужасное — неожиданная остановка сердца.

После смерти мамы (в 1992 году), а затем и брата (в 1999 году) я потерял желание ездить в отпуск в Сибирь. С Колей

¹ А.Г. Маленков (род. в 1937 г.) — сын Г.М. Маленкова (1901–1988), советского государственного деятеля, члена Политбюро ЦК КПСС (1946–1957), одного из ближайших соратников Сталина.

всегда было интересно и надежно. Он любил охоту, рыбалку, веселое застолье. Умел играть на гармонии, на гитаре, любил петь, знал много песен. С каким воодушевлением он исполнял одну из своих любимых песен: *«Стоит над горою Алеша — ...в Болгарии русский солдат. И сердцу по-прежнему горько, по-прежнему горько...»*.

Самые младшие сестренки — Галя и Вера. Теперь они тоже достигли пенсионного возраста, испытав вдоволь в этой жизни и радостей, и печалей.

Слева направо сестренки Галя и Вера, 1973 год

Галя ныне живет в городе Краснокамске. Вырастила сына Диму и дочь Настю. Испытала сильный психологический стресс из-за вынужденного ухода с работы (по сокращению штатов). Много лет она трудилась на Краснокамской бумажной фабрике Гознака. Устроиться на какую-либо другую работу в городе Краснокамске почти невозможно из-за большой численности безработных. Хорошо, что на бумажной фабрике сохраняет работу муж Сергей, иначе было бы трудно прожить на пенсию.

Младшенькая сестра Вера, уехав из Назимово в Красноярск, нашла приют у родной тети Лиды (сестры дяди Миши), жившей в однокомнатной квартире со своей 90-летней мамой. Свою трудовую карьеру начала с продавца в книжном

магазине. Поступила в Заочный Новосибирский техникум книготорговли, после окончания которого работала товароведом. Вышла замуж за красивого парня Николая Подкопаева, студента Медицинского института. Родился сынишка Миша. Приезжая в командировку в Красноярск, я радовался успехам молодой семьи. Но после защиты дипломной работы Николай «попутал бес», он увлекся другой женщиной. Бросив семью, Николай со своей новой пассией уехал в Краснодарский край. Обосновался в станице Куцевская, вблизи которой в станице Кисляковская жили его родители. Николай скучал о сыне и вскоре, приехав в Красноярск, совершил недостойный поступок: выкрал у Веры трехлетнего Мишу и увез с собой в Краснодарский край. Долго длилась тяжба с разводом. Вера требовала возврата сына. Николай развод все-таки оформил, но сына не отдал. Что произошло далее с жизнью Николая — загадка, красивый парень добровольно ушел из жизни. Разрушилась одна семья, не сложилась другая. Сына Мишу на воспитание взяли родители Николая. Сестренка Вера испытала сильный психологический шок. Ей нужно было выстоять. И вот в 26-летнем возрасте Вера покидает Красноярск, приезжает в Москву и поступает в Полиграфический институт. После окончания института по специализации «Книговедение и организация книжной торговли» Вера устроилась на работу в книжный магазин (город Химки Московской области) и получила однокомнатную квартиру. Но книжная торговля Веру не увлекла. В 1987 году она поступила в Историко-архивный институт и перешла работать в Музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва, где и работает до сих пор научным сотрудником. В 40-летнем возрасте Вера вышла замуж и через год родила двух милых девочек Надю и Любу. Так сложилась хорошая семья с Верой, Надеждой и Любовью, опекаемая добропорядочным Артёмом Артёмевым.

Сын Веры Миша Подкопаев после школы окончил Московский педагогический государственный университет (психологическое отделение). Но работать по специальности не может из-за мизерных окладов. Сейчас он работает в одном из многочисленных московских банков и живет в городе Королё-

ве. В семье Миши уже растут трое детей, старшенькие Сережа (7 лет) и Вика (3 года) часто гостят у Веры, а ее девочки Люба и Надя любят их и много нянчатся со своими племянками.

Муж Веры Артём является достойным представителем династии военных. Его отец и дед — профессиональные военные. Артём начал военную карьеру со службы в Советской Армии в качестве военного врача. После окончания учебы в Первом Московском медицинском институте им И.М. Сеченова (специализация терапевт) Артём был призван на службу в армию, где и остался, сделав карьеру от начальника медпункта (лейтенант) до начальника терапевтического отделения госпиталя (подполковник). После катастрофических преобразований в стране, начавшихся с приходом к власти Горбачёва и Ельцина, Артём вынужден был уйти в отставку. Но надо было как-то выживать, и он создал центр традиционной медицины, где практикует до настоящего времени в качестве врача-гомеопата. Знатной военной родословной Артёма не может не гордиться вся наша сибирская родня.

Отец Артёма — генерал-майор Октябрь Павлович Артемьев (1926—2002), занимавший высокие военные должности в Советской Армии во времена Хрущёва и Брежнева. В последние годы он работал в аппарате Главкома сухопутных войск МО СССР в должности начальника Управления боевой подготовки сухопутных войск. Дед Артёма — генерал-полковник Павел Артемьевич Артемьев (1897—1979) еще более знаменит. Достаточно даже такого факта, что он командовал парадом на Красной площади 7 ноября 1941 года. Роль Павла Артемьевича в истории Красной Армии значительна. В молодые годы он успел повоевать в Первой мировой войне, став полным Георгиевским кавалером. Участвовал в Гражданской войне. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе в 1938 году. В должности командира особой группы дивизии принимал участие в Советско-финской войне 1939—1940 годов. Павел Артемьевич *«обладал большой волей и мужеством, незаурядными организаторскими способностями, прекрасно знал солдатскую службу»*, и неудивительно, что в июне 1941 года Сталин назначил его командующим войсками Московского военного округа и Московской

зоны обороны. Объем работы, выполняемый этим человеком, трудно вообразить. Под его руководством шла мобилизация военнообязанных. К началу 1942 года Москва и область направили в действующую армию более миллиона человек. Одновременно создавались новые военные училища, школы, курсы, фронтовые и госпитальные базы, новые соединения. А какая ответственность лежала на нем за противовоздушную оборону столицы и возведение защитных сооружений по всему фронту на Можайской линии обороны протяженностью 220 километров! Павел Артемьевич являлся руководителем подготовки контрнаступления советских войск под Москвой в 1941 году. Велика заслуга его также подготовке и проведении в тяжелейших условиях войны (немцы стояли на подступах к Москве!) необычного парада войск на Красной площади 7 ноября 1941 года, имевшего огромное внутрисполитическое и международное значение. Жаль, что о таком достойном сыне России до сих пор не написана книга.

Глава 4

Первая встреча с Красноярском

*...У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!..*

И.А. Бунин

После окончания семилетки (неполной средней школы) отчим не хотел отпускать меня из Назимова. Семья из семи человек нуждалась в помощнике. В своем желании учиться в ремесленном училище или техникуме я был непреклонен и заявил, что сбегу. Меня вдохновляла Похвальная грамота, дающая право поступать в эти учебные заведения без экзаменов. Я, как и многие ребята из нашего села, хотел стать капитаном или штурманом. Их мы видели на капитанских мостиках проплывающих мимо теплоходов. Нас не могли не завораживать форменная одежда и строгий вид стоящих на мостиках командиров. Проявляли мы интерес и к геологоразведчикам, которые небольшими группами наезжали из Красноярска. Они тоже имели форменную одежду и особое почитание со стороны деревенского начальства. С загадочными инструментами и приборами они пробирались вглубь тайги по красивому притоку Енисея Тисс, что на правом берегу чуть ниже села. Через месяц-два с тяжелыми ящиками они возвращались из тайги, за ними из Красноярска приплывал катер или прилетал гидросамолет. Вся работа их была окутана некоторой таинственностью, и нас тянуло к этой тайне.

Мои колебания, куда поступать, завершились в пользу геологоразведчиков. Поэтому в июне я отправил документы для поступления в Норильский горно-металлургический техникум¹, в котором имелось геологоразведочное отделение.

Я был комсомольцем. Прием в комсомол — памятное событие, произошедшее в селе Ярцево — районном центре (154 км от Назимова вниз по реке). Это был первый мой выезд из Назимова. Стояли погожие июльские дни. Почтовый катер, буксируя баржу, объезжал прибрежные населенные пункты и забирал 14-летних. На барже было весело, пели песни, играла гармонь. В Ярцево съехалось около двадцати человек. Всех разместили в школе. На следующий день состоялось заседание

¹ Сейчас такого техникума нет. На базе Норильского горно-металлургического техникума в 1961 году был образован Норильский индустриальный институт.

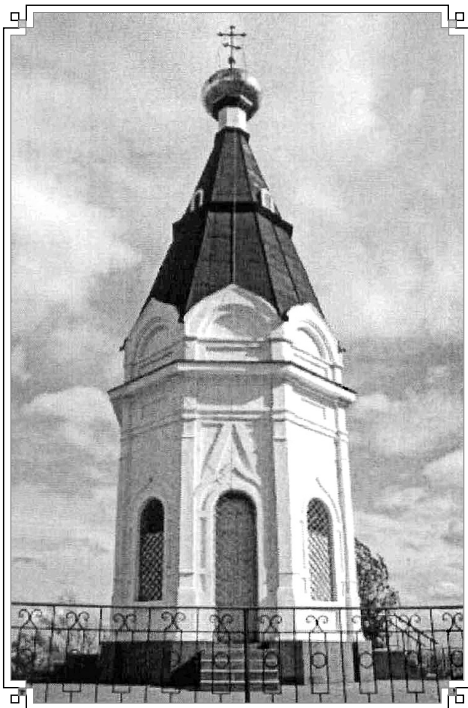

райкома. За длинным столом сидело много людей. Задавали вопросы по уставу ВЛКСМ и политической обстановке в стране и мире. В частности, мы должны были знать генеральных секретарей компартий всех братских стран. Насколько серьезно мы готовились, говорит даже то, что руководителей компартий этих стран я могу назвать даже сейчас.

Я с нетерпением ждал ответа из Норильского техникума, но его не было. В конце августа я решил ехать в Красноярск и поступать в Речной техникум. Были собраны вторичные документы, и в начале сентября я неожиданно появился у тети Ани (младшей сестры мамы), живущей в Красноярске. В Речном техникуме мне сказали, что примут, когда принесу документы-оригиналы и, в частности, Похвальную грамоту. Документы-оригиналы были в Норильске. Была послана телеграмма в Норильск о срочной высылке документов, и началось ожидание. Тетя Аня (без мужа) с дочкой Валеј жила в однокомнатной квартире в каком-то захудалом доме в правобережной части города, недалеко от железнодорожной станции Базаиха. Работала на заводе, жила скудно, и меня тяготило то, что я был нахлебником. Дочери Вале было два годика. Она дневала и ночевала в недельных яслях. Мне так хотелось хоть чем-то услужить родной тете. Я даже пытался починить обитую старым железом крышу дома, так как у тети Ани во время дождя были протечки в квартире.

Запомнилась первая встреча с недобрым человеком. В один из дней моего пребывания в Красноярске я посетил Караульную гору, что возвышается над левобережной частью города. Башня-часовня, установленная на Караульной горе, является своеобразным памятником служилым людям XVII века. В старые времена на Караульной горе стояла дозорная вышка. Со смотровой площадки Караульной горы, излюбленного места молодоженов и туристов, открывается величественная панорама города, реки Енисея, речки Качи (притока Енисея). За Енисеем (на правом берегу) можно было увидеть простирающиеся вдаль Саянские горы, опоясанные густой синей тайгой. Домой я добирался пешком. Попастъ на правый берег можно было только по разводному понтонному

мосту¹. Левобережная часть понтонного моста на ночь разбиралась для прохода судов. У моста я оказался под вечер, оставались минуты до его развода. Пробежать я не успевал. Какая-то женщина тоже опаздывала, но поймала такси. Не растерявшись, я тоже подсел в машину. Переехав мост, я со стыдом признался таксисту, что денег у меня нет. Тогда таксист, дядя средних лет, сорвал с моей головы капитанскую фуражку (она была без «краба»), ножичком исполосовал ее и отбросил в сторону. Я долго переживал эту обиду. Фуражку я нашел в плавнике на берегу Енисея, носил ее уже почти год, и она мне была дорога.

Часовня на Караульной горе

А вот эпизод уже почти мистический. Чтобы добраться до дома тети Ани, мне приходилось пересекать множество железнодорожных путей, часто забитых товарными составами, пролезая под вагонами, а где и протискиваясь между ними. Один раз, протискиваясь между вагонами, я был зажат между буферными тарелками в результате слабого толчка то ли паровозом, то ли другим вагоном. Грудь была сжата до дикой боли. Мне было трудно дышать. Я не мог пошевелиться. Вокруг никого не было. Понимая, что помочь мне никто не может, я начал су-

¹ Вместо понтонного моста в 1956–1961 годах построен автомобильно-пешеходный мост «Коммунальный» протяженностью 2,3 км. Этот мост является одним из крупнейших в мире среди арочных железобетонных мостов, а также символом города, изображенным на 10-рублевой денежной купюре.

дорожно дергаться и все-таки сумел соскочить со смертельно-го захвата. И тут же новый, более сильный толчок — и тарелки сомкнулись. Чудо спасло меня. Когда я об этом вспоминаю, то всякий раз по телу пробегает дрожь. Теперь, уже спустя более полувека, я твердо уверовал, что ангел-хранитель сберег меня тогда, как это делал и в других случаях. Вот для чего он меня сберегал? Видимо, для явления миру двух прекрасных дочерей.

Прошла неделя, пошла другая, и вот — письмо из Назимово, в котором был вложен вызов на учебу в Норильск. Окрыленный, я решил срочно ехать. Тетя Аня отдала мне 25 рублей¹, последние деньги, какие у нее были, и я с небольшой котомкой в руках рванул на Речной вокзал.

Мне повезло, что на Речном вокзале я пробыл меньше суток. В низовье Енисея готовился к отплытию колесный пароход «Мария Ульянова». При посадке мне удалось проникнуть на пароход «зайцем». Отплытие состоялось утром. На следующий день «Мария Ульянова» подплыла к Назимово. Пристань в Назимово в то время еще не была оборудована дебаркадером. Пароход делал краткую остановку, бросив якорь и спустив кунгас. Высаживались два незнакомых мне пассажира. Я пристально вглядывался в людей на берегу, радуясь знакомым лицам, но печалюсь, что никого не было из родных, которые, конечно же, не ведали про мое «мимоплытие».

В этот рейс «Мария Ульянова» не везла спецконтингент, и трюмы были доступны для обычных пассажиров. Спал я на деревянных нарах. В трюмах было тепло. Через круглые иллюминаторы можно было даже обозревать живописные берега Енисея.

С благодарностью вспоминаю молодого матроса Виктора, который в течение всего рейса меня опекал и подкармливал гречневой кашей. Он научил меня играть в шахматы. Мы часами засиживались на корме теплохода. Нас никто не тревожил, лишь чайка могла иногда ненадолго присесть на бизань-мачту и, не найдя ничего интересного, разочарованно улететь.

---

¹ В Норильске в то время на базаре 25 рублей стоила новогодняя елка метровой длины.

Через четыре дня пароход прибыл в небольшой поселок Курейка, стоящий напротив устья реки Курейки. В 100 км от устья этой крупной горно-таежной речки сооружена Курейская ГЭС, построенная в 1975–2002 годах для энергоснабжения Норильского, Дудинского и Игарского промышленных районов.

В 10 км севернее Курейки проходит линия Полярного круга (66° 33' северной широты), за которой начинается Заполярье. В день летнего солнцестояния (22 июня) в Заполярье солнце не заходит, а в самые короткие декабрьские дни небесное светило, наоборот, не появляется. Чем дальше на север от Полярного круга, тем длиннее летом полярный день, а зимой – полярная ночь. В декабре-январе Заполярье освещается лишь лучами северного сияния.

В Курейке была объявлена двухчасовая стоянка. Этот поселок знаменит не только тем, что вблизи него проходит линия Полярного круга, но и исторической достопримечательностью. В Курейке и в селе Монастырском в 1914–1916 годах отбывали ссылку 25 политических изгнанников, в том числе И.В. Джугашвили (Сталин). В дореволюционные времена в Курейке было несколько маленьких домиков, в одном из которых квартировал Сталин.

На высоком угорье Енисея летом 1952 года было закончено строительство пантеона-музея И.В. Сталина, грандиозного помпезного дворца из стекла и бетона. Строительство пантеона, начавшееся в 1949 году (70-летие Сталина), осуществлялось на средства Норильского комбината и силами в основном заключенных. Для круглосуточного освещения и отопления пантеона была построена специальная электростанция. Высокие своды павильона имели стеклянные витрины. Яркое освещение имитировало северное сияние, озаряя расписанный купол, обитые красным бархатом стены и стенды с картинами героической биографии вождя. Рубленую избу, которая принадлежала местному рыбаку и в которой жил Сталин, раскатали, втащили под своды пантеона и собрали по бревнышку. По периметру внутреннего помещения была сделана паркетная дорожка. Перед зданием был разбит

Пантеон-музей И.В. Сталина в с. Курейка, 1952 год

сквер, сооружены цветники и клумбы. Рядом на массивном постаменте высилась 10-метровая железобетонная статуя Генералиссимуса с газетой в руках, в «распахнутой шинели и простых сапогах» (как писали тогда газеты). Все проходящие по Енисею суда должны были задолго до поселка видеть статую вождя.

В хрущевские времена в 1961 году глухой ночью статую обвязали тросом, дернули трактором и утопили в Енисее на самом глубоком месте. Поверье гласит, что лег идол на дно лицом вверх, поэтому все видит, что творится на белом свете. А пантеон? Огромное здание с нелепо торчащим перед ним постаментом от памятника было обнесено крепкой жердевой оградой, оплетенной поверх колючей проволокой. Заброшенное и запущенное здание в 1996 году было уничтожено пожаром.

В Курейке я умудрился отстать от своего парохода. Мне было 15 лет, но я уже был «ослеплен» божественным ореолом непогрешимого «великого вождя и учителя». В то время во всех школах вдохновенно пели строчки гимна: *«Нас вырастил Сталин — на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохно-*

вил». Я бродил по пантеону-музею, что-то записывал в тетрадь и потерялся «во времени и пространстве». Пароход мой ушел. Меня обманул стоящий у причала пассажирский теплоход «И. Сталин», идущий в сторону Красноярска. «Мария Ульянова» пришла позже и по логике должна была отчалить тоже позже. Гудки моего парохода, зазывающие пассажиров к отплытию, я принял за гудки теплохода «И. Сталин».

В этом заполярном уголке состоялась моя добровольная ссылка продолжительностью в пять дней. Денег у меня не было. На еду зарабатывал. Приходил к жителям поселка, объяснял, что еду на учебу в Норильск, отстал от парохода, и просил дать какую-нибудь работу в огороде или по заготовке дров (я ловко мог пилить и колоть). С благодарностью вспоминаю хозяев двух домов, где я был пригрет сначала на два, а потом и на три дня. До Дудинки почти сутки добирался на самоходной барже, штурмана которой уговорил взять меня один из местных мужиков, несмотря на то, что в то время существовал категорический запрет на провоз людей грузовыми судами. В этот конечный пункт моего плавания, удаленный от Красноярска на 2000 км, я прибыл в последней декаде сентября. От Дудинки до Норильска (около 100 км вглубь Таймырского полуострова) можно было добраться только по железной дороге¹. Пассажирский поезд ходил в Норильск раз в сутки. Но этот комфорт мне, безденежному, не подходил. Какой-то мужик на вокзале показал товарный состав, готовящийся к отправке вечером в Норильск. На одной из открытых платформ я заметил сложенные рядами большие ящики, среди которых я и спрятался.

Ночью в тундре меня, продрогшего до костей (на мне был бушлат, похожий на матросский), вытащил из-под ящиков вохровец², вооруженный винтовкой. Норильский комбинат в те времена был закрытой территорией (на географической карте такого поселения не было). Для въезда нужны были раз-

¹ Железнодорожный путь стал ширококолейным в 1952 году незадолго до моего приезда. В следующем 1953 году был построен железнодорожный вокзал и был сдан в эксплуатацию первый электрифицированный участок железной дороги.

² Вохровец – сотрудник военизированной охраны.

решительные документы. Вохровец выслушал объяснения, просмотрел мои метрики и вызов в Норильский техникум. Вызов в техникум оказался пропускным, и мне было разрешено ехать дальше. Вторая такая же проверка состоялась рано утром перед въездом в Норильск. Тщательно осматривались все вагоны и платформы товарного состава. Когда я оказался в Норильске, то даже мучившие меня холод и голод, не стали главными в ощущениях, все-таки была какая-то радость и вера в достижение цели...

An aerial, black and white photograph of Norilsk, showing a dense urban area with numerous buildings, streets, and some green spaces. The city is situated in a northern environment, with some snow visible on the ground and rooftops. The image is framed by a decorative border with small square motifs at the corners.

Глава 5

Два судьбоносных года в Норильске

Этот город олицетворяет разум человека, мощь его духа и стойкость. Он символ торжества человека над природой Севера. Лучшие всех слов – одним фактом своего существования Норильск говорит о нашем великом времени.

Кайсын Кулиев

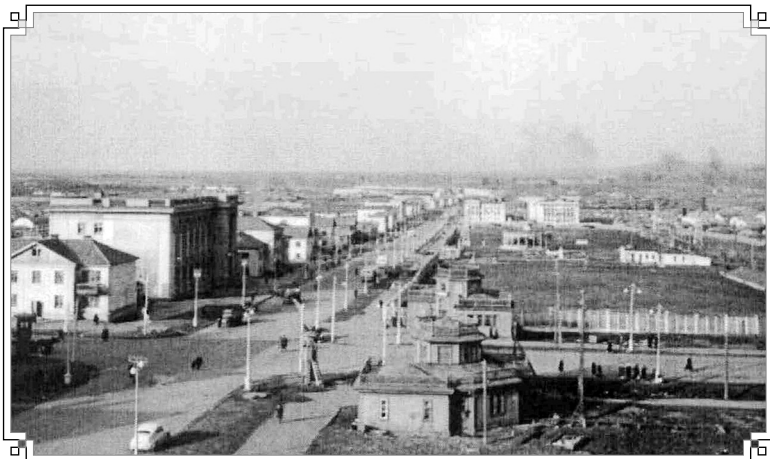
Жизнь у дяди Саши

Вот и долгожданный Норильск. Сколько с ним было связано надежд! Но, увы! В техникум меня не приняли. В учебной части мне объяснили, что прием давно закончен, уже почти месяц идет учеба, общежитие переполнено. К тому же мои документы по запросу были отправлены в Красноярск. Проявив настырность, я проник в кабинет к заместителю директора. Этот чиновник оказался формалистом. Все мои уговоры со слезами на глазах его не тронули: *«Приходи через неделю, из Москвы должен приехать директор техникума, он может решить этот вопрос иначе»*. Я оказался у разбитого корыта, везение кончилось. Что такое неделя для довольного жизнью чиновника и что такое неделя для бездомного и безденежного парнишки, оказавшегося в незнакомом городе!

Уезжая из Назимово, по совету мудрого наставника — директора школы П.В. Пынько я завел тетрадку, куда записал адреса некоторых сельчан, живущих в Красноярске и Норильске. Порывшись в тетрадке, я нашел норильский адрес Генки Высотина, учившегося в назимовской школе в одном классе с моей старшей сестрой Тоней. С Генкой я начал переписываться полгода назад, когда принял решение поступать в Норильский техникум. Именно Гена присылал мне нужную информацию о техникуме. И вот я к нему отправился.

Двухэтажное красивое здание техникума находилось в северной части города в конце улицы Октябрьской, у озера Долгое. Поселок же рудника 3/6¹, где жил Гена, находился в южной противоположной части города на склоне горы Рудная. От техникума надо было прошагать через весь город по улице Октябрьской (около трех с половиной километров), дойти до улицы Заводской и далее свернуть чуть влево на нужную дорогу, пролегающую между двумя лагерными зона-

¹ Рудник 3/6 начал работать еще до войны. С 1955 года рудник имел наименование «Таймырский» и просуществовал до введения в эксплуатацию в 1982 году нового рудника «Таймырский» в поселке Талнах.

*Октябрьская улица. Слева — здание ДИТРа,
справа — стадион «Труд», 1953 год*

ми (мужской и женской) и медленно поднимающуюся в гору на рудники 3/6 и Медвежий ручей.

Дойдя до трехэтажного красивого каменного дворца¹, я спросил у прохожего, где поселок рудника 3/6. Мне было показано направление. Пришлось шагать долго, кончилась застройка, начались пустыри, какие-то непонятные строения, заборы... Мальчишеская ловкость в этот раз сослужила мне плохую службу: я оказался на охраняемой территории рудника 3/6, где основной контингент работающих людей составляли заключенные. (Долгие годы меня мучил вопрос: как я мог попасть в лагерную зону, ведь через колючую проволоку я не перелезал — это бы я запомнил. И только прочитав воспоминания норильчан в многотомном издании «О времени, о Норильске, о себе...», выходящем в московском издательстве «ПОЛИМЕДИА», стало понятно, как это произошло. Оказывается, через некоторые производственные лагерные зоны разрешалось проходить жителям поселка, их пропускала охрана через ворота, не требуя никакого документа.)

¹ Это был Дом инженерно-технических работников (ДИТР), где проходили собрания, концерты художественной самодеятельности и показ кинофильмов.

Но вот что я хорошо запомнил! На пути мне попалась уличная лавка, где несколько мужиков стояли в очереди за каннским табаком, очень ценным тогда курильщиками. В лавке продавались также свежие хлебные булочки, аромат от которых я чувствовал на расстоянии, и он меня доводил до головокружения. Я не мог утерпеть и попросил мужика купить булочку. Как я узнал позднее, это был один из заключенных. Он, ничего не говоря, тут же протянул ее мне. Уточнив направление на поселок рудника, я свернул с дороги на пустырь, идущий на спуск. Вдруг услышал резкий окрик «стой!». Кричал вохровец с вышки, которая вдруг выросла впереди меня. Ничего не понимая, я пошел к вышке. Охранник снова закричал «стой!» и выстрелил. Я от страха присел и стал ждать, когда он ко мне подойдет. Но подошел ко мне не он, а другой и незаметно сзади. Так я был арестован и препровожден в комендатуру внутренних войск МВД. Меня стали допрашивать. Что я мог ответить на вопросы, как попал на территорию зоны, что проносил, с кем связан и так далее? Меня продержали несколько часов, пока не выяснили, кто я, откуда пришел и куда иду. Один из лейтенантов затем проводил меня через охраняемые ворота на свободу и довел до нужного барака поселка вольнонаемных, оказавшегося с двух сторон в окружении лагерей.

Так я оказался в семье эстонца дяди Саши (около 35 лет), одного из осужденных в 1945 году «лесных братьев»¹. Гена Высотин жил у сестры Люси, которая была женой дяди Саши. До Норильска Люся жила в Назимово, и мы знали друг друга. Дядя Саша основной срок отсидел и находился на вольном поселении, но без права выезда из города. Семья из четырех человек (в семье была трехлетняя дочь) жила в одной комнате (около 18 квадратных метров) длинного барака. Узнав всё случившееся со мной, дядя Саша, пожалев меня, предложил

¹ «Лесные братья» с 1944 по 1953 год активно боролись на территории Эстонской республики с советской властью за восстановление независимости. В послевоенный период в отрядах этих «борцов» насчитывалось около тридцати тысяч человек. Фактически это были вооруженные банды, совершающие убийства и грабежи.

жить до следующего года. Вот уж поистине, жизнь, что человек с изменчивым нравом: то хмурится, то иногда безумствует и вдруг ни с того ни с сего улыбнется.

Дядя Саша работал мастером-сапожником. Получал заказы в городской сапожной артели и работал на дому. Была у него небольшая каморка-мастерская, где свободно размещались только сам хозяин, да я — подмастерье. Сапожные навыки, привитые мне в селе отчимом,годились. На еду я уже мог заработать. Шили мы в основном сапоги (мужские и женские) и тапочки, а чинили всё, что на ногах носили норильчане.

Вскоре за мой ударный труд мне были куплены вельветовая куртка и штаны. Жили небедно. Все были сыты. Но малая комната заставляла ютиться. Спальным местом у меня и Генки был диван. Запомнил одну из ярких бытовых сцен. Как-то ночью сильно выпивший дядя Саша стал бить Люсю, она плакала. Мы с Генкой проснулись. Гена что-то сказал дяде Саше. Тот встал с кровати, стоявшей у изголовья нашего дивана, как щенка схватил Генку, лежащего с краю, и бросил в угол. Следующим движением он проделал то же самое со мной. Затем надел полушубок и вышел на улицу. Была зима. Утром обеспокоенная Люся послала Генку искать дядю Сашу, меня же попросила отнести еду борову, который набирал сало неподалеку от барака в самодельном деревянном строении — хлеву. Там я и нашел дядю Сашу, который уютно спал на соломе, прижавшись к теплomu борову.

Гена работал в городе по электромонтажной части. Рано поутру уходил, поздно приходил. Общались мало. Иногда в выходные дни ходили в кино. Гене нравилось играть в любительский футбол. Две команды по пять человек могли часами месить грязь на заснеженной поляне. Как-то Гена зазвал меня. Я впервые попробовал пинать мяч, но кончилось это дракой. Играть я не умел, но мяч отбирал усердно, задиристо и часто недозволенными приемами. Один парень, крупнее и повыше ростом, полез на меня с кулаками. Но я был ловким и свалил его в грязь. Разъяренный, он убежал, но вскоре появился с ножом в руке. Как я ни увертывался, он все-таки

проткнул мне руку чуть ниже локтя. Шрам сохранился до сих пор, напоминая истину, что в футбол надо играть профессионально и в основном ногами. Дядя Саша не остался к этому происшествию равнодушным. Он ходил «бить морду» перспективному уголовнику.

Дядя Саша любил охоту. Хранил нелегально «тозовку» (мелкокалиберное охотничье ружьё). Как-то на охоту напросился и я. Мне очень хотелось побывать в тундре. Обычно перед выходом из дома мы разбирали ружьё и прятали в котомку. В тундре его собирали, там редко можно было встретить человека, тем более мы уходили далеко (за 20–25 км). Охотились на куропаток и песцов. Шкурки песка принимались в заготовительной организации города, где шкурку первого сорта принимали за 600 рублей, второго — за 400 рублей. Поэтому при отстреле песка желательно было попадать в голову. Вскоре дядя Саша убедился, что не зря я у него хожу в подмастерьях. При преследовании, когда песец оказывался на расстоянии выстрела, ружьё передавалось мне, и я дядю Сашу не подводил.

Был у меня в тундре случай, когда меня опять спас от смерти ангел-хранитель. Как-то рано утром, вынося мусор на помойку, я увидел свежие следы песка, оставленные на выпавшей ночью пороше. Дядя Саша дал мне берданку и я, надев лыжи, лихо побежал по следу. Прошел час, а может быть и больше. След вывел меня на крутой склон горы. Лыжи пришлось снять. Снег на склоне был укатан так, что для зацепки ногами надо было долбить прикладом углубления. Это продолжалось довольно долго. Терпение и силы кончались. Не раз появлялась мысль повернуть назад. Но я был настырным. Вот впереди замаячил перевал. Появилась надежда, что песец там начнет прятаться в камнях и подпустит на выстрел. Но я потерял осторожность и сорвался со склона. Летел со скоростью свободного падения довольно долго. Влетел в снежную ложину, где и застрял. Когда выбрался из снега, то увидел, что в ложину можно было попасть по узкому коридору, зажатому клыкастыми горными выступами. Сразу осознания спасительного чуда не было. Вроде так и должно было быть.

Но позднее, восстанавливая в памяти всю картину, я всякий раз удивлялся тому, что миновать острые камни можно было, только сорвавшись с определенного места на склоне, и это-то место и было предопределено мне для падения. Песец оказался заговоренный, а я спасенный.

За несколько дней до Нового 1953 года мы с дядей Сашей принесли из тундры несколько ёлок для себя и знакомых. В ближайшей от поселка тундре ёлки не росли. Мы их обнаружили в достаточно удаленном месте, в лесотундровой котловине (три часа лыжного хода). И вот к дяде Саше приходит красивая женщина и спрашивает, не пойдет ли он в тундру. Ей очень хотелось иметь ёлку. Купить ёлку на городском базаре было сложно. Стоила она недорого (30 рублей – полтораметровая ёлка), но ёлок было мало и их быстро раскупали. Саша поход в тундру до Нового года не планировал. Но подозвал меня и спросил, не хочу ли я прогуляться за ёлкой. Конечно, для меня это было интереснее, чем весь день сидеть на жесткой табуретке.

Принесенная на следующий день ёлка оказалась тем ключиком, который позволил мне войти в жилище главного инженера рудника 3/6 и познакомиться с доброй феей Идой Ильиничной, ставшей через полгода моей благодетельницей, другом и мудрым воспитателем. Хорошо помню тот день, когда впервые оказался в трехкомнатной квартире, что находилась в одном из бараков поселка. Ида Ильинична меня вкусно накормила, узнала всю мою мальчишескую биографию и пригласила приходить, когда я захочу. После этого я частенько навещал эту уютную обитель, где кроме хозяев жила еще домработница тетя Эмма (литовка из репрессированных). Мне там всё нравилось. Были даже газеты и журналы.

К дяде Саше у меня осталось только благодарное чувство. Много лет спустя, когда я уже жил в Москве, а дядя Саша в городе Пярну (Эстония), куда он уехал с семьей после Норильска, я делал несколько попыток связаться с ним. Мне всегда хотелось чем-нибудь (хоть добрым словом!) отблагодарить его за спасительный круг, брошенный мне в тяжелый момент жизни. На мои письма по адресу, данному мне живущим в то вре-

мы в Норильске Геной Высотиным, ответа не было. Я пытался уговорить Гену вместе съездить к дяде Саше. Но Гена поездку откладывал, а в 1977 году из-за семейной драмы (по глупости, как мне писал Гена) он лишился свободы на четыре года. Отбывал срок в лагере под Красноярском. Мы переписывались. В одном из последних писем (1979 год) Гена, находясь в лагере, писал, что ему осталось до свободы полтора года. Но если будет мое поручительство, то его могут освободить досрочно. В ответном письме я спрашивал Гену, как мне это сделать. Написать прошение на имя начальника лагеря? После этого письма от Гены не было ответа. У меня было такое чувство, что я что-то не так сделал и Гена на меня обиделся. Так переписка прекратилась, о чем сожалею.

На руднике 3/6 я состоял на учете в комсомольской организации и регулярно посещал все собрания. Мне даже был выдан пропуск для легального прохода на территорию рудника.

Что такое рудник 3/6? Это достаточно большая охраняемая территория на восточном склоне горы Рудной, западнее нее высилась гора Шмидтиха¹. С 1941 по 1965 годы рудник 3/6 являлся основным поставщиком богатых жильных руд². Во время войны рудник давал 60 % руды по комбинату.

На территории рудника находились контора, бытовки, ламповая, компрессорная, вентиляционная и хозяйственные строения. В составе подземного рудника 3/6 было восемь добычных и проходческих участков, участок подземного транспорта и своя обогатительная фабрика³. Промышленная

¹ Гора Шмидта (эту гору жители Норильска называют Шмидтиха) названа в честь магистра Российской Академии наук Ф.Б. Шмидта, посетившего эти места в 1866 году и опубликовавшего первые достоверные сведения о здешних залежах угля и месторождениях медных руд.

² Жильная руда – руда, имеющая высокую концентрацию цветных и благородных металлов. Например, Талнахская руда содержит до 18 % меди, до 4–5 % никеля и до 0,01 % благородных металлов (золото, серебро, платина, палладий, рутений, родий, осмий, иридий).

³ Обогатительная фабрика представляла собой деревянную эстакаду, наверху которой находился ленточный транспортер, а внизу – деревянные люки-дозаторы. К люкам подъезжали автосамосвалы и загружались богатой рудой, которую отвозили на никелевый завод. На сортировке руды работали женщины-заключенные. Из горной массы, движущейся по ленте, они отбирали пустую породу.

территория рудника была огорожена колючей проволокой со сторожевыми вышками. Численность работающих на руднике составляла 1100—1300 человек, из них заключенных 75 % (бурильщики, крепильщики, скреперисты, откатчики, путейцы) и около 25 % вольнонаемных¹ (инженерно-технический состав и взрывники).

Работавшие на руднике заключенные проживали в зоне, которая находилась на склоне горы Рудная, в 500 м от производственной базы рудника. Сначала лагпункт рудника был только мужским. Но с организацией сортировки по обогащению руды для выполнения нетяжелой, но кропотливой работы потребовались женские руки. В Норильске в то время женщины жили в отдельном лаготделении № 6, находившемся от рудника на достаточно большом расстоянии (около 5 км). Водить женщин на такое расстояние было канительно, поэтому решили часть женщин поместить в мужской зоне вблизи рудника. Выделили два барака, обнесли колючкой и организовали в 1952 году отдельный женский лагпункт.

Запомнились обязательные посещения партийно-комсомольского семинара (зима, 1952—1953 годы), проходившие в конторе рудника, на здании которой висел вдохновляющий плакат: *«Труд в СССР — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства»*. Изучалась книга «Экономические проблемы социализма в СССР», изданная в 1952 году под авторством Сталина. Нужно было проработать весь труд. Для выступления слушателям были расписаны соответствующие разделы книги. Я часто выручал старших товарищей, просивших меня подготовить за них выступления. Руководителю семинара было не важно, кто выступает. Я делал конспект и со шпаргалкой в руке лихо выступал, совершенно не понимая суть вопросов. На семинар приглашались и некоторые беспартийные руководители. Именно на этом семинаре я впервые познакомился с беспартийным Александром Петровичем Прокопенко, главным инженером рудника и мужем Иды Ильиничны.

¹ К вольнонаемным относились и те, которые отсидели сроки в лагерях, жили в городе свободно, но не имели права до окончания сроков поражения в правах выехать из Норильска.

Норильский лагерь заключённых

*...Наш город был городом зэков.
Он здесь возведен на крови.
Сам видел я, как человека
Охранник овчаркой травил.
Запомнила детская память,
Не раз будет сниться потом.
Всё это не где-то, а с нами
В Отечестве было родном.*

Юрий Бариев

Норильский горно-металлургический комбинат (ГМК) в то время входил в систему ГУЛАГа Министерства внутренних дел СССР. Норильлаг занимает особое место в системе ГУЛАГа. Он был образован в 1935 году как промышленно-строительный лагерь. Подневольным трудом узников Норильлага в заполярной таймырской тундре создан город Норильск и горно-металлургический комбинат, речной и морской порты в Дудинке, железная дорога от Дудинки до Норильска и многое другое. Норильлаг — это не только Норильск, Дудинка, но и 8-е лаготделение в Красноярске (порт Злобино), лагеря в Подтёсово и Маклаково, сельхозлагеря в Курейке и Атаманово. В Норильлаге нашли смерть сотни тысяч зэков. В Но-

Первая литература по истории архипелага ГУЛАГ появилась на рубеже 1980–1990 годов. В эти годы исследователи получили некоторый доступ к архивным материалам. В 2004 году в издательстве РОСС ПЭН (г. Москва) вышел сборник документов в семи томах «История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов». Директивы, сводки, приказы, докладные записки, справки, донесения, постановления, отчеты, переписка между руководителями суда, прокуратуры, ОГПУ, НКВД со Сталиным, Молотовым, Калининым и другими руководителями государства красноречиво и убедительно разоблачают репрессивную политику государства и способны «разоружить» даже самого упертого сталиниста.

рильске на Ленинском проспекте есть мемориальная доска памяти жертв политических репрессий, где высечены слова красноярского поэта К. Маликова¹:

*«Рядовые трудовых колонн,
Рядовые жертвы преступленья,
Вас хранит до будущих времен
Мерзлота, свидетель обвиненья».*

В 1953 году Норильлаг включал в себя 49 лаготделений (зон) исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) и шесть каторжных зон Горного особорежимного лагеря (Горлага). В ИТЛ находилось по разным источникам от 150 до 200 тысяч заключенных. Число узников Горлага, созданного в 1948 году, по разным источникам от 25 до 40 тысяч. В нем содержались наиболее «опасные» заключенные со сроками от 10 до 25 лет: участники национального движения сопротивления Прибалтийских стран, Западной Украины и Западной Белоруссии, в том числе и зарубежного сопротивления — из Франции, Чехословакии, Венгрии, Польши, Югославии. Здесь находилось немало солдат и офицеров Красной Армии — участников войны с Германией, бывших военнопленных, в том числе и тех, кто бежал из фашистских концлагерей, а также много жителей оккупированных немцами территорий, арестованных нередко «по подозрению» или «за намерение» и названных изменниками Родины, пособниками палачей. Кроме того, для «усмирения» и «перевоспитания» в Горлаг были переведены тысячи непокорных из других ИТЛ ГУЛАГа СССР. Состав заключенных был столь уникален, что самого богатого воображения не хватит, чтобы представить его.

На дороге к руднику часто можно было видеть колонны заключенных, конвоируемых охранниками. Один из охранников, шедший сзади, обязательно был с собакой. Если какой-либо заключенный сбивал шаг и начинал отставать (обессиленный или больной), то охранник отпускал поводок, собака прыгала на спину зэка и начинала рвать зубами телогрейку. И

¹ Стихи взяты из поэмы «Черный бунт», напечатанной в книге К.Маликова «Старые стихи», Красноярск, 1999 г.

В Горлаге находились бывшие секретарь Омского обкома партии Бакланов, начальник управления НКВД по Орловской области Ананьев, начальник отдела НКВД при Ежове Кричман, начальник Вязьмолага Рудминский (строил дорогу Москва – Минск), руководитель НКВД Ленинградской области Зальцман, зам. Министра иностранных дел Украины Демьяненко, секретарь ЦК ВЛКСМ Мильчаков, герои Советского Союза Шебалков и Воробьёв, полковник Ершов – работник «Смерша», лихой кавалерист 1-й Конной Армии Барханов, офицеры советской разведки Каратовский-Смирнов, Гусев и Мамонтов, многие бывшие командиры Красной Армии, известный поэт Калмыкии Давид Кугультинов, знаменитый хирург Мордовии Родионов, видные советские ученые, ученый лама из Китая, лорд Мак-Махона – доктор филологии, учившийся в учебных заведениях Оксфорда, Сорбонны, Берлина, Пизы и Барселоны (кроме родного английского в совершенстве владел русским, немецким, французским, итальянским и испанским языками), видные деятели Международного коммунистического движения из Франции, Венгрии, Польши, Австрии, Китая, Японии и других стран (Жак Росси, Йожеф Лендел, Иосиф Бергер и другие). Содержались более тысячи подданных 22 стран мира, представители всех республик и национальных меньшинств Советского Союза. Около 60 % общего количества составляли русские, остальные 40 % – другие национальности, среди которых украинцы – самые многочисленные.

только после того, как другие заключенные, подхватив страдальца, возвращали его в строй, охранник оттаскивал собаку. Увиденное всегда вызывало у меня чувство протеста. Вроде бы это были не фашистские лагеря, которые нам показывали в фильмах и где людей рвали собаками. Поэтому такая жестокость по отношению к человеку в нашей стране была для меня тогда необъяснима.

Иногда мы, ребяташки, лагерное окружение испытывали на своей шкуре. Многие (и я в том числе!) не раз получали прикладом винтовки по голове. Это случалось, когда мы пытались на ходу сесть в «воронок», когда он с небольшой скоростью двигался по дороге из города на рудник 3/6. В такую машину запрыгнуть не составляло труда. На бегу одной рукой цепляешься за заднюю бортовую петлю, другой за задний

борт, ногой упираешься в буксирный крюк, подтягиваешься руками и переваливаешься в машину. Из-за висящего сзади брезента ты не видишь, что в машине везут заключенных, и получаешь сильный удар по голове. Сознание не теряли, отделялись только шишками.

Между поселком рудника 3/6 и городом находились мужская (№ 5) и женская (№ 6) лагерные зоны. Эти зоны разделялись дорогой, связывающей рудник с городом. Человек, идущий по дороге, мог явиться соучастником переброски записок, прикрепленных к камню, из одной зоны в другую. Иногда такие записки не долетали и падали на дорогу или в кювет (обычно не долетали записки из женской зоны). Тогда человек ее подбирал и перебрасывал в нужную сторону через тройное ограждение из колючей проволоки. Несколько раз делал это и я. Редко кто не совершал этот гражданский поступок. Место для переброски выбиралось обычно посередине между караульными вышками, и вохровцы, как правило, не замечали это нарушение (или не хотели замечать).

После смерти Сталина в результате широкой амнистии в 1953–1954 годах было освобождено много уголовников. Амнистия не коснулась политических узников и так называемых «перемещенных лиц» (в основном граждан с западных территорий, присоединенных после войны к СССР). Немая часть освобожденных уголовников осела в Норильске. Много их жило в заброшенных шахтах и самодельных строениях — в балках¹. В городе резко возросло количество грабежей и убийств.

Один раз банда из трех уроков хотела ограбить дядю Сашу, когда мы возвращались в поселок из города. Было это зимой, завывала пурга, видимость хуже некуда. В этот день в городской сапожной артели выдавали зарплату. Заодно мы получили новый заказ на пошив обуви и несли с собой сумки с сапожным материалом. На окраине города, где начиналась до-

¹ Балка — жилое строение, нечто среднее между сараем и землянкой. Обычно балки ютились на склонах, и две (иногда три) стенки являлись земляными. Окон, как правило, не было. Зимой при снежных заносах пробраться в каждую балку можно было только по тоннелям. Места скопления таких балок называли «шанхай».

рога на рудник 3/6 (место, называемое «шанхай»), дядю Сашу неожиданно окружили трое (двое сбоку, один сзади) и потребовали: «Фраер, деньги!». Дядя Саша как будто ждал этого, ловко схватил одного левой рукой, другого правой и швырнул обоих на землю. Когда он резко повернулся назад к третьему, тот побежал. Я даже не успел осознать опасность, настолько это было сделано быстро. Со стороны могло показаться, что это игровой эпизод. Хотя дядя Саша и был ростом выше среднего, но не выглядел крепышом. Здесь же он предстал другим: ловким, с длинными и сильными, как у гориллы, руками и с быстрой реакцией, как у охотничьей собаки. С этой поры я стал иначе смотреть на дядю Сашу, но тогда еще не знал, что он прошел хорошую школу в рядах «лесных братьев».

Норильское восстание

*Из тьмы встает свободная держава.
Огни Норильска не погаснут в ней!*

Слова из гимна восставших

В 1953 году я оказался косвенным свидетелем восстания заключенных Норильлага. Нам, любознательным мальчишкам, удавалось часто оказываться там, где быть не положено. Вблизи поселка рудника 3/6 находились две зоны Горлага: с северной стороны — 6-я женская, с западной — 5-я мужская¹. Мы не могли не видеть и не слышать того, что происходило там.

Началось восстание в зонах Горного лагеря, где в отличие от других лагерных зон Норильлага существовал особо бесчеловечный режим. Правильнее было бы назвать это событие не восстанием (такое название было дано следственными органами), а протестом, неповиновением. Важно отметить, что заключенные выбрали ненасильственный метод борьбы за

¹ Согласно справке начальника Тюремного управления МВД СССР М.В. Кузнецова по состоянию на 29 мая 1953 года в 6-й зоне находилось 3515 человек (в это число входит 500 женщин-каторжанок, находившихся на территории этой зоны). Украинки составляли 70 процентов, россиянки — 10, остальные 20 процентов — женщины других национальностей (латышки, литовки, эстонки и т.д.). В мужской 5-й зоне находилось 2896 человек.

свои права, в рамках советской законности. Использовались такие формы протеста, как отказ выходить на работу, митинги и собрания, массовая голодовка, письма и обращения в Советское правительство, жалобы, заявления и многое другое.

В те годы в Норильске были приняты все меры, чтобы скрыть всю правду про норильское восстание. Да и в Советском Союзе долгое время (вплоть до 1986 года) было запрещено говорить об этом событии. Однако о нем сохранилось много документов, хранящихся в архивах (ГАРФ) городов Москвы, Красноярска и Норильска. Сейчас уже про норильское восстание можно прочитать в разных публикациях. Очень ценно, что имеются воспоминания непосредственных участников норильского восстания, которые можно прочитать в книгах 6, 7 и 8 издания «О времени, о Норильске, о себе...» под редакцией Г.И. Касабовой¹. Естественно, эти воспоминания субъективны, являются частными и не отражают общей картины. И это понятно. Ведь у трагического спектакля, где исполнителями были заключенные почти всех лагерей, не было одного режиссера. Игрался он по разрозненным сценариям. Объединяющим был только лозунг «Смерть или свобода!». Ниже дано краткое описание норильского восстания — плод долгой работы с многочисленными материалами. Брались во внимание только те факты, которые подтверждались разными источниками. Основные обобщения делались на основе материалов, собранных бывшим научным сотрудником Норильского музея А.Б. Макаровой, отличающихся наибольшей объективностью и достоверностью.

Считается, что «вирус мятежа» привез в Норильск осенью 1952 года карагандинский этап — 1200 заключенных из особо-режимных лагерей близ Караганды и Тайшета. Прибыли бывшие фронтовики, объединенные прочными узами землячества украинцы, белорусы, эстонцы, литовцы и латыши. Это были молодые, смелые, непокорные, не сломленные морально и физически люди. В Горлаге прибывшим удалось «укоротить» власть вора, уголовников, бандитов, являвшихся у админист-

¹ «О времени, о Норильске, о себе...». Воспоминания. Кн. 6, 7 и 8 / Ред.-сост. Г.И. Касабова. — М.: «ПолиМЕдиа», 2005.

рации лагерей первыми помощниками в поддержании «палочной дисциплины». Изменилась сама атмосфера Горлага. Существенно уменьшились доносы и провокации. О многом можно было говорить вслух. Это не могло понравиться руководству Горлага. К весне 1953 года отношения между охраной и заключенными обостряются. Напряжение нагнетает пропаганда, что здесь сидят особо опасные государственные преступники, изверги, нелюди, «палачи и каратели советского народа». Пропаганда истерически поддерживала страх и ненависть молодых солдат-охранников к заключенным, поощряла жестокое обращение с ними и порицала гуманность. Начальник Горлага санкционировал необузданный произвол. Конвоиры стали часто применять оружие. Автоматные очереди то и дело уносили жизни заключенных. Со стороны администрации лагерей устраивались провокации. Были попытки поссорить национальные группы, которых в лагерях было много: кавказцев с казаками, русских с украинцами и так далее. Участились стычки между политическими и уголовниками. Создалась атмосфера крайней психологической напряженности, в которой призыв к бунту мог разжечь большое пламя.

Происходящее в лагерях тревожило жителей вольнонаемного поселка рудника 3/6. Несмотря на категорический запрет взрослых совать нос куда не следует, мальчишки крутились вблизи ворот лагеря и часто были невольными свидетелями событий... Как-то у ворот 5-й лагерной мужской зоны произошла «заварушка», и мы были свидетелями не только громкой ругани и приказов со стороны лагерного начальства, но и винтовочных выстрелов и автоматных очередей. Тогда мы узнали, что в лагерь привели колонну матёрых уголовников, но их не хотели принимать местные сидельцы. Толпа собралась перед воротами внутри зоны. Когда открыли ворота и стали впускать уголовников, то они были встречены градом камней, кирпичей и других предметов. Руководство лагеря громко призывало толпу разойтись, угрожало, и даже была стрельба. Но всё-таки задуманная провокация не удалась, уголовников пришлось увезти. Населению объяснялось, что происходящее является результатом разборок между заключенными.

Терпение у заключенных кончилось, когда с 21 по 26 мая 1953 года в четырех зонах Горлага (1-й, 3-й, 4-й и 5-й) беспричинно были убиты десятки заключенных. В этих зонах на бараках появились черные траурные флаги с красной полосой. Заключенные отказались выходить на работу. Вскоре к ним присоединились женщины 6-й зоны. На 5 июня 1953 года прекратили работу более 16 тысяч заключенных. Забастовщики требовали вызова правительственной комиссии из Москвы.

В лагерях были созданы комитеты восставших. Комитеты взяли под контроль зоны Горлага и установили демократическое правление. Была организована постоянная связь между зонами, а также выработаны требования и тактика переговоров с начальством, с московской комиссией. В лагерях было собрано более 700 жалоб и заявлений. В них заключенные рассказывали о многочисленных фактах произвола и беззакония, чинимых над ними.

Основные требования заключенных: смена руководства Горлага, прекращение расстрелов, наказание виновников произвола — работников МВД-МГБ, отмена ношения номеров на одежде, снятие с окон барakov решеток, с дверей замков, закрывающих на ночь бараки, снятие ограничения на переписку с родными (два письма в год), отправка на «материк» инвалидов, больных, женщин, стариков, вывоз на родину иностранцев, отмена бесчеловечных наказаний (кандалов, «ледяного карцера»), гарантирование безопасности делегатам-заключенным, ведущим переговоры, прекращение избиений и пыток на следствии и практики закрытых судебных процессов, пересмотр дел политзаключенных, освобождение из лагерей и реабилитация заключенных, которые являлись участниками или жертвами ВОВ, отмена 25-летних сроков заключения.

В 8-й книге воспоминаний «О времени, о Норильске, о себе...» можно прочесть поразительной силы и логики документ «*Обращение заключенных Горного лагеря к Советскому правительству*», датированный 27.06.1953 г.

Бастующим уменьшили норму питания. Прошли внезапные аресты лидеров забастовки. Тогда женщины объявили общую голодовку, которая продолжалась девять дней до приезда

московской комиссии. Женщины проявили удивительные мужество и стойкость, ведь выдержать испытание оказалось очень трудно. Женщины и так были истощены.

В начале июня комиссия МВД из Москвы (четыре человека), возглавляемая полковником Кузнецовым, побывала во всех зонах, которые бастовали, и выслушала требования.

По ходатайству комиссии Москва согласилась удовлетворить часть требований: заменить руководство Горлага, сократить рабочий день до 9 часов, гарантировать выходные дни, снять с бараков замки и решетки, а с одежды номерные знаки, разрешить заключенным отсылать два письма в месяц и свидания с родными, вывезти из Норильска заключенных-инвалидов. Кузнецов также пообещал расследовать случаи незаконного применения охраной оружия и не допустить репрессий в отношении активистов забастовки. Было сказано, что остальные требования находятся на рассмотрении в Москве.

Все лаготделения прекратили забастовку (волынку), за исключением 3-го (каторжанского) лаготделения¹, которое продолжало бастовать, требуя наказания тех конвоиров, которые стреляли в заключенных.

На этом как бы заканчивается первый этап борьбы, которая по своему размаху и значению вышла далеко за рамки обычной забастовки.

Комиссия не торопилась покидать Норильск. Надо было сломить сопротивление 3-го лаготделения и наказать лидеров восстания. Разгневанный Кузнецов пробует морить заключенных голодом. В лагерь перестали завозить продукты, перекрыли воду. Каторжники решили известить об этом население города. Начался массовый выпуск листовок. Семь бумажных змеев, поднимаясь вверх, несли с собой до 300 листовок каждый. Пачка листовок скручивалась в трубочку и подвязывалась ниткой под змеем. Из-под нитки свисал подожженный ватный фитиль. За время подъема змеи фитиль догорал и пережигал нитку.

¹ Численность заключенных мужчин-каторжан 3-го л/о в 1953 году составляла 3730 человек.

Листовки рассыпались. Ветер разносил их по всему городу. На Норильск было выпущено около 40 тысяч листовок. В городе были созданы специальные комсомольские бригады, которые эти листовки собирали. Вот текст листовки: *«Нас расстреливают и морят голодом. Мы добиваемся правительственной комиссии. Просим советских граждан сообщить правительству о произволе над заключенными в Норильске. Катормжане Горлага»*. Листовки очень раздражали руководство. Пришлось в зону завезти продукты и пустить воду.

В это же время началась расправа над инициаторами и активистами забастовки в тех зонах, где борьба была прекращена. По 5-й зоне был составлен этапный список из 700 человек, содержащий всех активистов. Под конвоем заключенных уводили в тундру. Там производили сортировку: лидеров — в наручниках в тюрьму, остальных в бараки. Заключенные 5-й и 6-й зон возобновили забастовку с требованием вернуть всех активистов. Стало понятно, что уступки, на которые так легко пошла Москва, были только манёвром. Основные активисты во всех зонах были выявлены. Осталось только от них избавиться.

В условиях свирепого Горлаговского режима активисты забастовки, естественно, являлись заложниками своей судьбы. Чтобы организовать массовое выступление и легальными методами выразить коллективный протест, надо было проявить беспримерное мужество, смелость, организаторский талант. Многим заключенным жизнь казалась законченной, они не видели просвета. И вдруг они слышали то, о чем вообще нельзя было не только говорить, но и думать: о возможности противоборства лагерному произволу. Забитое сознание стало оживать, рабская психология отступать, страх пропадать. Большинство заключенных пошло за теми, кто явно жертвовал собой ради общего дела.

Начался второй этап забастовки, более организованный и массовый. К заключенным Горлага присоединились заключенные и других ИТЛ Норильска. Связь между лагерями осуществлялась с помощью записок, передаваемых по налаженным каналам, листовок, разносимых воздушными змеями, а также сообщений (флажками) с использованием азбу-

ки морского телеграфа (среди эков были бывшие моряки)¹. Восставшие не имели оружия, более того, добровольно отказались от различных попыток вооружить их. Когда один из активных участников восстания, И.Е. Воробьёв, организовал в подвале барака кузницу для изготовления из снятых оконных решеток пик и ножей, то забастовочный комитет 3-го лаготделения запретил изготавливать холодное оружие и даже вывел Воробьёва из комитета².

Заключенные работали на стратегически важных объектах. Больше всего руководство комбината и Норильлага было встревожено тем, что добыча руды прекратилась (на рудниках работало около 95 % заключенных). Запасов руды могло хватить на 20–25 дней. Нависла угроза остановки никелевого завода. Все понимали, что если встанет завод, то руководителям не сносить головы.

Руководству Норильлага приезд правительственной комиссии из Москвы был не только не нужен, но и опасен. Лагерное начальство понимало, что многие факты провокаций и нарушений советской законности, допущенные ими, скрыть не удастся. Поэтому делалось все, чтобы требования и жалобы заключенных не дошли до Москвы, а протестные выступления объявлялись антисоветским мятежом.

Конечно, восстание было подавлено. Республика заключенных просуществовала около двух месяцев. Были мобилизованы все силы войск МВД и НКВД Норильска. В помощь по Енисею прибыли два полка краснопогонников (войска МВД) из Красноярска. Лаготделения брались штурмом. Забастовщиков расстреливали. Среди штурмовавших потерь практически не было. Количество убитых заключенных точно не известно³.

¹ В основном связь осуществлялась через бесконвойных заключенных, которым разрешалось выполнять работу вне лагеря и без охраны. В женской 6-й зоне одна из каторжанок – молодая эстонка Аста Тофри знала морскую азбуку, дежурила на крыше барака, переговариваясь с 5-й (мужской) зоной флажками.

² И.В. Воробьёв – участник ВОВ, танкист, Герой Советского Союза, прибыл в Норильск с карагандинским этапом. После подавления восстания был избит, искалечен, чудом остался жить. Судом приговорен к новому сроку – 25 годам заключения (первые 10 лет в тюрьме). Умер в 1955 году в Александровском центре Иркутской области.

³ Известны цифры официальных актов: по 3 л/о – убито 57 и ранено 98 человек и 5 л/о – убито 58, ранено 128 человек.

В кладбищенской книге на месте захоронения жертв под горой Шмидтиха есть запись, относящаяся к 1953 году, что в могиле находится 150 безымянных жертв. На этом месте «Мемориалом» Норильска воздвигнуты часовня и крест.

В Докладной записке комиссии МВД СССР министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову сообщается, что *«в результате проведенных мероприятий во всех л/отделениях Горного лагеря было изъято 2920 з/к, активно участвующих в волынке. Из числа изъятых з/к 45 человек арестованы как организаторы саботажа, 365 активных участников и подстрекателей оформлены для водворения на тюремный режим и 1500 з/к участников волынки переведены для дальнейшего содержания в Береговой лагерь г. Магадан. Остальные 1010 изъятых заключенных размещены отдельно от других з/к в двух вновь организованных лагерных пунктах»*.

Конечно, в этой записке не сообщалось о количестве убитых. После избиений главных организаторов и активистов забастовки (72 человека) поместили в тюрьму «Пашкина деревня». Их ждал расстрел. Но руководство Норильлага, пытаясь скрыть следы своих прежних преступлений, не решилось на новое злодейство.

Арест Берии в начале июля 1953 года явился для многих людей его ведомства полной неожиданностью. Случилось то, чего никто не ожидал. Лагерное руководство растерялось. В августе 1953 года около полутора тысяч человек — руководителей и активистов восстания были отправлены этапом (по реке Енисей) в Красноярск, где состоялся суд по делу *«об антисоветском вооруженном восстании, организованном извне»*. Руководителям восстания грозила смертная казнь. Но казнь была отменена в 1947 году. Поэтому было применено «самое гуманное» наказание — новые 25-летние сроки с отбыванием первых десяти лет в тюрьмах. Часть осужденных осталась во внутренней тюрьме Красноярска («Белая лебедь»), остальные были вывезены в лагеря и тюрьмы Магадана («Береговой лагерь»), Джезказгана («Кенгир»), Мордовии («Дубравлаг»), Иркутска, Владимира, Кургана и других городов. Наказания за убийства безоружных людей не понес почти никто.

Забастовка имела большое значение. Первые результаты норильского восстания заключенные почувствовали уже в конце 1953 года. Режим стал более мягким. Заключенным возвратили отобранные права. В 1954 году был ликвидирован и сам Горный лагерь. В Норильск из Москвы приезжала комиссия по пересмотру дел политзаключенных. В 1955–1956 годах большинство узников Норильлага получило свободу. Норильский комбинат перешел на вольнонаемную рабочую силу. Это и был главный результат норильского восстания, подорвавшего непоколебимый фундамент Гулага.

Руководители восстания достойны глубочайшего уважения и восхищения. В 6-й книге воспоминаний «О времени, о Норильске, о себе...» А.Б. Макарова пишет: *«В центре покрытого лагерями Таймыра, в режимных зонах, окруженных автоматчиками, под прицелом пулеметов они создали «республику заключенных», вступили в единоборство с огромной системой насилия и угнетения, с бездушной машиной террора. Это безусловно героизм не меньший, чем на фронте»*. Руководители восстания, несмотря на трагизм своего положения, не теряли веры, что их единоборство не пропадет даром.

В настоящее время основные руководители норильского восстания известны. В первую очередь это Б. Шамаев, Е. Грищак, Г. Климович, Л. Нетто, А. Зеленская, А. Петрашук, И. Сметонене, П. Френкель, И. Касилов, В. Недоростков, П. Фильнев и другие.

Б.А. Шамаев – бывший офицер Красной Армии. Прибыл в Норильск с карагандинским этапом. Один из идеологов и активных руководителей восстания 3-го каторжанского лагеря. Автор тезисов «Как говорить с правительственной комиссией». При штурме лагеря был ранен. Вместо больницы был отправлен в тюрьму, потерял много крови, чудом выжил. Судом был приговорен к новым 25 годам с отбыванием первых 10 лет в тюрьме. Отбывал срок во Владимирской тюрьме и Дубравлаге Мордовии. Освободился в 1968 году и проживал в родном городе Алма-Ате. Реабилитирован в 1993 году. В 1998 году скончался после очередного сердечного приступа.

Е.С. Грицяк – один из основных руководителей забастовки 4-го отделения Горлага (3886 человек). С приходом Красной Армии в Западную Украину 18-летний Грицяк был мобилизован, воевал на 4-м Украинском фронте, был несколько раз ранен, награжден боевыми медалями. Но в 1949 году был «разоблачен» за прошлое сотрудничество с молодежной националистической организацией, требовавшей отделения Украины от России. Осужден на 25 лет. Прибыл в Норильск с карагандинским этапом. После подавления норильского восстания был осужден на новый 25-летний срок и находился во Владимирской тюрьме. Получил освобождение в 1956 году. В 1959 году повторно арестован и помещен в Карагандинский изолятор КГБ. «За создание в Винницкой области организации украинских националистов». Ему был восстановлен прежний 25-летний приговор. Через несколько лет получил освобождение. В 1980 году издательство «Смолоскип» (США) печатает воспоминания Грицяка «Норильское восстание». Снова арест. Органы КГБ требуют «назвать канал передачи рукописи на Запад, отречься от написанного и сдать в КГБ копию рукописи». Грицяк пишет открытое письмо Брежневу, которое публикуется на Западе. После этого КГБ вынуждено было оставить Грицяка в покое.

Г.С. Климович – член комитета 4-го отделения Горлага. Этапирован в Норильск в 1947 году в числе ста человек из Свердловского ИТЛ. В лагере писал стихи, призывая заключенных отстаивать свое человеческое достоинство, за что был осужден с добавлением к существующему сроку еще 10 лет. Автор «Гимна норильчан – участников восстания 1953 года». Активный пропагандист мирной забастовки. После подавления восстания вторично осужден на 25 лет. Далее – Иркутская тюрьма и Владимирский политизолятор. После освобождения (в 1956 году) жил в Гомеле. Написал книгу «Конец Горлага» (Минск, «Наша нива», 1999 г.). Умер в 2003 году.

Л.А. Нетто – член комитета 4-го отделения Горлага. Брат известного футболиста «Спартак» Игоря Нетто. Во время войны попал в плен к немцам. Из лагеря военнопленных был освобожден в 1945 году американской армией. Осужден на 25 лет в 1948 году по обвинению в вербовке американцами. Возвратился в Москву после лагерей в 1956 году. Реабилитирован.

А.М. Зеленская – член комитета 6-го лаготделения. Украинка, уроженка села Пустомитное на Волыни. За участие в Украинской повстанческой армии в 19 лет была осуждена на смертную казнь. Месяц продержалась в камере смертников. Казнь была заменена на 25 лет. Прибыла в Норильск с карагандинским этапом. Выступала на переговорах с московской комиссией. Имела дар оратора. Отбывала новый срок (25 лет) в тюрьмах Красноярска, Владимира и Курганской области. После освобождения в 1956 году жила на Украине, в Ивано-Франковске.

А.С. Петрашук – член комитета каторжан 6-го лаготделения. Дочь православного священника, регент церковного хора и студента Луцкого педагогического училища. В 1945 году за участие в НОРО (Народно-освободительной революционной организации) в 20-летнем возрасте была осуждена на 15 лет каторжных работ. После освобождения в 1956 году вернулась на Украину.

Ирена Мартинкуте-Сметонене – одна из руководителей забастовки каторжанок 6-го лаготделения. Получила 25 лет каторги, будучи ученицей 10-го класса литовской гимназии. Умерла в 2006 году в Каунасе.

П.А. Френкель – председатель комитета 1-го отделения Горлага (3180 человек). Выпускник МВТУ им. Баумана (1926 год). Судился за побеги 4 раза по ст. 58. Накрутил срок – 55 лет. Автор документа-обращения в Президиум Верховного Совета «Почему мы бастуем?». Разработал проект превращения Норильска в поселок колониального типа, отодвинув на 20 км вышки, убрав проволоку и освободив з/к для проживания в пределах поселка. После подавления восстания был осужден на новый 25-летний срок. После освобождения (1956 год) жил в Москве.

И.С. Касилов – член комитета 1-го отделения Горлага. До ареста – инженер. Написал обращение к заключенным «Братцы-невольники», где призывал быть активными. После подавления восстания Красноярским судом был осужден вторично на 25 лет. В красноярской тюрьме в конце 1954 года писал жалобу в Верховный суд РСФСР, в которой разоблачал лагерную администрацию Горлага: «Ни в одном из лаготделений Горлага заключенные не бастовали по собственной инициативе, а были втянуты в «вольтеру» при помощи мерзких провокаций и неприкрыто оголтелых террористических актов со стороны работников МВД. <...>. 4 августа 1953 года было избито 85 человек с переломом конечностей и ребер, а также повреждением внутренних органов почти у каждого избитого. Под окном моей камеры непрерывно в течение 18 часов раздавались страшные крики и стоны. Особенно громко кричащих били досками по голове...». Дальнейшая судьба Касилова неизвестна.

В.П. Недоростков – член комитета 4-го отделения Горлага. До ареста – инженер-экономист из Саратова. Участник ВОВ. В 1947 году был приговорен военным трибуналом войск МВД Саратовской области к 25 годам лишения свободы по обвинению в убийстве начальника райотдела МГБ. В лагере писал стихи. Тетрадки с его стихами передавались из рук в руки, но не сохранились. Во время норильского восстания вел переговоры с московской комиссией, четко и твердо излагал требования заключенных. После подавления восстания был доставлен в «Пашкину деревню» и в бессознательном состоянии помещен в карцер. Как пишет в воспоминаниях

Г.С.Климович: «Володю привезли страшно избитым, пальцы рук и ног были синими, кровь не прилиwała к конечностям... Он всё просил пить, а воды не давали». Ему удалось выжить. После Норильска отбывал срок в разных тюрьмах. Освобожден в 1960 году. Дальнейшая судьба неизвестна.

П.М. Фильнев – председатель комитета 5-го отделения Горлага, бывший полковник Красной Армии. После подавления восстания вторично осужден на 25 лет. Далее – Иркутская тюрьма и Владимирский политизолятор. Освобожден в 1956 году. Дальнейшая судьба неизвестна.

Мои новые родители

Один из гостевых визитов к главному инженеру А.П. Прокопенко в июне 1953 года стал для меня событийным: чета Прокопенко предложила мне стать членом их семьи. Предлагалось жить на правах сына (но без усыновления!), а в сентябре вместо поступления в техникум идти учиться в восьмой класс средней школы. А далее, если не помешают жизненные обстоятельства, открывалась перспектива закончить десятилетку. Что могло быть еще радостнее для меня? Конечно, я был согласен. Но! Жизнь, как и сибирская быстрая река для судоходства, таит много мелей и подводных камней.

Новые родители приняли все меры, чтобы мой переход в их семью не имел для меня негативных последствий. Во-первых, надо было со стороны родной мамы получить разрешение жить в новой семье и продолжить учебу в школе (ведь я был еще несовершеннолетним). Во-вторых, как комсомолец, я должен был получить добро в городском комитете комсомола на проживание в семье политически репрессированных. Да, новые родители были осужденными (Ида Ильинична в 1937 году – десять лет плюс пять лет поражения в правах, Александр Петрович в 1938 году – шесть лет плюс два года поражения в правах). Ниже я опишу, за что они были причислены к врагам народа. Сроки наказания у них кончились. В городе жили как вольные люди и могли уехать из Норильска уже в 1952 году, но не спешили делать это. Были факты, ког-

да жаждущие покинуть Норильск (на законных основаниях!) получали новые сроки. Норильскому комбинату нужны были рабочие руки.

И вот я отправился в горком комсомола. Отправился с надеждой, что «комсомол всегда поможет». Мне такое оптимистичное наставление давал мой учитель Петр Васильевич, когда я уезжал из села. Выслушав мою просьбу, секретарь ГК комсомола заявил, что жить мне у политически репрессированных нельзя. Узнав, что я живу у одного «врага народа» и собираюсь перебраться жить к другим «врагам народа», он заявил, что мне надо срочно уезжать из Норильска и приехать только к сентябрю, к началу учебы в техникуме. Когда я сказал, что у меня нет денег, чтобы ездить туда-сюда, секретарь пообещал меня отправить домой «зайцем» на самолете. На мое замечание, что в моей глухомани самолеты не садятся, мне было обещано забросить меня в районный центр Ярцево. Был даже указан день, когда я должен был прийти с вещами в горком. Выйдя из кабинета секретаря, я только в приемной осознал беду и расплакался. Так все удачно складывалось. И вдруг такой крах! В приемной женщина, сидевшая за печатающей машинкой, стала меня успокаивать. Узнав причину моего горя, она (о, добрая и мудрая!) авторитетно сказала мне: *«Иди и живи у главного инженера, а сюда не приходи»*. До такой простой истины, естественно, я сам додуматься не мог, да еще с нарушением комсомольской дисциплины. Уже сказывалась несвобода человека от членства в организации. К тому же я еще не понимал, что начальство часто могло зависеть от обстоятельств и принимать решения не только глупые, но и вредные¹.

Меня с нетерпением ждали мои благодетели. Новые «родители» были обрадованы, когда я сказал, что мне разрешили жить у них. Это был обман, но я не мог поступить иначе. Хотя я и был жизненно незрелым, но не настолько, чтобы не ухватиться за спасительную подсказку доброй женщины. Считать ли такой обман грехом? Вот уж поистине обман во спасение!

¹ Мой визит в горком комсомола происходил в то время, когда партийное руководство Норильского комбината и Норильлага находилось в замешательстве от начавшегося восстания заключенных Горлага. Комсомол не мог не быть в одной связке с партийным руководством.

До начала занятий в школе (почти три месяца), живя у новых родителей, я бездельничал. Вошел в компанию местных ребят, державшихся дружно кучкой и часто ходивших драться с городскими. Обзавелся свинцушкой¹. Дружил с Владкой Машаровым, который умел играть на гитаре и хорошо пел лагерные песни. Наиболее трогательные песни и стихи я записывал в тетрадку. Вот одно из стихотворений, которое я посылал в Назимово школьному другу Андрею Пономареву:

*«Тебе, мой друг, тебе, мой брат,
С сердечной радостью великой
Решил письмо я написать
Из тундры дальней полудикой.
Живу я, где лежат снега,
Где часто с воем по равнине
Гуляет снежная пурга.
Где льется к морю Енисей
К своим арктическим просторам,
Где множество вернувшихся гусей
Кричат, летая по озерам.
Где ночь полярная темна
И солнце красное не всходит,
Лишь только бледная луна
На сердце мне тоску наводит».*

Конечно, в то время автор этого стихотворения мне не был известен. В 2013 году вышла книжка Галины Касабовой «Талантливый режиссер своей жизни» (Москва, «ПолиМедиа»), где приведено это стихотворение и указан автор С.Ю. Бадаш². Стихотворение начинается по другому «Тебе,

¹ Свинцушка (кастет) – увесистая свинцовая лепешка, закрепляемая с помощью резинки к ладони руки. Удара по голове было достаточно, чтобы вывести противника из борьбы.

² С.Ю. Бадаш (1921–2005) – москвич, участник ВОВ. После демобилизации учился в медицинском институте. На 4-м курсе был арестован «за связь с иностранцами и антисоветскую агитацию». Приговор – 10 лет особых лагерей. Находился в Степлаге в Экибастузе, где принимал активное участие в лагерной забастовке-голодовке. Зачинщики забастовки этапом были отправлены в норильские лагеря. С. Бадаш участвовал в норильском восстании. Вместе с большим этапом норильчан, оставшихся в живых после подавления восстания, Бадаш попал на Колыму. В 1955 году Бадаш был признан невиновным и освобожден. С 1982 года жил в Америке.

моя голубка, мать / С сердечной радостью великой...» и заканчивается такими строчками: «Пройдет она сквозь гряды туч, / Шаром прокатится над миром / И бросит свой холодный луч / В глуши над северным Таймыром».

Руководил нашей компанией Равилька (татарин). Он частенько приносил водку (реже вино) и на правах хозяина угощал нас. В Назимово мне приходилось пить брагу, но я не знал, что такое быть пьяным. В Норильске я познал и это. Хорошо помню случай, когда меня пьяного укладывала спать Ида Ильинична. А утром был серьезный разговор, запомнимшийся мне на всю жизнь. Мне действительно было очень стыдно!

Как-то я был втянут в один криминальный эпизод. Городские ребята, с которыми мы регулярно дрались, решили сделать нашим поселковым ребятам подставу. Утром (из города на рудник) и в конце дня (обратно) вольнонаемных работников возил «воронка». Как-то я и еще двое поселковых ребят, возвращаясь из города, на ходу заскочили в машину, идущую на рудник. В «воронке» находились пять городских ребят. Как только мы оказались в машине, городские выхватили у женщины-билетерши сумку с деньгами и попрыгали из машины. На крик билетерши шофер остановил машину. Те двое ребят, которые были со мной, тоже убежали. Остался я один. Шофер сдал меня вохровцам. Все мои объяснения, что я попал как кур в ощип, хотя и принимались во внимание, но не были достаточными, чтобы меня отпустить. Пришлось выручать меня Александру Петровичу. Он, как правило, задерживался на работе. Его нашли по телефону и сообщили о задержании приемного сына. Он приехал быстро (его возил шофер на «виллисе») и вызволил меня. Прошло несколько дней, и все подозрения с меня были сняты. Настоящие преступники были выловлены и признались.

В общем, осваивал я уличную мальчишескую жизнь довольно активно, принося много огорчений моим новым родителям.

Летом 1953 года в Норильск приехала Зоя — дочь Александра Петровича. Зоя окончила в Москве 10 классов и была на

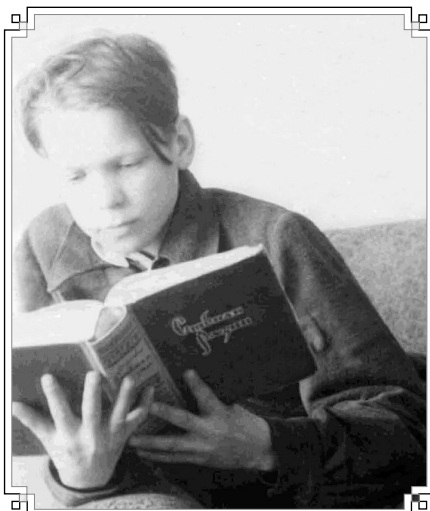
перепутье, чем заняться. Так семья Прокопенко неожиданно выросла до четырех человек. В сентябре я пошел учиться в 8-й класс новейшей средней школы № 6, сданной в эксплуатацию в 1953 году. До школы, находящейся в Горстрое на улице Комсомольской, путь был неблизкий. Нужно было спуститься из поселка в город и проехать на автобусе весь старый город до Гвардейской площади, от которой до школы было совсем близко. Дорога не была в тягость. Автобусы ходили без срывов, даже в лютые морозы и неистовую пургу. При морозах минус 30 градусов и ниже объявлялись «активировки» (отмена занятий в школах). Запомнилось, как мы, школьники, в «черную» пургу, когда ураганный ветер мог сбить с ног и катить тебя по мостовой, пробирались от Гвардейской площади к школе (и обратно), держась за тросы (как на палубе корабля при сильной качке), специально протянутые в проулках между домами и вдоль улиц. В таких случаях идти приходилось почти вслепую — можно было выйти из дома и заблудиться в непроницаемых снежных потоках в двух метрах от крыльца. Из-за полярной ночи приходили в школу как будто в темную ночь и как будто ночью же уходили. Но полярная ночь на улицах города как-то не ощущалась из-за хорошего электрического освещения.

В 1953 году в Норильске уже была построена вся необходимая городская инфраструктура: больницы, школы, стадион, театр, клубы, кинотеатры, Дом пионеров. Был даже Комсомольский парк с танцплощадкой — любимое место отдыха местной молодежи. В новой части города, называемой Горстроем, шло интенсивное строительство. Горстрой находился за озером Долгое и начинался с Октябрьской площади, попасть на которую можно было через дамбу. Вода озера использовалась для охлаждения ТЭЦ, поэтому из-за подогрева не замерзала даже в лютые морозы. Над озером зимой всегда клубился пар. Дамба с двух сторон защищалась щитами, не дающими туману застилать автодорогу. Октябрьскую площадь обрамляли полукруглые величественные пяти- и шестиэтажные дома с гранитной отделкой и с колоннами. Отсюда начиналась главная улица нового Норильска — Сталинский проспект (ныне

Октябрьская площадь, 1953 год

проспект Ленина). Уже существовали улицы Комсомольская, Севастопольская, Мончегорская, Пионерская и Южная. Оказавшись в Норильске через десять лет (похороны Александра Петровича в 1963 году), я был поражен тем, насколько масштабно разрослась территория Горстроя. Появилось много новых улиц. На свайных опорах, забиваемых в мерзлый грунт на 10–12 м, высились уже 12-этажные железобетонные дома. Самый северный в мире горнорудный и металлургический город прочно укрепился на вечной мерзлоте.

Учиться мне нравилось. Появились новые друзья. Юра Колоколов, живший в большой квартире дома по ул. Октябрьская, часто приглашал меня в гости. Мне нравилось бы-

Норильск. 8-й класс (1953–1954 годы)

вать у Юры, но было ощущение, что его родители (отец — высокопоставленный чиновник из Москвы) не одобряли дружбу со мной. У Юры был фотоаппарат, в то время редкость, и я получил первые уроки не только по фотографированию, но и по обработке пленки и печатанию фотокарточек. С Юрой мы часто играли в шахматы. При городском Доме пионеров работал шахматный кружок под руководством мастера спорта по шахматам. Вступив в кружок, я стал изучать теорию шахмат и к концу учебного года получил третий юношеский разряд. Руководитель кружка хвалил меня за быстрые успехи. В конце года даже был вручен подарок — карболитовые шахматы с надписью на внутренней стороне шахматной доски «*Лучшему кружковцу Дома пионеров Беляеву Анатолию*», которые я сохранил до сих пор. Когда я играю этими подарочными шахматами, то редко проигрываю, так как они меня вдохновляют и дают как бы фору.

По настоянию моих новых родителей я прошел курс обучения бальным танцам. Тогда в стране бальные танцы были в моде, и Норильск не отставал от культурной жизни больших городов. Жаль, что ушли в прошлое замечательные парные танцы: падекатр, падеспань, венгерка, полька, вальс, вальс-бостон и другие.

Александр Петрович, Ида Ильинична и я — восьмиклассник

Александр Петрович и Ида Ильинична иногда ходили в театр и брали меня с собой. Заполярный театр драмы имени В. Маяковского в то время был очень популярен. Было трудно достать билеты. Играло много актеров, профессионально выросших в Москве, Ленинграде и других городах, но по трагическим обстоятельствам оказавшихся в Норильске. История Норильского Заполярного драмтеатра богата знаменитостями. Здесь играли с 1946 по 1951 год И. Смоктуновский, с 1950 по 1954 год Евдокия Урсова, урожденная княгиня, бывшая актриса театра им. Ермоловой, с 1953 по 1954 год Г. Жжёнов. Театральным художником была Ольга Бенуа. В частности, мне удалось быть на спектакле, где играли Г. Жжёнов (роль Ленина) и Эдда (Евдокия) Урсова. В театре с большим успехом выступала Львовская хоровая капелла, сосланная в полном составе в 1944 году за то, что во время немецкой оккупации давала концерты завоевателям. Когда творческому коллективу драмтеатра с 1963 года разрешили выезжать за пределы ре-

гиона и страны, о нем узнали и заговорили не только в стране, но и за границей. В 1998 году европейский международный фонд «Партнерство во имя прогресса» наградил Норильский Заполярный театр драмы им. В. Маяковского «Золотой пальмой». Сейчас этот театр — один из лучших драмтеатров Красноярского края.

По окончании учебы в июне 1954 года все мальчишки старших классов поездом были отправлены в порт Дудинку — помогать разгружать суда. Это был первый мой выезд в составе отряда — первая трудовая, почти месячная, вахта.

Город и порт Дудинка — административный центр Таймырского национального округа. Дудинку называют морскими воротами Норильска. Это крупный речной и морской порт Заполярья. В Норильск через Дудинский порт поступают машины, оборудование, лес, продовольствие и промышленные товары. Из Норильска Енисеем, морем и самолетами отправляются цветные и драгоценные металлы, попутная продукция и таймырская пушнина.

Порт производил более сильное впечатление, чем сам город. Каких только кораблей не было у причалов и на рейде. Маячили теплоходы, пришедшие из Красноярска, возвышались громады морских судов ледового класса в характерной окраске, пришедшие Северным морским путем. Под разгрузкой обычно стояло сразу несколько судов. Крутились краны, бегали грузчики. Все вокруг гудело, скрежетало, голосило. Не порт, а муравейник.

В Дудинке порт кочующий. Перед ледоходом он весь вползает на гору. На высокий яр поднимают краны, убирают столбы с проводами, угоняют вагоны с железнодорожных путей. Разбирают часть самих путей, тех, что поближе к реке. При паводке вода может подниматься на 15—18 метров. После ледохода в городе закрываются все конторы и люди выходят на берег готовить причалы к встрече первых караванов.

В конце 40-х, начале 50-х годов Дудинка была успешным городом. В магазинах можно было купить многое, чего не было на материке. Не было трудностей и с продовольствием: мно-

го свежей и соленой рыбы, рыбных консервов и даже оленьё мясо. Не было грабежей, воровства, работали клубы, театры. Но всё изменилось к концу 1953 года. После смерти Сталина в городе осело много вчерашних заключенных, у которых были проблемы с работой, проживанием и пропитанием.

Школьники разгружали теплоходы с продовольствием. В школе, где мы жили, у нас всегда была еда (из разбитых ящиков нам удавалось уворовывать тушенку, сгущенку и рыбные консервы), хотя мы не голодали — нас кормили в столовой.

Запомнился неподалеку от речного вокзала дом, прозванный «Под крышами Парижа», который под одной крышей уместил и лавку, и контору, и крохотный красный уголок. На холмах чуть поодаль от порта высились светлыми прямоугольниками каменные дома. Дудинка в ту пору уже имела пятиэтажные дома, аккуратные деревянные улицы и тротуары. В школах учились дети народностей Севера, приехавшие из отдаленных поселков и факторий Таймырского полуострова. Молодая учительница, которая «пасла» нас и за которой ухаживал бравый морячок, не забыла организовать нам экскурсию в Дудинский краеведческий музей. Через богатые экспозиции музея можно было познакомиться с историей заселения Таймыра, с бытом, религией и обычаями малых народностей Севера.

По окончании трудового месячника в Дудинке новые родители предложили мне на месяц съездить в родное Назимово. Я был безмерно рад. В дорогу отправился уже полноценным гражданином. Мне исполнилось шестнадцать лет, я получил паспорт. Был при деньгах и в новом костюме, сшитом для меня по заказу в одном из лучших ателье города.

В Дудинке я должен был сесть на теплоход. Поезд из Норильска прибыл рано утром. Быстро добраться с железнодорожного вокзала до речного порта можно было на такси. Но я сэкономил деньги и поэтому согласился на предложение двух молодых парней доехать до речного порта на грузовой машине. Времени до отправления теплохода было еще много. Я стоял в кузове машины, опираясь рукой на кабину (в другой руке был

чемоданчик), и лицо мое, обдуваемое встречным потоком, видимо светилось восторгом. Стоявшие слева и справа от меня парни потребовали деньги. Машина хоть и двигалась по городу, но людей поблизости видно не было. Сделав нырок вниз, я освободился от бандитов и прыгнул из машины через боковой борт. При падении ушибся, но руки и ноги были целы. Скорость машины была небольшой, а покрытие улиц в Дудинке — деревянное. Отделался кровоподтеками на коленях и локтях. Но больше всего было жаль новый костюм, у которого, помимо того, что я его измазал, появились обширные рваные дыры на штанинах и рукавах. Ох уж эта жизнь — то взлеты, то падения! Восторженное настроение было омрачено, но ненадолго. Молодость потому и считается лучшей порой жизни, что не может долго таить горести и обиды. Когда теплоход отчалил от пристани и покатил по Енисею на юг, оставляя за кормой расходящиеся буруны, я снова был счастлив.

В сентябре мне не пришлось начинать учебу в 9-м классе норильской школы. После смерти Сталина (март 1953 года) начался отъезд из Норильска бывших репрессированных. Многие осужденные по политическим статьям стали подавать заявления в Военную Коллегию Верховного Суда СССР для пересмотра обвинительных заключений, отмены приговоров и снятия судимостей. Такие заявления были поданы Александром Петровичем и Идой Ильиничной. Уверенная в том, что приговоры будут отменены и судимости сняты, семья Прокопенко в 1954 году решила покинуть Норильск и вернуться в Москву.

За что же были осуждены Ида Ильинична и Александр Петрович?

Александр Петрович Прокопенко родился в 1903 году на Украине. Успешно окончив школу, поступил в Днепропетровский горный институт. После института работал на шахтах города Горловка. В 1931 году пленум ЦК ВКПБ(б) вынес постановление о начале строительства в Москве метро. С 1932 года в Москву стали прибывать по набору специалисты, имеющие опыт работ под землей. Александр Петрович, имея за плечами семилетний опыт работ в шахтах, был направлен в 1933 году

в Москву на строительство метро. Быстро стал начальником участка. Строил станцию «Охотный ряд» (в эксплуатации с 1935 года), затем станцию «Маяковская» (в эксплуатации с 1938 года).

В октябре 1938 года приговором Военного трибунала МВО Александр Петрович был осужден по статье 58-8 (антисоветская агитация) УК РСФСР и приговорен к шести годам лишения свободы с поражением в правах на два года и конфискацией имущества. Получил срок за «болтушку». Выпил как-то с шахтным фельдшером, расслабился и позволил себе нелестно отозваться о чрезмерном восхвалении Сталина. Приятель оказался бдительным и «стукнул». К этому времени у Александра Петровича была семья: жена и шестилетняя дочь Зоя. После ареста его жена расторгла брак с «врагом народа».

Так А.П. Прокопенко оказался в заполярном норильском лагере заключенных (статус города Норильск получил в 1953 году), где до 1945 года работал начальником участка на руднике № 1. Именно с этого рудника началось создание уникальной Норильской металлургии. С 1945 года был переведен на новый рудник 3/6, где проработал до 1954 года, сначала бригадиром проходчиков, затем начальником участка и, наконец, главным инженером рудника.

Ида (Юдифь) Ильинична Варшавская родилась в городе Иркутске в 1914 году. В начале 20-х годов семья Варшавских переехала жить в Харбин, где с 1903 года наряду с русской диаспорой, обслуживающей КВЖД (Китайско-Восточную железную дорогу), официально существовала Еврейская национальная община. Одним из главных стимулов приезда евреев в Харбин являлась возможность организовать торговую деятельность. Значение Харбина как центрального товарного рынка в то время было велико. Успеху способствовало и открытие в 1923 году Еврейского Народного банка. Отец Иды Ильиничны Илья Вульфович Варшавский по приезде в Харбин организовал кожевенное производство. Жили не богато, но и не бедно. В связи с продажей КВЖД в 1935 году Японии (Манчжурия была захвачена японцами в 1931 году) в Советский Союз вернулось несколько десятков тысяч советских граждан, ранее

работавших на КВЖД, а также эмигрантов. Вся эта группа лиц получила нарицательное имя «харбинцы» и была подвергнута репрессиям с обвинением в шпионаже в пользу Японии. Было осуждено около 30 тысяч человек, расстреляно около 19 тысяч. Двадцатидвухлетняя Ида Ильинична и ее муж Даниил Глыбовский в 1936 году приехали в Москву делать свою жизнь и искать счастье. Но в 1937 году сначала арестовали Глыбовского, а через полгода и Иду Ильиничну. Связь с Глыбовским была потеряна сразу (вероятно, был расстрелян).

Ида Ильинична была осуждена Военным Трибуналом МВО в июне 1937 года по статье 58-6г («шпионаж в пользу недружественной страны») и приговорена к лишению свободы на десять лет с поражением в правах на пять лет. Сначала была Бутырская тюрьма. Следствию для подтверждения версии необходимы были только признания. Но Ида Ильинична отвергала обвинение. Вся система допросов была рассчитана на морально-психологическое и физическое изматывание обвиняемого. Чтобы не угнетать читателя, я не буду описывать следственный конвейер, по которому прошла в течение двух месяцев 23-летняя женщина. Ее все-таки «уговорили» подписать признание в сотрудничестве с японской разведкой. Последним «уговором» явилось свидание со старшей сестрой Рахиль Ильиничной, устроенное следователем. Сестра жила в Москве с годовалым сынишкой Мишей¹. Иде Ильиничне было заявлено, что если она не подпишет обвинение, то арестуют сестру, а племянника отдадут в интернат. Пришлось признать себя шпионкой. После подписания признания бутырские мучения кончились, и Ида Ильинична была отправлена в дальнюю дорогу, в Норильлаг. Побывала в пересыльных Ярославской и Владимирской тюрьмах. В последней тюрьме она участвовала в коллективной голодовке протеста заключенных против произвола.

Сроки наказания за несовершенно совершенные преступления Александр Петрович и Ида Ильинична отбыли полностью. Лишь в

¹ М.Э. Теслер – доктор технических наук, окончил Ленинградский Военно-механический институт (ныне Балтийский Университет), один из главных конструкторов Московского ЦНИИАГа.

1955 году по решению Президиума Верховного Совета СССР с них были сняты судимости. В 1956 году они были реабилитированы, то есть Приговоры Военного трибунала МВО были признаны ошибочными и дела прекращены за отсутствием состава преступления.

В Норильске Ида Ильинична встретила Александра Петровича, как она говорила, свою судьбу, и в 1947 году между ними был заключен брак. Из Норильска семья Прокопенко (четверо со мной и Зоей) выехала в Москву в августе 1954 года. До Красноярска летели на пассажирском двухмоторном самолете Ил-14, до Москвы — поездом.

Запомнился первый полет на самолете. В Назимово мы, ребяташки, всякий раз задирали головы в небо, когда на большой высоте с завораживающим гудением пролетали таинственные самолеты (трасса Красноярск — Таймыр проходила над рекой Енисей). И вот я лечу на таком самолете, через иллюминатор рассматриваю вьющуюся ленту Енисея, бесконечные тундровые и таежные дали, запятнанные болотами, редкие населенные пункты по берегам реки и таинственные квадраты поселений в глубинах тайги. Тогда я еще не знал, что эти квадраты поселений являются лагерями для заключенных. Я был на седьмом небе от восторга. Мне нравилось ощущение невесомости при падениях самолета в затяжные воздушные ямы, которых много на авиатрассе по Енисею. Многие пассажиры при таких падениях вскрикивали и чувствовали себя неважно.

В Красноярске билеты на поезд до Москвы удалось взять в плацкартный вагон. Ночевка в гостинице, и далее почти семь незабываемых суток под убаюкивающий перестук вагонных колес по российскому «огромному телу вековой и злосчастной страны». За неделю в вагоне завязались знакомства. Я нашел азартного шахматиста, дядю средних лет. Проигрывая мне, он нервничал и всё повторял, что это случайность. Зоя познакомилась с красивым лейтенантом Военно-воздушных сил Жорой, только что закончившим Ачинское авиационно-техническое училище. Знакомство перешло в любовь, и по приезде в Москву образовалась красивая семейная пара со звучной фамилией Бусыгины. Жора начал военную службу в

авиаполку города Тарту, где в 1955 году родился Сергей — первый внук Александра Петровича. Но молодая семья недолго жила в Эстонии. За пять последующих лет авиационная география этой семьи существенно расширилась (города Рязань, Рязжск, Иваново, Ртищево, Борисоглебск). В эти годы в ВВС шло переоснащение авиаполков новой техникой, передислокация и сокращение численности Вооруженных сил (хрущёвские миллион сто тысяч, два раза — в 1955 и 1958 годах). Высокий профессиональный уровень подготовки Г. Бусыгина понадобился всем гарнизонам. В городе Ртищево в 1959 году родился второй внук Андрей¹.

В Москве семью Прокопенко никто не ждал, тем более московские власти. После Норильска у четы Прокопенко имелись небольшие денежные накопления. Можно было снять жилье. Но бывших заключенных, нереабилитированных, Москва не прописывала и на работу не брала. Прокопенко с нетерпением ждали решения Военной Коллегии Верховного Суда СССР о снятии судимостей, что случилось только год спустя. А пока была осень 1954 года, и надо было убираться из Москвы за пределы 50-го километра. Так в биографии семьи появилась станция Барыбино (56 км) Павелецкой жд., где в большом доме врача-хирурга Ф.А. Полякова была снята одна комната.

В 1957 году Александру Петровичу удалось устроиться на работу начальником отдела по снабжению предприятий горнорудной промышленности в Главное управление материально-технического снабжения Минцветмета СССР. Просидев четыре года в чиновничьих кабинетах, Александр Петрович, соскучившись по живой работе, отправился снова в Норильск, теперь уже по собственной воле. На одном из старинных рудников, «Заполярном», действующем с 1945 года, он проработал начальником строительно-монтажных работ по подземному дробильно-транспортному комплексу около двух лет.

---

¹ Внуки Александра Петровича Сергей и Андрей окончили Курганское высшее авиационное политическое училище. Сергей окончил также Военно-политическую Академию, работал в центральном аппарате ВВС и закончил службу в звании полковника. Андрей работал в центральном аппарате МВД и закончил службу в звании подполковника. В настоящее время Сергей является руководителем хозяйственного отдела в одном из филиалов ГК «Автомир», а Андрей трудится в Ростелекоме.

В 1963 году после короткой болезни Александр Петрович скончался. Похоронен в Норильске, где более 16 лет были отданы созиданию самого северного в мире заполярного горнодобывающего комбината. А.П. Прокопенко — один из тех, кого Норильск должен помнить, чье имя не должно быть забыто. В 1966 году в центре Норильска, на Гвардейской площади, был заложен закладной камень (базальтовая глыба весом около 100 тонн), на котором больше 40 лет висела табличка с надписью: *«Здесь будет сооружен обелиск, всегда напоминающий о подвиге норильчан, покоровших тундру, создавших наш город и комбинат»*. Вот уже 2013 год, а обелиск так и не сооружен. Табличку с надписью убрали, и на Гвардейской площади сам камень стал памятным знаком.

Александр Петрович остался в памяти тех, с кем он работал, не только как грамотный инженер, но и как умелый, чуткий к людям руководитель. За самоотверженный труд он много раз награждался денежными премиями и грамотами. Вот как звучал текст (привожу специально, чтобы читатель почувствовал высокопарный стиль!) одной из первых благодарностей, подписанной начальником Норильского комбината НКВД СССР, комиссаром Госбезопасности А. Панюковым: *«Приказом Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР Генерального Комиссара Государственной безопасности товарища БЕРИЯ от 3 марта 1945 года за перевыполнение производственного плана 1944 года всему коллективу Норильского комбината, в том числе и Вам, Прокопенко Александру Петровичу, принимавшему активное участие в производственных достижениях нашего Комбината, объявлена благодарность»*.

Вот один из знаменательных эпизодов инженерной деятельности А.П. Прокопенко. В 1952 году директор Норильского комбината В.С. Зверев дал задание Р.М. Крестникову¹ срочно выполнить горнопроходческие работы по строитель-

¹ Этот эпизод описан Р.М. Крестниковым в 3-й книге «О Норильске, о времени, о себе...».

Р.М. Крестников (род. 1926 г.) — заслуженный ветеран труда Норильска. Был направлен в Норильск в 1948 году после окончания Московского института цветных металлов и золота. В Норильске занимал руководящие должности на разных рудниках. С 1954 по 1959 г. — начальник рудника 3/6, где работал Александр Петрович.

ству газоходов под действующей ТЭЦ. Для выполнения этого опасного и чрезвычайно ответственного задания был организован специальный проходческий участок, укомплектованный самыми квалифицированными рабочими. Руководителем участка назначили А.П. Прокопенко. С ювелирной точностью были проведены буровые и взрывные работы. Этому предшествовал тщательный расчет количества взрывчатки и очередности взрывов. Были специально разработаны паспорта с указанием определенного количества шпуров на квадратный метр забоя. Эта очень интересная инженерная задача успешно выполнялась в течение двух лет, и газоходы были введены в действие в запланированные сроки. Следует заметить, что это ответственное поручение для бывшего заключенного Прокопенко содержало в себе большой риск: любая неудача могла быть истолкована как вредительство, и тогда ему грозил новый срок.

Александр Петрович с уважением относился к заключенным-специалистам, успешно выполняющим свою работу. Многим оказывал посильную помощь в трудоустройстве, а после освобождения из лагеря помогал найти жильё, что было непросто в Норильске того времени. Некоторых выручал материально, а кого просто поддерживал своим вниманием. Уже живя в Москве, Александр Петрович еще долго получал из Норильска письма с глубоким признанием, с предложениями чем-нибудь помочь, с пожеланиями здоровья, счастья и многих лет жизни. Часть из этих писем сохранилась. Вот, например, как пишет Виктор Говоров, тогда главный геолог рудника 3/6 (с 1955 года главный геолог управления комбината): *«...Все, кто знает Вас на руднике, с глубоким уважением вспоминают Вас, и до сих пор ходит совершенно легендарная слава о Ваших благородных методах руководства нашими коллегами... Хочу выразить Вам свое глубочайшее уважение и благодарность за всё, что Вы для меня сделали».*

Или вот письмо рабочего маркшейдерского отдела А. Щетникова: *«Вот здесь в Норильске я лично разделяю чувство и память, ту, которую Вы лично оставили на благо нашего рудника. Нам и мне не забыть Ваше руководство и обращение, какими Вы были чуткими к запросу всех...».*

Живя в Москве, чета Прокопенко не прекращала дружбу с В.К. Ивановым, В.К. Говоровым, В. Загуменным, с семьями В.К. Багрянцева, Х.С. Абрамовича, К. Уткина, А. Расщепы, Н. Федосеева и многими другими уважаемыми людьми, с которыми свела судьба в суровых условиях труда и быта Норильска. Искреннюю теплоту отношений этих людей чувствовал и я, как член семьи. И, конечно, я не мог не замечать преданность и удивительную привязанность этих людей к чете Прокопенко.

В 1951 году на руднике 3/6 был такой случай. При очередном спуске в штольню из раздевалки, где обычно шло облачение в спецодежду, у Александра Петровича украли костюм. Следует заметить, что Александр Петрович любил строгие, добротные костюмы. Весть о краже костюма у Прокопенко (тогда он был начальником участка) быстро распространилась по всему руднику. Среди заключенных одним из авторитетов был Володя Загумённый, знатный бурильщик, бывший vormedвежатник. Загумённый, зная, каким высоким авторитетом пользуется на руднике Прокопенко, через своих людей дал указание найти костюм. К концу дня Александру Петровичу был вручен выглаженный костюм. Этот случай мне стал известен от самого Загумённого, который после освобождения жил в городе Георгиевске и приезжал в Москву в 1958 году.

Не могу не написать несколько слов еще про одного человека, который очень уважительно относился к чете Прокопенко и оставил у меня незабываемые воспоминания. Это В.И. Сапугольцев, работающий на руднике 3/6 начальником участка и тоже один из осужденных. Впервые я узнал о нем, когда посещал политзанятия на руднике. На здании конторы висела Доска почета, на которой вывешивались сводки трудовых побед лучших работников рудника. В.И. Сапугольцев не сходил с этой доски и всегда был первым, план выполнял на 150–200 процентов. Когда я перешел жить в барак к Прокопенко, то оказалось, что этот герой труда жил в том же бараке и был соседом. Мне нравился этот статный симпатичный мужчина, которому было около 30 лет. У него была легендарная военная биография. За два с половиной военных года в полковой разведке он заслужил много боевых наград, из них

шесть орден. Сидя на скамейке у входа в барак, мог нам, мальчишкам, часами рассказывать про свои военные подвиги. Делал он это залихватски и с некоторой долей бравады. Завороженные, мы слушали про похождения храбрых разведчиков в тыл врага, про удачество при захвате очень важного немецкого «языка» или про пленение танка, пригнанного вместе с немецким экипажем в подарок своему командиру на день рождения. В то время я уже знал, кто такой Вася Теркин, воспетый Твардовским, и, конечно, видел перед собой этого героя, на которого хотелось походить.

Сапугольцев не рассказывал, за что был осужден Военным трибуналом на восемь лет. Позднее от Александра Петровича мне удалось получить подтверждение о героическом прошлом Владимира Ивановича и узнать, за что он был осужден. По окончании войны в 1945 году у некоторых победителей, видимо, от вседозволенности, вскружилась голова. Два друга, два храбрых разведчика бросили свою часть и отправились погулять по Европе. Погуляв во Франции шесть месяцев, 23-летние молодцы возвратились на Родину. Конечно же, на Родине их ждал трибунал и вынужденная, более длительная «прогулка», но уже в Норильлаг.

Но этот жизненный излом оказался для В.И. Сапугольцева не последним. В 1954 году он снова попал под суд за страшное злодеяние — убийство, причем своей жены, артистки Норильского драмтеатра. Жена была старше его, из театра ее иногда привозили ночью и пьяной. Сапугольцев часто ее бил, и это было известно всем живущим в нашем бараке. Их трехлетний сынишка Митька мог весь день беспризорно бродить по бараку, заглядывая то к одним, то к другим соседям. Все его привечали, кормили. Дружбу водил с Митькой и я. Он часто пропадал у меня. Один раз мама, уезжая в театр утром, заперла его в своей квартире. Отец, как обычно, вкалывал в шахте, перевыполнял план и поздно приходил домой. Мама же, придя домой только вечером, обнаружила, что все цветы на окнах объедены. На вопрос, где цветы, Митька честно ответил: «я их зъел», за что она его отлупила. Тут пришел отец, озверел, потерял чувство меры и ударил жену так, что она не

оправилась. Так была разрушена красивая семья. Я очень переживал эту трагедию. Каких же героических мужиков может изломать судьба-злодейка!

«Норильск, Норильск, скажи мне, почему навек ты дорог сердцу моему?!»

Вопрос поэта Давида Кугультинова, вынесенный в подзаголовок, я задавал и себе не раз. У каждого норильчанина есть свой ответ, но каждый согласится с тем, что сказал Кайсын Кулиев: *«Этот город олицетворяет разум человека, мощь его духа и стойкости. Он символ торжества человека над природой Севера»*. Нельзя не согласиться также и с тем, что написала Алла Бузакова-Лукина в своих воспоминаниях (см. 11-ю книгу «О времени, о Норильске, о себе...»): *«Сам город — это памятник тем, кто начал его строить в муках, кто остался навеки в мерзлоте»*.

Расстаться с Норильском, не рассказав немного о его истории и современном его облике, все-таки было бы неправильно.

Норильск расположен в котловине и окружен горами. Название произошло от той местности, где он расположен, от норильских гор и реки Норилка. Норильчане по поводу происхождения имеют свою шуточную версию: *«Куда ни пойдешь, ветер всегда на рыло дует»*.

Рождение Норильска относят к 1935 году, когда в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР на базе богатейших месторождений руды и угля, открытых еще во второй половине 19-го века, началось строительство горно-металлургического комбината. Первыми строителями были заключенные ГУЛАГа. История становления комбината и строительства города столь же героична, сколь и драматична. Ее нельзя описать одной краской. В ней нашли отражение не только лучшие и благороднейшие черты эпохи, но и зло, насилие, несправедливость.

Пятидесятые годы 20-го века были для Норильска десятилетием социальной революции, когда комбинат-лагерь,

подчиненный МВД, в 1953 году стал городом и перешел в ведомство Министерства металлургической промышленности. После выхода из системы ГУЛАГа комбинат почти потерял рабочую силу. 1956 год ознаменовался прибытием на строительство Норильска около девяти тысяч добровольцев из Москвы, Ленинграда и других городов СССР. В 1964 году комбинат был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Открытие и освоение в 60-х годах богатейших руд Талнаха придало Норильску второе дыхание. Одним из первых, кто написал о Талнахе в советской прессе, был известный писатель Константин Симонов, опубликовавший в газете «Правда» свои талнахские репортажи. После визита в Норильск в 1968 году «главного инженера Советского Союза» А.Н.Косыгина (председателя Совета Министров – второго человека в стране) началось строительство второй очереди комбината. Норильчане добрым словом вспоминают Косыгина. По его настоянию Норильску был выделен специальный государственный фонд. Начали реализовываться косыгинские задачи. Угольная энергетика была переведена на дешевый природный газ, вместо «хрущёвок» стали возводить панельные 9-этажные дома на свайных фундаментах, ожило строительство инфраструктуры города (дороги, детские садики, клубы, спортзалы, школы и т. д.). Норильск преобразился и быстро превратился в один из крупнейших и красивейших городов мирового Заполярья. Север покоряли как космос. В Норильске многое было лучше, чем даже в самом Красноярске. Так, например, Норильский плавательный бассейн, построенный в 1959 году, был тогда единственным во всем Красноярском крае и самым первым за Полярным кругом (во всяком случае, в СССР).

Несколько слов необходимо сказать по поводу строительства домов на свайных фундаментах в условиях вечной мерзлоты. Строительство домов на замороженных в мерзлоту сваях было предложено и опробовано заключенными еще в пятидесятые годы. Сваи в пробуренную скважину после заливки глиняной эмульсией вмерзали навеки. Патент на изобретение

не был оформлен. Много лет спустя американцы применили этот метод при строительстве нефтепровода на Аляске и за столбили за собой авторство.

Ныне город Норильск — крупнейший в мире горнодобывающий и одновременно металлопроизводящий комбинат — Заполярный филиал горно-металлургической компании «Норильский никель». Аналогов этому самому северному (за Полярным кругом) градообразующему комплексу в мире не имеется. Минеральный состав норильских месторождений оказался разнообразным, новым и уникальным. Платино-палладиевая минерализация этих руд не имеет мировых аналогов. Из 56 известных в мире минералов платиновых металлов 39 обнаружены в норильских рудах. Выделены 4 новых редких минерала, и теперь их число достигло 25. Руды содержат 14 химических элементов, имеющих промышленное значение. В Норильске ведется добыча 55 % российской меди, 96 % российского никеля, 95 % российского кобальта, 35 % мирового палладия, 25 % мировой платины, 20 % мирового родия. Производится попутная продукция: техническая сера, металлические селен и теллур, серная кислота. Есть рудопроявления свинца, цинка, ртути. Здесь есть также железная руда, каменный уголь, известняки, гипс, флюсовые песчаники, фосфориты и другие ископаемые.

Но промышленные успехи, которыми может гордиться Норильск, — это только одна сторона медали. Другая сторона не может радовать: Норильск является одним из самых экологически загрязненных городов в мире. Вокруг города — царство индустрии и оно «душит в объятиях» город. Концентрация загрязняющих веществ в жилых районах города существенно зависит от того, куда дует ветер¹.

Ныне единое муниципальное образование «город Норильск» наделено статусом городского округа с населением 143 тысячи человек. В него входят два города-спутника (Талнах, Кайеркан), поселок Снежногорск (Усть-Хантайская

¹ Заполярный филиал ГМК «Норильский никель», чтобы уменьшить вредные выбросы и отходы, в настоящее время проводит работу по технологическому переустройству комбината: перепрофилированию старого Никелевого завода, оптимизации потоков различных норильских руд и металлургических процессов.

ГЭС) и город-спутник Оганер. В городе есть православный храм «Всех скорбящих Радость» и мечеть Нурд-Камаль, являющаяся самой северной в мире.

В 1969 году Норильск получил первый таймырский промышленный газ. Протяженность газопровода Мессояха – Норильск составляет 353 км. Проложено три нитки труб диаметром 72 см каждая. Газ был обнаружен в районе Мессояха, на границе полуостровов Таймырский и Ямал. Трубы заложены не в землю, как обычно, а из-за вечной мерзлоты возвышаются над землей на опорах. Пришлось преодолеть 85 водных преград и 15 болот. Общая протяженность газопровода под водой около 40 км. Через двухкилометровый Енисей газопровод прошел по дну на глубине 50 м. Строителям впервые в мире пришлось решать целый ряд сложнейших проблем. Ведь сооружение этого уникального газопровода происходило в условиях вечно мерзлотного грунта, болотистой тундры и перепада температур за период зима – лето до 90°С. Газопровод сделан не в виде прямой нитки, а с изгибами в виде буквы «П», так называемыми компенсаторами, которые пружинят при удлинении труб при летних высоких температурах.

В первый же год эксплуатации газопровода неожиданно проявился один из неучтенных факторов, связанный с миграцией северных оленей. В то время на Таймыре диких оленей насчитывалось более 300 тысяч¹. Встретив на путях перехода от пастбища к пастбищу трубопровод, олени не захотели преодолевать неожиданный барьер метровой высоты. Они двинулись вдоль газопровода. И вот в один из зимних дней тысячи диких оленей оказались на улицах города Норильска. Бедные животные, попав в стрессовую ситуацию, безропотно шли по улицам в течение трех суток и днем, и ночью. Люди же показали свое звериное нутро, в них проснулся инстинкт хищника. Они выходили на улицу и убивали оленей всем, что попадало под руки. Бойня стала такой зловещей, что власть города была вынуждена через местное телевидение обратить-

¹ В настоящее время на Таймыре диких оленей насчитывается более 500 тысяч. Самая крупная популяция дикого северного оленя находится в огромном заповеднике на плато Путорана, куда можно добраться только на вертолете. Площадь заповедника – почти половина территории Бельгии.

ся к жителям с просьбой быть благоразумными и прекратить бойню. В один из таких дней произошел случай, о котором писали даже в местной газете и который заставил людей обдуматься. Старый олень-вожак вышел навстречу уличному движению, рогами пропорол радиатор встречной «Волги» и погиб на месте. Героическое животное отдало свою жизнь для спасения стада.

Для защиты животных были срочно привлечены комсомольцы и школьники, созданы отряды добровольцев-дружинников. Городские власти организовали временные вольеры, в которые были размещены молодые олени, а тех оленей, которые были на грани смерти, спасали антибиотиками, подкармливали ягелем и другим специальным кормом.

Зоологи СССР были встревожены этим случаем. Проектировщикам газопровода потребовалось срочно устранять последствия своего головотяпства. В местах миграции диких оленей строителям газопровода пришлось сооружать «ворота» высотой около четырех метров и шириной до ста метров.

С газопроводом было связано еще одно ЧП, информация о котором была рассекречена спустя 25 лет. После десяти лет эксплуатации в 1979 году на газопроводе имела место крупная авария. Причиной аварии явился недоучет суровых климатических и грунтовых условий. Из-за морозного пучения грунта одну из опор вытолкнуло на полметра, и в трубе появилась поперечная трещина по стыковочному шву. Хотя между опорами расстояние составляло 10 м, угол изгиба в три градуса оказался критическим. Разрыв газопровода произошел недалеко от поселка газовиков Мессояха. В результате резкого падения давления образовалась деформируемая волна, которая, распространяясь с очень высокой скоростью по трубе, в считанные минуты разрушила трубы на участке длиной более 40 км. Авария была настолько серьезной, что населению города Норильска грозило замерзание, и даже планировалась эвакуация женщин и детей. Были закрыты все детсады, школы, некоторые предприятия. Магазины работали по утрам и вечерам. Авария была ликвидирована в рекордные сроки силами десанта в 400 человек. Норильску удалось продержаться

за счет оперативного перехода на резерв: дизельное топливо и каменный уголь.

Климат города Норильска субарктический. Среднегодовая температура — минус 10°C, средняя температура самого холодного месяца января — минус 25°C, средняя температура самого теплого месяца июля — плюс 13,6°C. Зарегистрированная самая низкая температура — минус 61°C, самая высокая — плюс 32°C.

Почти десять месяцев тундра покрыта снегом. Осенью тундра тонет в снежном сумраке, зимой — в синей полярной ночи, которая длится 45 суток (с 30 ноября по 13 января). Но и в полярную ночь жизнь в тундре не замирает. Луна, звезды не дают царствовать абсолютной темноте. Под снегом шныряют копытные лемминги и даже умудряются растить детенышей. В поисках леммингов бродят горностаи и песцы. Белоснежные совы бесшумно витают над сугробами, в которых могут ночевать белые куропатки. Дикие олени перекочевывают на юг, в лесотундру.

В полярную ночь, когда *«солнце красное не всходит, а только бледная луна на сердце лишь тоску наводит»*, можно наблюдать удивительное явление — Северное сияние. Над головою во все небо можно увидеть переливающийся красками, шевелящийся огромный занавес, сотканный из серебристо-голубых лучей. Снег, освещенный небесным сиянием, окрашивается в зеленовато-голубой цвет. Каждый его кристаллик имеет разноцветный отблеск. Ученым разгадать природу северного сияния пока не удастся. А наблюдения якутских космофизиков привели к новым загадкам. Так, над одними районами северные сияния бывают чаще, над другими — реже. Кое-где сияния повторяют очертания морских берегов Ледовитого океана, то есть обнаружилась связь между сиянием и рельефом местности.

Неравнодушного к природе человека не может не поражать чистая и экзотическая заполярная природа. В марте снежный наст уже блестит так, что приходится шуриться и даже можно ослепнуть. В апреле наступают белые ночи, часто сопровождаемые сильной пургой.

Освободившаяся от снежного покрова земля летом прогревается всего лишь на 15–20 см. Ниже этого пласта лежит твердый, непроницаемый щит вечной мерзлоты (толщиной 200–400 м и температурой минус 10–15°C). Несмотря на эту грунтовую суровость, за полярный день, длящийся 68 суток (с 19 мая по 25 июля) в тундре успевают произойти чудеса. Как успевают за такое короткое лето созреть растения? Все знают, что рост и развитие растений происходит в результате образования органических веществ из углекислого газа и воды на свету при участии хлорофилла. На ночь солнце в обычных широтах уходит на покой, и растения тоже спят. А в Заполярье летом нет ночи, и растения научились трудиться круглые сутки.

За быструю весну преобразается тундра. Оживает стланник – вечнозеленые хвойные кусты со стволами чуть толще человеческой руки. Он неприхотлив и растет, уцепившись корнями за щели. Появляется много птиц (более ста видов). Первыми прилетают маленькие пуночки, за ними лебеди, потом стаи уток и гусей, куликов и гагар, ржанок и других пернатых. Меня очень удивляло отсутствие в Норильске воробьев (даже летом), а зимой – ворон (видимо, улетали в менее суровые края). Мне казалось, что эти птицы жить могут везде. Оказывается, нет.

Интересные наблюдения об особенностях заполярной природы в своих воспоминаниях оставили первооткрыватель Норильска геолог Н.Н. Урванцев («Таймыр – край мой северный», М., «Мысль», 1978 г.), ученый-этнолог Л. Гумилёв («Довоенный Норильск», «Литературное обозрение», № 3, 1990 г.), генетики И.Б. Паншин («Из воспоминаний И.Б. Паншина», Заполярная правда, № 101 от 12.07.2006 г.) и А. Баев («Очерки. Переписка. Воспоминания». М., «Наука», 1998 г.).

В своих воспоминаниях Л. Гумилёв пишет: *«И только в середине мая наступает странная весна. Огромные сугробы не тают, а испаряются на глазах. Блики света играют в легких облачках холодного пара; только в затененных местах начинают течь ручейки, как соки земли, и к концу мая наступает весна в нашем смысле. Но как прекрасен заполярный июнь! Солнце всегда висит над горизонтом, а тени кустов длинными полосами тя-*

нутя по воскресшей земле, вокруг ручейков синеют незабудки, на солнечных пригорках сияют жарки. Воздух тих и прозрачен...».

Столь большое внимание Заполярья я уделил не случайно. Таймыр, Норильск — это часть моей биографии. Лучше, чем у поэта Вадима Ковды, не скажешь:

*«А в низовьях, на тундровой шири,
В первозданной таймырской тиши
Необъятное чувство Сибири
Перельется в глубины души».*

Мне хотелось, чтобы читатель хоть немного прикоснулся к истории этого края, почувствовав специфику природы и климата, оценил мужество живущих там людей. «Жидкий народишко» там не живет.

Глава 6

Рождение Норильска и комбината

Вместо предисловия

Моё знакомство с Норильском началось в 1952 году, тогда Норильск был ещё посёлком. Его нельзя было найти на географических картах, он был закрытым и входил в систему ГУЛАГа Министерства внутренних дел СССР. Большинство жителей его (около 80%) составляли заключённые. Попал я в Норильск по вызову из Горно-металлургического техникума, куда были поданы документы для поступления после окончания семилетки.

Улица Октябрьская, техникум. 1952 г.

Мне было 15 лет, прожитых в небольшом глухом сибирском селе. Я по молодости и деревенской дремучести многого не понимал, особенно в социально-политических делах, но всё виденное и слышанное за два года жизни в Норильске глубоко запечатлелось в памяти и нашло осмысление только много лет спустя...

Неумолимое время стёрло из памяти многое из прожитой жизни, но только не то, что впитал в меня Норильск в юные годы. У меня никогда не пропадал интерес к истории Норильска, особенно к раннему периоду становления города

и горно-металлургического комбината. С читателем хочется поделиться некоторыми материалами из ранней истории Норильска, которых у меня накопилось достаточно много...

При ознакомлении с историей Норильска поражает то, как в условиях сурового Заполярья на неосвоенной земле полуострова Таймыр, не имеющей ни автомобильного, ни железнодорожного сообщения с материком, за три пятилетки (с 1935 по 1950 год) фактически с нуля был спроектирован, построен город-комбинат с полным горно-металлургическим циклом и инфраструктурным обеспечением. История Норильска — это история неординарных технических решений, изобретательства, новых технологий, экспериментов и практического воплощения смелой научной мысли.

Уже в мае 1942 года на материк было отправлено 1100 кг (на 25 танков) первого норильского товарного никеля. А в начале 1943 года началась отправка на материк и товарной меди. Следует заметить, что никель в годы войны почти полностью импортировался.

К 1950 году в Норильске работали:

- ♦ горнодобывающий блок в составе подземных рудников 1/7, 2/4, 3/6, 7/9 («Заполярный») и открытых карьеров «Угольный ручей» и «Медвежий ручей»;
- ♦ обогачительно-металлургический блок в составе крупнейшей в Европе Большой обоганительной фабрики, Большой агломерационной фабрики, Большого металлургического (никелевого) завода, Медного завода, Хлорно-кобальтового завода и одного из цехов завода концентратов драгметаллов;
- ♦ топливно-энергетический блок в составе угольных шахт «Норильская», «Центральная», и «Западная-коксовая»;
- ♦ ТЭЦ-1, множество городских и промышленных (более полусотни) локальных отопительных котельных.

Одновременно были спроектированы и сооружены объекты инфраструктуры: транспортные коммуникации (железнодорожная и автодорожная сеть с системой искусственных сооружений и мостов), электрокоммуникации с системами трансформации, системы водотеплоснабжения, сети свя-

зи, объекты стройматериалов и стройиндустрии, портовое и складское хозяйство в Дудинке, Норильске, Красноярске, Мурманске, Архангельске и Кандалакше.

Рождение Норильска тесно связано с Норильлагом, с именами многих выдающихся ученых, технических специалистов, организаторов производства, оказавшихся «врагами народа». Эту правду стараются замалчивать современные толкователи истории Норильска, её вы не найдете даже в материалах краеведческого музея города Норильска. Есть фотографии и материалы про прославленных руководителей комбината, начальников рудников, архитекторов, строителей, оказавшихся в Норильске не по судебному приговору. Но совершенно отсутствуют материалы о тех легендарных людях, которые были заключенными, но которые часто являлись ключевыми фигурами в разрешении многих проблем становления комбината и города.

Особенность Норильска заключается в том, что он находится на Таймырском полуострове за Полярным кругом и является одним из пяти самых ветреных населенных пунктов на планете. Добраться до Норильска непросто. Зимой — только на самолётах. Летом — по реке Енисею, от Красноярска до Дудинки и далее по 110-километровой автомобильной дороге вглубь Таймыра. Есть ещё Северный морской путь с преодолением арктических льдов, который в основном используется для грузовых перевозок. Все живущие на Таймыре считают себя полуостровными жителями и когда уезжают, то говорят, что едут на «материк».

В Норильлаг в основном отправляли людей, осуждённых по политическим статьям и на большие сроки, от 10 до 25 лет. Для таких «врагов народа» требовалась строжайшая изоляция. Таймырский полуостров был для этой цели подходящим местом. Бесконечные заснеженные просторы на сотни километров вокруг охраняли заключенных лучше любых вышек и колючей проволоки. Можно было добраться до реки Енисея (110 км), но убежать по реке было почти невозможно. Посадка на пароходы и самолёты строго контролировалась, и про-

скочить на них было нереально, хотя такие попытки иногда и делались.

Я хочу рассказать о научных открытиях, изобретательности и новаторстве заключённых при решении многочисленных технических, хозяйственных и бытовых проблем на раннем этапе строительства Норильского комбината и заполярного города, когда это строительство находилось в ведении ГУЛАГа.

Многое, о чём я расскажу, можно найти в многотомных воспоминаниях норильчан «О времени, о Норильске, о себе», изданных под редакцией Галины Ивановны Касабовой. Этот уникальный труд еще ждёт глубокого осмысления и самой высокой оценки. В томах собраны исторического значения воспоминания живых свидетелей всего, что происходило в Норильске.

Штрихи к ранней истории Норильска

История Норильска, особенно её ранний этап, очень многогранна. Она сколь героична, столь и трагична. Досконально ещё не изучена: до сих пор не ко всем архивным материалам открыт доступ. Любые исследования по ранней истории Норильска очень важны.

Норильское месторождение полиметаллических руд, как и другие разведанные природные богатства Севера, до середины 30-х годов были в ведении Главного управления Северного морского пути (ГУСМП). Начальником этого управления в 1932—1939 годах был О.Ю. Шмидт¹. 20 июля 1934 года Совнарком и ЦК ВКП(б) поручили ГУСМП провести “изыскания и эксплуатацию всех естественных производительных

¹ Отто Юльевич Шмидт (1891—1956) — выдающийся исследователь Арктики, известный советский математик и астроном с мировым признанием в научной области, профессор, академик АН СССР, Герой Советского Союза. Посвятил 10 лет изучению Арктики, в 1932 году организовал первую в Советском Союзе дрейфующую станцию «Северный полюс-1». В 1934 году — руководитель экспедиции парохода «Челюскин», которая должна была подтвердить возможность прохода грузовым судном Северного морского пути за одну навигацию

сил в Советской Арктике”, а по норильскому региону — разработку угольных месторождений и полиметаллов

Строительство металлургического комбината в Норильске планировалось осуществить в три очереди, начиная с весны 1936 года и заканчивая 1940 годом, с добычей руды в конце третьей очереди. Первоочередной задачей являлось строительство узкоколейной железнодорожной ветки Дудинка — Норильск. Надо было срочно начать изыскательские работы на трассе железной дороги, под стройплощадки в поселке Норильск, организовать поиск местных стройматериалов и источников водоснабжения. Строительство первого этапа Норильского комбината поручили Михаилу Акимовичу Зингеру, гражданскому человеку из окружения О.Ю. Шмидта. Таким образом, официально М.А. Зингер стал с марта 1936 года первым начальником Норильскстроя от ГУСМП.

Что успел сделать Зингер? С огромными трудностями 12 июня 1935 года экспедиция во главе с Зингером прибыла по Енисею в Дудинку. Были доставлены бригада изыскателей, первые проектные группы и грузы. Работать предстояло при отсутствии карт и аэрофотосъемки, без техники, практически вручную, на неизведанной земле. Зингер активно включился в работу. Медлить с началом изысканий было нельзя.

К тому времени из Красноярска сообщили, что в Дудинку по Енисею вышел караван барж во главе с В.З. Матвеевым. Зингер с Матвеевым встретились 2 июля 1935 года. Встретились два начальника: один, назначенный начальником Главного управления Севморпути, начал осуществлять строительство цивилизованным, вольным путем, другому приказом Народного комиссара МВД было предписано строить Норильский комбинат невольным трудом заключенных.

После встречи Зингеру стало понятно, что ему пора сдавать полномочия и возвращаться в Москву. Официально Зингера с должности никто не снимал. О факте возложения строительства Норильского комбината на Главное управление лагерями и назначения нового начальника сообщил Зингеру О.Ю.Шмидт, который в то время облетал север Сибири. Был он в Игарке, Дудинке, посетил Норильск. Зингер оказал

ся в Москве в сентябре 1935 года. Вероятно, его взял на свой самолет Шмидт. В Москве Зингер оказался не у дел, но очень быстро обнаружил за собой слежку агентов НКВД. Как честный партиец, он пришел в органы и сказал: *«Если я виновен, то арестуйте, если невиновен, то оправдайте...»*. Просьбу выполнили, арестовали и в октябре 1936 года расстреляли. Обвинение гласило: *«подготовка теракта и участие в контртеррористической организации»*. Был реабилитирован в декабре 1957 года.

Официально начало истории Норильска относят к 23 июня 1935 года — дате выхода Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР о строительстве на Таймыре Норильского никелевого комбината и передаче строительства Гулагу. Через два дня, 25 июня, Нарком внутренних дел Генрих Ягода издал приказ о создании на Таймыре Исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) — Норильлага и назначении на должность начальника Норильскстроя и ИТЛ Владимира Зосимовича Матвеева¹.

¹ Владимир Зосимович Матвеев (1897–1947) родился в г. Ташкенте, с малых лет работал в кожевенной мастерской отца. В 1918 году в 21-летнем возрасте вступил добровольцем в Красную Армию, где сначала в составе армии Буденного участвовал в боях против Врангеля на Северном Кавказе, а с 1920 года был направлен в Среднюю Азию, где успешно боролся с басмачеством, был дважды ранен. Басмачи за его голову обещали награду — пять тысяч золотых рублей, но никто его не предал... В 1923-м году с басмачеством было покончено... Окончил Матвеев Гражданскую войну в звании старшего майора НКВД, далее работал в системе ОГПУ, занимаясь хозяйственными проектами. Специализировался на дорожном строительстве. Сначала руководил строительством дорог в Карелии, с 1931 года был начальником Свирского лагеря ОГПУ, с 1934 года — начальником Ахунского ИТЛ. Матвеев был храбрым, бесстрашным чекистом, но не чекистом-злодеем. Вот отзывы тех, кто работал с ним в Норильске: *«...Никогда не повышал голоса, не ругался, особенно не наказывал», «...Начальник стройки зверем не был, скорее наоборот, позволяя себе, по мнению Москвы, либерализм и даже товарищеское отношение к заключенным», «...Заключенные своего начальника норильского лагеря уважительно называли «батей»*.

Судьба же по отношению к Матвееву оказалась несправедливой и жестокой. В мае 1938 года он был арестован в Норильске и препровожден в Москву. После девятимесячного следствия Матвееву было предъявлено обвинение в «контрреволюционной деятельности и вредительстве». После нечеловеческих пыток его вынудили подписать показания на себя... В апреле 1939 года последовал приговор — 15 лет тюрьмы...

Уже в июле месяце в Норильск прибыли изыскательская группа «Моспромтранса», первая сотня строителей и 1200 человек заключенных. Из Красноярска до Дудинки заключенных доставили по Енисею (около 2000 км) в переполненных трюмах пароходов и барж, а путь по тундре от Дудинки до Норильска (110 км) им пришлось преодолевать пешим ходом.

В сентябре 1935 в районе будущего Норильска были организованы пять лагпунктов: Дудинский отдельный лагпункт (ОЛП), Дудинская товарная база, Норильский ОЛП, лагпункт “Норильск-2”, лагпункт “Валёк”. С этих организаций началась жизнь комбината. В мае 1936 его начальник В.З. Матвеев издал приказ: *“Вы, советские лагерники, не являетесь отбросами общества, как при капитализме, а являетесь временно изолированными. Да здравствует советская исправительно-трудовая политика и наш любимый нарком Ягода!”*

На В.З. Матвеева была взвалена самая трудная работа по первичному бытовому и хозяйственному обустройству не жилого места. Район строительства не был изучен. Отсутствовали необходимые энергетические мощности. Не было опыта сооружения промышленных и гражданских объектов на вечной мерзлоте.

Отсутствовали проекты рудников и шахт, предприятий по обогащению и переработке руды, объектов инфраструктуры. Не были определены оптимальные пути доставки грузов с материка в Норильск. И, конечно, существовал острый дефицит кадров.

Однако за неполные три года Матвеев со своей немногочисленной командой вольнонаемных помощников и закрепощенных невольников успел сделать очень много. И это благодаря тому, что между вольными и «врагами народа» сложилась атмосфера уважения и взаимного доверия.

Отправили Матвеева в Архангельскую область, в Кулойский исправительно-трудовой лагерь. Срок он не выдержал, болел туберкулезом. Получив воспаление легких, умер 30 сентября 1947 года. Похоронили его на лагерном кладбище (Талага), от которого не осталось и следа. Так закончилась земная жизнь Владимира Зосимовича Матвеева

Было построено пять улиц и 53 дома, заработали пекарня, почта, радиостанция, две животноводческие фермы. Были созданы проектное бюро Норильскстроя, первая химическая лаборатория и мерзлотная станция. Включились в активную работу первые проектанты и изыскатели, начал интенсивно формироваться «контингент» строителей, а также специалистов по отраслям. Продвинулось геологическое изучение района, был заложен рудник «Угольный ручей» и начали проходку первых рудных штолен. Были разведаны строительные материалы, построен кирпичный завод, работавший на местном сырье, началось строительство систем водоснабжения и электроснабжения, гигантской инфраструктуры огромного хозяйства. Была введена в эксплуатацию временная электростанция ВЭС-1. Начато строительство электростанции ВЭС-2, Малого металлургического завода (ММЗ) и временного ремонтно-механического завода. В Норильск были завезены десятки тысяч тонн оборудования, материалов, продовольствия.

Было доказано, что путь доставки грузов в Норильск по Карско-Пясинскому маршруту (порт Диксон — река и озеро Пясино — река Валёк — Норильск) менее надежный, более затратный. Стал осваиваться вариант: Дудинская перевалка и железная дорога — до Норильска. Ушла уйма сил и времени на строительство узкоколейных железных дорог по тундре между Норильском и Дудинкой (120 км) и от пос. Валёк к Норильску (15 км). Худо-бедно составы с грузом по этим дорогам шли в обоих направлениях, хотя и с большими перерывами из-за снежных заносов и аварий в летнее время. Были очевидны просчеты строителей: вследствие протаивания мерзлотного грунта происходило выпучивание опор мостов, образовывались трещины и провалы полотна.

В Дудинке сделаны первые шаги в создании портового хозяйства и строительстве морского причала.

Однако Матвеев со своей командой не выполнил главный пункт Постановления правительства: обеспечить к середине 1938 года получение в Норильске рудного полупродукта

файнштейна¹ и закончить строительство в Красноярске рафинировочного завода для дальнейшего передела файнштейна и получения из него никеля, меди, кобальта, платины и палладия. Матвеева и еще несколько человек арестовали и обвинили в контрреволюционной деятельности и вредительстве. Московский трибунал приговорил Владимира Зосимовича к 15 годам лишения свободы. Он этапом был отправлен в Архангельскую область, где в лагерях, полностью не отбыв срок, умер от туберкулеза в 1947 году. В 1955 году он был реабилитирован, но уже посмертно. Погубило В.З. Матвеева не то, что он не имел достаточного опыта строительства сложного объекта в Заполярье, а то обстоятельство, что на должность его назначал Генрих Ягода, который в 1937 году был объявлен участником заговора против Сталина и расстрелян. Тогда пострадали многие выдвиженцы Ягоды.

То, что было сделано в Норильске при Матвееве, невозможно переоценить. В книге Михаила Важнова «Судьба: В.З. Матвеев (1897–1947)» есть такое заключение: *«...Без той труднейшей работы, которая была проделана под руководством Матвеева, без того опыта, пусть нередко отрицательного, который завещали первостроители, последующий рывок был бы просто-напросто невозможен».*

За годы работы Матвеева (1935–1938) было расстреляно 449 заключенных Норильлага (238 человек в октябре-ноябре 1937 года, 211 человек в феврале-апреле 1938 года). Но эти расстрелы не были инициированы Матвеевым, а были выполнены по приказам НКВД из Москвы².

На заседании Политбюро в апреле 1938 года на пост начальника Норильскстроя был назначен Авраамий Павлович Завенягин, один из видных деятелей государства, будущий куратор атомного проекта. Он четыре года был директором

¹ Файнштейн (около 50% чистого металла) получается при конвертировании штейна. Штейн — промежуточный продукт при получении никеля и меди из сульфидных руд

² При Завенягине расстрелы хоть и были, но не массовые. Следующие массовые расстрелы были при А.А. Панюкове в ноябре 1941 года и в июне 1942 года. Число расстрелянных — сотни человек, точные цифры не известны.

Магнитогорского металлургического комбината, несколько лет работал в Москве, в аппарате наркома тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе. В 1934 году Завенягин был делегатом XVII съезда ВКП(б), того съезда, где большинство делегатов при избрании генерального секретаря партии проголосовали за С.М. Кирова. Итоги подсчёта голосов в бюллетенях были подтасованы, и генеральным секретарём стал И.В. Сталин. После съезда Киров был убит, а из каждых пяти делегатов съезда четверо были репрессированы. А.П. Завенягин уцелел. В начале 1937 года застрелился Орджоникидзе, не выдержавший сталинских репрессий в отношении партийных и хозяйственных кадров¹. Большинство из его окружения было репрессировано. А.П. Завенягин опять уцелел. Но он находился в списках неблагонадёжных. На Лубянке на него завели дело.

Сталин решил отправить Завенягина на Таймыр и испытать его в деле особой важности. В случае невыполнения задания (а были нужны быстрые результаты!) его ждала та же участь, что и Матвеева.

Завенягин понимал, что кайлом и лопатой в руках заключённых задачу не решить: требовались нестандартные пути, поиск и расчёт, творческий и технический прорыв.

До Завенягина норильская лагерная система держалась на трёх китах: мате, блате и туфте. Нормы выработки заключёнными при добыче угля, на земляных работах, снежной уборке и т.д. как правило не выполнялись. Невыполнение нормы — это сокращение хлебного пайка. Чтобы заключённый оставался работоспособным, бригадир сознательно шел на приписки. После этого администрация комбината нормы выработки повышала, но увеличивались и приписки. Получался замкнутый круг. Кроме того, среди заключённых было много неработающих, которые сознательно отказывались от любой работы. При Завенягине стал широко применяться ме-

¹ Это официальная информация, но есть версия, что Орджоникидзе убили. В 1936 году был арестован и расстрелян старший брат Орджоникидзе Павел (Пауля). Известие об аресте брата Серго получил в день своего 50-летия.

тод «кнута и пряника». С одной стороны, в лагерях ужесточился режим, все они были обнесены колючей проволокой и взяты под круглосуточную охрану, появились бараки усиленного режима, карцеры, были введены суровые наказания за невыход на работу... С другой стороны, появились бригадный подряд, стахановское движение, дифференцированная оплата труда, специфический метод стимулирования, связанный с системой «зачетов», сокращавших срок заключения, но не применявшийся, однако, по отношению к политическим.

Одной из первых инициатив Завенягина было укрепление культурно-воспитательного отдела (КВО) в Норильлаге. Завенягин придавал очень большое значение деятельности КВО, которое должно было всемерно и постоянно поддерживать среди заключенных советские настроения, организовать культурный отдых, развивать трудовое соревнование. С помощью аппарата КВО были созданы сотни хорошо подобранных, стабильных рабочих бригад, закрепленных приказом по комбинату. Всякие «режимные» соображения о перетасовке лагерной администрацией этих бригад Завенягин поставил под контроль руководителей производства. Таким образом, начальник лагеря лишился права бесконтрольно командовать в лагере.

В Норильлаге находились тысячи дипломированных специалистов самого широкого профиля: инженеры, ученые, строители. Большая часть из них была осуждена по политическим статьям на 10–25 лет. По ГУЛАГу было предписано «классово чуждые элементы» исправлять только кайлом, ломом и лопатой. В суровых условиях Заполярья им всем до конца лагерного срока грозила неминуемая смерть.

Завенягину ничего не оставалось, как пойти на нарушение лагерных инструкций. Он стал кропотливо отбирать среди заключённых нужных специалистов, освобождая их от конвоирования¹, создавая им сносные условия для жизни

¹ Расконвоированный заключенный имел пропуск для выхода как из лагпункта, так и зоны оцепления. Он мог пойти в город, на базар или в магазин. Мог купить продукты, которых нет в лагерной лавке, послать по вольной почте письмо домой — семье. Но если на этом его ловили,

и работы. О феноменальной способности Завенягина распознавать людей, находить кадры, вспоминают многие вольные и невольные норильчане. В одном из очерков о Норильске, напечатанных в газете «Правда» в 1966 году, про Завенягина писали: *«Он сумел вернуть слабым мужество, отчаявшимся самоуважение и всем — веру в значительность своего труда»*.

Нашлись доброхоты, которые на Завенягина писали доносы в Москву, что он назначает на руководящие должности «врагов народа». Но Москва внимательно следила за всем тем, что происходило в Норильске, и не могла не видеть первые достижения, а вольности Завенягина пока старалась не замечать. Больше того, в Москве даже оценили его тактику. В 1940 году Берия разослал по ГУЛАГу директиву: *«...Полностью использовать всех специалистов из з/к, преимущественно на производстве, наиболее квалифицированных из них — в качестве технических руководителей»*.

В канун сороковых годов А.П. Завенягину удалось осуществить очень важное организационное новшество: вместо Норильскстроя было создано Управление комбината, а Управление лагерями стало всего лишь подрядной организацией, действовавшей на основе договоров с комбинатом. Лагерная администрация освобождалась от ответственности за выполнение производственных и строительных планов, в ее обязанности входило обустройство лагерей и обеспечение рудников, шахт, промышленных и строительных площадок людскими ресурсами. На лагерную администрацию возлагалось сохранение и доставка к месту работы полноценного работника, хоть и невольного, но одетого и обутого, способного трудиться по 10–12 часов.

Управление комбинатом сосредоточило в своих руках проектирование, строительство, производство, материальные и финансовые ресурсы, здравоохранение, образование,

---

то могли лишить пропуска или переписки. Мог свободно прийти в Дом инженерно-технических работников (ДИТР), где имелась хорошая библиотека, и просмотреть последние номера имеющихся газет и журналов. Приятно было, сидя в мягком кресле у столика с затемненной абжуром лампой, почувствовать себя по-настоящему вольным человеком.

культуру и т.д. Очень важным психологическим фактором явилось то, что оценка труда заключенных перешла к техническому персоналу комбината, и безнравственный принцип побуждения невольников к труду силой и угрозами сменился предоставлением работы по специальности, поощрениями и перспективой сокращения лагерного срока за ударный труд. Кстати, в этом состоит одна из разгадок высокой эффективности вклада заключенных Норильлага в создание Норильского комбината и жизнеспособного заполярного города.

Нам трудно представить себе, что мог пережить бывший инженер, осуждённый на 25 лет как «враг народа», которому вдруг доверяют важный участок на производстве и работу по специальности. В подавляющем большинстве эти люди были невинными, в душе оставались советскими гражданами, патриотами своей страны, верившие, что время изменится, истина восторжествует. И, конечно, они работали неистово, не щадя себя, и быстро оправдывали доверие. Многие из них за ударный труд, особенно в годы Великой Отечественной войны, получили досрочное освобождение, но без права выезда из Норильска (до 1954–1955 годов). Им разрешили пригласить с материка семью (жену, детей), которые могли приехать в Норильск за счет НКВД. Это важная веха в истории Норильска: стала формироваться базовая основа населения¹. Заметный прирост населения произошёл в августе 1941 года, когда в Норильск были эвакуированы из Мончегорска, с комбината «Североникель» четыре тысячи инженеров и рабочих.

Завенягин пробыл в Норильске около трёх лет (1938–1941), но успел заложить принципиально важные основы строительства Норильского горно-металлургического комбината и города, что, в конечном счёте, и позволило появиться норильскому феномену. В 1957 году Норильскому горно-металлургическому комбинату было заслуженно присвоено имя А.П. Завенягина.

¹ В 8-м классе школы №6, который я заканчивал в 1954 году в Норильске, было 28 учеников. В большинстве своем они были приезжими с материка, детьми бывших заключенных. Многие жили в балках и бараках.

Завенягин решил генеральное проектирование делать своими силами. То, что предстояло построить на Таймыре, за Полярным кругом, в то время не имело аналогов не только в стране, но и в мире. В 1938 году ещё не было генерального проекта строительства Норильского никелевого комбината. Для разработки его подключили науку — Ленинградский институт «Союзникельоловопроект» (СНОП).

СНОП предложил:

- ♦ В Норильске сосредоточить только горнодобывающий блок и производить первичную отработку руды для получения файнштейна. Окончательную продукцию — товарные никель, медь, кобальт и другие ценные металлы получать на «материке». При этом СНОП ссылался на опыт Канады и других стран, где существовало такое территориальное разделение производств. Под эту технологическую схему в Норильске предлагалось спроектировать жилой поселок с численностью до двух тысяч человек, работающих вахтовым методом. После одного-трёх лет работы — шестимесячная курортная реабилитация в Крыму, на Кавказе.

Но эти базовые принципы уже на старте входили в противоречие с реальностью. Существовал Норильлаг, а он никак не мог стыковаться с вахтовой схемой. Да и отсутствовали круглогодичные надёжные пути доставки полупродукта с комбината на материк. Если в случае каких-либо военных осложнений готовый никель при необходимости ещё можно вывезти самолётом, то это нельзя сделать с полуфабрикатом.

Завенягин принял другое волевое и смелое решение:

- ♦ Проектирование и строительство никелевого комбината вести одновременно. Генеральное проектирование осуществлять силами самого «Норильскстроя». Следует заметить, что до этого ни одно крупное предприятие в СССР не проектировалось местными силами.

- ♦ Организовать в Норильске полный технологический цикл от добычи руды, первичной отработки до получения товарного продукта. Комбинат должен давать конечную продукцию, то есть чистые электролитные никель и медь,

обогащённые шламы, металлический кобальт и ряд других продуктов.

♦ Вблизи комбината построить город, в котором будут жить люди не один-два года, а длительный срок, имея не только нормальные, но значительно улучшенные бытовые условия: благоустроенные квартиры со значительной жилой площадью, спортивные залы, плавательные бассейны и обязательно обильное и богатое витаминами питание. Только так можно компенсировать суровость норильского климата.

Москва одобрила вариант Завенягина. Сразу же Завенягин издал приказ о создании отдела по проектированию и строительству комбината и города. К этому времени уже существовало проектное бюро, созданное еще при Матвееве. Отдел возглавил прославленный проектировщик Александр Емельянович Шаройко, инженер-обоганитель, окончивший Ленинградский горный институт.

Проектантам пришлось решать множество совершенно новых и, казалось бы, неразрешимых задач, связанных со специфическими климатическими, природными и грунтовыми условиями Норильска. Всё надо было делать в сжатые сроки, которые диктовала Москва. Решая в первую очередь основную задачу по строительству никелевого комбината, проектный отдел не забывал про житейские проблемы, связанные со строительством жилья, городской инфраструктуры, жизнеобеспечения и т.д. Вместе с долговременными проблемами приходилось заниматься текущими делами. Так, когда возникла острая нехватка бензина, но была завезена нефть, то проектный отдел разработал крекинг-установку, и бензин стали получать непосредственно в Норильске. Когда для получения серной кислоты возникла потребность в технической сере, проектный отдел разработал проект завода по получению серы из сернистых газов металлургического завода. Завод построили, и потребность в сере была удовлетворена. Когда город ощутил нехватку ложек, кастрюль, стаканов, то проектному отделу пришлось подключиться и к этой бытовой проблеме: на механическом заводе организовали их

производство. Даже часы-ходики, детские игрушки, пуговицы, карандаши и прочее делали в Норильске.

Работа проектного отдела Норильскстроя началась с серьёзного спора между СНОПом, где активную роль играл академик Александр Александрович Скочинский, и ведущими горняками проектного отдела в Норильске об организации наряду с подземными рудниками открытых горных работ. Известно, что во всех случаях, когда руда лежит неглубоко под землёй, выгодно, сняв сверху пустую породу, прямо экскаваторами добывать руду в открытом карьере. Такие открытые работы существенно снижают себестоимость руды и во много раз уменьшают потери полезных ископаемых.

Специалисты СНОПа категорически отвергали возможность добычи руды на открытых горных карьерах из-за снежных заносов, жесточайших морозов и отсутствия мощного горного оборудования в северном исполнении. Решающим в споре явилось мнение самого Завенягина, имевшего опыт открытых работ на Магнитке. Это потом, когда открытые рудники дали значительный эффект по объёмам добычи руды и снижению её себестоимости, этот вопрос окончательно прояснился. А тогда споры велись на серьёзном руководящем и инженерном уровне и не были очевидными.

В качестве объектов открытых разработок были выбраны участки на горе Рудная. Так появились карьеры «Угольный ручей», «Медвежий ручей» и «Гора Рудная». Себестоимость руды из карьеров составила около 77% от стоимости руды, добытой подземным способом. И ещё преимущества: в карьерах было несравнимо больше возможностей использовать машины и механизмы и, соответственно, облегчить труд человека по сравнению с трудом в подземных рудниках. Но были и проблемы, которые пришлось решать. Руда с открытых разработок содержала в своем составе значительное количество снега, что создавало трудности в работе технологического оборудования и перегрузочных узлов, а склад руды становился иногда полностью неработоспособным из-за смерзания руды в бункерах.

В конце 1940 года технический проект комбината был рассмотрен московскими экспертами и утвержден. За военный период коллектив проектного отдела значительно окреп и в 1944 году приступил к составлению нового технического проекта. Рудные запасы, запасы нерудных ископаемых позволяли проектировать крупнейший в Советском Союзе никелевый комбинат, а по отдельным видам благородных металлов — первый в мире комбинат. Новый технический проект летом 1945 года был рассмотрен Наркоматом внутренних дел СССР и утвержден. На основе его был разработан пятилетний план дальнейшего строительства Норильского комбината. Многие проектанты Норильского комбината были награждены орденами и медалями Советского Союза, в том числе А.Е. Шаройко, Л.Л. Никонов, К.И. Ярцев, Г.А. Найденов, Ю.Ф. Ненарокомов, Р.А. Якубов, В.С. Непокойчицкий.

Коварства вечной мерзлоты и снежных заносов...

У проектантов не было ясности, как устраивать фундаменты под большие промышленные сооружения и жилые здания, возводимые на грунтах вечной мерзлоты. В 1935 году на земном шаре не было ни одного крупного промышленного предприятия, построенного в аналогичном районе и, соответственно, какая-либо литература и опыт строительства. Строители не знали ещё про все коварства мерзлотного грунта. По действующим на тот момент общесоюзным строительным нормам что-то строить в условиях вечной мерзлоты вообще было нельзя, специальных же «северных» норм тогда не существовало.

Проектанты начали работу с мерзлотно-грунтовых исследований, что позволило классифицировать грунты. Были выявлены участки для возможных строительных площадок со скальным основанием, залегающим на глубинах 8—30м, участки с галечно-гравийными грунтами, дающими при оттаивании малые осадки, а также участки талых грунтов. А главное, были выявлены участки грунтов, сильно насыщен-

ные льдами. А льды достигали иногда больших размеров: толщиной до 10 м и площадью до нескольких сотен квадратных метров.

Коварство вечной мерзлоты заключается в том, что талая вода не уходит вглубь грунта. На поверхности образуются «плавуны». При замерзании плавуны вспучиваются (из физики известно, что вода при замерзании увеличивается в объеме примерно на 10%), становясь «водяной бомбой». Фундаменты начинают «гулять», стены зданий трескаются, здания деформируются и становятся непригодными к эксплуатации. Был печальный опыт. В течение 1937—1940 годов в Норильске было построено около тридцати малоэтажных каменных домов на мелкозаглубленных ленточных фундаментах. Почти половина из построенных домов была подвержена деформации. Разрушение отдельных зданий приняло такой характер, что дальнейшая их эксплуатация становилась небезопасной. Но и в более поздние годы, когда этот печальный опыт, казалось бы, многому научил, случались оказии. В 1942 году подверглось значительным деформациям 3-этажное здание на Октябрьской улице, что привело к прекращению его эксплуатации. И это произошло только потому, что в 10 м от угла проходил теплопровод, уложенный в земле. В 1955 году были обнаружены деформации фундаментов угольного склада ВЭС-2 и вслед за этим — массовые разрушения металлических колонн. Причиной деформации явилась деградация мерзлоты в основании, вызванная потоком теплых вод от электростанции.

Был опыт и зарубежный. На севере Канады, в долине реки Макензи в годы второй мировой войны было построено поселение, век которого оказался коротким, хотя оно не подвергалось сокрушительным бомбардировкам. Здания стали мертвыми и безлюдными из-за вечной мерзлоты. Мощная техника, градостроительная наука американцев тогда оказались бессильными в борьбе с мерзлотой.

Первые промышленные сооружения и жилые дома в Норильске сами собой явились опытными. На примере их строительства и эксплуатации учились выбирать методы строительства и устанавливать типы фундаментов, обеспечивающие

устойчивость и долговечность проектируемых зданий и сооружений. Сначала строительство велось преимущественно на скальных основаниях и таликах (талых грунтах). Но территория со скальными и тальми грунтами в районе Норильска ограничена. К тому же, чтобы добраться до скального грунта, приходилось иногда снимать слой мерзлого грунта толщиной до 30м. Это был адский труд! Сначала оттаивали землю с помощью костров, потом с помощью раскаленных ломов, которые загоняли в землю.

Стали искать способы сооружения промышленных и жилых зданий на вечномёрзлых грунтах. Дома на улицах Горной и Заводской решено было строить глубоким залеганием фундаментов. Обычный грунт изолировали слоем в 15–20см глины и прикрывали его мхом. Заметили: там, где землю покрывал мох, она оттаивала на небольшую глубину. Оказалось, что если выполнять принцип сохранения мерзлого состояния грунтов в основании зданий, то и эту проблему можно решить. Стали применять столбовые фундаменты, позволяющие под зданиями возводить проветриваемые подполья или вентиляционные продухи и каналы. Эти специальные устройства препятствовали проникновению тепла от отапливаемых зданий в мерзлый грунт.

Столбовые фундаменты впервые были опробованы в 1937 году при строительстве кирпичного завода, который проектировал заключенный инженер-строитель Ф.Г. Холодный. Печи кирпичного завода были запроектированы на свайном ростверке выше уровня земли на метр, с продуваемым низом. Бурили скважину, заливали глиняным раствором, вставляли буювый столб, который вмерзался навеки.

В Норильск Федор Холодный попал после второго ареста в 1935 году, будучи инженером-консультантом «Моссельхозстроя». Первый раз он был арестован в 1926 году и отбывал срок на Соловках. Разработанный Ф.Г. Холодным метод возведения зданий на столбах не был запатентован. Это сделали американцы много лет спустя (в 1975 году), когда применили его при строительстве нефтепровода на Аляске.

Столбовые фундаменты были применены при строительстве в 1938 году электростанции ВЭС-2, обогатительной фабрики и Малого металлургического завода. В 1950 году строительство большого 5-этажного дома со встроенным универмагом на Гвардейской площади (нынешний универмаг «Талнах») было осуществлено на столбовых фундаментах, заглубляемых на шесть метров. Многолетняя эксплуатация дома подтвердила правильность выбранного метода фондирования.

В настоящее время в Норильске насчитываются уже тысячи благоустроенных каменных жилых и культурно-бытовых зданий, сотни многоэтажных (от 6 до 14-этажных), построенных по технологии свайного фондирования. Сохранение мерзлоты под зданиями осуществляется за счет круглогодичной вентиляции подполья через продухи. Высота подполья в настоящее время делается высотой 1,2–1,4 м от низа выступающих элементов цокольного перекрытия.

Понадобилось не менее 20 лет, чтобы эта технология стала единственно правильной для строительства города Норильска. Это была волнующая эпопея борьбы мужественных людей с суровой природой. А ведь план развертывания строительства на 69 параллели в ту пору кое-кому казался утопическим. Многие крупные ученые выступали против этого плана, приводили веские доводы.

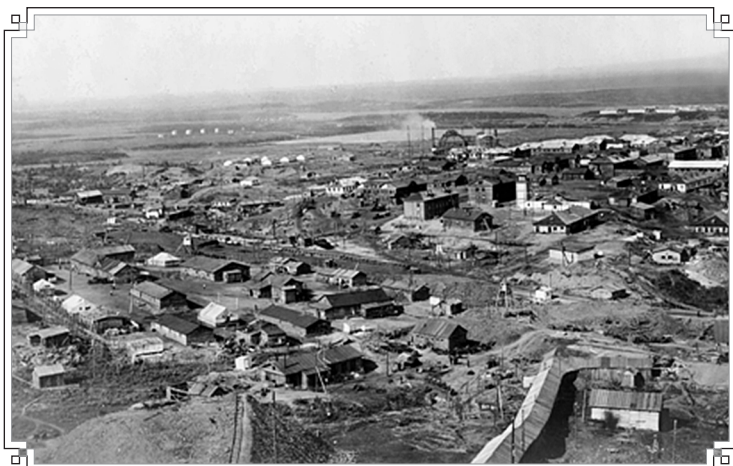
В течение многих лет в лаборатории под руководством Михаила Васильевича Кима изучались как теоретические, так и практические вопросы технологии свайного фондирования. Пришлось углубиться в теорию, досконально изучить мерзлоту, которая бывает разной по своим механическим, пластическим, термическим и всяким иным свойствам. Впервые были разработаны основы этой технологии, имеющие мировое значение.

В 1966 году большая группа проектировщиков и строителей, возглавляемая прославленным инженером-гидротехником, бывшим заключённым, Михаилом Васильевичем Кимом, была удостоена Ленинской премии.

Михаил Васильевич Ким (1907–1970) родился на Дальнем Востоке в деревне Кудровая падь Приморской области в корейской семье. Окончил рабфак при Дальневосточном университете (1927) и Ленинградский политехнический институт (1932). В 1932–1935 гг. был аспирантом ВНИИ гидротехники и одновременно работал инженером-гидротехником Нижне-Волгопроекта. Арестован в 1935 году и обвинен в создании в 1924–25 годах на территории Приморского края «анархосиндикалистской антипартийной контрреволюционной группировки» (цитата из следственного дела), связях с антипартийными группами в Корее и Манчжурии и т. п. Приговор — 4 года лишения свободы без поражения в правах и конфискации имущества. Отбывал наказание в Норильлаге. Работал инженером-гидротехником и старшим прорабом. Освобожден по амнистии в 1939 году. Работал в Норильске, как вольнонаемный. В 1939–1959 годах — начальник мерзлотной станции и начальник отдела изысканий проектной конторы Норильского комбината. В 1956 году реабилитирован. В 1959—1970 годах — директор Норильского научно-исследовательского отдела Красноярского Промстройпроекта Госстроя СССР. В 1966 году удостоен Ленинской премии за участие в создании теории свайного фундирования. Похоронен в Норильске.

Норильск. Одно из современных зданий на столбовых фундаментах

По поверхности земли в Норильске уложены сотни километров труб разного назначения диаметром до 1,6м: водоводы, канализация, теплофикация, паропроводы, пульпопроводы и другие технологические трубопроводы. Во многих случаях трубопроводы уложены по эстакадам и отдельным свайным или рамно-лежневым опорам. Первыми крупными трубопроводами, уложенными на поверхности земли, были две нитки напорных водоводов циркуляционного водоснабжения ТЭЦ диаметром 1,2м. Проектом предусматривалась дорогая термоизоляция. Но было доказано (расчетами, а затем и практикой), что при минимальной температуре воды в начале водоводов $+1^{\circ}\dots+2^{\circ}$ термоизоляция их оказывается излишней. Водоводы из стальных труб без изоляции, уложенные в 1945 году, работают безаварийно до сих пор. При сильных морозах на внутренних стенках труб образуется ледяная корка, но, как показала практика, она исчезает при смягчении погоды без «ледохода в трубах». Для трубопроводов малых диаметров (до 25–30см) образование ледяной корки представляет опасность, поэтому для таких труб применяется подогрев до более высокой температуры.

В 1950 году на поверхности земли был впервые уложен пульпопровод от обогатительной фабрики до никелевого завода протяженностью 7 км. В 60-х годах были проложены трубы, обмотанные стекловатой и защищенные деревянными рейками, по перекачке пульпы (измельченная руда, смешанная с водой) с Талнахской обогатительной фабрики на Медный завод (30 км) и Надеждинский металлургический завод (45 км).

Не был изучен вопрос об устойчивости железнодорожного полотна, мостов, эстакад, автодорог при сооружении их в мерзлотных грунтах. Пришлось разрабатывать специальные способы стабилизации и укрепления земляных полотен, откосов, склонов.

При проектировании автодорог и железнодорожных путей с целью их защиты от снежных заносов и сохранения в основании полотна мерзлоты предусматриваются насыпи высотой для автодорог 1,5 м, для железных дорог не менее 1,2 м. Выемки допускаются в исключительных случаях.

Примером неправильного сооружения автодороги явилась дорога на аэропорт на участке от ручья Купец до аэропорта длиной 7,1 км: высота насыпи составляла всего 0,5 м, не были построены водоотвод и искусственные сооружения. В результате в течение первой весны и лета грунт насыпи частично ушел в основание из-за протаивания и частично был вымыт и унесен паводковыми водами.

Земляное полотно железной дороги Дудинка-Норильск почти на всем протяжении имеет насыпи не ниже 1,5–2,0 м. Водоотводные каналы расположены не ближе 20 м от полевой бровки полотна.

Бедствием в условиях Норильска всегда были снежные заносы, требующие больших трудозатрат. У домов вздымались десятиметровые сугробы, улицы становились непроезжими, почти непроходимыми. За несколько часов остановившийся поезд могло полностью занести снегом. Над паровозом и вагонами образовывалась «снежная шапка» высотой в несколько метров. Поезда порой откапывали из-под снега на протяжении многих дней. Зафиксирован случай, ко-

гда отправившийся из Дудинки состав из-за снежных заносов прибыл в Норильск спустя 22 дня.

В 1937 году была создана специальная служба для борьбы со снежной стихией. Но затраты на снегоуборку оказались большим и часто бесполезным накладным расходом. Когда пурги длились неделями, терялся смысл расчищать пути, они сразу же заносились снегом. В сентябре 1939 года А.П. Завенягин даже вынужден был принять волевое решение: «...железную дорогу *Норильск-Дудинка* для движения поездов закрыть до весны».

Решающую роль в борьбе со снегом сыграли заградительные щиты М.Г. Потапова, которые стали широко применять в 1941—1942 годах. Например, в 1941 году было изготовлено около 22 тысячи щитов, проложено 2,4 км снегозащитных заборов. Эти щиты и заборы освободили от изнурительной работы тысячи людей, предотвратили недельные остановки на железных и шоссейных дорогах, дав экономию в десятки миллионов рублей.

Еще находясь в лагере, Потапов провёл кропотливые исследования влияния на снежные заносы рельефа местности, различных преград, направления и силы ветра, количество переносимого ветром снега и т.д. В 1940 году Потапов предложил снегозащитные щиты «активного действия» — решетчатые и наклонные со щелями у земли. В наклонных щитах ветропоток отклоняется вниз, врывается в щели с дикой скоростью и, подобно воздушному брандспойту, сметает с дороги снег. При установке их в определённых местах ветер сам очищает от снега нужное место.

В Норильске возникла целая наука борьбы со снегом, не имеющая precedентов в мировой практике. Появились деревянные решетчатые заборы высотой 3,5—5,5 м, наклонные продуваемые заборы высотой 6 м, устанавливаемые за пределами железнодорожного габарита со стороны господствующих ветров, переносные снеговые щиты, крутые деревянные галереи, строящиеся в местах, где другие средства снегозащиты не применимы, деревянные эстакады на крутых склонах гор.

Заборы и щиты М.Г. Потапова до сих пор успешно работают в Норильске, но уже не имеют такого первостепенного значения как раньше, так как ныне появилась современная мощная снегоуборочная техника.

Михаил Георгиевич Потапов (1893–1954) — инженер путей сообщения, изобретатель. После учебы в Московском институте путей сообщения работал на восстановлении железной дороги на Урале и на Рязанской ж. д. прорабом, консультантом по научной организации труда. В 1928 году, работая на Московско–Казанской ж. д., зарегистрировал первое изобретение: лопату для земляных работ. Другое изобретение «травосжигалка» заинтересовало маршала Тухачевского, и было взято в оборонную промышленность. В 1937 году Потапова арестовали, в том числе и за связь с опальным маршалом, и осудили на 10 лет. В Норильск Потапов попал в 1939 году после Соловков. Сначала был на общих работах, затем — старшим инженером по снегозащите техотдела. В 1940 году Потапову поручили организовать систему снегозащиты в Норильске. В 1943 году группа Потапова стала опытно-исследовательской станцией. М.Г. Потапов является также автором ряда рационализаторских предложений: зеркальные прожектора, упрощенный паровой вентиль, совковые лопаты и др. В 1944 году Потапов был досрочно освобожден, в этом ему помог А.П. Завенягин, ценивший и опекавший Потапова

даже когда уехал из Норильска. В 1945 году старший инженер техотдела комбината Михаил Потапов был удостоен медали “За трудовое отличие”. В 1950 году М.Г. Потапов получил авторское свидетельство на снегозащитные щиты. В 1950 году при «чистке» инженерно-технических кадров Потапова сократили, он уехал в Канск. Там он был вторично арестован по старому делу и отправлен на вечную ссылку в Норильск. За два месяца до смерти М.Г.Потапову разрешили выехать из Норильска в Черногорск Хакасской области, там он и похоронен. Через четыре года после смерти Деда Снегодоя, как называли Потапова в Норильске, вышел труд Потапова по снегоборьбе отдельной книгой.

Изобретатели выручали как в производстве, так и быту...

Творческие способности норильчан поражают. На любом месте, будь это шахтеры, металлурги, строители, горняки, геологи, находились изобретатели. И не всегда можно было провести грань между инженерной смекалкой и научной разработкой. Норильчане могли делать всё — от сложного оборудования до различных ручных инструментов и бытовой техники. Сколько было новшеств по строительным материалам, по техническому обеспечениюстроек, шахт и рудников, по технологиям добычи и обогащения руды, бурения и т.д.! Сколько было оригинальных доработок оборудования, доставленного с материка, не выдержавших условия эксплуатации на Крайнем севере!

Норильску катастрофически не хватало стройматериалов, разных и в больших количествах. Всё доставить с материка было невозможно. Тем более, что основной путь доставки грузов по Енисею прекращался зимой. Надо было искать местное сырьё. С помощью геологов были найдены кирпичная глина, известняки, песок, гипсовый и бутовый камень, щебень, мрамор и т.д. Удалось наладить производство цемента высшего качества (марки «портланд»), стекла, керамической плитки, керамзита, гипса и пр.

Большим достижением явилось производство собственного кирпича. В первый год строительства Норильска кирпич привозили с материка, даже из Воронежа, так как в районах Красноярского края излишков его не было: не хватало и для собственных нужд. Из Воронежа привозили с многократными перевалками, что приводило к огромному бою кирпича, потере его качеств, баснословной стоимости.

Автором разработки собственного кирпича в Норильске стал Борис Ильич Левитанский, до ареста работавший главным инженером завода на Украине. Он предложил технологию производства красного кирпича из местных глин и необычного сырья — алевролита, осадочной горной породы, запасы которой на Таймыре неиссякаемы. Первый кирпичный завод, построенный в 1937 году, в какой-то мере утолил голод в строительных материалах, но не удовлетворял полный спрос ни по количеству, ни по качеству.

После войны построили второй, а затем и третий кирпичные заводы. В 1950 году технологию изготовления кирпича усовершенствовали: реконструировали сушильные камеры, огневую сушку заменили на паровую. Результаты реконструкции положительно сказались на качестве продукции. Теперь сырец попадал в сушильную камеру, сушился строго по заданной программе, затем переходил в кольцевую печь. Кирпич устойчиво занимал марку «100», редко «75» и стал обладать всеми необходимыми качествами: был прочным, лёгким, нетеплопроводным и, что очень важно, сохранял все свойства при многократном замораживании.

Б.И. Левитанского, талантливого инженера-строителя, в конце войны освободили из лагеря, и вскоре он стал главным инженером управления местных материалов. Он организовал производство минеральной ваты и гипсолита. Сырьём для минеральной ваты послужил камень, называемый габбро-диабазом, а для гипсолита сырьём явилась смесь гипса и золы.

Благодаря Б.И. Левитанскому была установлена загадочная причина порчи кровельных железобетонных плит электролитного цеха Большого металлургического завода. Спецификой цеха являлось постоянное наличие пара. В плиты

снизу проникал пар, а сверху на плиты действовал 30-градусный мороз. Пар, соприкасаясь с холодом, превращался в лёд. Вода же, превращаясь в лёд, в своём объёме расширяется. Вот этот лёд и рвал плиты, крошил их. Когда по предложению Левитанского дополнительно снизу установили защитные плиты из пенобетона, порча кровельных плит прекратилась: пар перестал проникать в них.

* * *

Никто, нигде и никогда не решался на кирпичную кладку в морозы. По предложению инженера-электрика С.М. Новицкого¹ и его товарищей на комбинате впервые был введён электропрогрев бетона, а затем и кирпичной кладки. Применение электропрогрева дало возможность возводить стены крупных объектов и даже дымовых труб в лютые морозы. В частности, возведение дымовой трубы высотой 140 м Большого металлургического завода производилась зимой. На тот момент труба была самой высокой в Европе. Скептики предупреждали «труба рухнет», но она стоит до сих пор.

* * *

Совсем уж неожиданной оказалась проблема с устройством защитного заземления электрических сетей, электрооборудования, высоких зданий и сооружений. Все знают, что одним из проводов при передаче электрического тока при трехфазной системе является так называемый нулевой провод, который должен быть заземлён, а для высотных сооружений должен быть сооружен молниеотвод. Обычно в качестве заземлителя используется земля, грунт. Как обычно осуществляют заземление? Вбивают в землю металлическую трубу, рельс или стальные стержни, и присоединяют к ним нулевой провод или молниеотвод. В мёрзлом же состоянии земля яв-

¹ Новицкий — псевдоним. Настоящая фамилия Михайлов. Человек легендарной судьбы. Член партии с 1919 года. Во время гражданской войны был нашим разведчиком в Румынии. Здесь был арестован и приговорён к смертной казни. Благодаря Советскому правительству Новицкий был спасён. В Норильск попал, имея срок тюрьмы 5 лет. В 1954 году Новицкий был реабилитирован, жил в Риге.

ляется изолятором, плохим проводником электричества и не может служить заземлителем.

Один из заключенных Норильлага В.Н. Глазанов ещё во времена завенягинского руководства комбинатом убеждал начальство в том, что энергохозяйство нового промышленного района на Таймыре создается с чудовищными нарушениями техники безопасности. Применялась традиционная технология заземления: вбивали в вечную мерзлоту трубы, прокладывали в ледяной почве металлические шины и рельсы, присоединяли к ним электротехнические устройства и рапортовали, что электрическая безопасность обеспечена. При этом часто случались аварии при эксплуатации электросетей, высоковольтного оборудования и энергоустановок, было много смертей, и не всегда были понятны их истинные причины...

Глазанов с помощью точных замеров электрического сопротивления доказал, что ни один из применяемых ледяных заземлителей не соответствует техническим нормам. Он не ограничился тем, что поднял шум, а стал искать положительные решения. Одна из его идей была до изумления проста. На территории поселка Норильск существует озеро Долгое, которое даже в свирепые морозы не промерзают насквозь, и на его дне — нормальная почва. По проекту Глазанова в дно глубоководного озера Долгое уложили массивную свинцовую (для предохранения от коррозии) сетку и заземлили на неё все энергоустановки комбината. Так появился в мире электротехники новый тип заземления, названный Глазановым озёрным заземлителем.

Очень сложная ситуация сложилась при строительстве в Норильске в 1942 году кобальтового завода. Площадка под завод, имеющий плавильные печи, должна была иметь скальное основание. Такая площадка была найдена, но надо было снять мерзлотный грунт толщиной около 30 метров. Обычными методами с помощью прогрева мерзлого грунта кострами и раскаленными ломами невозможно было уложиться в сжатые сроки строительства. В. Глазанов предложил использовать для оттаивания грунта электропрогрев. За сутки прогреваемые

электричеством электроды углублялись в землю до полутора метров, и котлован удалось подготовить в требуемые сроки...

Диапазон технических разработок В.Н. Глазанова, его изобретений и исследований оказался очень широким: защитное заземление в условиях вечной мерзлоты, прогрев грунтов электрическим током при подготовке котлованов, прогрев почвы в совхозных теплицах, разделение минералов методом сепарации... Все идеи Глазанова нашли практическое воплощение и принесли большую реальную пользу. Они также были положены в основу его будущих кандидатской (1944 год) и докторской (1948 год) диссертаций.

Владимир Николаевич Глазанов (1898–1964) — крупный советский ученый электрофизик, доктор технических наук, профессор. Родился в Санкт-Петербурге. В 1927 году окончил Ленинградский политехнический институт. Несколько лет работал заместителем директора по научной работе знаменитого Ленинградского физико-технического института (ЛФТИ). Директором ЛФТИ в те годы был А.Ф. Иоффе, одновременно там трудились Д.И. Блохинцев, И.В. Курчатов, А.И. Лейпунский, Н.Н. Семенов, Д.В. Скобельцын, Г.Н. Флеров и другие. В 1930 году Владимир Николаевич перешел на научную работу в Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ), где его избрали доцентом кафедры техники высокого напряжения. В ЛЭТИ он работал начальником высоковольтного отдела, заместителем директора, одновременно ведя преподавательскую работу.

В 1936 году ученого В.Н. Глазунова, широко эрудированного интеллигента, знавшего и любившего художественную литературу, владевшего английским, немецким и французским языками, прошедшего научную стажировку в Германии и США, арестовали и осудили на 8 лет исправительно-трудовых лагерей «за участие в контрреволюционных сборищах», «подбор в институт троцкистских кадров» и т.п. Срок заключения В.Н. Глазунов отбывал сначала на Соловках, затем в Норильске.

По ходатайству начальника комбината В.Н. Глазанов в 1943 году был досрочно (на год раньше) освобожден, но продолжал работать в Норильске начальником энергетической лаборатории. В 1946 году ему разрешили уехать из Норильска. Начинается период жизни В.Н. Глазанова в г. Обнинске: сначала работа в одной из лабораторий Институ-

та химической физики АН СССР, расположенной в Обнинске, затем (с 1950 года) в Физико-энергетическом институте (ФЭИ). Долгожданную реабилитацию В.Н. Глазанов получил только в 1955 году. В 1956–1959 годах он стал заместителем директора по науке в ФЭИ, а с 1959 года до неожиданной смерти в 1964 году директором основанного им Обнинского филиала МИФИ. Память о В.Н. Глазанове живет в городе Обнинске и воплощена в памятных мемориальных досках на здании ускорителей в ФЭИ и на главном здании ИАТЭ (ныне филиал НИЯУ МИФИ), от которого проходит туевая аллея, названная его именем.

* * *

В начале 50-х годов плановые задания на добычу руды возросли настолько, что их стало невозможно выполнить при существующих мощностях рудников. На руднике 3/6 в 1953 году (начальник Р.М. Крестников, главный инженер А.П. Прокопенко), был найден оригинальный способ выемки жильной руды из ленточных целиков в старых камерах с применением ледовой закладки, позволивший какое-то время не только выполнять, но и перевыполнять план по объемам добычи руды

Так как в подземных выработках круглый год держатся отрицательные температуры, пришла идея использовать для крепления старых камер лёд. Организовали специальный подземный участок по намораживанию льда в отработанных камерах. Возглавил участок опытный практик М.В. Любимов, хорошо знавший все подземные выработки. Возвели ряд бетонно-деревянных переемычек по периметру камер и стали закачивать воду. Установили контроль за её замерзанием. Когда прошло несколько недель, решили, что можно приступить к выемке руды из целиков. Но, к большому разочарованию, было обнаружено, что в центре камеры вода не замерзла, а замёрзла только по периметру — в её кровле и подошве. Тогда стали проводить заморозку льда послойно. Пришлось делать монтаж новой сети трубопроводов и дополнительно привлекать слесарей-разливщиков. На практике была отработана технология залива: толщина слоёв и время замерзания. Метод

стал использоваться повсеместно. В дальнейшем он был ещё более усовершенствован стараниями талантливого горного инженера Василия Карповича Иванова.

В условиях послевоенного времени, когда существовал острый дефицит материалов и оборудования, применение льда в качестве закладки дало большой экономический эффект, ведь из целиков, руда в которых считалась технологически потерянной, было извлечено сотни тонн богатой жильной руды.

* * *

Бывали примеры изобретательности даже с риском улучшить новый лагерьный срок. В апреле 1943 года в штольне №6 рудника 3/6 интенсивно шли вскрышные работы — впереди была богатая жильная руда. Но при проходке штольни большого диаметра кончился крепежный металл. На комбинате резерва не оказалось. С материка металл могли доставить только в июне, с началом навигации на Енисее. Ждать нельзя. Что делать? Расконвоированный заключённый Моисей Исаакович Евзеров, работающий на руднике техническим руководителем, предложил проходить штольню на деревянном креплении с последующим его бетонированием. Но как поведет себя дерево в бетоне? Не будет ли оно гнить? Ведь могут появиться пустоты, а далее и завалы. Проектный отдел комбината отверг это предложение, настаивая на металлическом креплении. Формально он был прав. Но! Евзеров утверждал, что деревянная крепь в бетоне при минусовой температуре гнить не будет. Он на свой страх и риск запустил в производство свой проект без утверждения комбината. Случись беда, его бы обвинили во вредительстве и дали бы новый срок — это происходило в военное время.

Евзеров, ещё раньше, при работе техруком в 1939 году на шахте «Надежда», проявлял техническое новаторство. Там, при возросших объёмах добычи угля, стало не хватать копелевских самоопрокидывающихся вагонеток. Однако на «Надежде» лежали двенадцать анзеновских вагонеток без употребления, так как они не имели опрокидов. Евзеров

предложил эскиз опрокида, который был сделан в шахтной кузнице. Опрокиды установили и анзеновские вагонетки стали работать.

Моисей Исаакович Евзеров (1901–1985) родился в г. Вельже Смоленской области. Член ВКП(б) с 1919 года. В гражданскую войну работал в политуправлении Западного фронта. Демобилизовавшись в 1921 году, занимался партийной работой, был членом Сталинского горкома. В 1932 году закончил Московскую горную академию (учился вместе с А.П. Завенягиным). Являлся первым советским управляющим рудников «Грумант Сити» на Шпицбергене. В середине 30-х годов работал управляющим одного из рудоуправлений Кузбасса. В 1937 году М.И. Евзеров был репрессирован и осужден на 10 лет по политической 58-й статье. Находясь в заключении в Норильлаге, первое время работал техническим руководителем угольных шахт. За добросовестность и профессионализм в работе в 1940 году был расконвоирован. Далее работал начальником шахт, главным инженером (с 1944 года) и начальником рудника. В 1955 году Евзеров получил освобождение. Два последних норильских года он занимал должность заместителя начальника техотдела управления рудниками комбината. Занесен в Книгу Почета Норильского комбината. Евзеров прожил в Норильске 20 лет и покинул его в 1957 году, уехав в Мурманскую область, где до 1961 года работал заместителем директора комбината «Печенганикель». Умер в 1985 году, похоронен в Москве. После себя оставил записки о своей горькой судьбе под псевдонимом Михаил Ильич Левин. Его дочь Инесса Евзерова-Качурина утверждает, что отец, описывая свою жизнь в ГУЛАГе от третьего лица, все-таки меньше переживал, старался отстраниться от личных невзгод.

* * *

Уникальность Норильского региона заключается в сочетании в одном месте полиметаллических руд и каменного угля. Без своего угля норильчане не смогли бы выжить в условиях заполярного климата. Первые угольные шахты появились в 1937 году на горе Шмидтиха, через несколько лет на горе Надежда и на Кайерканском месторождении. Коксующиеся угли этих шахт нуждались в обогащении. Огромная работа (с 1939 по 1955 годы) по обогащению норильских углей была

проделана заключённым Петром Яковлевичем Ярутиным, назначенным работать по этой теме лично А.П. Завенягиным. Освобождённый от конвоирования, он сначала работал инженером, затем руководителем группы, а с 1942 года начальником углеобогажительной лаборатории.

За разработку схемы обогащения норильских углей и проектирование углеобогажительной фабрики коксоуглиńskiego завода Ярутину был сокращён лагерный срок на 9 месяцев. Предложенный им процесс обогащения угля на практике показал его большую эффективность, что дало возможность увеличить выход коксующегося угля при гашении. Занимался Ярутин также обогащением железных руд. В Норильском горно-металлургическом техникуме на обогатительном отделении он читал курс «Дробление и грохочение».

Ярутин пытался реализовать прекрасную идею транспортировки угля от рудника до поселка Норильска (2 км) водой по желобам. Он доказывал, что такой вид транспорта даст колоссальную экономию. Но эта идея тогда не нашла поддержки у руководителей.

Петр Яковлевич Ярутин (1895–1979) — ученый, горняк. До ареста был доцентом и директором Горного института в Свердловске. В 1937 году был осужден на 10 лет. Ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской деятельности. Освободился через 11 лет. После реабилитации в 1955 году П.Я. Ярутин вернулся в Свердловск, где почти до самой смерти занимался научной работой и преподавал в горном институте.

* * *

В Норильске впервые пришлось столкнуться с самовозгоранием сульфидных руд, хранящихся в порошковом виде. Сульфидные руды — это минеральные руды с примесью серы. При хранении таких руд в порошковом виде в открытых бункерах происходит их окисление, образование пара с сернистым газом и затем самовозгорание. Особенно эта проблема стала острой при перевозке руды в трюмах на судах по линии Дудинка — Кандалакша. Проблему решил инженер-химик из

Эстонии Арно-Тоомас Пихлак. Он разработал методику борьбы с этим явлением: температура должна быть близка к нулевой, а трюмы непрветриваемыми (задраенными).

И еще, вот почему хочется вспомнить Артура—Тоомаса Пихлака! Он — один из немногих, кто очень серьезно относился к сланцевому природному газу, получаемому нетрадиционными методами из осадочных пород. С конца 70-х годов XX века он занимался сланцами и даже в соавторстве получил патент об извлечении рения из сланцев. Пихлак говорил, что сланцевый газ на Таймыре (где его много!) может стать достойным конкурентом традиционному природному газу. Следует заметить, что СССР начал разрабатывать технологию добычи сланцевого газа раньше других стран, в нынешней же России существует недооценка возможности использования как сланцевого, так и газогидратного газа.

Арно-Тоомас (Арно Артурович) Пихлак (1926–2013) — инженер-химик, родился в Таллине в семье железнодорожного инженера. В 1940 году, когда Эстонию присоединили к Советскому Союзу, Арно закончил гимназию. За семь дней до начала Великой Отечественной войны началась массовая высылка людей (более 10 тысяч) из Эстонии в отдаленные области России. Арестовали отца. Мать, 14-летнего Арно и 8-летнюю сестру сослали в Кировскую область. Несмотря на тяжелые условия жизни Арно в 1943 году закончил 8-й класс. В 19 лет Арно стал инвалидом III группы (последствия операции - вскрытия флегмоны в коленном суставе). В 1947 году Арно разрешили вернуться в Эстонию, в г. Таллин, где он сразу же поступил на вечернее отделение политехнического института. В марте 1949 года произошла очередная депортация людей (около 21 тысячи) из Эстонии в Сибирь. Арно Пихлака осудили на 10 лет по политической 58-й статье и отправили в Норильск. Поначалу он долбил землю кайлом и лопатой, затем — удача — его перевели в геологический отдел угольной шахты. За хорошую работу Арно был расконвоирован и в 1955 году приглашен работать в лабораторию ГМОИЦ, которая занималась исследованиями газоносности норильских углей и газообильности горных выработок угольных шахт. Вот здесь у Арно и проявился талант ученого-исследователя. В ноябре 1956 года Арно-Тоомаса Пихлака реабилитировали. В 1966 году он возглавил исследовательский участок по борь-

бе с рудничными пожарами и самовозгоранием углей и сульфидных руд.

Под руководством Пихлака была разработана методика по предотвращению окисления и самовозгорания углей и сульфидных руд. По решению 15-й сессии ИМКО в Лондоне в декабре 1973 года эта методика была включена в Международный кодекс безопасной практики морской перевозки твердых навалочных грузов. В 1975 году после сердечного приступа и совету врачей Арно покинул Заполярье и вернулся в Таллин, где стал работать в Национальном институте химической и биологической физики. Там он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Исследование процессов окисления сульфидных медно-никелевых руд Талнахского узла». В 1979 году Арно уехал в город Мирный Якутской области, где руководил работами по гидрогеологии и дегазации алмазных месторождений. В марте 1982 года, став пенсионером, Арно снова вернулся в Таллин. На счету Арно Артуровича 210 научных публикаций, он — инициатор нового глобального проекта ЮНЕСКО «Кислород и окружающая среда». В своих воспоминаниях Арно-Тоомас пишет: *«Годы, проведенные в Норильске, с одной стороны, были самыми тяжелыми и трудными, а с другой — это лучшие годы моей жизни. Норильску я обязан тем, что здесь стал горным инженером высокой квалификации... Я и сегодня ощущаю себя норильчанином, хотя стал им не по своей воле... Просто Норильск — это моя судьба».*

* * *

Норильску требовалось очень много взрывчатки, её не хватало. В тяжёлый 1942 военный год одна из барж, везущих взрывчатку из Красноярска, затонула на Енисее. Надо было решать, как вести взрывные работы. Юрий Натанович Зинюк разработал методику получения взрывчатого вещества из оксиликвита. Оксиликвит — это смесь торфяного мха (сфагнума), дроблёного угля и селитры. Залитая жидким кислородом, смесь приобретала взрывчатые свойства. После проведения за горой Надежда успешных опытных взрывов породы в июне 1943 года было принято решение строить собственный завод взрывчатых веществ. Оксиликвитный завод был построен на горе Рудная. Оттуда, в основном лошаадьми, возили жидкий кислород и оксиликвит к месту взрыва. Так

в Норильске решили сложнейшую проблему взрывчатых веществ. Это был первый в стране завод по производству оксиквита. В это дело много труда и смекалки вложили заключённые М. Кантор, А. Вейшнер, М. Нехлюдов, Н. Балакирев, П. Дубнин, П. Игнатушкин, Н. Волков и активный лаборант-исследователь Сергей Щеглов (норильский). После освобождения Ю.Н. Зинюк стал лауреатом Сталинской премии.

* * *

Много новшеств внесли горняки при проведении буровых работ. Бурили дробью, и требовалось немало опыта, чтобы избежать аварий. Но её удалось усовершенствовать и изготовить такую технологическую оснастку для бурения чугунной дробью и стальной дробью-сечкой, которая не утратила своей актуальности вплоть до середины 60-х годов, когда дробь стала вытесняться твердосплавными коронками.

Горняки впервые применили горячее бурение, что позволило выполнить полторы дневной нормы добычи руды.

Для предупреждения массовых случаев прихвата бурового снаряда и обвалок стенок скважины в конце 40-х годов стали применять глинистый раствор из шамотной глины. Её привозили с материка. Она была дорогой и дефицитной. Геологи нашли местную качественную глину, она оказалась лучше привозной. Её стали использовать на всех скважинах, производительность буровых работ сразу резко возросла, да и аварии стали редкими.

* * *

В условиях вечной мерзлоты сложности возникали даже там, где их никто не ждал. Например, никто не ожидал проблем с водой, поскольку вокруг было полно озёр. Оказалось, что вода подо льдом из-за отсутствия воздуха протухает и не годится для питья. Коренные жители Таймыра пили воду, растапливая лёд. Пришлось искать воду под землёй. Оказалось, там её много, причём хорошего качества. Были обеспечены как бытовые, так и промышленные нужды. Проект водоснабжения комбината включал сложный комплекс оригинальных

гидротехнических сооружений. Целый ряд деталей инженерных сетей для условий вечной мерзлоты и арктического климата получили решение впервые.

* * *

На Таймыре долго не могли найти доступного и эффективного средства борьбы с цингой, поражающей человека в Заполярье во время долгой зимы, когда отсутствует солнце. И вот такое средство появилось — противцинготный хвойный квас. Его разработал Григорий Соломонович Калюсский, который до ареста был известным врачом и священнослужителем. В хвое ёлки был обнаружен витамин «С». Весной 1941 года на озере Лама было организована «витаминная фабрика». Витаминный квас спас от цинги многие тысячи людей.

Г.С. Калюсский прославился в Норильске ещё и тем, что разработал и внедрил промышленную установку по производству серной кислоты из отходящих газов Малого металлургического завода.

* * *

В конце 1941 года в норильском совхозе от недоедания перестали давать молоко коровы. И тогда женщины, работающие в совхозе, в основном заключённые, придумали коровий хлеб: ягель и мох, плюс добавка некондиционного пшена. Бурёнки были спасены и стали давать молоко.

Металлургия — это особая страница героической биографии Норильска

Норильские учёные-металлурги в области обогащения и переработки норильской полиметаллической руды разработали новые технологические процессы, не имевшие аналогов, как в нашей стране, так и мировой практике. Аналогами могли служить лишь технологии переработки полиметаллических руд на заводах Канады. Но эта зарубежная технология была глубоко засекречена, а редкие публикации носили характер общих описаний.

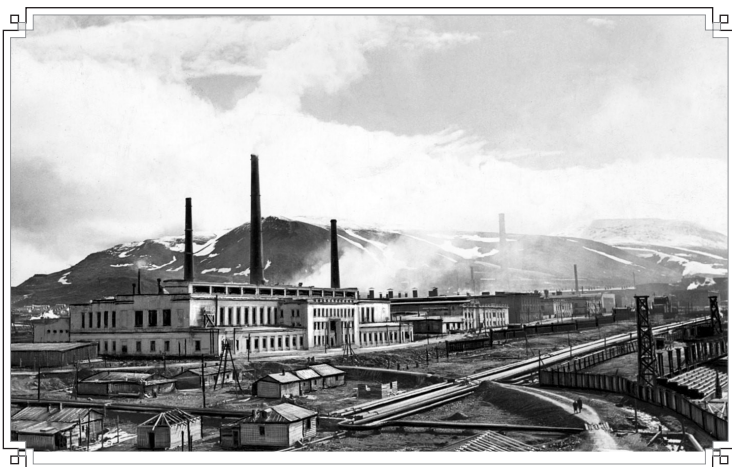
Минерализация норильской руды — уникальная, доселе не встречавшаяся в мире. Кроме основных составляющих (никеля и меди) эта руда содержит кобальт, палладий, иттрий, платину, золото и другие драгоценные и редкоземельные металлы. Для извлечения всех составляющих потребовалось всестороннее детальное изучение свойств руды и правильный подбор технологического оборудования.

Уже в 1936 году (еще во времена Матвеева!) в Норильске была создана исследовательская химическая лаборатория, а в 1938 году стал функционировать опытно-металлургический цех (ОМЦ), ставший мозговым центром отработки технологий.

а короткий срок (1938—1939 годы) в Норильске был построен опытный Малый металлургический завод (ММЗ). С этого завода начиналась история норильской металлургии. В марте 1939 года на ММЗ был получен первый медно-никелевый штейн, а спустя три месяца завод выдал первый файнштейн. На материк, в Мончегорск, для дальнейшей переработки была доставлена первая товарная партия: 95 тонн файнштейна и 130 тонн штейна. Первыми металлургами стали 50 заключенных, большинство из которых раньше металлургами не были.

Со второй половины 1938 года начала реализовываться амбициозная задача, поставленная новым начальником А.П. Завенягиным, построить в Норильске комбинат с законченным металлургическим циклом, выпускать на месте продукты законченного цикла — готовые никель, медь, кобальт и некоторые редкие металлы.

Стартовав осенью 1939 года, строился Большой металлургический (никелевый) завод (БМЗ). В авральном режиме рыли котлованы, прогревая землю кострами, прямо на снег укладывали узкоколейку для вагонеток, вручную ворочали огромные глыбы скального грунта. При сорокаградусных морозах, применив электропрогрев, возводили не только стены завода, но и заводскую трубу. И, выполнив план первого года только на 84%, дальше работали круглые сутки. Норильчан торопила война. Зимой 1942-го новый завод выдал первый

1946 год. Большой металлургический (никелевый) завод

черновой никель. В мае 1942 года в Красноярск была отправлена первая тонна чистого катодного никеля. Это была первая «фронтная» победа Норильска!

С каждым днем металлурги наращивали выпуск никеля на комбинате — весь полученный никель немедленно отправлялся на оборонные заводы самолетами. Трудовой подвиг норильчан помог стране победить в войне, спасти жизни тысяч и тысяч соотечественников.

Благодаря беспримерному героизму норильчан, горные и металлургические предприятия вступали в строй в исключительно короткие сроки. В июне 1944 года за выдающийся вклад в оборону страны Норильскому комбинату было вручено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны, а в конце Великой Отечественной войны это Красное знамя было присуждено на вечное хранение, что давалось редким предприятиям страны.

В марте 1945-го председатель ГКО СССР И.В. Сталин подписал знаменитое постановление «Об увеличении производства цветных металлов на Норильском комбинате». Этим приказом предусматривалось увеличение выпуска никеля

на комбинате в полтора раза, меди — вдвое. В этом приказе говорилось о строительстве в Норильске медного завода.

Медный завод был запущен 21 декабря 1949 года к 60-летию И.В. Сталина. Он имел две трубы по 150 м каждая и цех электролиза на 480 ванн. На следующий день в подарок товарищу Сталину самолетом отправили первый слиток черновой меди. Спустя ровно год после пуска завода в декабре 1950 года были пущены рафинировочные цехи, и гидрометаллургический цех выдал первые катоды. В медной промышленности страны впервые была применена охлаждаемая подина рафинированной печи. По масштабам производства медный завод стал в первый ряд среди заводов отечественной медной промышленности.

* * *

С пуском электролизного цеха на ММЗ в апреле 1942 года пошли норильские шламы. Перед исследовательской группой в составе инженеров А.Т. Боряева, К.К. Чашина, К.И. Вуккерта, руководимой Фёдором Трофимовичем Кириенко, эвакуированным специалистом из Мончегорска, была поставлена задача отработать технологию переработки шламов на концентраты благородных металлов. Курировал работу группы Иван Сергеевич Береснев — главный металлург комбината. В марте 1943 года на аффинажном заводе в Красноярске из норильских шламов получили первые 1291 грамм платины и 3235 граммов палладия. Это были первые в истории России платина и палладий, извлечённые из норильской руды. Но отправка из Норильска в Красноярск сырого шлама была слишком расточительной. И тогда Ф.Т. Кириенко предложил свой вариант технологии переработки шлама, для чего в сентябре 1943 года была создана специальная группа под руководством Анатолия Петровича Соколова, которую консультировал профессор С.М. Анисимов.

К началу 1945 года в Норильске получили концентрат с содержанием 50% суммы благородных металлов. В апреле 1946 года запустили в работу временный шламовый цех. Уже в конце 40-х и начале 50-х годов наладили получение из

шламов платиноидных концентратов, а затем организовали и фракционирование благородных металлов в разные концентраты: платины и палладия, металлов-спутников и серебра, иридиевый концентрат. За эту выдающуюся работу группу норильчан в 1948 году представили на соискание Сталинской премии. По рекомендации Киреенко в неё включили Анатолия Петровича Соколова и Исаака Файвишевича Коппа, но оба не прошли вышестоящие инстанции как заключённые.

Анатолий Петрович Соколов (1907–1995) — инженер-металлург, окончил в 1931 году Томский политехнический институт. Занимался проблемой переработки золотосодержащих промпродуктов на комбинате “Алтайполиметалл”. В 1937 году был арестован, отбывал срок в Карагандинском лагере, где работал в шахте. Весной 1939 года Соколов был этапирован в Норильлаг. Пройдя специальный отбор, Соколов был принят А.П. Завенягиным, который предложил ему поработать мастером смены на недавно запущенном ММЗ, но, узнав о проблемах со здоровьем, предложил сначала потрудиться инженером-исследователем в Центральной химлаборатории. В сентябре 1943 года Соколов перешел работать в ОМЦ старшим инженером-исследователем, где активно занимался изобретательской деятельностью. Соколов сконструировал анодный ящик для сбора вторичного шлама, с его участием обжиг медной губки был заменен обработкой в турбоаэраторе. После успешно проведенных исследований в 1943–1944 годах по теме «Разработка технологической схемы обогащения никелевых шламов» Соколов был досрочно освобожден. Начиная с 1946 года, став главным инженером шламового цеха, а затем кобальтового завода, Соколов сыграл ключевую роль в организации производства концентратов благородных металлов. Он же курировал рабочее проектирование, монтаж технологического оборудования, осуществлял пуск и ввод в эксплуатацию первого цеха электролиза медного завода.

Последние пять лет жизни в Норильске (до 1961 года) А.П. Соколов занимал должности заместителя главного инженера комбината по опытно-исследовательским работам и руководителя ГМОИЦ. Из Норильска Соколова пригласили на работу в Новосибирск в Институт неорганической химии Сибирского отделения АН СССР, где он 15 лет руководил разработкой технологических процессов экстракционного разделения металлов. В 1988 году Анатолий Петрович был одним из самых почетных гостей на полувековом юбилее ГМОИЦ.

Последним трудом исследователя стали его воспоминания о работе в Норильске для сборника “Драгоценные металлы Норильска”, опубликованного в 2000 году через пять лет после смерти ученого.

Первыми в истории Норильска лауреатами Сталинской премии стали (абсолютно заслуженно) И.С. Береснев и Ф.Т. Киреенко.

* * *

Одной из главных задач, стоящих перед комбинатом в течение всей войны, была организация производства кобальта, который необходим для получения сверхтвердых (например «победит»), жаропрочных, инструментальных и износостойких сплавов, а также постоянных магнитов.

Судьба кобальта, являющегося, казалось бы, рядовым металлом, переплелась с вопросами безопасности страны. Жаропрочный сплав (с содержанием кобальта до 65%) приобрел решающее значение для изготовления клапанов моторов танков и самолетов. При работе такие клапаны не деформируются при самых высоких температурах нагрева (700 градусов и выше) и, соответственно, обеспечивают повышенный ресурс моторов. Если никель — сверхпрочные бронированные сплавы для тяжелой техники и в сверхлегких конструкциях военной авиации, то кобальт — сердце (мотор) танка, самолета, трактора....

В тридцатые годы основная потребность в кобальте удовлетворялась за счет поставок из-за границы, преимущественно из США. Но к началу 1940 года поставки кобальта из США прекратились.

Руд с промышленным содержанием кобальта в нашей стране до войны не было. Но к тому времени были разведаны месторождения сульфидных медно-никелевых руд Мончегорска и Норильска. Содержание кобальта в этих рудах составляло сотые доли процента от содержания никеля. Технологии получения кобальта при таком его очень малом содержании в руде у нас не было. Надо было ее создавать, разрабатывать. Не было такой технологии и за рубежом из-за полной её не-

экономичности, хотя в обогатительных хвостах и в отвальных шлаках при переработке богатых руд в Новой Каледонии кобальта было больше, чем у нас в исходном сырье.

Технологию извлечения кобальта из медно-никелевых руд начали разрабатывать ученые нашей страны еще в довоенные годы, сначала в Ленинградском технологическом институте, а затем в Мончегорске на комбинате «Североникель». К началу 1940 года на «Североникеле» была освоена технологическая схема извлечения кобальта из конверторных шлаков медно-никелевого производства, позволившая получить первые килограммы металлического кобальта. Это было большим достижением. Разработанная технология получения кобальта в дальнейшем была принята на заводах Мончегорска, Норильска и Орска. Велика заслуга в этом профессора Н.П. Асеева и инженеров-металлургов К.Ф. Белоглазова, Н.С. Грейвера, М.Я. Иолко, А.Б. Логинова, К.Н. Бродницкого и В.А. Дарьяльского. На практике была реализована, казалось бы, невозможная задача. Предложенная технология была далеко не совершенной, громоздкой, трудоемкой и малопроизводительной, но она давала возможность получать промышленный кобальт.

Первые небольшие установки по производству кобальта в СССР были пущены еще до войны на никелевом заводе в Верхнем Уфалее (на Урале) и на комбинате «Североникель». Но кобальта в стране крайне не хватало, и проблема была настолько острой, что в 1940 году этим вопросом занималось Политбюро и лично И.В. Сталин. Испанские события (1936–1939), а затем неудачная советско-финская война (1939–1940) показали, что кровопролитную войну нельзя выиграть без применения первоклассной, надежной военной техники.

С потерей Мончегорска в 1941 году наша промышленность фактически лишилась поставок электролитного никеля и металлического кобальта. Орский комбинат еще только строился, да и возможности его были несоизмеримы с резко возросшими потребностями оборонной промышленности. У Уфалейского завода они и того скромнее. Так, в силу чрезвычайных обстоятельств, Норильск выдвинулся на первое

место, куда были эвакуированы специалисты и оборудование комбината «Североникеля».

В Норильске перед металлургами была поставлена задача — доработать и усовершенствовать технологию, разработанную в Мончегорске. В опытно-металлургическом цехе (ОМЦ), размещавшемся в деревянном низком здании бывшей ВЭС-1 в районе Нулевого пикета, под руководством Ф.Т. Кириенко и А.Б. Логинова почти два года шла отработка технологической цепочки получения чистого кобальта. В 1943 году была построена опытная промышленная установка «НК» (норильский кобальт), на которой получили металлический кобальт. Трудноразрешимая, трудоемкая, но очень важная работа закончилась успехом!

Проект кобальтового завода в Норильске был завершен и подписан А.П. Завенягиным еще в 1938 году. Но строительство завода откладывалось, так как в первую очередь надо было достроить никелевый завод и ТЭЦ. На всё не хватало ни человеческих, ни технических, ни энергетических ресурсов. Да и первостепенность кобальта не стала такой важной, ведь в конце 1941 года снова возобновились поставки его из-за рубежа, из Канады.

Строительство кобальтового завода началось в начале 1942 года и продолжалось с небольшими перерывами более трех лет. Все это время шло накопление кобальтовых шлаков, остающихся после первичных переделов руды на никелевом заводе. Официальный пуск кобальтового завода состоялся 28 июня 1945 года. А 12 января 1946 года на заводе была проведена первая плавка металлического кобальта. Это событие стало началом промышленного производства кобальта на Норильском комбинате. Полностью строительство кобальтового завода было закончено в июне 1946 года.

Фактически была решена сложнейшая задача производства кобальта в стране. Решающая роль здесь принадлежит А.Б. Логинову, В.А. Дарьяльскому, И.С. Бересневу, Ф.Т. Кириенко, В.А. Дарьяльскому, К.Н. Бродницкому, В.М. Алексеевскому, С.П. Агафонову, И.А. Федотову, С.И. Афанасьеву, А.А. Пушкину, Г.М. Левенко, А.М. Шапкиной, В.Я. Ваньки-

ну, Л.И. Парамонову, П.Ф. Ждану, Л.А. Абелевичу, А.И. Терентьеву.

* * *

К началу 50-х годов появилась острая необходимость в производстве химически чистого кобальта (99,99%), особенно нужного для моторов реактивной авиации. На территории кобальтового завода небывалыми темпами шло строительство здания нового цеха. Официально запуск производства этого цеха состоялся в ноябре 1950 года. В 1951 году за разработку и внедрение в промышленность нового способа получения кобальта высокой чистоты Совмин СССР присудил Сталинские премии руководителю работы инженеру И.С. Иевлеву, инженерам Ф.Т. Кириенко, В.В. Терпогосову и В.А. Дарьяльскому. По заслугам Среди награжденных заслуженно должны были быть инженер-химик В.М. Алексеевский, с которым Ф.Т. Кириенко сотрудничал около 10 лет, и инженер-металлург Л.И. Парамонов. Но они были заключенными, а заключенных не награждали.

Всеволод Михайлович Алексеевский (1890–1953) — ученый-химик, родился в г. Вильно, окончил Петербургский технологический институт. После института вплоть до революции работал в военно-промышленном комитете (шла 1-я мировая война). В Донбассе занимался организацией производства взрывчатых веществ. В гражданскую войну работал в Донбассе на содовом заводе, был ведущим специалистом по производству соды и использованию хлора в промышленности. В годы первой пятилетки работал в Москве начальником экспертизы «Главхимпрома» в управлении Наркомата тяжелой промышленности. Арестовали его в 1936 году якобы за участие в антисоветской троцкистско-зиновьевской террористической организации. Приговор он получил по тем временам стандартный — 10 лет тюрьмы и 5 лет поражения в политических правах. Заключение он сначала отбывал в Соловках, а затем в Норильлаге. В Норильске работал землекопом на площадке строительства Большого металлургического завода, затем в 1939 году его перевели в опытный металлургический цех (ОМЦ) кобальтового завода (№25). Здесь при непосредственном участии Всеволода Михайловича получили первый образец чистого никеля.

В 1943–1944 годах зима была очень неблагоприятной. На Енисее замерзли многие суда, в том числе баржи с химреактивами. Появилась угроза остановки работы ОМЦ. Тогда решили организовать самим производство химически чистых соляной, азотной кислот и аммиака. Осуществить это поручили В.М. Алексеевскому. Он согласился, попросив в помощь лишь двух толковых рабочих. Всеволод Михайлович сделал чертежи печи и реакторов. Установка начала работать вовремя и благополучно действовала весь тот трудный год.

Свой талант конструктора Алексеевский проявил при пуске хлорного цеха кобальтового завода. Пуск цеха задерживался из-за отсутствия никелевой сетки. Всеволод Михайлович разработал конструкцию щелевидного фильтра, используя никелевые матрицы, применяемые в цехе электролиза, а также установку для получения бисульфата натрия, используемого для разделения никеля по методу Орфорда. Позже этот метод был заменён флотацией фاینштейна. Для процесса растворения гидроокиси кобальта сернистым газом Алексеевский сконструировал печь для сжигания серы, разработал установку кобальтового сплава хлором. В цехе никелевого порошка использовали оригинальную чугунную многоподовую плавильную печь конструкции Алексеевского.

За успехи по производству кобальта В.М. Алексеевского досрочно освободили, он стал ссыльным. К нему приехала жена, тоже находившаяся в ссылке. В последние годы пребывания в Норильске Всеволод Михайлович трудился в должности главного инженера цеха кобальтового завода. В начале 50-х годов его сослали с женой в Канск, где он работал в ТЭЦ в цехе по очистке воды. Умер В.М. Алексеевский в Канске, не дожив до полной свободы...

Леонид Иванович Парамонов — инженер-металлург, родился в 1903 году в Курской области, получил высшее образование в 1930 году в Московском институте цветных металлов, возглавлял один из химических заводов Москвы. Оказался в Норильске после репрессий в 1938 году. В 1947 году был назначен главным инженером цеха, а в 1953 году — исполняющим обязанности главного инженера кобальтового завода. Уехал из Норильска в 1954 году. До отъезда из Норильска Леонид Иванович организовал на кобальтовом заводе научно-техническое общество, первое не только на заводе, но и на комбинате. На заводе резко возросло количество изобретений и рационализаторских предложений, что способствовало рационализации производства, совершенствованию технологии, улучшению условий труда. Л.И. Парамонов — ав

тор монографии «Металлургия кобальта в Норильске», ставшей практическим руководством для инженерно-технического персонала кобальтового завода.

* * *

По справедливости нужно назвать еще ряд имен талантливых учёных-металлургов, которые, находясь в заключении (или ссылке), работая в тяжёлых условиях в Норильске и Красноярске (аффинажный завод), внесли неоценимый вклад в решение сложнейших научных и технологических задач по получению столь нужных стране меди, никеля, кобальта и металлов платиновой группы, но не были в должной степени отмечены наградами, да и незаслуженно забыты современниками.

Баландин Алексей Александрович (1898–1967) — учёный-химик, академик из Москвы, один из основателей порошковой металлургии. Родился в городе Енисейске. Отец Баландин Александр Алексеевич — минералог, приват-доцент Петербургского университета, ставший по наследству крупным промышленником Енисейской губернии. Мать Баландина Вера Арсеньевна окончила гимназию с золотой медалью, затем женские Бестужевские курсы в Петербурге, слушала лекции в Сорбонне, работала в институте Пастера. Она много сделала для развития Енисейской губернии. В Енисейске она открыла частную бесплатную женскую школу, народную читальню и библиотеку, организовала передвижной музей. Сегодня в Енисейске проводятся краеведческие чтения имени В.А. Баландиной.

Алексей Александрович, окончив в 1923 году физико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности физическая химия, сразу же попал под покровительство академика Н.Д. Зелинского, разглядевшего в молодом человеке неординарного учёного. По рекомендации учителя Баландин занялся теорией катализа и вскоре разработал мультиплексную теорию катализа. В 1929 году Баландина командировали на год в Германию и Францию для ознакомления

с достижениями зарубежной науки. Он владел испанским, итальянским, немецким, английским, французским языками, увлекался серьезно живописью. В 1934 году Баландину была присуждена учёная степень доктора химических наук, он стал профессором кафедры органической химии МГУ.

В 1936 году Баландина репрессировали и сослали в город Чкалов (ныне Оренбург). Там он преподавал математику в средней школе. После реабилитации Баландину разрешили вернуться в Москву (1939 год). На химфаке МГУ он организовал лабораторию органического катализа и в 1943 году стал членом-корреспондентом АН СССР, а в 1946 году — академиком.

В марте 1949 года Баландина арестовали вторично и отправили в Норильск. В начале 50-х годов в Норильске остро встал вопрос о повышении активности никелевого порошка. Эту проблему поручили решить А.А. Баландину. Он создал уникальную лабораторию и в довольно краткие сроки добился поставленной цели. Впервые на комбинате применили высокотемпературные процессы экстракции в автоклаве и в кратчайшие сроки разработали технологию получения селена из медного шлама. Были получены десятки авторских свидетельств на эти изобретения. Баландин получил освобождение в 1953 году.

А.А. Баландин — лауреат премии им. Д.И. Менделеева за работы в области органической химии (1936), премии им. С.В. Лебедева и Государственной премии за работы в области органического катализа (1946), награжден орденами Ленина (1954) и Трудового Красного Знамени, а также медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945). А.А. Баландин похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Башилов Иван Яковлевич (1892—1953) — учёный, химик-технолог и металлург, патриарх металлургии редкоземельных и платиновых металлов, профессор (1931) Московского института тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова, доктор технических наук (1935).

И.Я. Башилов родился в семье бухгалтера. По окончании гимназии в г. Твери в 1911 поступил в Петербургский

политехнический институт. Одновременно работал в Государственном радиевом институте, которым руководил Владимир Иванович Вернадский. В 1920–1921 годах И.Я. Башилов разработал оригинальную технологическую схему извлечения радия, урана и ванадия из отечественного сырья. С целью поиска более эффективных методов добычи радия Башилов в конце 20-х годов отправился в заграничную командировку. В Германии и Чехии он посетил ряд химических заводов. После возвращения ученый отметил в своем отчете, что на немецких заводах, в частности, на заводах тонкой и специальной химии, показывали далеко не все: существовал список того, что можно показать. В это время в России была широко объявлена кампания за индустриализацию страны, и на представителей из России стали смотреть как на конкурентов.

В июне 1938 года ученый Совет Московского института тонкой химической технологии кандидатуру И.Я. Башилова выдвинул на выборы в Академию наук СССР. Но выборы не состоялись, так как Башилова вскоре арестовали, осудили на 5 лет лагерей и в 1939 году отправили в Ухтинский ИТЛ Коми АССР. Чудом спасшись от смерти, Башилов смог устроиться сторожем на Ухтинский радиевый завод, построенный ранее по его проекту. Позже Башилова назначили заведующим лабораторией, и он даже получил небольшое сокращение срока «за производственные достижения». В 1943 году Башилова из лагеря направили в ссылку в Красноярск, где он вскоре получил предложение работать в «шарашке», закрытом конструкторском бюро, аффилированном заводе № 169 НКВД СССР. Так в период с 1941 по 1953 годы называлось нынешнее ОАО «Красноярский завод цветных металлов», которое для краткости именуют как «Красцветмет». Здесь Башилов занимал ключевое положение среди тех «врагов народа», которые более десятка лет стояли у колыбели красноярской платины и всех ее ближайших родственников по семейству платиновых. Эти люди сумели, каждый в своем деле, озолотить Красноярск как в первородном, так и в переносном смыслах этого понятия.

И.Я. Башилов стал автором разработок большинства технологических процессов по получению металлов платиновой группы. За успешную разработку и внедрение технологии аффинажа платины он получил Сталинскую премию (1948). Но Башилов так и не смог пожить после своей полной реабилитации. Он скончался от инфаркта почти сразу же после получения документа о реабилитации и предложения из Москвы вернуться в Радиевый институт им. В.Г. Хлопина, где он и был арестован. Смерть настигла ученого в августе 1953 года, когда ещё не были отменены все сталинские строгости по отношению к «врагам народа». Вопреки строгостям гроб с телом Башилова установили для церемонии прощания во Дворце культуры завода, что и сегодня находится на улице Ползунова, как раз напротив дома, в котором жил Башилов. Иван Яковлевич Башилов был похоронен на центральном тогда городском кладбище близ Троицкого храма.

Разумеется, о кончине Башилова ни одна из двух тогдашних красноярских краевых газет, не сказала ни слова. Печальное событие упрятали за плотными ширмами секретности. И лишь спустя почти год выходящему в Москве «Журналу прикладной химии» позволили опубликовать две страницы некролога и поместить портрет усопшего. В тексте, который подписали академики К.А. Большаков, Н.П. Сажин и профессор О.Е. Звягинцев, было подчеркнуто, что в лице И.Я. Башилова «страна потеряла крупного специалиста по химии и технологии редких элементов и благородных металлов».

Морозным ноябрьским днём 1996 года на старейшем в городе мемориальном кладбище в присутствии многих металлургов и просто жителей города Красноярска был открыт памятник на могиле Ивана Яковлевича Башилова. Это произошло через 43 года после его похорон. Когда упало полотно, собравшиеся увидели на крупной из черного мрамора глыбе прямоугольной формы не только портрет учёного, даты его рождения и кончины, но и прочли принадлежащую ему фразу: *«Посмотрите же на мои дела...»* Выступая на скорб-

ном митинге по случаю открытия памятника, генеральный директор «Красцветмета» Владимир Николаевич Гулидов, не скрывая волнения, говорил, что многие годы считал для себя делом чести увековечить память об этом прекрасном человеке и блестящем ученом, который, став жителем Красноярска в мрачные для страны годы, удивительно плодотворно работал здесь и обрел свой вечный покой на этой земле. «Мы увековечиваем сегодня не только память о нем, — звенели в морозном воздухе слова Гулидова, — но и обо всех тех, кто положил свои жизни и здоровье на алтарь науки, несмотря на то, что государство нанесло всем им тяжелейшую душевную рану, назвав их «врагами народа» и заставив работать в условиях репрессий...»

Белоглазов Константин Константинович (1914-?) — ленинградский учёный, минералог. До войны работал на комбинате «Североникель» (г. Мончегорск) начальником химлаборатории. Был арестован в 1941 году и приговорен к 5 годам лишения свободы. Срок отбывал на аффинажном заводе в Красноярске. Именно Белоглазов в начале 1943 года получил первую продукцию завода — слитки платины и палладия. Белоглазов — автор шести патентов по способам переработки железистого кека, никелевого порошка, магнезиальной руды, автоклавного выщелачивания пирротиновых концентратов, содержащих цветные металлы, получения феррохромовых порошков и анодного сплава, содержащего платиновые и благородные металлы.

После освобождения (1948 год) Белоглазов работал в Норильске заместителем главного инженера комбината, а получив реабилитацию в 1955 году, переехал в Ленинград.

Анисимов Сергей Матвеевич (1901—1970) — профессор, заведующий кафедрой Томского горно-металлургического института. Был арестован в июле 1941 года и осуждён на 5 лет лагерей. Срок отбывал в Норильлаге. После освобождения из лагеря (1946 год) ссылку отбывал в г. Красноярске, работая на аффинажном заводе. Создал заводскую пробирную лабораторию и стал одним из разработчиков технологии получения драгоценных металлов. Совместно с инженером Запе-

валовым написал вузовский учебник по металлургии свинца и цинка. Реабилитирован в 1954 году. В 1957 уехал в Азербайджан, в г. Ordжоникидзе.

* * *

Сегодня ПАО «ГМК «Норильский никель» в объеме страны выпускает 100 % платины, 100% палладия, 96 % никеля, 95 % кобальта, 55 % меди. Кроме этих металлов норильская металлургия получает попутно ещё 9 видов товарной продукции. По производству палладия Россия занимает первое место в мире (доля в мировом производстве составляет около 40%). Россия является одним из крупнейших мировых поставщиков платиноидов, уступая лидерство только ЮАР.

Открытия геологов на Таймыре

Все деяния геологов на Таймыре можно считать великими. И не потому, что они проделали огромную работу в невероятно трудных условиях. Главное в том, что они открыли нам богатую кладовую с запасами полезных ископаемых на сотни лет и внесли неоценимый вклад в геологическую науку. Среди многочисленных таймырских геологов много прославленных имен. Вот некоторые из них.

Федоровский Николай Михайлович (1886–1956) — член-корреспондент АН СССР, основоположник прикладной минералогии. Н.М. Федоровский впервые классифицировал полезные ископаемые по энергетическому признаку и промышленному применению, заложил основы Государственного кадастра месторождений СССР. Под его руководством был разработан Горный Устав, являющийся основой советского законодательства о недрах. Н.М. Федоровский — автор учебника и многих книг по минералогии и полезным ископаемым.

Фёдоровский был арестован в 1937 году, будучи член-корреспондентом АН СССР, «за участие в антисоветской организации». По отношению к нему это было особенно несправедливо, ведь он был активным участником революционного движения с 1902 года, членом РСДРП с 1904 года, одним

из основателей Московской горной академии (1918), организатором и первым директором (1923—1937) Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья (ВИМС).

Военной коллегией Верховного суда СССР Федоровский был осуждён на 15 лет лагерей и 5 лет лишения политических прав. Наказание сначала отбывал в Воркуте, затем в 1942 году был переведён в Москву, где, будучи заключённым, работал в Институте удобрений. В 1944 году Фёдоровского отправили в Красноярск, где в порту Злобино (лапункт для отправки грузов в Норильск) ему пришлось заниматься погрузкой барж. Через какое-то время он был отправлен в Норильск. В 1946 году ему дали возможность преподавать минералогию в горно-металлургическом техникуме, и какое-то время он был расконвоированным. В 1951 году его повторно поместили в лагерную зону Норильлага, Он вынужден был заниматься общими работами. После смерти Сталина в 1953 году Федоровского освободили из зоны, а в 1954 году реабилитировали. Узнав о реабилитации, он получил инсульт: были парализованы правая рука и нога, потеряна речь. Дочь перевезла тяжелобольного Федоровского в Москву, но он так и не оправился после инсульта. В 1955 году на Общем собрании АН СССР Н.М. Федоровского восстановили в звании члена-корреспондента АН СССР. Скончался Н.М. Федоровский в Москве в 1956 году, похоронен на Донском кладбище.

Урванцев Николай Николаевич (1893—1985) — доктор минералогических наук, географ и геолог, профессор, заслуженный деятель науки СССР, один из первых исследователей угольного и рудного Норильска. В 1918 году окончил Томский технологический институт. С 1919 по 1934 годы руководил геолого-поисковыми и разведочными работами в низовьях Енисея и островах Северной Земли, трижды зимовал в Норильске.

Н.Н. Урванцев подвергался аресту трижды. В первых двух случаях (1938—1939) освобождался за недоказанностью обвинения. В третий раз (1940) Особым Совещанием НКВД был приговорен к 6 годам лагерей, до конца 1942 года работал при

Актюбинском комбинате ферросплавов. В начале 1943 года был отправлен в Норильск. На Таймыре Урванцев проводил геологические работы по реке Пясино и в районах архипелага Минина. В 1945 году его освободили из лагеря и назначили старшим геологом геологического управления Норильского комбината. С 1957 года он работал в НИИ геологии Арктики в Ленинграде. Награжден Большой Золотой медалью Географического общества СССР, двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени. Его именем назван минерал урванцевит.

Котульский Владимир Климентьевич (1879–1951) — доктор геолого-минералогических наук, профессор Санкт-Петербургского горного института. Выпускник Санкт-Петербургского горного института (1903), специалист в области геологии и геологоразведки. С середины 20-х годов руководил разведочными работами на Кольском полуострове.

Котульского арестовали в 1930 году по делу «О вредительской и шпионской деятельности контрреволюционных групп в геологоразведочной промышленности», осудили на 10 лет лишения свободы и сослали в Мурманскую область, где он работал начальником Особого геологического бюро в Мурманске (1932); а с 1933 по 1941 годы консультантом треста «Апатит» (г. Хибиногорск) и «Североникель» (г. Мончегорск). Котульский является одним из первооткрывателей Мончегорского медно-никелевого месторождения (1935). В 1941 году Котульского освободили из лагеря и назначили старшим геологом Норильского горно-металлургического комбината. За работы по освоению Мончегорского и Норильского медно-никелевых месторождений В.К. Котульского наградили орденом Трудового Красного Знамени (1943). Котульский составил геологическую карту норильского района и написал монографию о норильском месторождении.

С 1945 года Котульский заведовал лабораторией Ленинградского института «Гипроникель». В марте—июне 1949 г. в Ленинграде, Москве, Красноярске, Томске и других городах было арестовано «за участие в антисоветской группе» около 30 геологов («Красноярское дело» по скрытию в Краснояр-

ском крае месторождений урана). Среди арестованных были известные ученые и преподаватели, крупные специалисты, работники Министерства геологии, изобретатели, большая группа академиков, научных сотрудников ВСЕГЕИ и вузов. В число арестованных попали академик АН СССР, химик-органик А. А. Баландин; главный инженер треста «Запсибцветметразведка» К.С. Филатов, профессор института «Гипроникель» В.К. Котульский (вторичный арест), преподаватель Иркутского горно-металлургического института Л.И. Шаманский и большая группа геологов из Красноярска.

Умер Котульский в 1951 году при этапировании из Ярославской пересыльной тюрьмы в Норильский лагерь. Реабилитирован в 1954 году. Одна из улиц города Норильска названа его именем.

Годлевский Михаил Николаевич (1902–1984) — доктор минералогических наук. Родился в Варшаве в семье военного инженера. По окончании Ленинградского горного института (ЛГИ) в 1930 году занимался научной работой, став вскоре доцентом кафедры минералогии ЛГИ. В 1940–1941 годах Годлевский заведовал минералогическим отделом во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте (ВСЕГЕИ). В июле 1941 года был мобилизован на фронт, воевал на Ленинградском фронте в чине майора, командовал артиллерийским расчётом. Дивизию, в которой служил Годлевский, окружили немцы и взяли в плен. После войны за пребывание в лагере военнопленных (до 1944 года) Годлевского осудили на 10 лет «как немецкого шпиона» и отправили в Норильлаг. Будучи заключенным, Годлевский собирал материалы для монографии по геологии и генезису норильских медно-никелевых и каменноугольных месторождений. Написал новаторскую по тем временам работу «Приложение теории вероятности к решению геологических проблем». После реабилитации (1956 год) работал во ВСЕГЕИ. В 1956–57 годах Годлевский составил прогнозную металлогеническую карту, что помогло открытию Талнахского месторождения. В 1958 году защитил докторскую диссертацию «Траппы и сульфидные медно-никелевые ме-

сторождения Норильского района». В этой работе впервые в стране была развита стройная теория медно-никелевого рудообразования, начало которой заложили ещё Урванцев и Котульский. Работы Годлевского в Норильске привели к расширению числа ценных элементов, извлекаемых из норильских руд.

С 1961 и до конца жизни возглавлял лабораторию Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР, где в 1964 году получил звание профессора. Автор 170 трудов по минералогии и геохимии цветных, редких и благородных металлов, по теории и практике прогнозирования и поисков новых рудных объектов, по трапповому магматизму, создатель классификации медно-никелевых месторождений мира. Первооткрыватель нескольких минералов и месторождений. По фамилии учёного назван минерал годлевскит.

Рожков Борис Николаевич (1902–1938) — геолог, сын инженера, потомственного почетного гражданина г. Москвы (ул. Арбат). После окончания гимназии (1917) Рожков работал в отделе металлов ВСНХ и учился на физико-математическом факультете МГУ. В 1920 поступил в Московскую горную академию. После окончания академии работал научным сотрудником в Геолкоме (1928–1929), затем после расформирования Геолкома в Институте металлов Главного геологоразведочного управления (1929–1931). В 1924 году, будучи студентом, работал коллектором в экспедиции Сергея Обручева на Подкаменной Тунгуске. В 1925 году Рожков вместе с Николаем Урванцевым участвовал в геологической экспедиции, руководимой Павлом Аллилуевым¹, по исследованию Норильского региона и озеро Лама. В 1927 году

¹ Павел Сергеевич Аллилуев (1894–1938) — советский военный деятель, участник Гражданской войны, один из создателей и руководитель Главного автобронетанкового управления РККА, брат Надежды Сергеевны Аллилуевой — жены Сталина. После возвращения из норильской экспедиции в 1925 году окончил Военно-академические курсы высшего состава РККА. В 1938 году в числе других обратился к Сталину с предложением прекратить репрессии. Умер в ноябре 1938 года от инфаркта (официальное заключение врачей) на следующий день после возвращения с юга из санатория. Уже тогда подозревалось, что он был отравлен.

Рожков руководил Дагестанской геолого-поисковой партией, открыл медно-колчеданное месторождение Кизил-Дере. В 1928 году он возвратился на Таймыр, возглавил геолого-поисковые работы на территории, которую привычно сегодня обозначают Норильском—1 и Норильском—2. Им была проведена детальная геологическая съемка и составлена карта месторождения. Он заслуженно считается одним из первооткрывателей талнахского месторождения. В 1929 году Рожков написал работу «Рудная зона Норильска—2», которая в последующие годы была справочной книгой норильских геологов. В написанной в 1944 году монографии А.В. Воронцова и В.К. Котульского «Геология и полезные ископаемые норильского края» высоко и нетрадиционно оценивается вклад Б.Н. Рожкова в разведку норильских месторождений. Урванцев в известных популярных книгах о геологических поисках на Таймыре искренно и тепло пишет о коллеге и товарище Б.Н. Рожкове, его высоком профессионализме.

В начале 30-х годов Рожков проводил исследования на Тунгуске и на Анабарском массиве. В 1934 вернулся в Москву, в ЦНИГРИ (старейший геологоразведочный научный центр), где ему через год без защиты диссертации присвоили ученую степень кандидата наук. С 1936 года Рожков — старший геолог Арктического института, заведующий сектором полезных ископаемых. В конце 1936 года Управлением НКВД по Ленинградской области Б.Н. Рожков был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы, не ведая, что «являлся членом фашистской террористической организации..., принимал участие в обсуждении планов террористических актов в отношении Сталина и других членов Советского правительства...». В 1938 году Б.Н. Рожкова этапировали в г. Смоленск и расстреляли. Каких-либо данных о месте захоронения Б.Н. Рожкова не установлено. Реабилитирован в 1957 году.

На одной из дальних аллей Новодевичьего кладбища есть скромный «рожковский мемориал», где среди имен родителей, сестер, брата, детей на обелиске выбиты годы жиз-

ни Бориса Николаевича Рожкова. Жена Бориса Николаевича Зинаида Евграфьевна Рожкова была арестована в 1937 году, выслана из Ленинграда в город Кустанай Казахской ССР и реабилитирована лишь в 1961 году. Арестована была сестра Бориса Рожкова Любовь Николаевна после того, как в 1938 году расстреляли ее мужа. За «несообщение об аресте брата-контрреволюционера» исключили из партии старшего брата Юрия Николаевича, члена ВКП(б) с 1917 года, геолога, первооткрывателя 33-х промышленных месторождений золота (достойн отдельного рассказа). Не дождавшись ареста, Юрий Николаевич умер в 1940 году от открытой формы туберкулеза. В 1940 году пришла беда: в авиакатастрофе гибнет еще одна сестра, доктор Татьяна Николаевна, а под колесами поезда находит смерть 10-летняя племянница.

В доме Рожковых любили знания, умели говорить на иностранных языках, были удачливы в профессии и науке, любили музыку (Борис брал уроки у самого Леонида Оборина), рисовали (рисунками Юрия оформлялись книги), наконец, честно служили Отчизне. Но талантливый род Рожковых бульдозером несчастий распахал ГУЛАГ.

Розанов Алексей Николаевич (1882—1949) — геолог, стратиграф, тектонист. По окончании Московского университета (1906) Розанова оставили на кафедре геологии для подготовки к профессорскому званию. Получив звание профессора, преподавал в Московской горной академии и Московском нефтяном институте (до 1914 и в период 1925—1933). Розанов являлся одним из учителей А.П. Завенягина, когда тот учился в Московской горной академии.

А.Н. Розанов — один из создателей Московского отделения Геологического комитета (Геолком), который он возглавлял в течение двух лет (1921—1922). Работал в НИИ геологии при МГУ. Участвовал в геологических исследованиях в Урало-Поволжье, а также в Центральных районах России, на Кавказе.

Розанова арестовали в начале 1933 года вместе с группой московских геологов по так называемому «делу Геолкома». До 1935 года он находился в сибирских лагерях, затем в Но-

рильске (1935—1941) и Ухте (1941—1945, 1948—1949). При его участии были открыты восточные фланги никелевого месторождения «Норильск-1» (рудник «Медвежий ручей»). В 1941—1949 годах А.Н. Розанов написал ряд обобщающих научных работ по геологии и полезным ископаемым Норильского района и Тимано-Печорской провинции.

Воронцов Александр Емельянович (1903—1984) — один из первооткрывателей медно-никелевых месторождений горы Рудной, Угольного и Медвежьего ручьёв в Норильском рудном районе. Член ВКП(б) с 1918 года, участник Гражданской войны. Выпускник Московской горной академии (1929), где одним из его однокурсников был А.П. Завенягин. В 1930 году по заданию главка «Цветметзолото» А.Е. Воронцов был направлен в Норильск руководителем геологоразведочной экспедиции. В 1935 году он стал главным инженером «Норильскстроя», а после 1938 до 1945 года занимал пост начальника геологического управления Норильского комбината. В 1945 году А.Е. Воронцов выехал из Норильска и жил в Москве. Кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени, двух орденов Ленина, лауреат Государственной премии СССР. Почётный гражданин города Норильска (1975).

В 1961 году геологи Норильска открыли уникальное в мире Талнахское месторождение богатых сульфидных руд, уникальное не только по объёмам, но и по содержанию в них целого комплекса металлов: никель, медь, кобальт, золото, серебро, платиноиды и редкие металлы. Норильский горно-металлургический комбинат (НГМК) получил второе дыхание. Именно открытие Талнахского месторождения медно-никелевых руд позволило резко и на многие годы умножить потенциал всего норильского промышленного района. Запасами Талнаха Норильск обеспечен на сотню лет.

За открытие и разведку Талнахского месторождения медно-никелевых руд начальник партии Георгий Дмитриевич Маслов получил звание Героя Социалистического труда, а геологи Василий Степанович Нестеровский, Виктор Фомич Кравцов, Владимир Николаевич Егоров и Екатерина Николаевна Суханова стали лауреатами Ленинской премии.

Гимны прославленным врачам Норильска

Их слава началась в лагерях, когда они считались «врагами народа». Часто находясь на грани жизни-смерти, они спасали людей, поистине совершая чудеса.

Назову некоторых из них, внесших значимый вклад в медицинскую науку:

Кузнецов Виктор Алексеевич (1898—1972) — учёный, хирург, «Заслуженный врач РСФСР», «Почетный гражданин Норильска», гордость норильского здравоохранения. Родился В.А. Кузнецов в семье рабочих. В 1915 окончил Московскую военно-фельдшерскую школу. Участвовал в первой мировой войне, был ранен. В 1917 году вступил в Красную гвардию и до окончания гражданской войны работал в передовых перевязочных отрядах. В 1924 году, после окончания медицинского факультета Московского университета, у Кузнецова началась нелегкая трудовая жизнь на гуманной ниве милосердия: врач больницы города Кемь, старший врач села Ковды Кандалакшского района, главный врач и одновременно заведующим хирургическим отделением города Губаха на Урале. Потом его потянуло на Север. И вот он в 1932 году на Новой Земле организовал первую больничку на берегу мыса «Маточкин Шар». Пароход, который должен был доставить на Новую Землю продукты, затонул. Спаслись 60 человек, но остались без продовольствия. Началась цинга. Больничка на 12 коек переполнилась. Чем лечить? Где взять витамины? И вот тут-то Кузнецову пригодились охотничье искусство, которым он владел в совершенстве. И потянулись длинные месяцы нелегкого охотничьего и врачебного труда. Ему самоотверженно помогал председатель Новоземельского Совета Илья Вылко, ненец, наблюдательный художник и опытный охотник. Вылко объезжал остров и заболевших людей доставлял доктору. Витамин «С» в мясе оленя спасал пациентов от гибели.

В 1933 году В.А. Кузнецов поступил на службу в Московский центральный институт усовершенствования врачей

на первую кафедру клинической хирургии и одновременно работал ординатором в городской Боткинской больнице. Здесь Виктор Алексеевич получил основательную клиническую подготовку по всем разделам хирургии. 1936-й год В.А. Кузнецов провел на полярной станции на мысе Челюскина, где выполнял функции врача и обязанности заместителя начальника.

После северной зимовки Кузнецов уехал в Кемерово, где с 1938 по 1941 год работал главным врачом и заведующим хирургическим отделением городской больницы. Здесь во всей широте развернулся его талант. Он был хирургом от Бога. За четыре года он сделал около 3000 операций, написал первую научную работу «Случай операции левостороннего аппендицита», которая была опубликована в журнале «Хирургия» в 1941 году.

Неожиданно в жизни Виктора Алексеевича произошел страшный излом: в июле 1941 года его арестовали, осудили на 15 лет по 58-й политической статье и в 1942 году этапировали в Норильск.

В Норильске в те годы было две больницы: одна — больница №1 для вольнонаемных около Дома инженерно-технических работников (ДИТРа), другая — Центральная больница лагеря (ЦБЛ). ЦБЛ находилась у основания горы Медвежки и состояла из двух деревянных двухэтажных корпусов, терапевтического и хирургического. Рядом находились одноэтажный корпус психологического, бараки для персонала и постройки хозяйственного назначения. Сейчас все эти здания засыпаны пустой породой рудника «Медвежий ручей».

В ЦБЛ весь персонал и все больные были заключенными. Да и заведовал хирургическим отделением тоже заключенный Виктор Алексеевич Кузнецов. В 1956 году эта лагерная больница стала городской больницей №2, которую просто называли кузнецовской. Городскую больницу №1 называли родионовской.

В.А. Кузнецов стал ведущим хирургом Норильска. Равных ему не было в Красноярском крае, а по некоторым видам хирургических вмешательств не было и в Союзе. Например, В.А. Кузнецов впервые в стране сделал искусственный пищевод девочке, возраст которой был 1 год 10 месяцев. По недосмотру

родителей она выпила уксусную эссенцию и была обречена вследствие ожога пищевода на голодную смерть. Сложнейшая по тем временам операция была произведена в условиях, когда не было еще интратрахеального наркоза, не было реанимационной службы, не было даже анестезиолога. Масочный наркоз ребёнку давала одна из операционных сестер, а контролировал глубину наркоза сам оперирующий хирург. Отсутствие этих служб восполнялся огромным опытом Виктора Алексеевича. Девочка выросла, стала женщиной, затем матерью и каждый год приходила к нему в день рождения, чтобы пожелать ему здоровья и долгих лет жизни. Она до сих пор ходит на его могилу, чтобы возложить цветы своему доброму гению, так она благодарила доктора за ее спасенную в младенчестве жизнь.

Виктор Алексеевич первым внедрил хирургическое лечение переломов костей металлоостеосинтезом (для изготовления штифтов использовали проволоку из нержавеющей стали), первым освоил торакальную хирургию. Он создал специализированные хирургические отделения чистой и гнойной хирургии, урологическое, нейрохирургическое, травматологическое отделения, отделение торакальной хирургии. Кузнецов обучил гинекологов технике оперативного вмешательства при онкологических заболеваниях.

Виктор Алексеевич никогда не прекращал научно анализировать результаты хирургической деятельности. У него накопился уникальный материал. Он подготовил монографию «Методика оперативного лечения выпадения прямой кишки у взрослых», опубликовать которую удалось только в 1960 году в Ленинградском отделении Медгиза. В центральных журналах «Хирургия», «Вестник хирургии им. Грекова», «Новый хирургический архив», «Ортопедия, травматология и протезирование» он опубликовал только за три года около 20 научных работ. А всего им было написано и опубликовано 42 работы.

По совокупности написанных научных работ в 1963 году Кузнецову без защиты была присуждена ученая степень кандидата медицинских наук.

Кузнецов не только сам занимался научной работой, но и побуждал к этому своих коллег, причем он привлекал не толь-

ко хирургов, но и врачей всех специальностей, всех лечебных учреждений города. Благодаря его энтузиазму в 1966 году были изданы «Труды врачей города Норильска». Каждая из 65 научных статей, опубликованных в сборнике, была отредактирована им лично. Эта книга стала событием не только Норильска, но и Красноярского края. Она быстро разошлась по научным библиотекам страны и сейчас в Норильске является редкостью. В этой книге в статье «К истории здравоохранения г. Норильска» Кузнецов запечатлел образы коллег, с которыми работал в лагерный период. Это хирург Владимир Евстафьевич Родионов, уролог Илья Захарович Шишкин, терапевт Захар Ильич Розенблюм, патологоанатом Павел Евдокимович Никишин, врач инфекционист-гельминтолог Георгий Александрович Попов, терапевты Леонард Бернгардович Мардна и Андрей Витальевич Миллер, врач-окулист Альфред Янович Дзенитис, врачи-педиатры Николай Владимирович Кудрявцев и Альфонс Павлович Бачулис, психиатр Алексей Георгиевич Гейнц, онколог Серафим Васильевич Знаменский и другие.

Являясь главным хирургом города, Кузнецов возглавлял городское медицинское общество. Наряду с этим он являлся членом многих краевых и республиканских обществ: членом Красноярского и Ленинградского обществ хирургов, междумедомственной комиссии по проблемам Севера при Госплане СССР и т.д. За свои заслуги он был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

На научной конференции, посвященной столетнему юбилею патриарха норильской хирургии Кузнецова, коллектив врачей городской больницы принял решение ходатайствовать перед администрацией Норильска о присвоении больнице имени Виктора Алексеевича Кузнецова, отдавшего Норильску 32 года своей жизни. Виктор Алексеевич похоронен в Норильске, на его могиле установлен памятник по эскизу ученика и коллеги хирурга Евгения Арсентьевича Климова.

Родионов Владимир Евстафьевич (1902—1969) — учёный, хирург, «Заслуженный врач РСФСР». Родился В.Е. Родионов в селе Хухарево Ардатовского уезда Симбирской губернии. Отец — судья, член коллегии адвокатов. Мать — домохозяйка.

Владимир Евстафьевич низшее и среднее образование получил в сельской школе Талызино, а затем в г. Ардатове. После школы сразу же поступил в Казанский государственный университет на медицинский факультет. После окончания университета в 1927 году стал врачом-ординатором хирургического отделения Ардаатовской уездной больницы. С основанием Мордовской автономной республики на базе Ардаатовской больницы была организована хирургическая лечебница республиканского масштаба, а затем межреспубликанского, где главным врачом работал В.Е. Родионов. В течение 11 лет хирургической и административной работы Владимир Евстафьевич постоянно повышал квалификацию, проходя стажировку в клиниках Москвы, Ленинграда и Казани. Казалось бы, жизнь складывалась хорошо, но в 1937 году арестовали и расстреляли отца, а мать осудили на 8 лет лагерей. Новая власть не могла простить прошлую деятельность отца как юриста, популярность которого была велика по всей Мордовии.

Через год арестовали Владимира Евстафьевича и осудили на 8 лет исправительно-трудовых работ. В 1939 году по Енисею на барже его доставили из Красноярска в Дудинку. В пути следования Родионов оказывал больным медицинскую помощь. Большую часть этапа сразу же отправили в Норильск, а Родионова с группой больных оставили в Дудинке на транзитном пункте. Вскоре Родионова назначили *хирургом в лагерную больницу, а также поручили ему* медицинское обслуживание жителей Дудинки и отдаленных территорий. В начале 1940 года начальник Норильского комбината А.П. Завенягин, осматривая больницы в Дудинке, встретился с Родионовым и выслушал жалобу на неблагополучное обеспечение больниц и отсутствие медицинской литературы для обучения медицинского персонала. Вскоре улучшилось снабжение больниц, была приобретена медицинская библиотека, а В.Е. Родионову предоставили отдельную комнату при больнице.

Одна из двух небольших лагерных больничек была отдана под хирургическое отделение, в ней Родионов и начал работать. Было 45–50 коек. Не было хирурга и в окружной дудинской больнице. Родионову пришлось работать и там, обслу-

живая 10–12 больных и ведя один раз в неделю амбулаторный прием. Подготовленных кадров для хирургической работы как в той, так и в другой больнице не было. Их пришлось готовить на ходу. На операциях ему ассистировали фельдшеры и медсестры... Объем работы был большой, приходилось оперировать также урологических и гинекологических больных. Нередко приходилось выезжать в Авамский район, Волочанск, Хатангу, Караул, Усть-Порт и другие места. Транспортным средством были олени упряжки, аэросани и самолеты. Слава Родионова, как умелого хирурга, распространилась по всему Таймыру. Для проведения сложнейших операций на сердце его приглашали в Игарку и Норильск. В летний период в Дудинском порту скапливалось большое количество океанских отечественных и иностранных судов. Родионову зачастую приходилось оказывать помощь и экипажам этих судов, невзирая на характер заболевания.

В Дудинке Родионов пробыл больше двух лет. За это время он сделал 773 операции, из них 268 — полостных: на желудке, желчном пузыре и желчных протоках, почках и мочеточниках, матке и придатках и др.

В конце 1941 года Родионова перевели в Норильск на должность главврача 1-й городской больницы и заведующего хирургическим отделением. Шел первый год Отечественной войны. В Норильске строились дома, промышленные предприятия, добывалась руда... Metallурги осваивали технологию получения чистых никеля и меди. Но, к сожалению, до строительства типовых лечебных учреждений дело не доходило. Лечебные учреждения ютились в помещениях барачного типа, коечный фонд был недостаточным. Создавшееся положение вынудило руководство комбината отдать под больницу строившееся 3-этажное деревянное здание гостиницы, находившееся рядом с ДИТРОм. В этом недостроенном помещении Родионов и начал свою работу. В этом здании разместили терапевтическое, хирургическое и родильное отделения с общим числом 100 коек. Инфекционное отделение расположилось в небольшом старом бараке.

Будущий академик А.А. Баев, один из заключенных Норильлага, так пишет о Родионове: *«Владимир Евстафьевич очень работоспособный человек, очень толковый и удачливый хирург с жестким характером, отличный хозяин, сумел поставить себя и организовать больницу нужным образом. Питание, белье, инструментарий, медикаменты — даже трудно представить этот уровень в такой дали, да еще во время войны. В палатах всегда тепло, библиотека, врачебные справочники — образцовое медицинское учреждение! А если добавить подготовленность персонала, прежде всего врачей... Режим был почти санаторный — пациенты не работали, дышали чистым воздухом, никакие чины не донимали, статей не спрашивали: люди оживали за неделю-другую.... Тем более, что питание тоже полагалось усиленным. А мне начальник позволял даже рыбалить... Нет, не удочкой, а на шнур. Метровые щуки срывались и уходили, а поменьше — добывал. До озер приходилось шлепать по тундре, по болотам, далековато...».*

Ночью 28 августа 1942 года Родионова разбудил звонок начальника комбината генерала А.А. Панюкова. Он приказал срочно (к 6 часам утра) подготовиться к командировке, взять всё необходимое для оказания «хирургической помощи раненым, пострадавшим при стихийном бедствии». Число пострадавших названо не было, но сказано, что их много (всё было засекречено!). Было рекомендовано взять с собой кровь для вливаний. Разрешили взять одного помощника (операционную сестру Ф.И. Макухину), учитывая, что туда отправляется и начальник санитарного отдела Норильского комбината С.М. Смирнов. Летели на гидросамолёте, был сильный ветер, для обычных рейсов погода была нелётной. Через пять часов самолёт приводнился в бухте Диксон. Их встретили толпы вооруженных, встревоженных людей, следы разрушений, пожаров... Ночью посёлок острова и суда, находившиеся в бухте, подверглись артиллерийскому обстрелу с немецкого крейсера «Адмирал Шеер»¹.

¹ Диксон был стратегически важной точкой на трассе Северного морского пути, в нем находился штаб морских операций. Немцами была разработана операция «Вундерланд», согласно которой немецкий корабль-рейдер «Адмирал Шеер» и два других крейсера «Адмирал Хиппер» и «Лютцов» должны были разорять порты Северного морского пути, обнаруживать и уничтожать восточные морские конвои, доставлявшие в СССР оборудование и материалы.

До нападения на Диксон крейсер потопил наш ледокол «Александр Сибиряков» и нанес серьезные повреждения сторожевому кораблю «Семен Дежнев» и пароходу «Революционер», которые пытались своими маломощными огневыми средствами помешать крейсеру выполнить свою задачу — высадить десант на побережье острова Диксон. Мужество моряков и точная стрельба артиллеристов береговой батареи сделали свое дело — крейсер не стал рисковать с высадкой десанта и ретировался. В результате жестокого и неравного боя на Диксоне были разбиты электростанция, радиостанция и другие службы. Не было электричества, связь с материком поддерживалась с помощью полевой радиостанции. Было много убитых и раненых. Раненые нуждались в немедленной помощи. Не было врачей, был фельдшер и санинструкторы. В одном из уцелевших зданий наскоро развернули госпиталь. В одной из комнат организовали операционную. От движка трактора подвели электричество. В операционной подвесили автомобильную фару. На всякий случай приготовили фонари, лампы. Работали около двух суток: тридцать с лишним операций, вливание крови, различных растворов. Затем потребовалось около десяти дней, чтобы спасти тяжелых больных и справиться с осложнениями. Пришлось даже столкнуться с газовой гангреной и делать ампутацию...

С Диксона в Норильск надо было вывезти раненых, требующих долечивания или повторных операций. Поэтому обратный путь лежал сначала по воде до Дудинки на судне «Семен Дежнев», сильно пострадавшем в бою, но с сохранившейся ходовой частью, затем до Норильска поездом. Так трое норильских медиков фактически побывали на фронте в августе 1942 года и были награждены медалями «За оборону Советского Заполярья».

В системе Норильского комбината Родионов проработал свыше 15 лет, из них немногим более двух лет в Дудинском отделении и 13 лет в Норильске. Он совмещал две должности — главного хирурга и главного врача лечебно-профилактического объединения. За этот период произвел свыше 10 тысяч различных по сложности операций. Награжден орденом «Знак Почета», тремя медалями и значком «Отличник здравоохранения».

В период 1939—1943 годы Родионов был заключенным. В 1943 году был досрочно освобожден, а реабилитирован в 1947 году. После освобождения к нему в Норильск приехала семья: жена и два малолетних сына. Жена Клавдия Дмитриевна положила начало местному Краеведческому музею, которым впоследствии и заведовала до отъезда из Норильска. В.Е. Родионов с семьёй уехал из Норильска в 1955 году по состоянию здоровья (инфаркт). Последние годы заведовал хирургическим отделением центральной районной больницы в г. Шуя (Ленинградская область).

Никишин Павел Евдокимович (1895—1951) — учёный-врач, патологоанатом. Родился в семье учителей в г. Саратове. Обладая блестящими способностями, Никишин в 1913 году окончил гимназию с золотой медалью, а в 1917 году — медицинский факультет Саратовского университета, получив звание врача. В 1918 году Никишин оставил научную работу и ушёл добровольцем в Красную Армию в качестве хирурга. За героическую работу в боевой обстановке он получил награду от ВЦИК: серебряные и золотые часы. С 1919 по 1922 год Никишин развернул огромную работу по санитарному просвещению в Красной Армии. В 1922 году его послали в Сальские степи для ликвидации эпидемии чумы. Задача была выполнена в исключительно тяжёлых условиях. В 1922 году постановлением Главсанупра и Наркомздрава Никишина освободили от военной службы для ведения научной работы в Кубанском мединституте. В 1926 году Никишин вступил в ряды ВКП(б), а в 1931 году стал аспирантом Института антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Вплоть до 1931 года он совмещал научную работу с руководством краевым отделением Красного Креста, заведованием санпросветом Северо-Кавказского крайздравотдела и лекторством при Ростовском ГК ВКП(б). В 1937 году Никишин был арестован, последовал приговор — 10 лет лагерей. После Вологодского лагеря (г. Грязовец) и Соловков Никишина в 1939 году этапировали в Норильлаг.

За 12 лет пребывания в Норильске Павел Евдокимович Никишин стал на Таймыре крупнейшим специалистом в области судебно-медицинской экспертизы. Он стоял у истоков со-

здания патолого-анатомической службы в Норильске. В структуре Центральной больницы лагеря в Норильске находился морг, которым заведовал Никишин. Врач-инфекционист этой больницы Георгий Александрович Попов вспоминал: *«Морг был научным центром со своим анатомическим музеем. После работы в морге собирались, чтобы почитать, поиграть в шахматы, побеседовать... Здесь же работали курсы для средних медработников. Павел Евдокимович организовал занятия на очень высоком уровне...»*. Сохранилась тетрадь для записей с выгравированной на металлической пластине дарственной надписью: *«Д-ру Никишину Павлу Евдокимовичу — в знак благодарности за отличное руководство и преподавание от 33 выпускников Вторых курсов средних медицинских работников при Центр. б-це. 20-V-1943 — 23-II-1944. Норильск»*.

Автор книги «Сколько стоит человек» Евфросиния Антоновна Керсновская, заключённая Норильлага, около года работавшая в морге под началом Никишина, характеризовала его так: *«...Никишин — это чудаки и добряк. Он делился всем, что у него было, а точнее, отдавал всё, что у него ещё не отобрали, — мания, свойственная обычно святым... Безусловно, он был коммунист. Пожалуй, единственный коммунист, которого я встречала в Советском Союзе или о котором я когда-либо слышала...»*.

Никишин умер в Норильске в мае 1951 г. от кровоизлияния в мозг, не дожив трёх недель до своего 57-летия и задолго до своей реабилитации (1957 год). Схоронили его на высоком бугре, под Шмидтихой, установив большой могильный камень: *«Никишин Павел Евдокимович. 1895 — 1951»*. Он оставил после себя добрую память как высокогуманный человек, пренебрегающий всякими материальными благами для себя. Он был всегда готов помочь нуждающимся, разделить с ними последний кусок. Его благородство снискало к нему любовь и уважение всех, кто его знал.

Знаменский Серафим Васильевич (1910—1995) — ученый, врач-онколог. Родился в селе Орлово Пензенской области в семье православного священника. После окончания школы приехал в Москву, вёл кружок по ликвидации неграмотности на заводе «Большевик». После окончания техникума при Мо-

сковском институте народного хозяйства им. Плеханова по специальности химик-органик работал в Харькове, Донбассе, Киеве. В 1941 году, когда началась война, Знаменский заканчивал 2-й Харьковский медицинский институт. Красный диплом об окончании мединститута получил фактически на пороге военкомата и сразу — на фронт. С 1941 по 1942 годы — начальник санитарной службы особого батальона, затем — 7-й артиллерийский полк 2-й гвардейской дивизии, где он возглавлял санитарную службу полка. Принимал участие в боях под Харьковом, оборонял Сталинград.

Летом 1943 года был арестован СМЕРШем и осужден на 8 лет лагерей по сфабрикованному обвинению в намерении перебежать к немцам. «Вещественными доказательствами» стали словарь немецкого языка и томик Гёте на немецком языке, который Знаменский имел при себе. Отбывал срок в Дудинке, затем в Норильлаге. Освободился досрочно в 1951 году. В Норильске Знаменский работал в ЦБЛ хирургом и патогистологом, создавал оздоровительные команды и пункты, больным прописывал рыбий жир, лишнюю тарелку каши (назывались они знаменским доппитанием). С одинаковым усердием врачевал заключённых и лагерное начальство. Ослабевших заключённых переводил на облегченный режим, что не нравилось начальству. Главврач ЦБЛ Кузнецов в служебно-производственной характеристике пишет: *«С.В. Знаменский прекрасно владеет патогистологическими исследованиями. Проявил себя как инициативный, способный, трудолюбивый врач, чутко относящийся к нуждам больных»*. После подавления Норильского восстания в июле 1953 года вскрывал тела убитых в 5-м лаготделении Горлага. По его воспоминаниям в 5-м лаготделении было убито более 20 человек. Он сохранил 19 пуль, вынутых из убитых.

После реабилитации (1956 год) Знаменский не захотел оставить Норильск. Он сумел организовать в Норильске первую на Таймыре патогистологическую лабораторию для исследования опухолей, что позволило врачам широко применять биопсию для ранней диагностики рака и выявления предраковых состояний. Он 12 лет руководил этой лабораторией, а в 1960 году организовал онкологический диспансер, где вел при-

ем больных как хирург-онколог. Он доказал, что рак является профессиональным заболеванием работников никелевых предприятий и смог добиться, чтобы больным «никелевой» формой рака платили профессиональную пенсию. Большое внимание он уделял профилактике и добился значительного снижения раковых заболеваний у женщин.

Знаменский создал первую в Красноярском крае полярно-графическую лабораторию и впервые провел исследования для выявления предраковых состояний и рака. Он пишет научные труды, защищает кандидатскую диссертацию, в 1958 году становится «Отличником здравоохранения», а в 1960-м — «Заслуженным врачом РСФСР». В системе Норильского здравоохранения Знаменский проработал 48 лет, никогда не был коммунистом, не был даже членом ВЛКСМ, но зато был врачом от Бога. Он согласился уехать из Норильска лишь в 1991 году по настоянию родных, отметив 81-й день рождения. Умер и похоронен в Нальчике.

Попов Георгий Александрович (1902-?) — врач инфекционист-гельминтолог. Его отец погиб в 1914 году на Украине в штыковой атаке под Ровно и посмертно был награждён Георгиевским крестом. После окончания мединститута Попов работал в Москве врачом-инфекционистом. Был арестован в 1938 году и обвинён в распространении в столице инфекционных заболеваний. Суд скорый и неправый вынес ему мягкий по тем временам приговор 12 лет лишения свободы. Прежде чем попасть в Норильлаг, Попову пришлось пройти Лубянку, Бутырку, Лефортово, Орловскую пересыльную тюрьму и Красноярский сборный этапный пункт. В Норильлаге Попов сначала находился на общих работах. С тяжелейшей дизентерией оказался в городской больнице, где начальником санчасти был В.Е. Родионов. Эта встреча спасла Попова. После лечения Родионов оставил его при больнице, где Попов стал работать по своей специальности инфекционистом, но случалось быть и терапевтом, и патологоанатомом, и хирургом. Когда было построено здание инфекционной больницы, Попов стал её главным врачом.

Георгий Александрович всю жизнь писал стихи. Вот отрывок из одного из них, написанный в 1944 году:

*...И все же мы вправе и думать, и верить,
Что здесь, в Заполярье, как там, на войне,
Готовя гибель фашистскому зверю,
Мы все, что могли, отдавали стране...
И знали мы: пусть не теперь, а когда-то,
Когда отшумит боевая гроза,
Мы, вспомнив военную быль комбината,
При слове «в тылу» не опустим глаза...*

Баев Александр Александрович (1904—1994) — советский биохимик, выдающийся ученый, академик, основатель отечественной геномной инженерии.

Родился А.А. Баев в г. Чите в семье адвоката. В 1912 году после смерти отца жил у деда — владельца небольшого судоремонтного и судостроительного завода в Казани. Окончив среднюю школу в 1921 году, поступил в Казанский университет. После окончания университета три года (1927—1930) занимался медицинской практикой в деревне, недалеко от Казани. В 1930 году поступил в аспирантуру на кафедру биохимии Казанского медицинского института. Научную деятельность начинал под руководством профессора кафедры биохимии Владимира Энгельгардта. В 1932 году получил должность ассистента на кафедре биохимии.

В 1935 году А.А. Баев переехал с матерью в Москву, чтобы продолжить работу в лаборатории Энгельгардта в Институте биохимии АН СССР. Весной 1937 закончил диссертационную работу, но не успел её защитить... В апреле 1937 года Баева арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности в составе подпольной организации «молодых бухаринцев», якобы намеревавшихся убить Сталина и реставрировать капитализм в стране. Приговор — тюремное заключение сроком на 10 лет плюс 5 лет поражения в политических правах. После почти двухмесячного пребывания в Бутырской тюрьме и месяца во Владимирской Баева по этапу отправили в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). Здесь Баев активно занимался высшей математикой, читал литературу на французском, немецком и английском языках.

В июне 1939 года при ликвидации Соловецкой тюрьмы Баева этапировали морем в Дудинку, оттуда в Норильск. Сначала Баев долбил вечномёрзлый грунт... Затем его стали использовать по специальности. Около месяца он принимал больных в амбулатории 3-го лаготделения, затем на шахте «Медвежий ручей». Он вспоминал: *«Комната в деревянном доме, потом отдельная палатка. Я один на всю шахту. Травмы, дизентерия, но дистрофиков не было: на шахту отбирали тех, кто покрепче»*.

Очередной перевод Баева оказался счастливым: он стал работать в городской больнице для вольнонаёмных, руководил терапевтическим, детским и инфекционным отделениями. Начальником больницы был однокурсник Баева по Казанскому университету В.Е. Родионов.

В.Е. Родионов в своих воспоминаниях пишет: *«...А.А. Баев в качестве ассистента или наркотизатора помогал мне на операциях. Нам с ним разрешено было жить в больнице, и мы длительное время вдвоем обслуживали всех больных, исключая рожениц. Нагрузка была предельная, часто приходилось работать ночами, так как мы были и дежурными врачами...»*. А.А. Баев помимо врачебной практики находил время и для других дел. Так в норильском музее хранится утверждённая генерал-майором Панюковым «Инструкция о медицинском отборе кадров для работы на предприятиях Норильского комбината МВД СССР», составленная А.А. Баевым и З.И. Розенблюмом в марте 1947 года. В те времена Баев написал книжку «Борьба с летними детскими поносами». Выступал Баев и по норильскому радио по теме: «Радиационные ресурсы Норильска» и т.д.

В апреле 1944 года А.А. Баев получил досрочное освобождение (за три года до срока) за добросовестную работу во время войны, но без права выезда из Норильска. Разрешение уехать он получил лишь в 1947 году, но без права проживания в Москве и Ленинграде. В итоге он с семьёй переехал в Сыктывкар, где работал заведующим лабораторией биохимии Коми филиала Академии наук СССР.

Вторично Баева арестовали по старому делу 22 февраля 1949 в Сыктывкаре и сослали «навечно» в Сибирь. Отбывал он

ссылку в селе Нижнее Шадрино Красноярского края, где заведовал больницей.

В 1954 году А.А. Баев вернулся в Москву, но реабилитацию он получил только в 1957-ом. В 1954—1959 годах работал старшим научным сотрудником в Институте биохимии им. А.Н. Баха АН СССР. В 1959 году Энгельгардт организовал Институт радиационной физико-химической биологии (ныне Институт молекулярной биологии им. В. А. Энгельгардта РАН), где Баев проработал вплоть до 1994 года.

В 1967 году А.А. Баев стал доктором биологических наук, а в 1970 году — академиком Академии наук СССР. С 1976 по 1979 год он являлся президентом Международного биохимического союза, а с 1988 года — председателем Научного совета программы «Геном человека». С 1971 по 1980 год Баев являлся профессором филиала биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в Пущине. В 1981 году Баеву присвоили звание Героя Социалистического труда. А.А. Баев похоронен в Москве, на Кунцевском кладбище

Паньшин Игорь Борисович (1914—1995) — учёный, биолог, генетик, наследник дворянского и учёного рода из семьи ректора Киевского университета (по материнской линии), сын репрессированного селекционера Б.А. Паншина, осужденного вместе с Н.И. Вавиловым и расстрелянного в 1940 году.

В 1931 году поступил в Ленинградский государственный университет (ЛГУ) и одновременно работал в Вавиловском институте в лаборатории генетики. После окончания ЛГУ работал лаборантом в Институте экспериментальной биологии в Москве, подготовил кандидатскую диссертацию. Его блестящую карьеру прерывает война. Окончив школу младших командиров, командовал взводом. В октябре 1941 года в боях под Ельней немцы разгромили дивизию, и Паньшин попал в плен. Работал в команде военнопленных по ремонту дорог, служил переводчиком в тыловых частях немецкой армии. Женится на работнице немецкого госпиталя, дочери австрийского военнопленного. Принял германское гражданство. В 1943 году переехал в Берлин-Бах, где стал работать в генетической лаборатории Н.В. Тимофеева-Ресовского. Когда войска Красной армии во-

шли в Берлин, Паньшин был арестован СМЕРШем и обвинён в измене родине. Приговор трибунала — 10 лет лагерей.

Так Паньшин в сентябре 1945 года оказался в Норильлаге. В лагере ему повезло. Исхудавшему и измождённому ему предложили работу в санэпидемстанции (СЭС), входившей в состав ЦБЛ. Имея хорошую лабораторную практику, полученную при работе в лаборатории академика Н.И. Вавилова (Институт генетики) и знаменитом кольцовском Институте экспериментальной биологии, он стал успешно работать по клиническому анализу, анализу крови, а потом и в бактериологической лаборатории. Работа в бактериологической лаборатории была ему ближе по методике, поскольку он, как дрозофильный генетик, этих самых великих мух тоже разводил на питательных средах.

В СЭС подобрался высокопрофессиональный состав. Её сотрудники добились получения фага против возбудителей дизентерии. Производство бактериофага, делавшегося на основе мясного бульона, явилось панацеей от кишечных заболеваний. В Норильлаге одно время была очень высокая смертность от дизентерии. И её удалось победить. Когда начальник санитарного отдела во время служебной поездки в Красноярск посетил госпиталь и при разговоре с главным врачом, репрессированным знаменитым профессором-хирургом Войно-Ясенецким, узнал о большом количестве дизентерийных больных в госпитале, то рассказал, что в Норильлаге врачи успешно лечат дизентерию, используя бактериофаг. По возвращении в Норильск начальник санотдела срочно отправил в Красноярский краевой госпиталь ящик бактериофага.

За годы тюрьмы Паньшин занимался всеми видами медицинской бактериологической работы и даже помогал следователям по судебно-медицинской экспертизе и криминалистике. “В жизни мне феноменально везло, — напишет Паншин уже в 90-х годах, — никаких лагерных ужасов я практически не видел”.

Паншина много раз звали обратно в большую науку. Завенягин, будучи заместителем министра, звал его поработать над атомным оружием. Тимофеев-Ресовский в 1946 году настоятельно приглашал его в свою уральскую лабораторию медицин-

ской радиологии. Но Паньшин отказывался. Он не хотел чувствовать себя в науке в положении отсидевшего преступника, да еще к тому же без ученой степени...

В 1950 году лагерный режим в Норильске ужесточился, и Паншина перевели во 2-е лаготделение, на общие работы. Какое-то время он работал на руднике бурильщиком. В 1953 году его освободили из-под стражи и позволили работать в разных медицинских учреждениях: поликлинике лагеря, инфекционной больнице, где организовал лабораторию.

В 1965 году состоялась встреча И.Б. Паньшина с Н.В. Тимофеевым-Ресовским в Обнинске. Там Паньшин выступил с научным докладом. На предложение Тимофеева-Ресовского работать с ним в Обнинске Паньшин отказался снова — он не хотел работать на правах освобождённого заключённого. Возвратившись в Норильск, работал в СЭС, увлекался горными лыжами зимой и рыбалкой летом, профессионально занимался фотографией, коллекционировал бабочек. Уже в преклонном возрасте Паньшин по приглашению друзей-ученых согласился переехать в Академгородок города Новосибирска. Жизнь этого незаурядного человека, рано отлучённого от дела своей жизни, прервалась в Москве по дороге в Новосибирск.

* * *

Конечно, это далеко не полный перечень всех прославленных врачей-учёных, по своей или не по своей воле ставших норильчанами.

Послесловие

Всё написанное выше относится к раннему периоду истории Норильска, когда ещё существовал Норильлаг, и основной силой при строительстве города и Норильского комбината были заключенные.

Удивительное дело! За 18 лет (1935—1953) в Заполярье на вечной мерзлоте был построен не только металлургический комбинат по производству никеля, меди, кобальта и платинои-

дов, но и настоящий город (статус города Норильск получил в 1953 году) с необходимой для жизни людей инфраструктурой.

Естественно, возникает вопрос, а можно ли было это сделать за 18 лет без принудительного труда, без Норильлага? Ведь первоначальный замысел был другой. До середины 1935 года «изыскания и эксплуатация всех естественных производительных сил в Советской Арктике» находились в ведении Главного управления Севморпути, и строительство металлургического комбината в Норильске планировалось осуществить в три очереди, начиная с весны 1936 года и заканчивая 1940 годом, с добычей руды в конце третьей очереди. Ставка делалась на цивилизованный, вольнонаемный труд.

Но такое медленное развитие событий не устраивало Сталина и его ближайшее окружение. В стране действовала мобилизационная модель экономики. Еще в феврале 1931 года Сталиным предельно четко было сформулировано: *«Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»*.

Благодаря мобилизационным сверхусилиям СССР удалось осуществить индустриальный рывок в 1930-х годах (всего за две пятилетки), победить во Второй мировой войне, сохранив государственную независимость и российскую цивилизацию, затем в рекордные сроки восстановить народное хозяйство, понесшее катастрофические потери в войне, обеспечить военный паритет с крупнейшей державой мира и блоком НАТО.

При строительстве норильского комбината в полной мере была использована мобилизационная модель экономики, основанная на жестких административно-командных и административно-репрессивных принципах. В короткие сроки на Таймыре за счет заключенных были сконцентрированы мобильные трудовые ресурсы без больших затрат и сложных организационных мер, без расходов на адекватную оплату труда и создание необходимой инфраструктуры.

Неслыханные темпы строительства металлургического комбината в Норильске кажутся неправдоподобными, фантастическими. Оказавшись на земле с вечномерзлым грунтом и жесточайшим климатом, когда зачастую отказывала техника

(то замерзала смазка, то просто не выдерживал нагрузку металл), люди шли наперекор трудностям, преодолевая неудобства, жили на износ, надрывались до физического и нервного истощения, но не только выживали, а и совершали чудеса.

Обстановка для выполнения правительственного задания была чрезвычайной и в условиях Заполярья требовала нестандартных решений. Необходимость заставила тесно сотрудничать вольнонаемным, заключенным и руководителям, что не могло произойти без существования таких важнейших жизненных принципов, как уважение, сострадание, честь и совесть. Объединились организаторы производства, проектировщики, конструкторы, инженеры, технологи и рабочие. Сколько было найдено оригинальных новаторских решений для облегчения труда, технических рационализаций и изобретений!

Уже в марте 1939 года в Норильске был получен первый медно-никелевый штейн, в июне того же года первый файнштейн, а в мае 1942 года (меньше чем, через семь лет) стране был дан промышленный никель, так нужный для производства танков и самолетов!

Что двигало людьми? Да, был страх, было насилие, но был и энтузиазм, были трудовой подвиг и вера в правое дело. Ученым-историкам есть о чем подумать! Но без понимания русского менталитета и социально-психологического анализа норильской конкретики вряд ли это всё поймешь

Беспрецедентным для ГУЛАГа было решение руководства Норильскстроя и Норильлага использовать по специальности тех заключенных, которые до ареста были инженерами, механиками, строителями, горняками, металлургами, архитекторами, врачами и т.д. Они освобождались от конвоирования и получали сносные условия для жизни и работы. Этот шаг выходил за пределы требований ГУЛАГа, особенно жестоких в отношении политических заключенных, имеющих сроки 10–25 лет. Большинству из них до конца срока грозила смерть. Этим людям поверили, оказали доверие, и они не могли не работать с невиданным энтузиазмом и полной самоотдачей!

Мобилизационная модель экономики закрепляет чрезвычайные меры в экономике с нарушением существующих норм и правил и не может существовать долго. Ведь на второй план уходят социально-бытовая функция, охрана труда и техника безопасности, защита прав трудящихся. Эта модель может быть оправдана только в определенные периоды, когда государству необходимо совершить технологический рывок. Но и в этом случае она не может быть оправдана, если опирается на насилие и беззаконие, в частности, на исправительно-трудовые лагеря, когда сверхэксплуатация заключенных на тяжелых физических работах приводит к преждевременной смертности и инвалидности миллионов людей.

От сверхусилий и перенапряжения народ «устает». Уже в 50-х годах, когда внешние угрозы перестали быть так опасны, начала ощущаться необходимость в поиске других, более цивилизованных, инновационных подходов в развитии экономики.

После смерти Сталина в 1953 году Норильский комбинат из ведения НКВД был переведен в ведение Министерства металлургии. С 1 сентября 1956 началась, и к 1 января 1957 года закончилась ликвидация Норильлага. В связи с массовым отъездом бывших заключенных Норильский комбинат оказался без рабочей силы. Потребовались срочные меры по замене невольного труда вольным. Но это невозможно было сделать быстро. Пришлось законсервировать многие производства, которые были нерентабельными из-за сложной технологии, несовершенного оборудования и избытка ручного труда. Государственный план по добыче руды перестал выполняться. Комбинат оказался в тяжелом финансовом положении. Государственная дотация достигла фантастических размеров.

В 1955 году на очередном съезде комсомола страны зачитали призыв к молодым строителям ехать — осваивать и развивать — отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока. Буквально через несколько месяцев молодые советские люди массово отправились осваивать «сибирскую целину». В 1955 году в Норильск приехало несколько десятков тысяч молодых парней и девушек, столько же — в следующем 1956-м, в 1957 году — 180 молодых специалистов. Потребовалось несколько

лет, чтобы вся работа в Норильске перестроилась на «вольные рельсы». Из-за нехватки рабочих рук пришлось на заводах, рудниках и шахтах реорганизовывать производство, менять старое оборудование на новое, более производительное, вводить автоматизацию и механизацию. И только в 1959 году Норильский комбинат смог отказаться от государственной дотации.

После открытия в начале 60-х годов богатейших руд Талнаха Норильск приобрёл второе дыхание. После визита в Норильск в 1968 году Алексея Николаевича Косыгина (Председателя Совета Министров, второго человека в стране после Генсека партии) началось строительство 2-й очереди комбината. Норильский горно-металлургический комбинат был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Это уже были другие героические дела и новые герои.

В ноябре 1989 года Норильский комбинат постановлением Совета Министров СССР стал Российским государственным концерном «Норильский никель» (по производству цветных и драгоценных металлов) и был выведен из подчинения Министерству металлургии СССР. В 1994 году отраслевой концерн «Норильский никель» был акционирован и приватизирован с образованием частной компании РАО «Норильский никель», но с государственным капиталом (51 процент голосующих акций оставался в федеральной собственности). В 1995 году в результате залогового аукциона владельцем контрольного пакета акций РАО «Норильский никель» стал АКБ «ОНЭКСИМ-банк». Советская история Норильска под государственным управлением закончилась.

За время, прошедшее после приватизации, в Норильском промышленном районе не было введено в эксплуатацию ни одного крупного предприятия. Все рудники, обогатительные фабрики и металлургические заводы Норильска были построены и введены в эксплуатацию до лихих 1990-х годов.

Нынешний Норильск уже не поражает приезжих размахом и масштабамистроек — промышленных, жилых, социальных. Если в 1991 году в Норильске жило 250 тысяч человек, то сегодня — почти на 80 тысяч меньше. Нынешний Норильск

заметно изменился внутренне, в восприятии живущих там людей. Уже нет прежней гордости.

Но о чём хочется говорить, и даже говорить громко! История создания Норильского комбината и самого города — это героический труд, подвиг всего советского народа, это дань памяти тем, кто в довоенные и военные годы ценой своей жизни заложил мощный фундамент для развития отечественного машиностроения, самолётостроения, ракетостроения, металлургии и других отраслей промышленности. И как так получилось, что Норильский комбинат с уникальными стратегическими месторождениями и бесценными недрами попал в частные руки в ущерб национальным интересам, интересам государства?

Последние мои впечатления о Норильске относятся к 2011 и 2012 годам. В 2011 году я и три моих друга совершили 10-дневное турне Москва — Красноярск (самолёт), Красноярск — Дудинка (комфортабельный теплоход «Валерий Чкалов» по Енисею), Дудинка — Норильск (110 км, автотакси) и Норильск — Москва (самолёт).

В Норильске одной из моих целей было найти могилу моего приёмного отца Александра Петровича Прокопенко, похороненного в 1963 году на старом кладбище (ул. Нансена), удостоверить в её сохранности и, при необходимости, её обновить. Кладбище оказалось в совершенно запущенном состоянии: отсутствовала какая-либо документация, большинство могил было разрушено, надгробья попадали, валялись в разных позах, бетонные плиты в большинстве своём рассыпались, изгороди поломались. Удручающая картина! Последние захоронения производились в 1973 году. За могилами давно уже никто не ухаживает. Одни родственники умерли, другие уехали на материк. Со времени похорон Александра Петровича прошло более 50 лет, и в течение этого срока я не смог побывать в Норильске. Найти могилу Александра Петровича оказалось не просто. Мне и моим друзьям потребовалось досконально обследовать чуть ли не всю территорию кладбища. И нам повезло: сохранилась плита на могиле, надпись на ней и даже оградка. Но, поскольку старое кладбище забросили, ничего не делалось, чтобы

его сохранить (да еще были планы о его ликвидации), я принял решение приехать летом следующего года, провести эксгумацию и кремацию. В июле 2012 году не без трудностей, но задуманное доброе дело было выполнено. Урну с прахом я привёз в Москву и захоронил на Востряковском кладбище в могилу, где в 1996 году была упокоена Ида Ильинична, жена Александра Петровича. Чета Прокопенко снова оказалась вместе.

Старое же кладбище по ул. Нансена в 2014 году было разрушено. Все надгробные плиты, памятные знаки и металлические ограждения были вывезены, а территория кладбища после обработки бульдозерами перешла во владение автотранспортной станции.

Как тут не вспомнить стихи Г.А. Попова, упомянутого выше норильского врача:

*Когда не шёпотом, а вслух заговорят,
Что этот город строили нам люди,
Злой волей брошенные в лагеря.
Их тяжкий труд преступно позабыт,
Их памяти нельзя не поклониться,
Но только вьюга плачет здесь навзрыд,
И мелкий снег позёмкою струится.*

О людях, оказавшихся в Норильлаге и отдавших жизни строительству Норильского горно-металлургического комбината — гиганта цветной металлургии СССР, страна должна помнить. А нынешние норильчане тем более, должны знать и помнить тех, кто много ума и щедрого сердца вложил в создание жизнеспособного заполярного города. А о тех многих-многих уникальных творческих людях, которые остались в вечной норильской земле, так и не раскрыв своих способностей, мы уже не узнаем никогда.

Хорошо, что 30 октября в Норильске ежегодно отмечают День политического заключенного.

Глава 7

Поездка в Красноярск и Норильск. Лето 2011 года

*Хочу я быть ребенком вольным
И снова жить в родных краях,
Скитаться по лесам раздольным,
Качаться на речных волнах,
Не сжиться мне душой свободной
С саксонской пышной суетой!
Милее мне над зыбью водной
Утес, в который бьет прибой...
<...> Верни мне край мой одичалый,
Где знал я грезы ранних лет.*

Дж. Байрон

Наконец удалось реализовать давно задуманное — снова побывать в Красноярске и Норильске. Путешествие по маршруту Москва — Красноярск (самолет), Красноярск — Дудинка (теплоход по Енисею), Дудинка — Норильск (автомобиль, 110 км) и Норильск — Москва (самолет) продолжалось 10 дней и было настолько насыщено увиденным и услышанным, что невозможно удержаться от краткого рассказа.

Такая поездка планировалась давно, но все что-то мешало, а главное, не хватало решимости. Когда мои намерения поехать в Сибирь были озвучены среди друзей, то оказалось, что многие из них тоже хотели бы побывать на Енисее. При обсуждении поездки такие ее факторы, как время, длительность и стоимость определили команду из четырех человек¹.

Была выбрана дата отплытия из Красноярска — 3 августа на теплоходе «В. Чкалов»². Из-за климатических особенностей лучше было бы находиться за Полярным кругом в середине июля. Но не все из нас могли ехать в это время. За три месяца до отплытия удалось заказать нужные каюты. Билеты были выкуплены через две недели моим племянником Юрой Легаловым, живущим в Красноярске.

Четыре дня пребывания в Красноярске пролетели быстро, но очень насыщенно как информационно, так и эмоционально. Погода нам благоприятствовала: 21–23°C, светило солнце, дул теплый слабый ветерок.

Первый день — ознакомление с городом, а вечером — встреча в кафе с родственниками. Съехалось шестнадцать человек. Но не все родственники могли приехать из городов Лесосибирска, Железногорска и села Шивера. Встреча была очень трогательной. С некоторыми я не виделся более 18 лет (со дня похорон мамы).

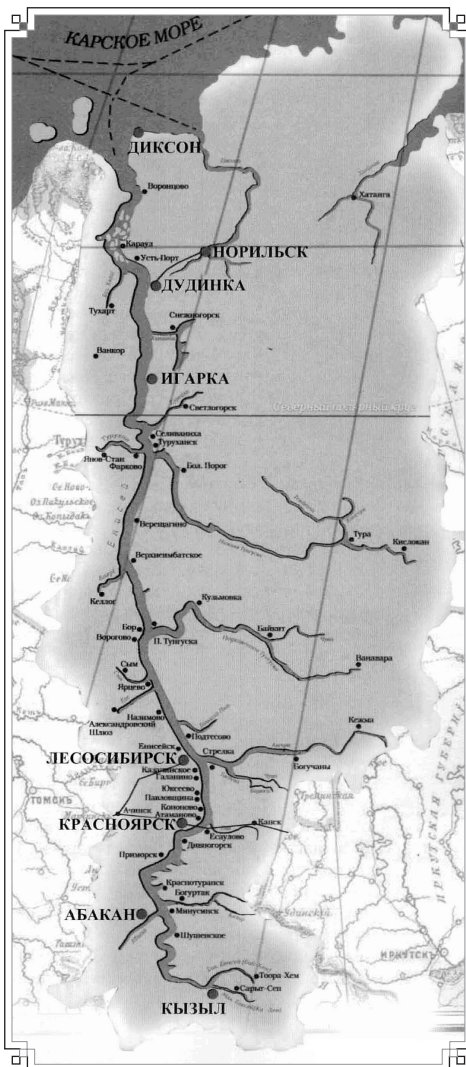
¹ Друзья со времен учебы в МГУ им. Ломоносова и совместных многоразовых поездок в составе студенческих строительных отрядов: В.А. Рукавишников (род. 1940), С.Р. Рустамов (род. 1942), Н.А. Платонова (род. 1952) — жена Рустамова.

² По маршруту Красноярск — Дудинка на Енисее ходят два комфортабельных теплохода — «В. Чкалов» и «А. Матросов».

Второй день — путешествие в заповедник «Красноярские столбы», который по праву может считаться брендом города, его легкими, его душой. Удалось посетить Центральные Столбы (1-й, 2-й, 3-й и 4-й), столбы Бабка, Внучка, Дед и Перья. Район Такмака и буферная зона были закрыты в связи с активностью медведей. Было воскресенье. Мы были приятно удивлены множеством посетителей заповедника, особенно молодых людей обоюго пола. Племянник Юра, любезно согласившийся быть гидом в течение всего времени нашего пребывания в Красноярске (для чего он взял четырехдневный отпуск), пояснил, что молодые люди на «Красноярские столбы» ходят взбодриться, а на остров «Отдых» (место народных гуляний) погрузить. В этот день желающих погрузить в Красноярске оказалось меньше.

Третий день — поездка на Красноярскую ГЭС и в Дивногорск. В Дивногорске удалось навестить семью двоюродной сестры Галины Радченко. Была совершенна прогулка по Красноярскому морю на катере племянника Юры. Мы

были очарованы живописными скалами и заливами. В одном из заливов искупались в прозрачной, но достаточно холодной воде.

На Красноярской ГЭС мы увидели редкое зрелище — движение по суше судовозной камеры. На этой ГЭС нет обычного шлюзования (например, как на Волге), нет и обводного канала. Плотина Красноярской ГЭС в четыре раза выше самой высокой, какая имеется на Волге. Тут пришлось бы сооружать очень длинную и очень дорогую «лестницу» из нескольких шлюзов. Был построен уникальный рельсовый судоподъемник. Судовозная камера опускается в воду и в нее входит судно. Далее подъем, как в лифте. Поднявшись, камера разворачивается на огромном поворотном кругу, по рельсам объезжает плотину и въезжает в море. Камера передвигается, цепляясь зубчатыми колесами за массивную зубчатую рейку. Колеса приводятся в действие электромоторами.

На четвертый день группа разделилась. Я поехал в село Шивера, чтобы повидаться с семьей старшей сестры Тони и навестить могилу мамы Ольги Ивановны.

Мои московские друзья посетили краеведческий музей, художественный музей им. Сурикова и побродили по центральной части города. Погода опять была чудная. Про краеведческий музей, здание которого напоминает срезанную сверху египетскую пирамиду, В. Рукавишников сказал так: «Музей очень интересный, есть даже модель коча, на котором плавали во льдах первопроходцы Енисея».

Так закончилось наше четырехдневное пребывание в Красноярске. Город нам понравился. Если посмотреть на карту Российской Федерации, то город Красноярск находится на широте Москвы (56° с.ш.) и почти в центре ее территории. Символ города — лев, в лапах которого заступ (лопата) — символ месторождений полезных ископаемых. Численность населения около миллиона человек. С 1995 года строится метро, необычность и сложность которого состоит в большой глубине заложения (60 м и более).

Город — промышленный, научно-технический, студенческий. Расположен на обоих берегах Енисея, но главная его часть, в том числе и старинный город, находится на левом

Красноярск. Краеведческий музей

берегу. С одной стороны, город сумел сохранить старину — купеческие дома дореволюционной постройки, Покровская церковь, часовня Параскевы Пятницы на Караульной горе, пароход-памятник «Св. Николай», памятники и музеи советской эпохи. С другой стороны, город сумел приобрести современный облик — мосты, высокие здания, спортивные и культурные комплексы, построенные с использованием достижений новейшей архитектуры. Около двухсот фонтанов и много уличной скульптуры («Фотограф», «Художник», «Пьяница и собачка», «Дядя Яша и стажер», «Белая лошадь», композиция «Пушкин и Анна Керн» и другие), прекрасно оживляющей городской пейзаж.

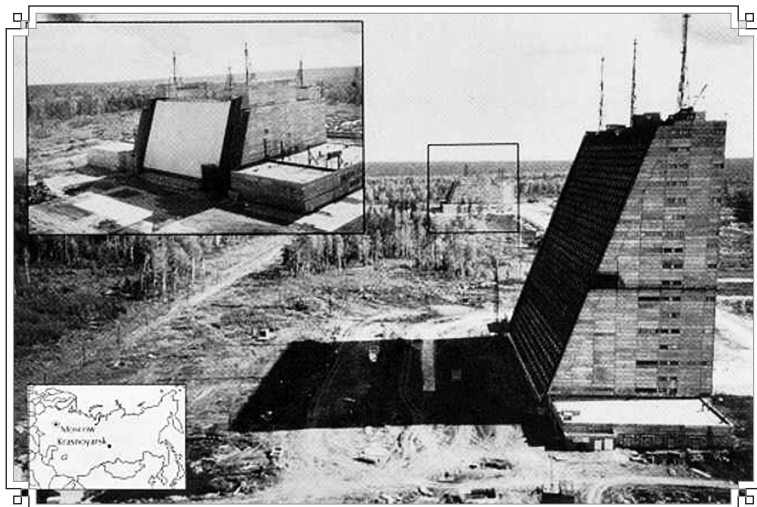
Город нескучный, много мест, где можно взбодриться, отдохнуть, развлечься. Достаточно назвать такие основные достопримечательности, как «Красноярские Столбы», парк флоры и фауны «Роев ручей», фанпарк «Бобровый ручей» (спортивный комплекс нового поколения, использующий технологии мирового уровня), зоологический парк «Удачный» и пещера «Караульная» (гроты на глубине 38 м, длина ходов 360 м).

Отплытие теплохода «В. Чкалов» из Красноярска (7 часов утра) задержалось на четыре часа из-за сильного тумана, так как теплоходам в туман запрещается проходить через судоходный пролет Октябрьского моста. Это отставание не только сохранилось до Дудинки, но и увеличилось до шести часов. Под марш «Прощание Славянки» теплоход отчалил от голубого дебаркадера, развернулся и плавно покатиł вниз по течению, оставив позади светлый шпиль Речного вокзала, Стрелку с ее памятниками и монументальными зданиями, красивые формы Коммунального моста, вантовый мост, причал «Злобино» — (самый крупный грузовой порт) и затон судоремонтного завода. Не знаю как у моих друзей, но у меня, стоящего на палубе, душа испытывала одновременно и непонятную грусть, и тихий восторг. Впереди более 2000 км волнующего плавания по Енисею.

Проплыли Шивера, где похоронена мама и где живет старшая сестра Тоня. Далее — большой поселок городского типа Предивинск (бывшее село Предивно) — место моего рождения, как прописано в паспорте. На самом деле мое появление на свет произошло в бакенской избушке.

Ниже Предивинска начинаются Казачинские пороги. Русло Енисея тут сильно сужается. По дну его пролегает каменистая гряда, отдельные скалы и валуны которой в мелководье выступают над поверхностью воды. Скорость потока здесь достигает 16—18 км/ч. Казачинские пороги — трудное место для судоходства. В его узкой горловине может пройти только одно судно, искусно управляемое опытным капитаном. Вверх по течению самостоятельно могут пройти только мощные суда. Проводка остальных судов осуществляется при помощи буксира-туера «Енисей». Этот дизель-электрический красавец имеет мощность 2000 л.с. и может протащить через пороги целый караван. Туер — единственное в стране судно-бурлак. На других реках ничего подобного нет. Туер, передвигаясь по канату, проложенному на дне, наматывает канат на лебедку, сам подтягивается против течения и тянет за собой другое судно.

Ниже Казачинского в Енисей впадает Ангара. У устья Ангары, на высоком берегу, расположено село Стрелка. Теп-

лоход миновал эти места поздно вечером. Днем здесь можно было бы полюбоваться на белые скалы и нежно-зеленую ангарскую воду.

Из-за ночной темноты мне не удалось своим московским друзьям показать еще одно знаменательное место, когда проплывали село Абалаково, являющееся не только речной пристанью, но и железнодорожной станцией трассы Красноярск—Маклаково (Лесосибирск).

Вблизи Абалаково размещалась уникальная радиолокационная станция дальнего обнаружения межконтинентальных баллистических ракет. РЛС работала в метровом диапазоне, имела дальность действия 6000 км и была спроектирована в виде двух разнесенных на 850 м позиций — передающей и приёмной. Передатчик и приёмник имели активные фазированные антенные решетки размером 30×40 м и 80×80 м соответственно. РЛС была построена в начале 80-х годов в целях защиты северо-восточного ракетоопасного направления: ракеты «Трайдент» и «Трайдент-2» баз атомных подводных лодок у западного побережья США способны атаковать всю территорию СССР.

Во время начавшейся перестройки и политики односторонних уступок со стороны руководства СССР в 1989 году под нажимом США было принято решение: одну из самых мощных стратегических точек ликвидировать. В 90-х годах практически построенная РЛС была полностью демонтирована и превратилась в кучу цветного металла.

В город Енисейск приплыли ночью. Стоянка 30 минут. Мы даже не выходили на берег. Раньше я много раз бывал в Енисейске, но все проездом. Всё не хватало времени на знакомство с этим интересным городом, на визиты к знакомым людям и родственникам. Чувство вины было у меня и сейчас, тем более, что здесь похоронен отчим М.Ф. Шалыгин (дядя Миша), могилу которого давно никто не посещал.

Рано утром второго дня плавания я уже был на палубе. Проплыв село Колмогорово, я уже не мог оторваться от знакомых мест. Ведь эти места в детстве пришлось не раз одолевать на лодке, плавая за баланами. Вот проплыли село Пономарёво, Пономарёвские камни, далее ближе к правому берегу коварные пороги «Кармакулы» и, наконец, впереди, на левом берегу показалось Назимово. Жаль, что теплоход шел мимо, а так хотелось сойти на родной берег и низко-низко поклониться малой родине.

Утро было ясным. Удалось сделать хорошие фотоснимки вытянутого вдоль берега села, хоть и шел теплоход далеко от берега. Я долго смотрел на удаляющееся село и думал о быстрой жизни и невозможности прокрутить жизнь обратно, куда иногда так хочется попасть.

Господин счастливый случай опять помог мне увидеть родное Назимово. Ведь если бы мы вышли из Красноярска без опоздания, то проплыли бы Назимово ночью. Жаль, что не было стоянки. У В.П. Астафьева в повести «Последний поклон» (в главе «Без приюта») есть такие строчки про Назимово: *«Мы остановились на пристани Назимово, на берегу шла торговля, без зазывов и ора. На прилавках стояли голубика, черника, смородина черная и красная, кедровый орех в мешках. Прокисшая морошка сочилась из березовой торбы. Тут же на плахе лежит морковь, лук, малосольные огурчики. Рыба — и коп-*

ченая, и соленая, и вяленая. А недалеко сидит местный умелец, торгующий чучелами и диковинными дудками и пикульками».

Енисей становится все шире и раздольнее. За каждым поворотом реки открываются новые дали, появляется все больше необжитых островов и все реже встречаются прибрежные поселения.

Писатель В.П. Астафьев в лирических миниатюрах «Затеси» пишет: *«...Дивен Енисей, верхний и средний в особенности, ни одна верста не повторяется, величествен, раздумчив и раздолен он в низовье, где берег с берегом не сходится, в бестуманную погоду отворены здесь речные врата в какую-то одно временно пугающую и манящую даль...»*.

После Назимово интересно было взглянуть на село Ярцево, где меня в 1951 году принимали в комсомол. Был конец дня. К приходу теплохода у пристани организовался импровизированный рынок. Продавали овощи, рыбу, кедровые шишки, чучела белок и соболя, соленья, варенье и ягоды. Мне удалось купить редкую ныне рыбку — малосольный тугун. Рыбка размером чуть больше кильки, но с необыкновенно изысканным вкусом. Ее можно есть, даже не извлекая косточки, настолько они мягкие. После отчаливания в уютной каюте под водочку мы закусывали этой рыбкой, горячей картошкой и благодарили судьбу за счастливые мгновения.

Севернее Ярцево обычно всех пассажиров привлекают Осиновские пороги — одно из самых живописных мест на Енисее. Енисейский кряж своими отрогами здесь переходит на левый берег, а река, прорезая его, течет по ущелью. Эти отроги и образуют порог. За Осиновским порогом русло Енисея становится узким. Берега обрываются тут отвесными скалами. Это место речники называют «щеками». Самая узкая часть их — 700 м. Глубина реки доходит до 60 м. За «щеками» открывается изумительная по красоте панорама. Небольшой скалистый островок Кораблик разделяет Енисей на два русла. Над скалами и гребнями Кораблика высятся огромные сосны, ели, лиственницы. За Корабликом видны два других живописных острова — Барочка и Монастырский. За Осиновским порогом Енисей делает полукольцо. Здесь впадает

река Подкаменная Тунгуска, за которой населенные пункты на Енисее встречаются редко.

Севернее Подкаменной Тунгуски примерно в 160 км находится поселок Бахта. Об охотниках и рыбаках этого поселка в 2007 году снят замечательный документальный фильм (четыре серии) «Счастливые люди». Автор фильма Дмитрий Васюков прожил в Бахте четыре сезона (весна, лето, осень и зима). В 2009 году этот фильм был подан на премию «Лавр», прошел многоступенчатую систему отбора и вышел в финал. В финале оказались три сериала: от канала РТР блокбастер «Тайны архитектуры», от 1-го канала ТВ «Одноэтажная Америка» В. Познера и И. Урганта и малоизвестный Д. Васюков со своими «Счастливыми людьми». Открывается на сцене конверт — и рождается сенсация: победителем становится Васюков. Удивляет то, что ни на одном российском канале так и не показали сериал «Счастливые люди». Будучи в Москве, этот фильм случайно у друзей увидел известный немецкий режиссер Вернер Херцог и предложил Васюкову сделать на основе сериала большой фильм. Фильм был сделан, и как немецкий стал демонстрироваться в прокате и по телевидению в Германии, Европе и по всему миру. Но только, к сожалению, не у нас.

Ночью приплыли в Туруханск, где с 1937 по 1941 год жил в ссылке Отец Лука, в миру В.Ф. Войно-Ясинеvский, известный врач-хирург, профессор, автор книги «Очерки гнойной хирургии» и богословского труда «Дух, душа и тело», впоследствии лауреат Сталинской премии и в то же время Архиепископ, награжденный Патриархом Алексием I бриллиантовым крестом с правом носить его на клобуке. Красноярской епархией РПЦ канонизирован как местночтимый святой.

Туруханск стоит в устье реки Нижней Тунгуски, второго крупнейшего притока Енисея после Ангары. Почти все русло Нижней Тунгуски проложено среди отвесных скал, покрытых тайгой. Она дика, капризна и прекрасна. Течение в реке бурное. Даже быстроходные катера с большим усилием преодолевают ее пороги и перекаты. Просторы и красоты Нижней Тунгуски описаны В.Я. Шишковым в романе «Угрюм-река». На берегах Нижней Тунгуски разведаны несметные природ-

ные богатства. Каменного угля здесь больше, чем в Донбассе и Кузбассе, вместе взятых. В бассейнах ее притоков находятся крупнейшие месторождения графита, а также ценнейшего минерала — исландского шпата, который стоит дороже золота.

После Нижней Тунгуски ширина Енисея увеличивается до 3—5 км. Местами его берега скрываются за горизонтом. Течение становится плавным и не превышает 1 км/ч.

Против устья реки Курейка на левом берегу Енисея расположено село Курейка, где отбывал ссылку И.В. Сталин (1914—1916 годы). В 10 км к северу от Курейки проходит незримая граница Полярного круга.

На третьи сутки теплоход прибыл в город-порт Игарка, построенный в годы первой пятилетки (1929—1930 годы) на месте небольшого охотничьего становища. Игарская протока, в которой расположен порт, хорошо защищена от ветров, имеет достаточную глубину, слабое течение и удобна для стоянки морских и речных судов. Игарка — морские ворота Восточной Сибири. Отсюда во многие порты мира морскими кораблями отправляются миллионы кубометров пиломатериалов. Кстати, именно Игарка вдохновила геолога и поэта Городницкого на одну из лучших его песен, памятную всем строчками: *«А я иду по деревянным городам, где мостовые скрипят, как половицы...»*.

В 90 км ниже Игарки теплоход проплывает мимо реки Хантайки, правого притока Енисея. В 1963 году в 50 км от устья Хантайки было начато строительство Усть-Хантайской ГЭС. За короткое время приехавшие со всей России по набору парни и девушки построили город Снежногорск. Название город получил от обилия в этих местах снега. В 1967 году было перекрыто русло реки. С той поры воды Хантайки текут по тоннелю, пробитому в скалах. Усть-Хантайская ГЭС — самая северная ГЭС в мире. С 1970 года турбины этой ГЭС стали снабжать электроэнергией Норильск, Игарку, Дудинку и другие города и села Таймырского полуострова.

В конечный пункт плавания, Дудинку, теплоход прибыл в два часа ночи. Пассажирам разрешили оставаться в каютах до утра. В 6 часов утра мы спустились на дебаркадер и зака-

зали такси, чтобы добраться до остановки рейсового автобуса на Норильск. На пристани у дебаркадера было сыро и грязно. При весеннем ледоходе вода часто затопляет берега. После схода воды на берегу остается много льда, который потом долго тает. На дебаркадере имеется просторный зал ожидания, горячая и холодная вода, прачечная (стиральная машина с самообслуживанием), душ и сауна. Всегда теплеет на душе, когда видишь хоть какую-то заботу о человеке. Ведь пассажирам из далеких мест иногда приходится на дебаркадере долго ждать теплохода.

Такси прибыло через 30 минут. Шофер по дороге рассказал, что на своей старушке «Жигулях-копейке» он ездит уже более 30 лет и ни разу не ремонтировался. Машиной первой итальянской сборки он очень доволен. До Норильска выгоднее было взять такси. У таксистов — такса, что и проезд на автобусе (1400 рублей). Мы попросили таксиста «Мерседеса», прежде чем ехать в Норильск, показать нам основные достопримечательности города Дудинки. Город нас ничем не удивил. Водитель жаловался на плохие дороги (мы это ощущали воочию) и на запущенность коммунального хозяйства. Но безработицы нет, бомжи есть (пять человек). Жители Дудинки живут в основном за счет порта и рыболовства. Многие ездят на работу в Норильск.

Город и порт Дудинка расположен на правом берегу Енисея, в устье реки Дудинки на 69-й параллели северной широты. Дудинка — административный центр Таймырского округа. В 1968 году ее жители отпраздновали 300-летие города. Для промышленного города Норильска порт Дудинка — ворота для выхода на материк и северный морской тракт. Без Дудинки Норильск не смог бы функционировать. Эти два города соединены автодорогой и железнодорожной линией.

По дороге в Норильск нельзя не обойти вниманием снегозащитные щиты, изобретенные заключенным инженером Потаповым во времена ГУЛАГа, которые со смыслом установлены в разных местах тундры то ближе, то дальше от дороги.

В Норильске устроились в хорошую трехзвездочную гостиницу «Норильск». Сняли два двухместных номера за

1300 рублей на человека в сутки. Места были заказаны заранее в Москве, но этого можно было не делать, так как в гостинице оказалось много свободных мест.

Посетили краеведческий музей, находящийся в бывшем здании кинотеатра им. В.И. Ленина (автор проекта Трушиныш). В музее много интересных материалов. Но нас удивило, что история создания Норильского горно-металлургического комбината (ГМК) представлена неполно. Есть фотографии и материалы про прославленных строителей ГМК, оказавшихся в Норильске не по судебному приговору. Но совершенно отсутствуют материалы о тех легендарных строителях Норильска, которые были заключенными, но которым директор ГМК А.П. Завенягин доверил ключевые технические должности, и они с честью оправдали это доверие, внесли неоценимый вклад в создание ГМК и достойны памяти. Тем более, что многие из них были удостоены Сталинскими и Государственными премиями и награждены высшими правительственными наградами.

Не увидели мы в музее имен тех легендарных архитекторов, многие из которых были заключенными и в сталинские годы проектировали монументальные здания, которые до сих пор являются украшением города. Нет в музее материалов о новой науке, сложившейся в Норильске — геокриологии, позволившей решить проблемы промышленного и гражданского строительства в условиях вечномерзлотных грунтов.

Совсем мало материалов о прославленных геологах, которые в суровых условиях Заполярья не только открыли рудные и угольные месторождения старого Норильска, рудные кладовые Талнаха, но и составили карты новых кладовых будущим поколениям.

Не нашли мы в музее материалов о цехе по производству тяжелой воды и атомном реакторе. Атомный реактор был закрыт в конце пятидесятых годов из-за дороговизны производства.

Около музея сооружен памятник узникам Норильлага в виде кольца из сплетенных рук.

Город нам понравился. Нет проблем ни с работой, ни с жильем. На улицах чисто. Хорошо работают уборочные машины. Дома стоят на сваях с открытыми продухами. Много такси, как официальных с шашечками, так и любительских. Машины разнообразные: «Волга», «Жигули», «Нива» и импортные, как с правым, так и с левым рулем. Стоимость проезда на такси по городу — 50—80 рублей вне зависимости от длительности маршрута. Можно брать такси повременно — 350 рублей в час. Водители дружелюбны и разговорчивы. Такси после заказа по телефону прибывает почти мгновенно. Как и везде по стране, много лиц кавказской национальности. Стоимость проезда в автобусе 22 рубля, даже в другой город-спутник Талнах. На улицах, особенно на центральных, много магазинов и кафе.

Въезд на Октябрьскую площадь из старого Норильска открывается величественными зданиями с башнями, построенными в 1948 году. Они хорошо сохранились и по-прежнему являются украшением города.

В старой части города хорошо сохранилось здание ДИТ-Ра (Дом инженерно-технических работников). В этом здании я не раз бывал на концертах и кино, когда жил в Норильске в 1952—1954 годах. Здание должно помнить многие исторические для Норильска события: торжественные собрания, концерты заезжих артистов и самодеятельных коллективов (в том числе и из лагерей) и т.д.

В городе есть культовые заведения, памятники и скульптуры. Здания, построенные в 50-х годах в стиле сталинского ампира, тоже выглядят очень мощно и красиво (авторский коллектив под руководством Л.Г. Назаровой).

Индустриальный институт был образован в 1961 году на базе Горно-металлургического техникума. Техникум тогда размещался в другом месте, в двухэтажном гранитном здании по ул. Октябрьской. В те далекие годы, будучи в заключении, в техникуме преподавал (1945—1954 годы) основатель прикладной минералогии член-корреспондент АН СССР Н.М. Федоровский, о чем напоминает мемориальная доска, вывешенная в левой части здания института.

Одной из главных целей моей поездки в Норильск являлось посещение могилы А.П. Прокопенко — моего опекуна и благодетеля, похороненного в Норильске на старом кладбище (последние захоронения относятся к 1973 году). Со времени похорон Александра Петровича (1963 год) мне не удавалось побывать в Норильске. О состоянии могилы знал от его друзей, живших в Норильске. Но за последние двадцать лет такой информации я не имел: многие из этих друзей ушли в иной мир, а некоторые уехали на материк. Мне нужно было найти могилу и удостовериться в ее сохранности. Когда мы вчетвером (я и трое друзей) приехали на кладбище, то поняли, что найти могилу будет непросто. Кладбище оказалось в совершенно запущенном состоянии, документации никакой. Примерно 80 % могил заброшено, разрушено. Надгробья вытолкнуты вечномерзлотным грунтом, валяются в разных позах и ржавеют, бетонные плиты рассыпались, многие изгороди разрушены. Много мусора — бутылок, камней, проволоки и прочее. Печальная картина! Разделив территорию кладбища на четыре части, мы стали искать могилу 1963-го года захоронения (у меня была фотография могилы). Не прошло и часа, как мы ее нашли. Могила оказалась в достаточно хорошем состоянии. Но поскольку старое кладбище заброшено и ничего не делается, чтобы его сохранить, было принято решение приехать в Норильск следующим летом, провести эксгумацию и кремацию. Урну с прахом привезти в Москву и похоронить на Востряковском кладбище в могиле, где похоронена Ида Ильинична — жена Александра Петровича¹.

Старый город, примыкающий к горам Шмидтихе и Рудной, где когда-то были сосредоточены основные производ-

¹ В 2012 году в конце июля не без трудностей, но задуманное доброе дело было выполнено. Чета Прокопенко снова оказалась вместе (теперь уже на Востряковском кладбище), и моя душа перестала томиться. Но это был не единственный положительный результат от содеянного. Краткое описание нашей поездки в Норильск (по Енисею) было размещено в Интернете. Материал в Интернете был прочитан внуками Александра Петровича от первого брака (Сергеем и Андреем). Я ничего не знал о судьбе внуков, так как после смерти Александра Петровича (1963 год) связь с его дочерью была прервана. Внуки разыскали меня. Я был удивлен и обрадован. Теперь уже есть уверенность, что Александр Петрович не будет забыт и после моей смерти.

ства в окружении лагерей заключенных, заброшен и не развивается. В старом городе народ уже не живет. Многие здания зияют пустыми глазницами окон и производят жалкое зрелище. Все еще работающий рудник «Заполярный» находится на склоне горы Шмидтиха, и доставка рабочих на него производится автобусами, которые вынуждены пересекать большую часть невзрачного старого города.

В программу нашего пребывания в Норильске входило также посещение мемориального комплекса «Норильская Голгофа», расположенного у основания горы Шмидтиха на месте многочисленных захоронений заключенных во времена ГУЛАГа (десятки тысяч были захоронены прямо в ров). Своим землякам памятники поставили латвийцы, литовцы, эстонцы, поляки, евреи и русские с покаянием.

Последний день пребывания в Норильске мы решили посвятить городу-спутнику Талнаху. Талнах находится в предгорьях плато Путорана в 30 км от Норильска. Город хорошо спланирован, современен по архитектуре. Дома раскрашены в разные цвета, много магазинов, кафе, есть развлекательные центры, деревянная церковь, памятники и т.п.

Ныне Талнах является главным поставщиком рудных ископаемых. Протяженность шахтного поля талнахских рудников «Комсомольский», «Маяк» и «Скалистый» составляет 12 км. Максимальная ширина — 3,5 км. Общая протяженность выработок превышает 450 км. Разработки ведутся на глубине до 1500 м. Суммарная протяженность железнодорожного полотна рудников составляет более 80 км. Производительность главных вентиляционных установок рудников составляет более 1300 м³/с, что соизмеримо с протоком реки Норильской.

Основными потребителями продукции талнахских рудников являются Талнахская и Норильская обогатительные фабрики, Надеждинский металлургический, медный и никелевый заводы.

Дорога на Талнах проходит по живописным местам. Рядом с дорогой над поверхностью земли (из-за вечной мерзлоты) проложены мощные технологические коммуникации,

которые на фоне окружающей природы производят сильное впечатление. Тянутся трубы теплоснабжения города Талнаха и трубы по перекачке пульпы (смешанная с водой измельченная руда) с Талнахской обогатительной фабрики на Медный завод (30 км) и на «Надежду» (45 км). Теплотрубы обмотаны стекловатой и защищены деревянными рейками — продукция студенческих строительных отрядов 60—70-х годов. Такая же теплоизоляция — на трубах теплотрасс Норильска.

По советам жителей мы посетили один из живописных уголков окрестностей города Талнаха — водопад в урочище «Красные камни».

В истории возникновения Норильского ГМК много как героических, так и трагических страниц. Моя конспективная зарисовка — это только внешние, наиболее видимые черты норильского феномена. Про Норильск уже много написано. Но норильская тема далеко не исчерпана, и есть надежда, что появятся исторически правдивые исследования с описанием подвигов многих-многих людей, сотворивших этот феномен.

Глава 8

Енисейская родная сторона: и гордость, и боль...

1. ПОВЕСТЬ О БАКЕНЕ

Река Енисей. Село Назимово. Раннее июньское утро. Смиренный туман, как густое молоко, нависал над сонной, еще не проснувшейся рекой. Очертания не только дальних берегов, но и самоходки, стоящей на рейде, почти невидимы. По легким звукам, так хорошо слышимым над рекой, да еще в туман, почти рядом ощущался человек-невидимка, стоящий на борту самоходки и куривший, слегка покашливая. На берегу было тихо, никто так рано еще не суетился возле лодок. Но село уже пришло в движение. Домашняя живность проснулась, хозяйки доили коров, петухи кукарекали, да и собаки кое-где взлаивали. Туман быстро уходил вверх, ожидался вёдренный день.

Я и Андрюшка Пономарёв готовили лодку к отплытию. Вещичек было совсем немного: сумка с продуктами, одежонка на случай вечерней прохлады, вёсла, шест, багор и бечёвка. Нам предстояло добраться до бакенской избушки, что была на небольшом острове Скутовый (вверх по течению примерно в 20 км от Назимово). Вечером надо было зажечь три бакена, переночевать и утром отплыть домой. Хозяином избушки был родной дядя Андрюшки. Дядя ждал из Красноярска родственников и готовился к вечернему застолью. Днем должен был подойти пассажирский пароход. Обычно уходя далеко вниз (до Игарки, Дудинки), а затем поднимаясь вверх по реке до Красноярска, пароходы через каждые восемь-десять дней бросали якоря, спускали на берег длинный трап и становились для сельчан очагом радостных встреч или расставаний. Андрюшка уже был надежным помощником в домашних и бакенских делах и часто выручал дядю, когда он был не в форме.

Шли выпускные экзамены в назимовской семилетке. Осталось сдать физику. У Андрея не ладилось с учебой. Я ему помогал. За два дня до экзамена мне стало известно, что дядя посылает его на бакены, и я загорелся желанием отправиться

с ним. Меня крепко держал «на привязи» дядя Миша. Но в этот раз мне повезло. Дядя Миша был в хорошем настроении и меня отпустил. Я был безмерно счастлив.

Всё готово. Лодку спихиваем, она вся над водой, груза мало. Такую лодку можно гнать вверх по реке шестиком, да и бечевой тянуть одно удовольствие. Сплошной туман развалился на седые лохмы, и они уползали медленно вверх. Заметными стали силуэты ближайших лодок, причаленных к берегу, да и название близстоящей самоходки «Чувашия» уже можно было прочитать. Вот уж и край пылающего солнца показался из воды с той стороны, куда нам предстояло плыть. Первые лучи заскользили по глади воды и стали приветствовать всех, кто рано встает, выходит к реке и решительно берется за дело. А без дела в селе не проживешь, слишком уж сурова Сибирь к тем, кто ленится.

Идем вверх по реке «на шесте», что медленнее, чем бечевой. Бечевой идти на виду села как-то несолидно, хоть и мало еще препятствий, мешающих ровному пешему ходу у воды: лодок, колхозных илимок¹ и связанных в плоты баланов. Совсем недавно сошел лед, и к летней трудовой страде мужики еще только готовятся. Берег пока пустынен. Но совсем другая картина будет в конце лета. На берегу накапливается столько добра, что приезжий человек может только удивляться, как это всё за короткое лето можно было добыть, а за зиму растратить. В первую очередь — это заготовка дров. На всем протяжении двухкилометрового села в воде или на берегу — баланы, баланы, баланы... Большая часть их уже распилена, и навалены горы чурок. В некоторых местах чурки раскрошены, и выложены поленицы в рост человека. До поздней осени будут слышны убаюкивающие звуки «дзинь-дзинь» двуручных пил и мужицкое кряканье при колке неподдающихся чурок. Спрашивается, откуда дровишки? А дарит их людям Енисей. По Енисею работало много леспромхозов. Зимой валили лес и подвозили к реке. С наступлением лета —

¹ Илимка — большая деревянная лодка для перевозки скотины (лошадей, коров, телят) и колхозной техники (телег, сенокосилок, конных граблей и пр.). На ней можно было плавать даже при большой волне.

сплотка бревен, связывание в плоты и сплав в низовье Енисея (Игарку). Но много леса уворовывалось Енисеем: из-за халатности людей при сплотке или проделок взбудораженной волнами реки, срывающей боны и уносящей как отдельные брёвна, так и целые связки. Были немалые потери и при сплаве, когда при неумелом управлении длинная лента плотов (матка) могла частично сесть на пороги или налететь на камни. Тогда брёвна оказывались во власти стихии. Жители прибрежных селений их просто вылавливали или собирали по берегам, куда их выбрасывало волной. Брёвна добротные, с торца клеймёные, годные для постройки любого жилища. Но основная масса шла на распил и заготовку дров на зиму.

Наряду с дровами много будет на берегу стожков сена. Сплавлилось сено на лодках по воде. Покосов вблизи села не хватало (все поля были колхозными) и жителям приходилось заготавливать сено в прибрежных луговинах (вверх по реке вплоть до ближайшей деревни Пономарёво). По калейдоскопу имущества, накопленного за лето на берегу, можно судить о деревенском достатке и зажиточности людей. К зиме всё береговое имущество будет перевезено, перекатано, перетаскано во дворы. Какой же непостижимый труд приходился на каждого жителя! А если семья еще содержит корову! Здесь без сноровистых четырех-шести рук в семье, без трудовых навыков содержать хозяйство просто невозможно. И всё ручной труд! Колхоз держался на плаву в основном только за счет трудолюбия немцев, в свое время переселенных с Поволжья, раскулаченных переселенцев с Алтая, да лошадиной силы. Лошадям в колхозе, особенно летом, приходилось работать с большим напрягом. Если какой-либо лошаденке в редкий день перепадала удача не быть «запряженной» в колхозе, то это не значит, что она получала отгул. Ее у председателя колхоза выпрашивали сельчане перевезти дрова или сено с берега во двор, вспахать поле под картошку или на личном подворье выполнить какую-либо другую работенку, посильную только лошади. Приоритет получить лошадь имели колхозники, служащие — по остаточному принципу.

На корме, стоя, работает шестиком Андрюшка. Для устойчивости чуть выставив вперед ногу, он заносит вперед шест, погружает его в воду у самого борта, упирается шестом в дно и быстро перебирает по нему руками до верхнего конца. Шест уходит. Он низко нагибается и, перед тем как вытащить шест, резко отталкивается. Лодка чуть подпрыгивает. Нос стремительно рассекает воду. Мне нравится, как ходко движется лодка.

Андрюшка на год старше меня, ростом чуток больше, да и силенками бог не обидел. Когда мы боролись, то мне редко удавалось его повалить. Был он присадистым, крупнوكостистым, несколько медлительным, несуетным. Этакий чурбачок, сработанный лесорубом, чтобы на нем работать, сидеть и даже есть. Ростом я тогда был мал. В школе при построении всегда был последним. Но у меня было тоже кое-какое преимущество. Я был ловок и вынослив.

Кончилось село, можно тянуть лодку бечевой. Первым иду я. Андрюшка, находясь на корме, ловко рулит кормовым веслом. Меня никогда не тяготило быть бурлаком. Я не уставал. Но сколько получал положительных эмоций! Идешь по береговой кромке, под ногами разноцветная галька, иногда песок. Берег с изгибами, с уловами. Вода в движении, причем в движении разном. То она течет плавно и прямолинейно, то вдруг на границе улова начинает закручиваться, образуя проплешину застойной глади, то вдруг забурлит, видимо, недовольная мешающими на дне камнями. Вода то резвится, миролюбиво булькая, то взбрыкивает, переходя на ворчание.

Движущаяся вода всегда привлекает внимание, завораживает. *«А волна ласкает взгляд, ласкает, никуда тебя не отпускает»*. А если еще и солнечная погода, то завораживающий эффект дополняется и цветом. Переливающаяся вода создает такое многообразие солнечных бликов — зайчиков, что нельзя этим не восхититься и самому не засветиться.

Идешь, идешь... Слышишь всплеск и видишь морщинистый след на поверхности воды из-за убегающей вглубь потревоженной рыбы, которой нравится нежиться в при-

брежной теплой воде. У ног может «заиграть» камень с разноцветными прожилками, который невозможно не взять в руки и не полюбоваться поделками природы. А сколько находок содержит плавник, выброшенный на берег волной, когда Енисей не в духе и бушует. То попадется обструганная дощечка, годная для подстилки в лодке, то лодочное весло, то берестяной туес, то детский деревянный кораблик, уплывший неведомо из каких мест от зазевавшегося хозяина. Вот взгляд зацепился за форменную капитанскую фуражку, видимо сорванную ветром с чьей-то рассеянной головы. Сколько радости для мальчугана от такой находки, хоть она и велика по размеру. А какой восторг от найденного куса рыболовной снасти, пусть всего лишь с несколькими крючками. Крючок в деревне — дефицит. Один крючок на обмен в те времена — по меньшей мере курица.

Перед тобой по кромке воды делает пробежки кулик с кривым носом, семена проволочными ногами, смешно подергивая хвостиком и издавая звучные клики: «Куу-ик!». *«Кулик не велик, а все-таки птица»* — как шутливо говорят в народе. Наконец ему надоедает делать пробежки, он догадывается, что можно просто вернуться назад, на прежнее место, используя свое преимущество над человеком — умение летать. Кулики были разные: большие и совсем маленькие, просто или пышно одетые. Но все они удивляли своей суетливостью и игривостью.

Вот на прибрежном песке видишь удивительное скопление белых бабочек-капустниц. Много десятков. Что за собрание? Может свое колхозное собрание? Вот от воды торопливо уползает змея, как будто застигнутая за каким-то недостойным занятием. Иногда, всмотревшись далеко вперед, можно увидеть на песке то рябчика, то глухаря, поутру прилетевших на берег поклевать крупный песок или мелкие камешки. На открытой местности эти осторожные птицы ближе сорокапятидесяти метров не подпускают и стараются скрыться от возможной беды заранее. Идешь час, второй. Усталости нет. Всё интересно в этом удивительном мире, как много непонятного! И так хочется жить, узнавать, удивляться...

Слышу крик Андрюшки: «Стой!». Теперь его очередь идти бечевой, а мне держать лодку. Сидеть в корме и подправлять кормовым веслом ход лодки, чтобы не дать очередной струе повернуть ее к берегу, ловко обогнуть мысок и торчащий в воде тальник, низко пригнувшийся от водяного напора, тоже нескучно. Приятно ощущать свою способность управлять лодкой. А если ты еще заботаешься о «бурлаке», то при переходе со спокойного улова на быстрину можно так ловко вклинить лодку в струю, что «бурлак» и не ощутит резкой смены усилия. Можно наслаждаться прикосновением теплых лучей ласкового солнца, можно любоваться все новыми видамидвигающегося на тебя переменчивого леса с редко торчащими ввысь островерхими черными елями. Завораживает также и говорливость воды. От лодки на берег идет то тихий накат кильватерной волны, то на быстрине — рокочущий, то в улове — замирающий. Говор воды не мешает слышать птичьи голоса. А птиц у нас много, их многоголосие особенно можно почувствовать в раннее погожее утро. Мир не казался нам, детям, чуждым еще и потому, что его оживляли и украшали эти милые птицы.

Впереди появляется ожидаемая речка Вакрушиха, вырвавшаяся из тайги на водный простор Енисея. Дальше только на вёслах. Нам надо проплыть протоку между берегом и нижним изголовьем острова, обогнуть остров и далее опять бечевой уже по берегу этого острова до избушки. Время — еще не полдень, но солнце уже жарит. Енисей спокоен, всё радует глаз, на душе благодать и ни одной печали. Но так в жизни бывает недолго. Печаль ждала и нас. Как только мы обогнули остров, то увидели белый бакен, стоящий от берега на расстоянии 70—80 метров, но не на своем месте. Его место — километра два выше по течению у коварного подводного камня, который прячется под водой, но при малой воде может высываться наружу. Но как бакен оказался здесь? Видимо, якорь не мог удерживать его и катился по дну. Так бывает, если на трос нанизывается много водяной травы или другого, чаще древесного, мусора. Это уже чрезвычайное происшествие. Тревога на лице Андрюшки. В любой момент может появиться-

ся теплоход, а далее — только везение может спасти дядю Андриюшки от больших неприятностей.

Андриюшка начинает резко командовать. На воде слово кормщика — закон. Первая наша задача — снять бакен, стоящий не на своем месте. Мы пристаем к берегу, берем два увесистых камня. Мне только потом стало понятно, зачем они. Заходим бечевкой выше по течению. Я сажусь за вёсла и быстро гребу. Надо успеть схватиться за бакен, иначе пронесет мимо, и все начинай сначала. Течение в этом месте стремительное. Андриюшка кричит: «Быстрее!». Вот, наконец, и бакен. Андриюшка цепляется руками за крестовину, лодка вздрагивает, останавливается, вода мощными струями обтекает ее. Поднять довольно тяжелый якорь-камень, который удерживает бакен, можно только при большой силе и сноровке. Можно легко перевернуть лодку. Андриюшка решает не поднимать якорь-камень. Напружинившись, он подтягивает цинковый трос из воды, кладет его на камень и начинает перебивать другим камнем. Проходит несколько минут, трос перебит, и нас понесло. Андриюшка кричит: «Быстрее к берегу!». Я шустро гребу, но лодка с привязанным к ней бакеном идет медленно. Андриюшка кричит уже более грозно: «Быстрее!». Он боится, что нас снесет за хвостовую косу острова, а там снова добираться уже до дальнего берега, снова заходить вверх, снова проплывать протоку. А время не ждет, надо до темноты успеть установить бакен на свое место.

Повезло! Удалось зацепиться за хвост острова. По берегу бечевой иду я. У острова со стороны фарватера течение сильнее, да и груз стал больше, поэтому «бурлаку» уже не до созерцаний. Примерно через час впереди показалась избушка. Она терпеливо ждала хозяев, готова была тотчас приютить, накормить и приободрить. Но нам нельзя было расслабляться. Затаскиваем на берег злополучный бакен. Спешно подтаскиваем к воде запасной бакен с крестовиной. Он сухой, намного легче. Кантовкой по доскам затаскиваем в лодку один из заранее заготовленных каменных якорей, лежащих на берегу. Готовим трос, один конец заделываем к крестовине, другой к камню-якорю. Закрепить трос к камню — непросто.

Хоть и выдалбливается вокруг камня бороздка специально для троса, но чтобы тросовая петля со временем не ослабла и не соскочила, при обвязке тоже требуются умение и опыт. Как все ловко получалось у Андрюшки! Берем якорь-кошку¹, не забываем взять керосин, спички. Все готово. Время бежит, как и быстрая река. Солнце уже перевалило через свою верхушку, тени на земле удлиннились до роста человека. Остался последний, самый сложный процесс — установить бакен на свое законное место.

Снова заходим вверх по течению. Путь недлинный, всего-то 700—800 метров. Андрюшка кричит: «Стой!». Усаживаемся в лодку. Я сажусь за вёсла и быстро гребу от берега. За нами тянется замысловато расходящийся след от лодки и привязанной к ней крестовины с бакеном. Андрюшка держит направление с небольшим упреждением вверх по течению и внимательно смотрит в сторону водяных кружев, образуемых над подводным камнем, за которым мы должны установить бакен. Лодку надо поставить чуть выше (по течению) того места, где должен быть сброшен в воду якорь. Андрюшка делает отмашку: «Трави вёсла!» — и бросает кошку. Лодка тормозит, вода с шумным возмущением ее обходит. Андрюшка отмеривает взглядом расстояние до водяных кружев, видит, что недобрали, и кричит: «Речным!». Я гребу речным веслом. Лодка хоть и заякорена, но поворачивается и чуть подается к берегу. Андрюшка дергает за трос, кошка прыгает по дну, лодка медленно катится. «Стоп!». Вот он снова прикидывает расстояние и опять кричит: «Греби!». Я налегаю на весло. Все повторяется. Через три попытки Андрюшка успокаивается. Некоторое время мы ничего не делаем, отдыхаем. Собираемся с духом. Нам предстоит сделать последние три действия — сбросить в воду тяжелый якорь (и при этом не опрокинуть лодку), затем осторожно подтянуть крестовину с бакеном, привязать ее к якорному тросу и последнее, самое легкое, — зажечь керосиновую лампу.

Когда все это было сделано и мы увидели результат, то поняли, что победили. Крестовина с бакеном установилась

¹ Кошка — легкий трехлапый металлический якорь.

там, где наметил Андрюшка. Быстрая вода неохотно обегала крестовину, оставляя за ней расходящийся шлейф волны. Я смотрел на огонек бакена и удивлялся его могуществу. Этот маленький светлячок спасал теплоходы и противостоял стихии. Я не знаю, что испытывал Андрюшка, внешне он оставался спокойным и невозмутимым, по-видимому, и я был таким же. Мы были слишком молоды, чтобы понимать, что совершили достойный для похвалы поступок. Содеянное представлялось нам обычной работой.

Солнце уже смотрело на нас сбоку. Надо было заправить керосином и зажечь еще два бакена. Один ниже по течению, на нашей стороне. Другой, красный, находился на противоположной стороне реки. Все это мы проделали без каких-либо происшествий. Да и острота восприятия окружающего уже была сглажена усталостью. В избушку мы приплыли уже в сумерки, в доме пришлось зажигать керосиновую лампу. Я плохо помню свои ощущения от вечера, проведенного в избушке. Намаявшись, поев всухомятку, мы быстро погрузились в безмятежный, праведный сон. Я не помню, чтобы в детстве были какие-либо сновидения. Еще не угнетали сомнения, житейские проблемы, голова была свободна от противоречивых раздумий, а душа еще не умела предчувствовать тревоги.

Утро оказалось светлым, приветливым. Солнечный свет заливал комнату. Лежать в постели не хотелось. Тянуло на улицу, на Енисей. Всё уже проснулось. Вокруг стрекотало, чирикало, пищало, жужжало. Андрюшка уже варил картошку во дворе, где под укрытием располагалась летняя кухня. Хлеб, картошка и малосольная сырая осетрина — прекрасный завтрак. Царскую рыбку ели не все, а только те рискованные мужики-рыболовы, которые не могли мириться с полным запретом ловли осетра и стерляди и всегда могли обмануть рыбнадзор. Андрюшкин дядя был хитроватым мужичком и, конечно, всегда был с рыбой.

Плыть домой мы не спешили. Обратный путь недолгий, легкий — плавежом, по течению. Сиди или лежи в лодке, отдыхай, мечтай. Не более чем через два часа енисей-

ская вода вынесет тебя к селу. До полудня мы учили физику. Делали мы это на берегу около лодки. Никто нам не мешал. Ненадолго отвлекли нас только самоходка, лихо прошмыгнувшая вниз серединой фарватера, да еще грузовой теплоход, медленно протаскившийся вверх совсем близко от нас с вереницей барж и одаривший нас песней «Чайка смело пролетела над седой волной...». Для лучшего усвоения законов механики мы бросали вверх и под углом к горизонту камни, катали кругляши по наклонной доске, пытались забивать гвоздь в доску сначала тупым, а затем острым концом, чтобы понять, что такое давление. Физику преподавал в школе Петр Васильевич Пынько. Он любил свой предмет, умел доходчиво рассказать, а некоторые объяснения закреплял опытами. Первые сознательные проникновения в физику для многих учеников школы (и для меня тоже!) начались с уроков Петра Васильевича.

Так закончилась двухдневная жизненная эпопея двух сельских мальчиков, еще совсем наивных, но пытливых и жизнелюбивых. Мальчики! Но уже сознающие, что их помощь родителям — это обязательная часть жизни. Вся жизнь в селе — на виду, с раннего утра до позднего вечера — труд, труд, труд. Только так можно было выжить.

Меня всегда интересовала дальнейшая судьба Андрюшки. Он умел делать всё, что было нужно для сельского жителя на берегу Енисея. Своему дяде он помогал не только по бакенам, где многое уже мог делать профессионально, но и на скотном дворе, при закладке нового сруба, на рыбалке и в других делах. Только позднее я стал понимать, каких добротных молодых людей ковали такие села, как Назимово. После окончания семилетки Андрюшка тоже удрал из села. В Красноярске после окончания политехнического техникума успешно работал мастером на оборонном заводе. Семья, дети, внуки. Материально жил небогато, но и не бедно. Сейчас живет в Красноярске на пенсию-подачку и, конечно, морально и психологически подавлен тем, что произошло в стране на рубеже нового столетия.

Необходимое пояснение. Для обеспечения безопасного судоходства наряду с бакенами по берегам Енисея устанавливались так называемые створные знаки. Местное население называло их «мигалками». Простое, но оригинальное изобретение прочно внедрилось в жизнь и до сих пор надёжно служит людям. На высоком берегу устанавливаются две плоские треугольные (остриём вверх) или прямоугольные деревянные конструкции высотой до 10–15 м с небольшим наклоном назад и разном по дальности 20–50 м. Знаки имеют дневную цветовую маркировку, горизонтально чередующиеся белые полосы, и ночную световую сигнализацию. Правильный курс судна (ось судового хода) – направление, когда один створный знак находится позади другого. Чем больше угловой разнос знаков, тем больше курсовая ошибка, тем больше вероятность приплыть не туда. Задний знак ставится всегда немного выше переднего, поэтому один знак не закрывает другой. Всегда видны оба знака. В темноте передний знак горит постоянно, задний – проблесковый.

В конце 50-х годов прошлого столетия керосиновые лампы на бакенах были заменены на электрические лампочки, питаемые батареями. А с 1962 года на бакенах и створах стали устанавливать фотоэлементы, автоматически включавшие лампы при наступлении темноты. Ежедневное обслуживание уже не требовалось, бакенщики и бакенские избушки стали не нужны. Эпизодический контроль за бакенами и мигалками осуществляла бригада, плавающая на специальном путевском катере. Катер был оснащен необходимым техническим инвентарем (лебёдками, запасными маяками, якорями, тросами, аккумуляторами и т.д.).

Позднее наряду со створными знаками появились перевальные знаки. Они устанавливаются в местах перехода (перевала) судового хода (фарватера) от одного берега к другому. В темное время суток знаки маркируются белыми (зелеными) огнями на левом берегу, красными – на правом. Перевальный знак указывает направление фарватера, а не его точное положение, в отличие от створного знака.

К концу прошлого столетия на Енисее наряду с бакенами треугольного силуэта на реке появились бакены прямоугольной и пирамидальной формы. С 2008 года на Енисее начали действовать морские правила судоходства. Вместо речных бакенов стали появляться большие морские буи с радиолокационными отражателями.

2. ВЕСЕННИЙ ЛЕДОХОД

*Громоздило, рвало, сокрушало твердь зимы,
шла на середине Енисея битва не на жизнь, а на
смерть. В панике металось, кружилось, неслось,
кипело месиво льда, грозная стремнина, потемнев-
шая от ярости, грозовой, сокрушительной тучей
двигалась по реке, наполняя треском, аханьем и
гулом земные и водные пространства.*

*В. Астафьев,
Предчувствие ледохода*

В Сибири, на Енисее зимний период — самый длинный и однообразный. Семь месяцев. Река покрывается ледяным панцирем и снежным покрывалом. Пространственная жизнь людей скукоживается до размеров своих жилищ, села или деревни. Выйдет мужик зимой на угор, глянет на белый простор заснеженной реки, от яркой белизны прослезится, от чистой хладности воздуха взбодрится, и такая тоска по живой реке закрутит, что не может он не пойти к соседу, у которого обязательно найдется бражка и с которым можно облегчить душу.

Зимой Енисей отдыхает. На снежной, а где и ледяной глади можно видеть кое-где торосы, оставшиеся после осеннего тихого ледохода. У берега вдоль реки сиротливо рассыпаны пятнышки прорубей, к которым от домов тянутся протоптанные в снегу дорожки. За долгую зиму сколько по ним хожено туда и с полными ведрами обратно. Все проруби, да и большинство дорожек помечены, утыканы елками. Без этих елочек после метелей дорожку и прорубь можно и не найти. Колхозные проруби (квадратные для забора питьевой воды и ленточные для питья скотины) даже огораживались елками и имели снегозащитный навес. В укрытии неизменно хра-

нились пешни¹ и лопаты. Проруби нуждались в постоянном уходе. Они становились как бы частью бытового уклада сельского жителя.

Поперек реки виднелся унавоженный санный след, по которому гуськом пять-шесть лошадок могли понуро тащить нагруженные сеном сани. Кое-где могли торчать рыболовные уды. Строганина из замороженного налима (поселенца) — одно из изысканных блюд гостеприимного деревенского рыбака.

Зима хоть и длинная, но тоже проходит, и совсем нетягостна для людей. Расслабиться не дает ежедневная суета — уборка снега, уход за скотиной, доставка воды с Енисея, топка печи, приготовление еды и т.д. И только когда зима поворачивает на весну и солнце начинает сильнее пригревать, ожидание перемен все сильнее охватывает людей. И совсем уж заметно изменяется духовный настрой людей, когда река вскрывается ото льда.

Ледоход на Енисее даже в нынешние време-

Снежный занос при входе в избу

¹ Пешня — инструмент для прорубания льда на реке, прорубей для забора питьевой воды или для установки сети/невода, лунок для уд. Пешня состоит из ручки и зубила. Жало зубила может иметь заточку разной формы — под долото, под пику или стамеску. Нож зубила делается прочным и достаточно тяжелым. Торец зубила приваривают к куску железной трубы, куда вставляют рукоять. К верхней части рукояти привязывается бечёвка, которая наматывается на руку, чтобы пешня, вырвавшаяся из рук, не могла утонуть в проруби.

на представляет величавое зрелище. А уж как он завораживал, будоражил и даже страшил людей, населяющих берега реки, в ту пору, когда обладал первозданной мощью и не был еще укрощен Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, а по главному притоку — Ангаре — не был стреножен Братской ГЭС. Ледоход на Енисее проходит иначе, чем на других сибирских реках, например, Оби и Лене. По величине площади водосбора, по водности и стремительности течения, по количеству перекатов, шивер и глубоких водоворотов Енисей уникален, и ледоход на нем отличается особой удалью, шалой необузданностью и большей непредсказуемостью. Вдохновенные строки про ледоход на Енисее можно найти у В.П. Астафьева, С.В. Сартакова, В.Я. Шишкова и других писателей.

В конце весны Енисей как бы готовится к родам. Подолдом вода оживает, напрягает мускулы, скапливает силы. Перед ледоходом лед набухает, вода давит на него снизу. Кое-где у берегов появляются забереги, вода узкой полосой выходит на лед. На противоположную сторону реки уже стараются не ездить, если нет в этом большой нужды.

Вдруг по рации из соседнего Колмогорова, что в 37 км выше Назимово, сообщают, что у них лед тронулся. Остались часы ожидания. Кто не запасася водой, спешит с коромыслами к своим прорубям. Надо заполнить все бочки, кадки, ведра¹. Если заберега неширокая, можно накидать доски.

Первая подвижка льда происходит всегда неожиданно, почти без шума и сразу по всей ширине реки². Но, как правило, эта пробная тихая подвижка продолжается недолго,

---

¹ В 1990-х годах в Назимово была пробурена скважина, построена водонапорная башня и проведен водопровод, так что жители теперь пьют грунтовую воду.

² Описываемый ледоход относится к средней части Енисея, где находится д. Назимово (587 км по Енисею севернее Красноярска). У д. Назимово ширина реки — 2,1 км. Становление льда в этой части Енисея происходило в середине ноября, а вскрытие — в начале-середине мая. Период ледостава в нижнем Енисее длился 190–200 дней. Нарастание льда продолжалось до весенних месяцев. С вводом в эксплуатацию Красноярской ГЭС Енисей перестал замерзать не только в районе Красноярска, но и ниже его (вплоть до села Казачинское — 265 км). В районе города Енисейска продолжительность ледостава уменьшилась на 1,5 месяца, в районе д. Назимово — на месяц. Например, в 2006 году Енисей в районе Назимово встал лишь в конце декабря.

20—30 мин. После небольшой передышки, как бы собравшись с духом, Енисей берется за работу серьезно, решительно, готовый все сломить, все сокрушить. Есть возможность показать всю свою богатырскую силу, молодецкую удаль. С треском ломается лед метровой и полутораметровой толщины, раскалывается на исполинские глыбы. Глыбы налегают друг на друга, встают на дыбы, срываются и с гулким эхом уходят под воду. Красиво и величественно движется ледяное поле, на котором, как на сцене, могучие льдины совершают магические движения, сверкая на солнце всеми цветами радуги.

Рассыпавшись в линейку по угору, почти весь деревенский люд заворожённо наблюдает это неистовое природное действо. И это происходит из года в год. Казалось бы, смотрят одно и то же. Но это не так. Ледоход каждый раз другой, и последствия его для жителей бывают разные. Старожилы внимательно всматриваются в начало ледохода, пытаются понять его особенности и возможные последствия.

Ледяные глыбы лезут на берег, застревают в каменистых порогах, на отмелях и шиверах. За какие-то часы может образоваться высоченная гора льда, а если она перекрывает русло реки, то возникает затор. Быстро поднимающаяся вода и сильное течение, как правило, сметают эти заторы. Но так бывает не всегда. На Енисее есть такие коварные места, когда с образовавшимися заторами вода справиться сразу не может. Затор вырастает в мощную ледяную дамбу. Тогда уровень воды может подняться на 10—15 м, река выходит из берегов и затопляет не только низменные пойменные пространства, но и прибрежные селения, спрятавшиеся на крутоярах.

Свидетелем одного из таких наводнений пришлось быть и автору этих строк в пору раннего детства (конец 40-х годов прошлого века). Мощный затор случился на участке между селами Назимово и Ярцево. Даже бомбардировки с самолетов, прилетающих из Енисейска, не могли разрушить ледяную плотину, перекрывшую Енисей. Была затоплена более низкая часть села Назимово. Крыши изб торчали из воды. Между ними жители плавали на лодках. Несколько дней властвовала

стихия. Но все-таки ледяная дамба прорвалась, и вода быстро ушла с затопленного пространства, оставив груды льда.

Продолжительность ледохода в ту пору составляла 15–20 дней. Через 10–15 дней енисейский лед истощался и наступал второй этап ледохода – вскрытие Ангары. Ангарский массивный лед, более темный, но уже переломанный, проплывал тоже внушительно, но более спокойно, без заторов. Проходит несколько дней, льдины перестают воевать друг с другом, плывут уже не сплошняком, а с разрывами. Ледоход воспринимался уже как-то буднично, интерес к нему пропал. И когда на реке появлялась редкая шуга, становилось ясно, что великий ледоход кончился. Но что творилось на берегах! Редкий год обходился без ледяных нагромождений, к воде не подступишься. Тянувшиеся по всему побережью навороченные бастионы могли иметь высоту трех- и четырехэтажных домов и ширину полосы до 10–20 м. Архитектор позавидовал бы разнообразию ледяных конструкций: красочные циклопические укрепления, фантастические памятники, осевшие набок башни, крытые проходы, неуклюжие

арки и даже убежища, похожие на волшебные дворцы. Все ледяные конструкции просвечивались солнцем и зачаровывали цветовыми излучениями. С матовых или блестящих ледяных стенок и карнизов дружно капает. От капли подолдом стоит серебряный звон. Как здесь не быть околдованным сказочными видениями и таинственной музыкой!

Деревенские ребяташки очень любили проводить время в этих ледяных катакомбах. Считалось особым шиком сделать жилище подальше, в глубинке, куда можно было только доползти по извилистым щелям. Для этого приходилось даже где-то и лед пробивать. В этих жилищах можно было посидеть или полежать на сделанной подстилке из сена. Когда я, уже 30-летний, впервые смотрел красивый фильм «Снежная королева» (по мотивам сказки Ганса Андерсена), то увиденные на экране ледяные дворцы снежной королевы мне были знакомы, я в детстве в них уже бывал.

Сколько же сказочных фантазий возникало в детских головах, когда ребяташки погружались в ледяную сказку! Такое не забывается. Даже воспоминания об этих картинках вдохновляют, и душа просит музыки. Описать словами всё разнообразие образов, цветов и звуков в описываемом ледяном царстве достаточно трудно. Тем более, что по мере таяния льдов все менялось. Ледяные стенки, имевшие вначале цвет кристаллов медного купороса, могли со временем приобрести нежно-зеленые или лиловые краски. Звонкая капель переходила в журчание водяных струй. Несомненно, всю глубину и широту восприятий этой сказки можно было бы передать музыкой. Но, увы! Среди нас, мальчишек, не нашлось композитора. И все-таки, когда я слушаю музыкальный альбом «Одиночество вдвоем» любимого мной композитора Евгения Дога, то не могу освободиться от детских видений этой ледяной симфонии.

Нагромождения ледяных торосов, хоть и медленно, но таяли. С прозрачных, увешанных ледяными сосульками дворцовых карнизов светлыми каплями стекала вода. То там, то тут дворцы оседали, часто со звоном рассыпались. Вот уже появилась возможность без большого труда пробить проход

к воде, что обычно делалось напротив колхозного двора. Первыми к енисейской воде шли лошади, их выводили на водопой. Если взрослые с нетерпением ждали выхода к воде, то ребятам было жаль расставаться со своими сказочными дворцами.

С открытием доступа к реке резко обновляется жизнь у людей, расширяются новые просторы для деятельности. Река — не только водный источник и рыба. Это и прибрежные пойменные луга, и острова, используемые для заготовки сена и как пастбища для скотины (молодняка). Большую часть времени жители начинают проводить на реке. Активируются рыбаки. Почти у всех появляется свежая рыба. Не ест ее только совсем ленивый. Возбуждены охотники. Гусиный переклик, свист утиных крыльев не дают им спокойно спать. Одолевают мысли, как лучше замаскировать себя и лодку, чтобы по большой воде скрытно подобраться на выстрел к сторожким уткам и особенно гусям, сплавляющимся на разрозненных льдинах вниз по реке к историческим местам гнездовий. Все начинают конопатить и смолить деревянные лодки. Без лодки на реке делать нечего.

Весеннее буйство на реке и суше проходит быстро. Река успокаивается и начинает служить человеку раньше, чем земля. Быстро светлеет лес, на пригретых пригорках, заливных лугах и полянах появляются первые зеленые пятна коротенькой травки, но в низинах еще лежит снег. Жители ждут, когда земля оттаяет и наберет тепло. Но подготовка к нелегким пашенным работам уже идет. Скоро и ребятам будет не до игр и забав. Многие сядут на коней и будут пахать и боронить. Над жителями деревни будет властвовать земля. Притяжение к земле огромно, и вековечный труд на ней есть сама жизнь, ее интерес и благополучие.

Круговорот природы (весна, лето, осень и зима) дает жителю деревни такое разнообразие деятельности, что ему не до скуки. Причем любое дело, будь это труд на земле, рыбалка на реке или охота в тайге, не в тягость, а в радость, если в это дело вложены профессиональные навыки, лад с природой и мужицкая сметка. Сама природа делает жизнь в деревне хоть

и беспокойной, но творческой и полезной. Человек повязан с природой и не может ее не любить. Разве можно быть равнодушным, если вокруг такое разнообразие движений и звуков, богатство красок и форм, причем не застывших, а меняющихся от сезона к сезону.

Несмотря на немилость государства, деревня живет и, есть надежда, не умрет. Не теряет веры в это и поэт из Мордовии В. Ващалкин:

*«Не погибает русский дух
В травой заросших селах,
Где день-деньской кричит петух,
Горластый и веселый...».*

А мы будем ждать очередного весеннего ледохода на Енисее, который в нижнем течении (севернее Красноярска) по-прежнему сохраняет свое величие, красоту и силу.

3. ЕНИСЕЙСКАЯ ТАЙГА

*...Лесное раздолье Сибири,
таежный орнамент страны.
Коль вы хоть однажды здесь были,
любить его обречены. <...>
Когда мне тревожно и больно,
в тайгу за спасеньем иду.
И воздух — целебный и хвойный —
любую отводит беду.*

А. Максименко

* * *

*...Уведи меня в ночь, где течет Енисей
и сосна до звезды достает...*

О. Мандельштам

Неброская таёжная красота пленяет на всю жизнь

В Сибири лес называют тайгою... В тайге преобладает темнохвойный бореальный сомкнутый лес. О, всегда величавая, наполненная живородящим духом, сибирская тайга! Какой же надо иметь багаж необыкновенных слов (поэтических, романтических, вдохновенных), чтобы ее описать! Ведь тайга — это не только зеленые «легкие» планеты, не только удивительная флора и фауна, не только всевозможные краски и звуки, но и история, и даже душа!

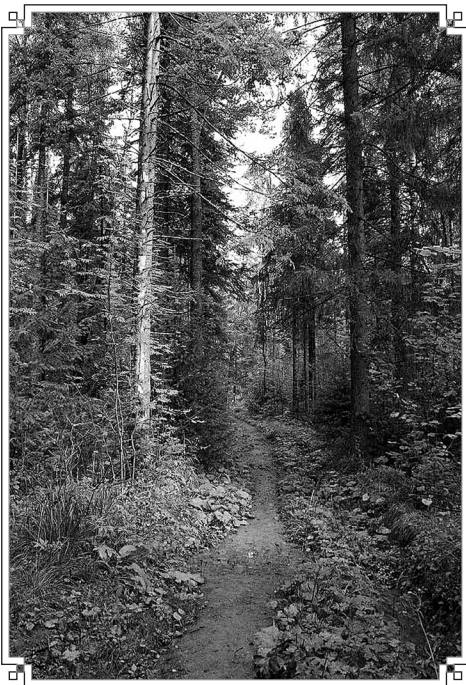
Тайга подобна живому организму, наделенному разными движениями, энергиями и тайнами. И это отмечено поэтами: «Качая вершинами под небесами, могуче вздыхает за стенкою лес...» (Н. Перяеслов) или «Это дышит тайга грудью хвойной высокой...» (А. Грабовский), «Здесь край лесной, а не столица,

особый мир в лесном краю: / Тут слышно, как щебечут птицы / И тихо ангелы поют» (Г. Леонтьева).

А.П. Чехов, побывав на Енисее в 1890 году при путешествии на Сахалин, писал: *«Сила и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только перелетные птицы знают, где она кончается. В первые сутки на нее не обращаешь внимания, во вторые и в третьи удивляешься, а в четвертые и пятые переживаешь такое настроение, как будто никогда не выберешься из этого земного чудовища».*

Я расскажу о Енисейской тайге, что простирается от Красноярска на север до Полярного круга. Красноярский край относится к одному из самых лесистых регионов России.

Каждый, кто бродил по Енисейской тайге, не мог не пережить то, о чем очень красочно пишет писатель О.В. Волков¹ («Енисейские пейзажи». Очерки и рассказы. М., Современник», 1974):

¹ О.В. Волков (1900–1996) – писатель, переводчик, журналист. 28 лет провел на каторгах, в тюрьмах, лагерях и ссылках. О.В. Волков принадлежал к тем заключенным, вина которых состояла во врожденной интеллигентности, безупречном образовании и непоколебимой вере и любви к России. Наибольшую известность в СССР и за рубежом приобрела его книга «Погружение во тьму: из пережитого» (М., Сов. Россия, 1992). Книга о трагических судьбах людей – жертвах сталинских репрессий, о том, как в нечеловеческих условиях можно остаться человеком. После пятого ареста был отправлен в ссылку в село Ярцево Красноярского края (севернее села Назимово на 154 км). Работал в селе промысловиком, конюхом, водовозом.

«...Шагаешь вольготно, усталость копится неприметно, так что ее не чувствуешь, но постепенно охватывает ощущение великого одиночества, нерушимое безмолвие начинает тяготить, и вот уже с беспокойством вглядываешься в запомнившиеся приметы, берет сомнение, и ранее хоженные места выглядят незнакомыми. Стоит только поддаться этой тревоге и, заробев, утратить уверенность, как перестанешь доверять сначала своей памяти, потом компасу. Так и есть — сбился, блудись... Ноги враз тяжелеют, наваливается усталость, а тут растерянно обнаруживаешь, что перед тобой моховое болото: откуда оно взялось? До чего сумрачно стал глядеть светлый бор, как ожили в памяти рассказы о невернувшихся из таежных дебрей... Хорошо, если в такую минуту возьмешь себя в руки и заставишь оглядеться спокойно. Справившись с шевельнувшейся в душе паникой, тут же убедишься, что вышел к знакомому месту, вот затеска на стволе у кромки болота, вот след привала... И уже уверенно и бодро зашагаешь к близкому ночлегу...».

Открытие сибирской тайги началось с дружины Ермака, которая перевалив через Урал, столкнулась с лесными людьми, для которых тайга была домом. Эти люди говорили на разных языках и отличались от русских обликом и обычаями. Так мы узнали о коренных жителях Сибири: ненцах, эвенках (тунгусах), долганах, кетах, ханты, манси, тофаларах, алтайцах, хакасах, тувинцах, бурятах, якутах и многих других народах. Еще и сегодня мы не все знаем из истории этих народов. Например, уже несколько десятилетий ученые спорят о кетах (остяках). Они обитают только на Енисее (от 60° с.ш. до полярного круга) и нигде больше. Это совсем небольшой таежный народ: всего 1250 человек (по данным 2010 года). Язык кетов не схож ни с одним языком на земле, и его не понимает никто из их нынешних ближайших соседей. Ученые связывают культуру кетов с карасукской культурой (две тысячи лет до новой эры) Казахстана и Южной Сибири.

Тайга всегда была защитницей людей от врагов, спасительницей от непогоды и кормилицей в голодные годы. И, конечно, она не может не заслуживать к себе самого уважи-

тельного отношения. Тайга не любит тех, кто равнодушен к ее тайнам, а, вторгаясь в ее пределы, ведет себя как завоеватель, не считаясь с ее уязвимостью и беззащитностью.

Вот несколько случаев, когда тайга не желала помочь излишне самоуверенным людям, наказывая их за легкомысленность.

Первый случай — печальный, произошедший в пору моей юности (начало 50-х годов) в селе Назимово. Два молодых человека, один из которых только что возвратился после службы в армии, отправились с ружьями в тайгу. В тайге они потеряли друг друга. Один вернулся в село вечером, второй — исчез. На следующий день стали искать малыми местными силами, надеясь быстро найти. Не были задействованы районные службы по спасению. Так и потерялся парень.

Второй случай, произошедший в Назимово, относится уже к концу 60-х годов. Таежный леший запутал в лесу человека, уже много лет живущего в селе и не раз бывавшего в тайге. Мне пришлось быть непосредственным участником поисков этого человека.

Очередной отпуск (август — сентябрь) я проводил на Енисее, в Назимово. В день приезда радостная встреча в родном доме была омрачена тем, что потерялась в тайге мамина подруга.

Рано утром текущего дня Мария Владимировна и ее муж Георгий Иванович¹ отправились за грибами на другой берег Енисея. Часа через три они в лесу потерялись. Георгий Иванович стал громко кричать, но тщетно. Поиски он продолжал весь светлый день. К вечеру, измаявшись, Георгий Иванович приплыл в село, хватанул стакан водки и свалился спать. Обеспокоенная мама поведала мне об этом. С этим известием я отправился к председателю сельсовета П.В. Пынько. Он уже знал о случившемся и делал попытку собрать жителей. Но был уже вечер, впереди ночь, и поиски отложили до утра. Мама горевала, что Мария Владимировна была одета в летнюю кофточку, а ночи в августе уже холодные. Да еще было известно, что в тех краях объявился медведь.

¹ Г.И. и М.В. Соседовы ушли в иной мир. В Назимово живет их дочь Нина с семьей.

В полночь мне удалось разбудить Георгия Ивановича. Я стал его уговаривать ехать искать Марию Владимировну. Выйдя на берег, мы пытались оценить ситуацию на реке. Дул «сивер», подняв большую волну. Георгий Иванович сомневался. Все-таки плыть в темноте при большой волне — большой риск. Но я был решителен. У меня была большая деревянная лодка с высокими бортами¹. Мы подвесили мотор «Вихрь-30» к корме этой лодки, взяли ружья, патроны (у меня были свои припасы), большой электрический фонарь, привезенный из Москвы, и теплую одежду для Марии Владимировны. Переплыть Енисей оказалось непросто. Волны, невидимые с берега, были предельными для небольших лодок. Даже нашу большую лодку изрядно бросало, винт часто оказывался над водой и взвизгивал при холостых оборотах.

В голове у меня сложился план, как искать. Этот участок тайги мне был хорошо знаком. Здесь, будучи семиклассником, я ставил петли на зайцев. С правой стороны в Енисей вливался громко журчащий таежный ручей. Была уверенность, что заблудившаяся вряд ли станет переходить его, да и находиться от него она близко не могла, так как догадалась бы по журчанию воды выйти к нему и далее — к Енисею. Зона поисков была определена. Двигаясь зигзагообразно влево, вправо, мы медленно продвигались вглубь, периодически нарушая ночной покой выстрелами, останавливаясь и слушая. Но кроме верхового шума деревьев (дул ветер) никаких звуков мы не слышали.

Нашли мы Марию Владимировну, буквально наткнувшись на нее, уже под утро примерно в семи километрах от берега, когда темень уже начала отступать. Мария Владимировна сидела на куче сухих листьев и моха, закутавшись в пихтовый лапник. Голос она потеряла накануне, так как много кричала. Оказалось, что выстрелы она слышала давно,

¹ Эта лодка была куплена мной в Енисейске. В этот раз мое прибытие в Назимово состоялось по Енисею на дюралевой моторке, взятой у брата Коли в Лесосибирске. В Енисейске была вынужденная остановка из-за неполадок в моторе. Местный старик долго уговаривал меня купить у него лодку. Продавал он ее дешево, и я, пожалев его, купил, не зная еще возможности ее использования, и не напрасно — лодка пригодилась.

но не было сил подняться и бежать в нашу сторону. Выйдя к реке, к своей лодке, мы увидели приближающийся к берегу колхозный катер с буксируемой баржей. На барже стояли жители села с радостными лицами. Заблудившаяся нашлась, а им можно возвращаться к своим сельским делам.

А вот случай — современный, произошедший в мае 2011 года. В Ачинском районе Красноярского края заблудился в тайге ушедший за черемшой 12-летний мальчик. Мальчика искали охотники, местные жители, спасатели, специалисты-кинологи и сотрудники милиции. Был задействован даже беспилотный летательный аппарат. Мальчика стали искать на второй день и нашли на третьи сутки. Таежный леший увел мальчика за 40 километров от родной деревни и вернул его людям, убедившись, что мальчик не пал духом и не испугался. Первую ночь мальчик провел в шалаше, который сам соорудил из пихтовых веток, а вторую — в заброшенной охотничьей избушке.

Эти три случая, разные во времени, уже могут убедить каждого, что тайга не терпит легкомысленного к себе отношения. Она не прощает ошибок и гостеприимна к тем, кто относится к ней с уважением и живет с ней в согласии. Народная мудрость «не зная броду, не суйся в воду» очень годится и для тайги. Не знаешь тайги, не ходи в нее. Но это правило повсеместно нарушается. Часто человек идет в тайгу без соответствующей подготовки, без подходящей экипировки, без компаса, не умея ориентироваться на местности, не зная, как по лесным приметам определить географическое направление. Жаль, что в школах (особенно в школах таежных окраин) нет обязательных программ изучения флоры и фауны окружающего леса, отсутствуют уроки познания азов выживания в лесу и защиты природы.

Не только школа, но средства массовой информации не прививают в должной мере культуру общения людей с природой. Поэтому что удивляться повсеместному варварскому отношению человека к деревьям, цветам, травам...

Заблудившегося человека в густом лесу найти непросто. Когда быстро и хорошо организован поиск, тогда, как прави-

ло, не бывает печального конца. Человек может долго выживать в тайге, если обладает трезвой рассудительностью, терпением и не теряет надежду. Как правило, люди погибают в тайге не от голода и жажды, а от паники и чувства безысходности.

Тайга меня никогда не тяготила. Я не боялся заблудиться. С детства были усвоены основные правила. Первое — входишь в лес, сделай «привязку» своего местонахождения к местности (дороге, реке и т. д.), к направлению север—юг и по отношению к солнцу (если нет облаков). Второе — идешь в лес даже на час, непременно бери компас и спички. Можно обойтись и без компаса, но тогда нужно уметь ориентироваться по солнцу, по звездам, по таежным приметам.

Мне нравилось бывать в тайге и днем, и ночью. Меня не пугает суровая, но понятная музыка тайги: скрип старой лиственницы, треск или глухой стук упавшей ветки или шишки, ровный и сильный, похожий на речной прибой, верховой шум хвойных деревьев. И даже в непогоду тебя укроет тайга. В дождь можно спрятаться под разлапистой пихтой. При сильном ветре, когда тайга ревет, а деревья трещат вершинами, тебе не страшно, ведь ты под защитой густого леса. Смотришь на веселое пламя костра и думаешь о природе, небе, вечном.

Читателя я приглашаю в село Назимово, чтобы прогуляться по енисейской тайге, что раскинулась на сотни километров на запад от реки Енисей. Надеюсь, что мы не заблудимся. С местным лесом у меня сложились дружеские отношения еще с детства. Лес всегда манит, и ты уже во власти лесной поэзии В. Бенедиктова:

*«... Тебя приветствую я снова,
Маститый старец — темный лес,
Стоящий мрачно и сурово
Под синим куполом небес.
<...> И в час, как солнце близ заката,
И меркнет день, душа моя
Здесь дивным таинством объята
И новым чувством бытия...».*

Чтобы войти в лес, надо пройти огороды на задах села, обойти вытянутое в ленту озеро Кирпичное, пройти около

ста метров по сенокосным лугам, кое-где сохранившим кустарники боярышника и черемуховые деревья, перейти по мосту темную таежную речку и далее по смешанному лесу с небольшим подъемом войти на борок. Так уменьшительно жители села называют ближайший к селу небольшой бор, растянувшийся параллельно Енисею. Борок бедноватый на ягоды и, соответственно, на птицу и зверушек. На этот борок жители ходят отдохнуть, но не пополниться дарами леса. Здесь всегда сухо, просторно, есть костяника, местами брусника. Конечно, растут и грибы (грузди, рыжики, подосиновики, подберезовики), но только не белые — их почему-то мало в енисейской тайге.

Мы не будем задерживаться, хотя ягоды и грибы заманивают, а пойдем дальше. Тропа на бору утоптанная, нигде не надо сгибаться или что-то перешагивать. Идем час, наслаждаемся чистотой природы, не встретив ни одного человека. Невдалеке, то слева, то справа можно услышать пересвист рябчиков, а иногда можно их и увидеть, когда, спугнутые, они шумно вспархивают с ближайших деревьев, недалеко отлетают и снова прячутся в ветвях деревьев. У меня хоть и имеется ружье, но я не стреляю. Не хочется тревожить убаюканную тишиной тайгу. Вздвогнув, она может насторожиться, и тогда не жди от нее открытости. Начинается снижение. До болота еще с километр, но все изменилось. Тропу все чаще стали пересекать коварные водяные змейки, толстые старые деревья и валежник. Стало темнее из-за смешанного и более густого леса. Сосны встречаются все реже, чаще стройные лиственницы, ели, кедры. Чем ближе к болоту, тем больше хмурых елей и рослых, седых кедров, легко угадываемых по раскидистой верхушке. В конце лета верхнюю крону большинства кедров могут украшать гроздья спелых шишек.

Непосредственно перед болотом много бурелома и воды. Без резиновых сапог будешь мокрый до колен. Настроение ухудшается, так как приходится перешагивать преграды и ступать в темные лужи, но это длится недолго. Неожиданно открывается безбрежное поле, покрытое мхом и кочками. Кое-где просматриваются блестящие окна желтоватой воды.

На некоторых кочках, как на клумбах, растут одинокие низкорослые ели и березки. Енисейские болота, как правило, старые и имеют плотное мшистое и травяное покрывало. По такому пружинящему моховищу приятно ходить, причем ноги могут оставаться сухими, если за день-два до этого не было обильных дождей. В урожайный год моховище может быть усыпано ягодой. Раньше всех (к середине лета) созревает черника (голубика), к началу осени — брусника и к концу осени — клюква. Ягоды может быть так много, что за час можно набрать ведро, причем с небольшой площади, ползая на коленях по мягкому покрывалу. Ягоду обычно жители собирают самодельными совками, зубья которых сделаны из проволоки. Но болотную ягоду любят не только люди. Она является основной пищей боровой дичи (рябчиков, глухарей, тетеревов). Был у меня случай, когда, собирая на таком болоте чернику, я вдруг в десяти метрах от себя увидел глухаря, который, вытянув голову, с любопытством рассматривал меня. Когда я стал подползать к ружью, что в двух шагах лежало на кочке, глухарь понял, что надо удирать. Меня удивило, что он не стал взлетать, а побежал, причем так быстро, что скоро я потерял его из вида. Оказывается, летом у глухарей бывает линька, и они две-три недели не могут летать. В случае угрозы спасаются, как страусы, бегством, и догнать их в лесу почти невозможно.

Из болот вытекают ручьи и речки — потаенные, холодные, наполненные темной торфяной водой. Пойменные чащи — укромные места обитания лесных зверей, а также лесных и боровых птиц.

Читателя хочется познакомить еще с одним удивительным бором. Жители Назимово называют его Горелый (видимо, он когда-то горел). Добираются до него сначала на лодке по Енисею (вверх по течению до острова Скутовый), а далее по скрытой тропе пешим ходом около трех километров. Сначала продираешься через заросли ивы, черемухи, кусты малинника и дикой смородины. За одежду все время что-то цепляется, ты вырываешься и удивляешься, что она на тебе еще не висит лохмотьями. Следующий участок пути — елань

с пышной травой, жгучей крапивой и лапчатым папоротником выше человеческого роста. Ты пьянееешь от запаха ромашки, клевера, мяты, папоротника и не замечаешь, как твои руки и лицо жалятся не только

обильными комарами, но и крапивой. И вот, наконец, тыходишь в смешанный лес — подборье. Уже можно передохнуть и осмотреться. Тропа пошла на подъем, значит скоро — бор.

В этом лесу, удаленном от села более чем на 10 км, уже ощущается полнокровная жизнь. Поют дрозды, громко кричит желна, отсчитывает годы кукушка, где-то мекает козодой. Ты уже не чувствуешь одиночества. Тихо шагая по тропе, можно врасплох застичнуть целый выводок рябчиков. Шумно вспархивая под ногами, они и тебя могут заставить вздрогнуть от неожиданности. При внимательном осмотре земли можно найти следы барсука и лисьи норы.

Как прекрасны эти обширные лесистые безлюдья!

Бор Горелый намного выше того бора, что около села. Бор удивительно красивый, богатый по флоре, особенно костяникой, брусникой и грибами. В пору моего детства коренные жители его не рекламировали, скрывали от посторонних (приезжих). В 1961 году я показал этот бор своим университетским друзьям из Москвы. Заглянув в эту сказку, они до сих пор не верят, что все это было наяву, а не сон. Высоченные стройные сосны стоят размашисто, не мешая друг другу, стоят крепко, вцепившись в землю разлапистыми толстыми корнями, и даже на сильный ветер они реагируют лишь дремотным качанием. Воздух богат озоном, пропитан запахом эфирных масел и чистый от микробов. Солнечные лучи при круговом движении светила заглядывают даже в потаенные уголки.

Песчаную землю застилают мох, седой ягель, осыпавшаяся хвоя сосны, глянцеви́тые листочки брусники и веточки костяники. Идешь по мягкому разрисованному ковру, боясь наступить на рдеющие рубины брусники и многочисленные шапочки грибов (груздей, подберезовиков, маслят, моховиков и т. д.), вдыхаешь целебный воздух и не перестаешь удивляться, что все это создано природой. Здесь тебя не тревожат даже комары и мошка, им не нравятся места, где нет высоких, густых трав. Неброская таежная красота пленяет на всю жизнь. И так хочется, чтобы она сохранялась вечно и могла так же радовать и удивлять детей, внуков и правнуков.

Тайга зимой: кругом всё бело, пышно, волшебно

А теперь перенесемся в зимнюю енисейскую тайгу. Зимой тайга предстает уже в другой красе, особенно в солнечный день. Она очаровывает величественностью, сказочной красотой, блеском и сверканием. В частых пихтачах и ельниках снег — как пуховая подушка. В густо-синем небе искрятся закуржавевшие шапки кедров и сосен. Бредешь на лыжах, утопая в снегу чуть ли не по колено, кругом все бело, пышно, волшебно. Мороз минус 15 градусов, но ты не чувствуешь его. Полное безветрие. Можно даже видеть причудливый полет невесомых блесток куржака. Вокруг звонкая и сторожкая тишина, только слышен звук скрипучего снега под лыжами. Так и просятся опять стихи:

*«...А следы наснеженные —
Будто бы оконца,
Робкие и нежные
В переливах солнца.
В это утро синее
В гармоничном мире
Всё укрыто инеем.
Хорошо в Сибири!».*

(М. Брюзгин)

Доходишь до опушки, открываешь поляна. Выходишь на простор, замираешь — снежная белизна слепит глаза. На поляне уже не проваливаешься — скользишь по насту. Подтаявшая за день поверхность двухметровой толщи

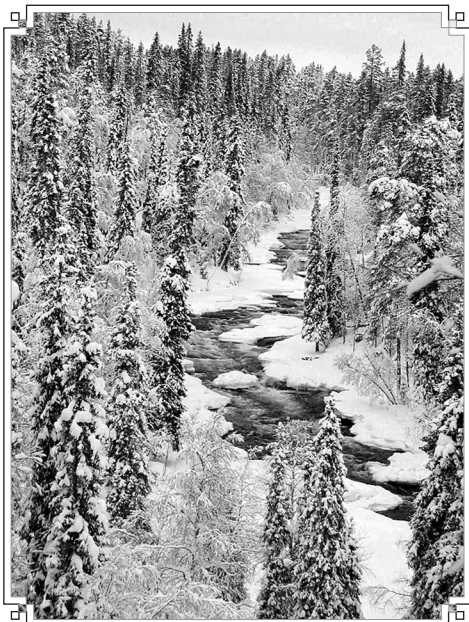

снега за ночь твердеет и образует достаточно плотную корку. Но вот поляна кончается, и ты сноваходишь в затемненный лес, преодолевая несколько глубоких наметов и сугробов на колодинах. Около больших деревьев снег особый, рыхлый, часто без наста. Если вдруг случилась оказия с креплениями и ноги сорвались с лыж и ухнули в снег, то долго придется барахтаться, не доставая земной тверди, прежде чем снова встанешь на лыжи. Без лыж — плохо, и совсем плохо, если ты далеко от жилья.

Тот, кто родился и вырос среди бескрайней тайги и снежных полей, на всю жизнь сохраняет тоску по настоящему зимнему снегу. Этот снег бывает разным: пуховитым и сухим, рыхлым и колючим, жестким и крупчатым. А каким снег бывает разным по цвету! Вблизи города снег всегда имеет серый оттенок. Цвет же чистого снега зависит от окружающего фона и в зависимости от времени суток может быть розоватым, синим, голубоватым, золотистым, сиреневым, серебристым и, реже всего, — белым. Как-то художника Сурикова спросили, какого цвета снег? Был ответ: «Какого угодно, но только не белого!».

Невозможно забыть детские регулярные прогулки в лес с целью охоты на зайца петлями. В те времена этот способ ловли зайцев не считался браконьерским, и осваивал я его в 14-летнем возрасте не от хорошей жизни. Лес, где я ставил петли, находился по другую сторону реки, где зайцев меньше беспокоили люди и собаки. Чтобы добраться до него, нужно

было сноровисто преодолеть открытое двухкилометровое пространство реки, где часто прогуливался сердитый ветерок. В лесу же всегда безветренно, и даже 15-градусный морозный воздух в лесу мягче и не мешает многочасовому комфортному проживанию в нем.

Бесплодные попытки поймать в петлю зайца продолжались около месяца. Казалось бы, я делал все правильно. Найдена хорошо утоптанная заячья тропа. Из проволоки делались пет-

ли диаметром около 20 см и подвешивались над тропой так, чтобы нижний край петли возвышался над снегом на 5–10 см. Петля привязывалась к стволу ближайшего дерева. Выставлено было у меня три петли. Через два-три дня я мчался в лес (иногда в ночь при луне!), надеясь принести зайца. Но тщетно. Много лет спустя в одной из книг я прочитал, что ловля зайца петлями требует большого умения. Первое условие успеха — проволока должна быть достаточно тонкой (диаметром 0,5–1,0 мм). Второе — заяц хоть и видит плоховато, зато очень хорошо чувствует инородный запах. Обычно охотники при установке петли протирают ее еловой веткой. Конечно, эти два условия не соблюдались. Не было у меня нужной проволоки, да и опытный наставник отсутствовал.

Многие бытовые подробности охоты забылись, но волшебные картины зимнего леса хорошо сохранились в памяти. Иной сказкой, чем днем, выглядит тайга ночью при серебристой луне и ярко полыхающих звездах. Тебя окружает

светло-синий мир тишины и покоя, ты находишься как бы в сомнамбулическом состоянии, невесомо скользишь по снегу, пересекаешь тени от деревьев, но не теряешь из вида притягательные заячьи тропы. Как не благодарить судьбу за то, что детское очарование тайгой не утратилось с годами!

Тайга для человека — и кормилица, и поилица

Без тайги человек в Сибири не выжил бы. Тайга издавна была не только кровом, но и кормилицей, и поилицей. Люди в тайге добывали в больших количествах мед диких пчел, смолу, орехи, грибы, ягоды, а также пушного зверя. А в 20-м веке тайга вообще стала материальной базой культуры человека, источником древесины, пищевого, технического и лекарственного сырья. Но человек так и не научился ценить благодеяния тайги.

Больше всего у тайги люди брали и до сих пор берут древесину. Древесина приенисейской тайги является лучшей в мире и пользуется огромным спросом на международном рынке. Сосна, лиственница, береза, кедр, ель, пихта и осина в сибирском климате вырастают особенно прочными. Ангарская сосна, например, имеет мелкослойную плотную древесину, называемую кондовой, особенно ценимую в строительстве.

В 60–80-х годах прошлого столетия Сибирь переживала лесозаготовительный бум. В бассейнах Ангары и среднего течения Енисея возникло множество леспромхозов, вслед за ними стали создаваться лесопромышленные комплексы и комбинаты. Шла интенсивная доставка древесины по Енисею (плотами и грузовыми судами) в Игарку. Далее она грузилась на иностранные морские суда и экспортировалась во многие страны мира.

В 60-х годах появился леспромхоз и вблизи Назимово, с рабочим поселком НовоНазимово. Началась интенсивная эксплуатация сосновых боров на западной приенисейской территории. На лесосеке заурчали валочно-пакетирующие

машины на гусеничном ходу. По проложенной в глубь тайги грунтовой дороге (с толстым слоем галечного покрытия) стали снова зимой и летом, днем и ночью мощные лесовозы. Уже через 10 лет вырубки настолько углубились в тайгу, что лесовозам пришлось доставлять хлысты с расстояний до 100 км. Тайга «заболела» промышленным шумом. Охотникам в эту сторону тайги ходить уже было бессмысленно.

Всякий раз, попадая в эти таежные места, я испытывал двоякое чувство: с одной стороны, хорошо, что возник лесопромхоз, построен поселок, у людей есть работа с хорошими заработками, но, с другой стороны, угнетало понимание того, что все это сделано не рачительным хозяином, а хищником. На лесосеке — зона сплошной рубки с множеством оставшихся гниющих пней, с огромной массой отходов из хвойной лапки, сучьев и обломков стволов. Почвенно-растительный покров нарушен тяжелой гусеничной техникой. Обочина лесовозной дороги почти на всем протяжении загромождена брошенными гниющими хлыстами. А что творилось у реки Енисей на рейде, у запани! Протока, используемая зимой для накопления леса, истерзана, загажена и безжизненна. Хозяйственники нередко вынуждены были нарушать установленные законом экологические нормы ради выполнения (а то и перевыполнения!) спущенного сверху плана.

С целью борьбы с насекомыми — вредителями леса, а также с гнусом (комарами и мошкой) лесосека и прилегающие болотистые таежные территории в 70-х годах были обработаны с самолета порошком ДДТ. Ученые Красноярского института леса им. В.Н. Сукачёва (в частности, доктор биологических наук, ныне академик А.С. Исаев) были против этого, но их не слушали. Вместе с гнусом попутно было отравлено все живое. Результат нарушения биогеоценоза сказался даже на урожайности кедра: восемь лет в этих краях не было кедровой шишки.

В то время на территории поселка Маклаково строился Лесосибирский лесопромышленный комплекс, и уже функционировали некоторые производства, использующие японскую технологию безотходной деревообработки. Это радова-

ло. Но в целом доходность лесохозяйственной деятельности Красноярского края была низкой из-за несовершенства оборудования и техники, неэффективного использования лесосек, затратных лесовозных дорог, больших потерь при заготовке и транспортировке, неразвитости глубокой переработки древесины и целлюлозно-бумажной промышленности.

В настоящее время в структуре промышленного производства Красноярского края лесопромышленное производство занимает пятое место. Но по рентабельности использования лесных ресурсов это производство намного уступает передовым лесохозяйственным странам (Швеции, Финляндии и Канаде). И дело здесь не только в технологических причинах, в недостаточном применении автоматизированных комплексов, существенно снижающих себестоимость добычи леса. Главным же является политический фактор — исторически сложившаяся ориентация экспорта на сырьевые ресурсы. Ведь основной лесной продукцией, которая экспортируется регионом, является деловая древесина (круглый лес) и пиломатериалы. Сегодня не является приоритетным производство таких известных химических и аптекарских продуктов, как бумага, искусственные шерсть, шелк, кожа и каучук, пироксилин, бездымный порох, этиловый и метиловый спирты, уксусная кислота, целлулоид, фото- и киноплёнка, нитролаки и нитрокраски, всевозможные пластмассы, белковые дрожжи, кристаллическая глюкоза, ванилин, терпентин (очищенная живица), кедровое масло, эфирные сосновое и пихтовое масла, сосновый и пихтовый экстракты, скипидар, канифоль, жидкий деготь, смола, уголь и т. д. Только по причине позорной отсталости технологии глубокой переработки древесины и целлюлозно-бумажной продукции мы вынуждены импортировать в больших объемах не только лесохимическую продукцию, но и бумажную продукцию и столярно-строительные изделия. Например, в Финляндию мы гоним кругляк и покупаем бумагу, фанеру, вагонку и другие строительные материалы. Финляндия от экспорта только лесобумажной продукции получает около 12 миллиардов долларов в год, а мы — чуть больше трех.

А теперь попробуем среди леса рассмотреть деревья. Все деревья уникальны, имеют свои специфические особенности, и каждое занимает свое важнейшее место не только в природной экосистеме, но и в бытовой культуре человека.

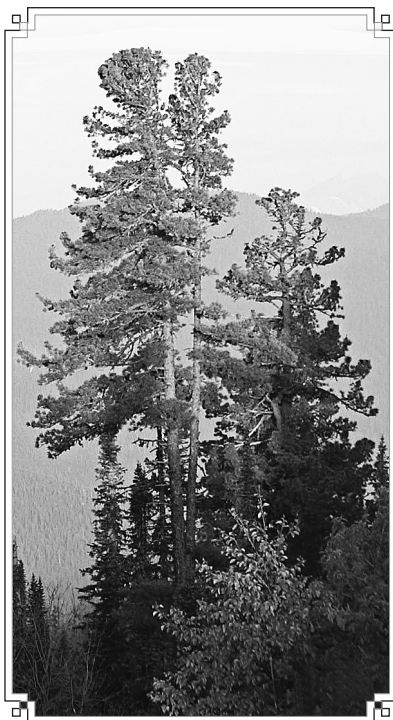
Хвойные деревья — это целая аптека, используемая в народной медицине с древнейших времен. О лечебных свойствах хвойной смолы уже знали в Древних странах (Греции и Египте). Смола использовалась для бальзамирования трупов и запечатывания саркофагов. С давних пор жители Сибири и Урала применяли смолу кедра для лечения гнойных ран, порезов и ожогов. Во время Великой Отечественной войны кедровую живицу успешно применяли в госпиталях для лечения раненых воинов, для предохранения ран от заражения, остановки гангренозных процессов.

Исстари витаминные отвары, настои или квасы из еловой (пихтовой) хвои считались лучшими противоцинготными средствами, а ванны из настоя свежих веток (с почками) эффективно лечили ревматизм и подагру. Без этих доступных лекарств люди не смогли бы освоить северные территории. А в сталинских лагерях, размещенных на территориях с суровым климатом и хвойным лесом, только эти средства помогали выживать многим тысячам заключенных.

Самыми распространенными породами деревьев, древесина которых больше всего используется человеком, являются: из лиственных — осина, береза и ольха, из хвойных — сосна, кедр, лиственница, ель и пихта.

Про некоторые деревья нельзя не написать вдохновенные строки.

Кедр — гордость сибирской тайги, считается «хлебным деревом». Кедр с его величаво раскрытой кроной, да еще усыпанной шишками, всегда вызывает у людей восхищение. Торжественная красота кедра отражена даже в пословице: *«В сосняке — трудиться, в березняке — веселиться, в кедряке — Богу молиться»*. Растет это дерево медленно, но живет до 500—800 лет. Высота может достигать 35—40 метров, а толщина — два человеческих обхвата. Начинает плодоносить после двадцати лет и делает это всю долгую жизнь.

В годы хороших урожаев кедрового ореха тайга наполняется жизненной энергией, значительно увеличивается плодovitость соболя, белки и боровой дичи. Кедровый орех — самый вкусный и питательный продукт тайги. В нем содержится около 60 % жиров, 15 % белка, много витаминов. По своей калорийности он превосходит калорийность рыбы, мяса, сливочного и подсолнечного масел.

Кедровая древесина прочная и вместе с тем мягкая, хорошо поддается обработке. Она идет на изготовление мебели (красивая текстура, приятный розовый цвет и тонкий оздоравливающий аромат, который не любит моль),

музыкальных инструментов (древесина кедра обладает резонансными свойствами) и карандашных палочек. В Сибири издавна из кедра изготавливают молочную посуду, в которой молоко и молочные продукты хорошо сохраняются за счет дезинфицирующих свойств дерева. Ульи, сделанные из кедровой древесины, лучше заселяются пчелами.

Большой популярностью в медицине ныне пользуется кедровая бочка — фитобочка, одобренная Минздравом РФ. Поступающие в бочку пары лекарственных растений обволакивают тело пациента, раскрывают поры кожи и максимально проникают в ткани. В результате усиливаются окислительные процессы, меняется химический состав токсинов, которые вместе с потом выводятся из тела. У человека улучшается клеточный обмен веществ. В отличие от обычной парной бани, где приходится дышать перегретым паром (при недостатке кислорода), голова пациента находится вне бочки и не перегревается. Пациент чувствует себя комфортно. Кедровая фитобочка успешно лечит заболевания суставов (полиартрит, артрит, радикулит, остеохондроз, подагру), кожные заболевания (псориаз, экзему, нейродермит), сердечно-сосудистые заболевания (гипертонию, ишемическую болезнь сердца), а также нарушения нервной, эндокринной и иммунной систем.

Мне во время пребывания в Красноярске летом 2011 года удалось увидеть кедровую фитобочку у родственников Легаловых. Сестра Лена и ее муж Василий утверждали, что с помощью фитобочки существенно поправили свое здоровье, а главное, победили остеохондроз, который уж очень мешал им вести большое домашнее хозяйство (с садом-огородом и пасекой). Василий, много лет проработав инженером-энергетиком, вынужден был после перестроечного разорения страны перейти на самовыживаемость. Вот когда пригодились рабоче-крестьянская хватка и работоспособность, заложенные с детства (село Городище, что недалеко от Енисейска). Много лет Вася держит пасеку и обильно снабжает настоящим медом многочисленных родственников. Но мучил остеохондроз. И вот Легаловы прослышали, что в Хакасии (село Черное Озеро) живет удивительная целительница Прасковья Лосевская, которая лечит многие недуги фитожаром в кедровой бочке. Вася съездил к Прасковье Яковлевне, много интересного услышал и увидел. Главные секреты делания бочки и приготовления лекарственных травяных сборов, конечно, узнать не удалось. Но Вася мужик смекалистый. Ему достаточно было осмотреть бочку, заглянуть внутрь, обратив

особое внимание на форму и размер клёпок (дошечек). Приехав домой, Вася уже знал, как сделать герметичную бочку без гвоздей и каких-либо пропиток, как подвести к бочке фитопар и какие использовать основные лекарственные растения. Больше всего времени ушло на приобретение древесины 300-летнего кедра. Для фитопарообразования был приобретен алюминиевый бак емкостью около 40 литров. И, конечно, нужно было научиться готовить травяные сборы. Здесь уж незаменимой помощницей была жена Лена. Так появилась у старших Легаловых своя лечебница.

В селе Черное Озеро работает республиканский фито-центр «Прасковья». Лосевские (Прасковья Яковлевна, муж Петр Владимирович и сын Владимир Петрович) разработали и запатентовали не имеющую мировых аналогов методику лечения нарушений обменных процессов различной этиологии с помощью фитопаротерапии. На практике были применены унаследованные от предков старинные рецепты и современные знания. Сотни людей, посетившие эту уникальную здравницу, излечились от самых тяжелых болезней, с которыми официальная медицина не научилась бороться.

Нельзя не сказать несколько слов об истории появления оздоровительной методики Лосевских. Все началось с тяжелой болезни ног у Петра Владимировича. Сначала в областной больнице вынесли суровый приговор: *«Нужна срочная ампутация ноги. Гангрена не любит ждать»*. Ради спасения дорогого и любимого человека Прасковья Яковлевна отправилась вместе с сыном в Москву, в знаменитый Институт сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева. Столичные профессора подтвердили приговор: *«Нужна срочная операция, иначе смерть»*. У Прасковьи Яковлевны сердце болело и ныло, и как будто кто-то подсказывал: *«Спасай мужа сама»*. Поддержал мать и сын: *«Мама! Давай-ка мы сами возьмемся за нашего отца. Ведь мы лесоводы и знаем толк в лечебных растениях»*. С невиданным упорством и энергией мать и сын стали бороться за жизнь Петра Владимировича. Многое пришлось вспомнить из опыта, оставленного прадедом Прасковьи Яковлевны, который в войну и послевоенные годы лечил

раненых, больных и увечных не только целебными травами, но и «выпариванием» в бочке.

Примерно полгода длилась эта схватка. А потом свершилось настоящее чудо. Благодаря бочке-парилке, целебному пару с высокой концентрацией биологически активных веществ и втирания в ногу травяного бальзама собственного приготовления Петр Владимирович поднялся с постели, встал на костыли, потом перешел на трость, а вскоре бросил и ее. С момента этого чудесного исцеления прошло более 10 лет. Петр Владимирович бодр и здоров, в уборочную страду по 10–12 часов проводит в поле, на тракторе.

В августе 2000 года в Москве проходил крупнейший за последние годы Международный конгресс по народной медицине, в работе которого участвовали свыше 700 человек из ближнего и дальнего зарубежья, 43 доктора и 70 кандидатов медицинских наук. Все они были единодушны во мнении, признав П.Я. Лосевскую лучшим целителем России последнего десятилетия XX века.

Кедр не раз подвергался стихийному бедствию — массовому вырубанию. Это дерево в 60–80-е годы рубили наряду с сосной, лиственницей, елью и пихтой для получения древесины. В те годы в защиту кедра выступали ученые, писатели и широкая общественность. Лишь в 1990 году Верховный Совет СССР принял решение о прекращении рубки кедра. Но это решение не успело внедриться в жизнь. Начались гибельные реформы и ожило варварское отношение к природе. В современной России над кедром снова занесен топор.

Лиственница — красивое хвойное дерево высотой до 40 м и в поперечнике до метра. Лиственница образует просторные светлые леса. При солнечном освещении она приобретает незабываемый золотистый оттенок. Особенно хороша лиственница весной во время цветения и появления первых листочков. Маленькие шишечки, сложенные мягкими дымчато-малиновыми чешуйками, на солнце горят огнем. Воздух наполняется тончайшим хвойным ароматом. В отличие от большинства хвойных, сохраняющих хвою и зимой, лиственница осенью сбрасывает всю хвою. Живет долго, до 500–900 лет.

Древесина лиственницы считается элитной, имеет повышенную стойкость к механическим повреждениям, гниению и воздействию вредителей, выдерживает даже сильные перепады температур — не трескается и не коробится. Из-за повышенного удельного веса древесины лиственница, попадая в воду, не может долго находиться на плаву и вскоре тонет. Сколько же лиственницы полегло на дно Енисея и притоков во время интенсивных молевого и плотового сплавов

50—80 годов прошлого века! А когда по Енисею стали курсировать суда на подводных крыльях («Ракеты» и «Метеоры»), то самым опасным для этих судов с достаточно тонким корпусом было наскочить на лиственничный плавающий топляк¹. Мне пришлось быть свидетелем такой аварии в 70-х годах, когда из-за пробоины в корпусе пассажиров срочно пришлось пересаживать на другую «Ракету». Увидеть такой топляк при мелкой волне очень трудно. Не выручало даже то, что штурману помогал специально вперёдсмотрящий матрос.

О долговечности лиственницы свидетельствует такой факт. Итальянский город Венеция расположен на 118 островах. Фундамент его сооружен в воде 15 веков тому назад из стволов сибирской лиственницы. В 1827 году городские власти исследовали прочность фундамента. И оказалось, что сваи не разрушились, они как будто окаменели и были такими твердыми, что топор и пила едва брали их. Правда, ныне город в аварийном состоянии, но ведь его здания простояли на сваях много веков.

¹ Плавающий топляк — вертикально плывущее дерево (чаще всего лиственница), то всплывающее, то погружающееся в воду. Вертикальность поддерживает тем, что комель тяжелее вершины дерева.

Внутренние деревянные детали башен и соборов Московского Кремля и Покровского собора (храма Василия Блаженного) стоят по четыреста-пятьсот лет. И сделаны они тоже из сибирской лиственницы.

Остроги, избы и другие долговечные постройки в старину наши мудрые предки ставили из сибирской лиственницы зимних порубок. Зимнее дерево сохраняет все свои соки. Не гниет, а в сырости становится еще крепче. Раньше не применяли антисептики, не обрабатывали ни фтористым натрием, ни креозотовым маслом, ни битумом. А дома стоят по триста лет! В Назимово сохранились двухэтажные склады купца Евсеева, построенные из лиственницы 200 лет назад. Сейчас жители их разрушают, с трудом пилят на дрова и удивляются сохранившейся крепости древесины.

Стойкость лиственницы в воде использовали и русские корабельщики. До сих пор лиственница идет на гидротехнические сооружения, на рудничные стойки, подводные и мостовые брусья. Многие линии электропередачи 110 и 220 кВ в Восточной Сибири построены с опорами из лиственницы — просто и дешево! Древесина лиственницы широко используется в машиностроении и вагоностроении. Древесина идет и на паркет. Прочный и красивый, от природы красноватый, такой паркет не нуждается в окраске.

Во время войны и послевоенные годы в Сибири была очень популярна жвачка — «листяжная сера». Жевали ее и старые, и молодые. Тогда люди еще не ведали про жевательную резинку, завезенную с Запада.

В пору моего детства в Назимово на уроках все ученики класса дружно работали челюстями, и это смущало учителей. Учителя делали попытку запретить жевать на уроках, но вынуждены были смириться с этим явлением. Многим детям эта жвачка помогала переносить голод, чистила зубы и укрепляла десны. В те времена в таких сибирских селах, как Назимово, люди не знали, что такое чистить зубы пастой. Лиственничная же сера обладает бактерицидными свойствами и является неплохим противогинготным средством.

Как готовилась листяжная сера? Из трещин в коре дерева лиственницы могли выступать натеки смолы (камедь).

Такую камедь соскабливают, а иногда срезают вместе с корой. Кладут все это на проволочную сетку. Сеткой закрывают какую-либо металлическую посудину и ставят в русскую печь. Вытапливаемая (вареная) сера стекает через сетку в посудину. Получается ароматная тягучая масса светло-красноватого цвета, чуть сладковатая и пахучая, не прилипающая к зубам. От других деревьев смола для этой цели не годится.

Ныне в Сибири вспомнили про дедовский способ получения листвяжной серы, кое-где наладилось ее производство и, соответственно, она появилась в продаже.

Пихта – стройное дерево высотой до 30 м с узкой конусовидной кроной, тонкими, опущенными до земли ветвями. Очень походит на елку, но в отличие от колючей елочной хвои имеет тупую мягкую хвою. Древесина пихты стойка к гниению, поэтому пихтовые бревна используются для производства мачт, столбов, свай и стоек для крепления сводов горных выработок.

Пихтовой или еловой древесине дается предпочтение при изготовлении кадушек (ушатов) для воды, молока, маслобойки, для хранения сливочного масла. Посуда получается легкой и, самое главное, незначительно

впитывает влагу.

Из хвои пихты готовят пихтовое масло, которое медики называют эликсиром здоровья. Это масло является незаменимым сырьем для изготовления камфоры и некоторых препаратов для лечения сердечно-сосудистых заболеваний. Из пихтового бальзама готовится ценнейшая мазь для лечения сильных ожогов.

Берёза имеет плотную, тяжелую, очень прочную древесину с хорошим сопротивлением раскалыванию и используется как декоративный поделочный материал. Береза, как и сосна, имеет самое широкое применение, и читателя не удивит перечень изделий из нее. А сколько береза имеет лечебных свойств! Достаточно вспомнить березовый сок и березовые почки. Добытый из березовой коры и бересты дёготь является тем

самым дёгтем, который каплей может испортить бочку меда. Березовый дёготь обладает сильным противомикробным, противопаразитным, антисептическим действием. В прошлом веке грибковые заболевания кожи, особенно чесотка и корь, были распространенными заболеваниями в сибирских селах. И самым эффективным средством лечения был чистый дёготь. Березовый дёготь является важной составной частью ряда мазей для лечения кожных заболеваний, ран и нарывов: мази Вишневского, Вилькинсона и Конькова.

Из березовой древесины в старину делали замечательный продукт — лучину. Вспомним пушкинские строчки из поэмы «Евгений Онегин»: *«...В избушке распевая, дева / прядет, и, зимних друг ночей, / трещит лучинка перед ней...»*.

Еще в прошлом веке во многих сибирских селах, где электричество стало появляться только в 70—80-х годах, хоть и были повсеместно керосиновые лампы, но жилища часто освещались лучиной. С керосином часто случались сбои: его не всегда завозили вовремя и в нужном количестве.

Почему использовалась березовая лучина? Она ярче горела и меньше коптила. Каждая лучина была не меньше 2–3 см в ширину и толщину. Готовили заранее березовые плашки (дощечки), хорошо просушивали в остывающей русской печи. Из плашек щепали лучину. Лучину укрепляли в светильне с наклоном к деревянному стояку 15–20 градусов (сильно наклонишь – быстро сгорит, мало – погаснет). Сгорала она за 4–5 мин, но свет не прерывался. Кто-то должен был следить и заменять догоравшую лучину новой. Внизу ставился ушатик с водой. В течение длинных зимних вечеров благодаря лучине делались не только обычные домашние дела, но и создавались многие народные промыслы.

Осина обладает качествами, которые не встретишь у других пород дерева. Эта древесина не поддается червоточине. Очень долго не гниет в воде. По-видимому, это и послужило причиной выбора именно осинового кола, забиваемого в могилу недруга.

Осина ценится резчиками за мягкость древесины, ее однородность и прямослойность. Поэтому из нее долбят челны, делают лыжи, лопаты, оглобли, санные полозья и другие изделия. Исстари осина была самой ходовой для изготовления бондарной посуды, предназначенной для различных солений и квашений. Было замечено, что капуста, заквашенная в осиновой кадучке, до самых жарких весенних дней сохраняет белизну и упругость. Со временем осиновая древесина утрачивает эти свойства, тогда хозяйки кладут в кадучку со свежесрубленной капустой осинное поленце.

Склонность осиновой древесины к разбуханию дает возможность осиновым клёпкам (досочкам) сомкнуться настолько плотно, что трудно порой различить границы.

В современном бондарном производстве много осины идет на изготовление заливных бочек для хранения и перевозки всевозможных солений, рыбы, растительного масла, а также химикатов, минерального масла, красок, мазута, дёгтя, цемента и многого другого.

Осина хорошо противостоит воздействию влаги и считается одним из лучших материалов для колодезных срубов,

кровельного гонта и дранки. Многие церкви покрыты осиновым лемехом (фигурными дощечками). Осиновым лемехом покрыты башни и Красная палата Кремля в Ростове Великом, Покровская и Преображенская церкви острова Киж на Онежском озере, часовня Пятницкого колодца Троицкого монастыря в Сергиеве Посаде. Осиновые дощечки в зависимости от времени суток меняют свою окраску: в солнечный день они серебрятся, а на закате отливают золотом.

О некоторых таёжных зверях

Жизнь животных енисейской тайги очень интересна и полна загадок. И чем больше человек узнает про них, тем больше проникается к ним уважением, любовью и заботой об их сохранении.

Животный мир тайги не так богат и разнообразен, как фауна широколиственных лесов. Из млекопитающих здесь водятся: лось (сохатый), кабарга, бурый медведь, рысь, россомаха, лисица, заяц, соболь, барсук, белка, белка-летяга, горностай, колонок, ласка, бурундук, ондатра, норка, выдра. Каждое животное уникально по образу жизни и поведению, и все (ценой своей жизни) стали нужны человеку для выживания.

О некоторых зверях енисейской тайги хочется поговорить и еще раз выразить сочувствие этим животным, находящимся в тяжелых условиях выживания.

Соболь. Как не воспеть гимн этому зверьку, являющемуся национальным богатством России! Кроме нашей страны этот удивительный зверек не живет нигде. Похоже, он рожден северной природой России в один из ее вдохновенных часов. Соболь — ныне один из главных видов промысла охотников. Соболиный мех славился всегда. Он когда-то был привилегией царского двора. Иван Грозный на первых порах покорения Сибири особым указом повелевал *«рубить голову всякому, кто осмелится продать иноземцу живого соболя»*. Соболями цари одаривали своих приближенных и послов. На международных ярмарках он приравнивался к флорентийским кружевам, бухарским коврам и индийскому шелку.

К началу XX века соболь в енисейской тайге был истреблен практически полностью. Маленькие очажки обитания зверьков оставались в очень немногих местах. Главным промысловым видом в ту пору была белка. Соболей тогда не промыслили. После

Отечественной войны численность соболя в енисейской тайге стала восстанавливаться. Во второй половине XX века наступил новый этап интенсивного освоения заброшенных и новых соболиных угодий. Охотничий промысел на соболя стал престижным.

Соболь — зверек размером со среднюю домовую кошку, но с более тонким и длинным туловищем, с маленькими стоячими ушами и длинным пушистым хвостом. Обитает в самых глухих темнохвойных уголках тайги, в местах с высокими кедрочками, заваленными буреломом и валежником. Это отважный и ловкий зверек с превосходным слухом и острым зрением, хоть и хищник, но всеяден. Если нет мясной пищи, перебивается ягодами и кедровыми орехами, часто разоряет беличьи кладовые. Не прочь поймать белку, не брезгует мышами, ящерицами. В ручьях и речках может ловить рыбу. Но особенно любит боровую дичь. Зимой часто выслеживает рябчиков и тетеревов на ночевках в сугробах и берет спящих в снежной постели. Весной может заловить и глухаря, когда тот во время свадебного токования теряет не только слух, но и бдительность.

У охотников есть байка, прочитанная мной у писателя С. Алексеева¹, про бесстрашие соболя, который не боится

¹ Сергей Алексеев. Охотничьи байки. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011.

даже летать по воздуху. Залавливая глухаря, соболь не всегда может сразу перекусить ему горло. Глухарь — птица сильная и способна взлететь вместе с соболем. Зверек не упускает добычу, прокусывает в полете птице горло и та, теряя жизнь, падает на землю вместе с соболем. Соболев — зверек легкий, и такое падение для него не страшно.

Чем соболь темнее и пушистее, тем он дороже. Лучшим считается баргузинский (почти черный) соболь, но енисейский ему не уступает. В советское время за одного темного соболя охотник мог получить 150–200 рублей (оклад старшего и ведущего инженера). В настоящее время соболь, как и некоторые другие пушные звери, добываются исключительно по лицензиям. Охотник должен ловить столько, сколько ему разрешат. Замысел хороший, позволяющий планировать добычу и, соответственно, регулировать численность зверя. Но охотникам выживать стало труднее, потому что заготовитель пушнины — частный посредник платит охотнику за такого соболя в 1,5–2 раза меньше, причем не преминет обмануть и обсчитать. Коррупция среди чиновников, которые должны стоять на страже закона, приводит к тому, что, например, в 2005 году через пушные аукционы было продано на рынках (внешнем и внутреннем) соболей в два раза больше, чем выдано лицензий.

В настоящее время с внедрением в промысловое дело вертолетов, моторных лодок, снегоходов, радиодиспетчер-

ской связи уже не осталось неосвоенных массивов тайги. Охотничий промысел стал доходным, бурно развился и браконьерский черный рынок. На некоторых участках енисейской тайги вновь возникла угроза истребления соболя.

Белка. Ей тоже принадлежит важная роль в промысле пушнины в енисейской тайге. В пору моего детства (конец 40-х — начало 50-х годов) белка была основным видом охоты енисейской тайги. Сезонная добыча одного охотника составляла 500—700 белых шкурок.

Белка ведет дневной образ жизни, выходит на кормежку рано утром, на рассвете. Любит места, где есть кедровые, еловые или сосновые шишки. Много трудится, чтобы сделать обильные запасы кедровых орехов на зиму. В одной кладовой может находиться до восьми килограммов ореха. Причем белка делает несколько кладовых и тщательно их маскирует. Воришек чужого добра хватает. При неурожаях на шишку большая часть белок мигрирует, иногда за сотни километров, а оставшаяся часть перебивается грибами и хвоей. Старые промысловики знают, что если белка сушит грибы, то на еловую и сосновую шишку будет неурожай и возможна миграция. Но массовое переселение белок, по-видимому, связано не только с отсутствием корма. Есть еще какие-то причины, толкающие зверьков собираться в огромные стаи и уходить с обжитой земли в другие места. Один раз жители Назимово оказались свидетелями необъяснимой миграции белок с востока на запад. Встретив на пути реку, белки переплывали двухкилометровый Енисей. Некоторые из них были настолько измотаны, что, оказавшись на берегу, где было село, они не могли сразу передвигаться. Их можно было ловить руками, многие

становились жертвами собак. А сколько погибших белок потом было выброшено волнами на берег..

Чаще миграция белок происходила вдоль реки, на север или юг. Был такой случай в конце лета в 1951 году. Двигаясь на север, белки заполонили все село, прыгали по заборам, крышам домов и сараев. Шкурка их в это время линяет и малоценна. Охотники печалились — белка к зиме может уйти далеко. Одна из собак загнала белку на телеграфный столб. Я решил поймать ее, для чего забрался на столб и схватил белку голой рукой. Но та ловко согнулась и резанула острыми зубами палец. Хлынула кровь. Белку я выпустил и та, пробежав по моей спине, шустро спустилась на землю и убежала. Такое наказание я получил за легкомыслие.

Кстати, следует заметить, что ребята могли запросто забираться на телеграфный деревянный столб без монтерских когтей с помощью обычного кожаного ремня с пряжкой. Застегиваешь ремень и надеваешь на ступни ног. Далее обхватываешь ступнями ног, которые соединены ремнем, столб и держишься за счет трения ремня о столб. Чем шире ремень, тем больше трение, тем крепче держишься. Двигая по очереди то руки, то ноги (вместе с ремнем), можно без особых усилий забраться на любые, даже гладкие, столб или дерево. Даже в степенном возрасте, хвастаясь перед друзьями, я не раз демонстрировал такое лазание на дерево (без веток снизу) в московских парках и дачах.

В последние десятилетия белка уступила первенство соболю. В настоящее время далеко не каждый охотник в тайге добывает за сезон 30—40 белок, а многие совсем не занимаются белкованием. Численность белки снизилась и держится на невысоком уровне, главным образом из-за того, что тайгу довольно плотно заселил соболь — энергичный хищник, успешно преследующий взрослых белок и активно поедающий бельчат. Соболю надежно контролирует беличью популяцию.

Ондатра. Тоже важный промысловый вид енисейской тайги. Ондатра была завезена в Сибирь в 1929 году и выпущена в бассейне реки Елогуй (недалеко от поселка Бахта). Зверьки быстро расселились. Наиболее благоприятными для них

стали озера поймы Енисея. К 1948 году численность ондатры достигла максимума. Отдельные охотники добывали по 100–150 ондатр за сутки. Ондатра стала важнейшим промысловым видом, не уступая в этом отношении бел-

ке. Позднее численность ондатры пошла на спад в связи с тем, что размножившийся грызун подорвал собственную кормовую базу. Общая численность ондатры резко снизилась, затем выровнялась и относительно стабилизировалась. Заготовка шкурок за сезон у охотника ныне не превышает 100 зверьков.

Белка-летяга — интереснейшее, но малоизученное мелкое животное. У него между передними и задними лапками по бокам тела имеются кожистые перепонки, покрытые волосами. Зверек, как планер, может парить в воздухе. С высокого дерева (35–40 м) может делать перелеты до 60 м, используя хвост в качестве руля. Увидеть этого пугливого и очень осторожного зверька редко кому удастся. В один из приездов на Енисей в 60-е годы мне посчастливилось увидеть этого зверька в полете. Набродившись за день по бору, я отдыхал, сидя на валежине, любуясь сумеречным небом. И вдруг в просвете между деревьями я увидел снижающийся планер. Такого чуда я не ожидал и не сразу понял, кто это был. Длинный пушистый хвост говорил мне, что это не птица. Только в селе мне разъяснили, что это

была белка-леляга. То, что такой зверек живет в тайге, знали почти все, но мало кто его видел.

По повадкам зверек во многом похож на обычную белку, но в то же время многим и отличается. Днем, в отличие от белки, спит где-нибудь в дупле, старом птичьем или беличьем гнезде. Вечером выходит на поиск корма и бодрствует всю ночь. Питается главным образом почками и шишечками лиственных пород: березы и ольхи, а также побегами хвойных деревьев, почками лиственницы. мех теплый, мягкий, красивый, но кожа очень слабая, поэтому шкурки относятся к числу так называемых второстепенных видов пушнины. Ныне охота на белку-лелягу запрещена.

Бурый медведь — хозяин енисейской тайги, которому больше всего мешает спокойно жить человек. Чаще встречается в пойме реки Енисей, в кормных местах — в кедрачах, в богатых черемшой приречных угодьях, в богатых брусничниках и малинниках. Зверь оседлый, живет 35—50 лет. Только бескормица, пожар, более сильный конкурент или человек, затеявший интенсивную порубку леса на его территории, могут выдвинуть зверя со своей земли, и тогда он может вести себя непредсказуемо.

По своей природе бурый медведь не является агрессивным. По отношению к человеку ведет себя пассивно, оборонительно. Лишь иногда проявляют агрессивное поведение голодные

шатуны, которым что-то помешало залечь в берлогу, отошавшие звери весной после зимней спячки, медведицы с медвежатами, раненые, согнанные с постоянных мест проживания лесозаготовителями, а чаще всего при пожарах.

Бурый медведь всеяден, но рацион у него на 70 % растительный: ягоды, кедровые орехи, корни, клубни, стебли трав, мед диких пчел. В его рацион также входят муравьи, бабочки, черви, ящерицы, лягушки, мыши, бурундуки, белки, барсуки и рыбы. Нередко медведи нападают на лосей. Известны немногочисленные, но регулярные случаи нападения медведей на домашний скот и лошадей. В неурожайные на ягоды и орехи годы медведь может преодолеть страх, прийти к человеку и нахально порушить пасеки и посевы овса. Причем, когда он это делает, то понимает, что ворует, и становится невероятно трусливым. Как пишет С. Алексеев («Охотничьи байки»), если его застать за воровством, то он быстро убегает, причем от трусости у него может случиться даже откровенный понос. Совсем по-другому он ведет себя, если добыча своя. Тут уж он добычу будет охранять и может быть опасным.

Медведь — один из немногих хищников енисейской тайги (еще барсук и бурундук), кто впадает в зимнюю спячку. Роет берлогу обычно под сваленными деревьями и выворотнями. За неделю перед спячкой медведь ест только хвою, листья черники и пьет воду. Дня за три он наедается глины, после чего и воду уже не пьет. Глина проходит по кишечнику, чистит его и скапливается в виде пробки в заднем проходе. Внутри уже не могут проникнуть червячки, жучки и прочие паразиты. Просыпается медведь с началом активного таяния снегов, когда весенняя вода подмочит бок. В берлоге у медведицы рождаются медвежата. Плодовитость медведей небольшая. Половина семей рожают по одному-два, редко — три медвежонка.

Первые дни после зимней спячки медведь ничего не ест, а ходит по лесу, тужится и орет, пытаясь выбить пробку. И лишь освободившись от нее, сначала пьет только воду, промывает организм, затем ест первую траву, копает корни и не пропускает ни одного муравейника. Из первоцветов особенно любит медуницу и луковички саранки. В мае медведь рыщет по сосновым борам, где в это время телятся лосихи. Первая сладкая травка пробуждает жор, и он начинает добывать мясо. Жертвами становятся новорожденные лосята. Иногда медведь выходит к горным рекам, куда заходит рыба

на икромет. Медведи — отличные рыбаки. Они ловко цепляют рыбу и выбрасывают ее на берег.

Специально на медведя не охотятся, добывают при случае. Все же есть промысловики, на счету которых десятки добытых медведей. Охотятся на медведя в основном из-за вкусного мяса, целебного, богатого витаминами жира, желчного пузыря и теплой, хотя и очень тяжелой шкуры, которая ценится сравнительно дешево. Желчный пузырь применяется в традиционной азиатской медицине.

В последние годы в связи с повышением спроса на лапы медведя растет наиболее доступная для браконьеров добыча этого зверя петлями. Появилась реальная угроза заметного снижения численности вида. Охрана некоторых подвидов бурых медведей стала необходимой.

Вот на этой мирной ноте и хотелось бы попрощаться с медведем. Но нет! За последние двадцать пять лет медведь стал более агрессивным к человеку. Приходится воевать с ним. Если в прошлом веке стычки с медведем с трагическим исходом для человека были достаточно редки, то за последние 25 лет количество нападений медведей на человека резко возросло. Вот некоторые происшествия в Назимово, сообщенные мне учительницей Светланой Римашевской.

В конце 80-х годов в Назимово хоронили бравого молодого человека (25 лет), посмеявшегося потягаться с медведем. Парень обещал друзьям, что его сынишка обязательно будет ползать по медвежьей шкуре. Охотился на медведя долго и один, ни с кем не хотел делить охотничью славу. Наконец выследил зверя, но зверь перехитрил парня и растерзал его.

Летом 2007 года из-за пожаров в тайге деревня Назимово подверглась медвежьему нашествию. На скотном дворе медведи задрали семнадцать телят и около десятка коров. Мужчинам пришлось объединиться и дежурить около скотного двора и телятника. В то лето было убито семь медведей.

Летом 2009 года медведь растерзал двух мужчин не где-либо, а в деревне. В то лето опять сильно горела тайга. Огонь выгнал к жилым местам множество зверей: по крышам домов прыгали белки, по дорогам бегали зайцы и бродили сохатые.

Пришел в деревню и медведь, раненый, у него была повреждена челюсть. Рано утром побывал у колхозных складов с комбикормом, но проникнуть в склад не сумел. Тогда зверь вышел на улицу и пошел вдоль домов. Сунулся сначала к одному дому, там залаяла собака, но вскоре замолкла и куда-то спряталась. Медведю в этом доме что-то не понравилось, хотя веранда была открыта. Он пошел дальше. В одном из домов жили двое приезжих, сильно пьющих мужчин. Один из мужчин находился дома и ожидал приятеля. Когда на веранде послышался шум, мужчина, думая, что это пришел приятель, открыл дверь и впустил в дом зверя. Вскоре пришел второй мужчина, увидел медведя над окровавленным другом, выскочил на улицу и стал звать на помощь. Медведь же догнал его, прибил и притащил к другу. Прибежали мужчины с ружьями, но долго не могли выманить зверя из дома. Пришлось разобрать крышу, и только тогда медведь был убит. Жуткие фотографии были выставлены даже в Интернете.

Кто здесь виновен в смерти людей? Конечно медведи. Их за это наказывают и убивают. Но виноват и человек. Медведю в тайге стало неуютно не только из-за смертоносных пуль, но и частых пожаров.

О некоторых таёжных птицах

Тайга богата птицами. Основными являются глухарь, тетерев, серая куропатка, рябчик, орел, горластая кедровка, дрозд, коростель (дергач), козодой, желна, зяблик, жаворонок, малиновка, кукушка, дятел, сова, неясить, дупель, перепел, сорока, серая ворона, синица, поползень, пищуха, королёк, клёт, иволга, снегирь, сойка, ласточка-касатка, стриж и утки (кряква, селезень, гоголь, шилохвость и другие).

Значение птиц для человека велико и многообразно. Какая-то часть из них является промысловой и охотничьей (глухарь, рябчик, коростель, утки, гуси) и помогает человеку выживать. Но большая часть птиц работает на «экономику» природы, занимая свое нужное место в лесном биогеоценозе¹.

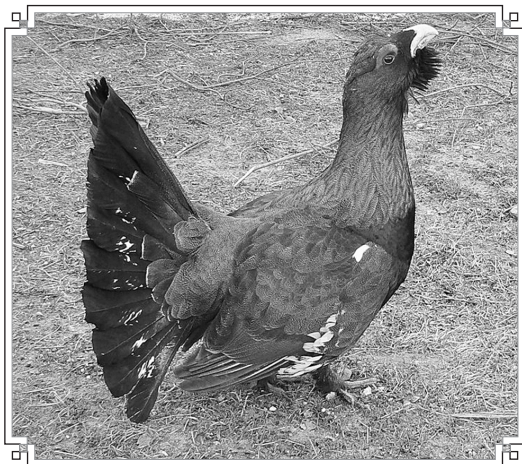
¹ Биогеоценоз – комплекс живых и неживых компонентов, связанных между собой обменом веществ и энергий. Основное правило биогеоценоза – чем больше разнообразие видов в нем, тем он жизнеспособнее.

Одни являются активными истребителями вредителей лесов (шелкопряда, бражника, пилильщика, пяденицы, долгоносика, майского жука, различных жуков-короедов и т. д.), другие — истребителями семян сорных растений (чертополоха, репейника, полыни, конского щавеля и т. д.), третьи — опылителями тех растений, нектаром которых они питаются, четвертые способствуют расселению ягодников и деревьев. Но польза их не ограничивается только экономической стороной. Многие птицы, особенно певчие, оздоравливают окружающую среду, являются украшением наших лесов и мест обитания человека. Простое щебетание ласточек, приятный свист скворца у скворечника, даже задорное чириканье воробьев, не говоря уж о восхитительном пении соловья, пробуждают в человеке чувство бодрости, дают ему хорошее настроение.

Некоторые птицы оказали на меня сильное эмоциональное воздействие, и я их не могу не упомянуть.

Глухарь — самая большая и красивая птица енисейской тайги. В охотничьей литературе глухарь воспет не меньше лебедя.

Глухарь обитает в высокоствольных, боровых, хвойных лесах. Прилетает в лиственные и хвойные леса, в верховые болота и берега рек только для кормежки. Писатель С. Алексеев

пишет в «Охотничьих байках», что окрас самцов, их ни на что не похожие токовые песни и сам свадебный обряд поединков, более напоминающий звериный, нежели птичий, говорит о древности этих обитателей боров, о чем-то таком, что сокрыто от нашего разума.

Мясо боровой птицы (глухаря, тетерева, куропатки, рябчика) имеет специфическое свойство не портиться продолжительное время. В летнее время при плюсовой температуре оно в перо, но с вынутыми внутренностями, может храниться до недели. Боровая дичь питается только ягодой, листьями кустарников, молодой хвоей, березовыми почками, поэтому ее мясо приобретает антисептические свойства.

Рябчик — промысловая птица, характерный житель таежных темнохвойных лесов. Имеет вес от 300 до 500 граммов. Оперение — серый окрас с темноватыми пестринами. Подбородок у самцов черный, у самок наоборот белый. Так их и отличают друг от друга. Летом птицы едят ягоды и различных насекомых, зимой — веточки, почки и семена ольхи, осины и березы.

Так же, как и все таежные птицы, рябчики прилетают на галечники, где глотают мелкие камушки для перетирания пищи. Зимой рябчики предпочитают ночевать в снегу, спасаясь от морозов,

но часто становятся жертвами хищника — соболя. Весной и летом охота на рябчика запрещена. В енисейской тайге охота на рябчика разрешена с 15 августа, когда птенцы уже вырастают и начинают жить самостоятельно. Профессиональные охотники рябчика находят с помощью собак, а чаще всего заманивают посредством подражания голосу самца или самки, используя для этого пищики (манки). Я же охотился на рябчиков без собаки и без пищика. Приносил домой после каждой вылазки в тайгу по 10–15 штук. Обнаруживал рябчиков просто: идешь, идешь по лесной тропе, и вдруг перед тобой с земли вспархивает целый выводок. Птицы, как правило, далеко не улетают, а рассаживаются на ближайшие деревья,

чаще всего прячутся в густых хвойных, причем любят усаживаться ближе к стволу. Ты подкрадываешься, высматривая сидящих рябчиков. Имея хорошее зрение, сноровку и навык нешумной ходьбы по лесу, ты без проблем можешь не только увидеть ближайшего рябчика, но и приблизиться к нему на уверенный выстрел. После выстрела птицы взлетают, недалеко отлетают и опять усаживаются. Ты подбираешь трофей, кладешь в котомку и снова начинаешь высматривать очередную жертву. Даже при одной встрече с выводком можно было добыть 4–6 рябчиков. Мясо рябчика нежное и сочное, имеет бело-розовый цвет и приятный вкус.

Как не вспомнить диетическое блюдо из рябчиков, приготовленное в Назимово для угощения друзей-москвичей. В чугунок закладывается пять-шесть выпотрошенных и ошипанных тушек рябчиков, заливается водой в объеме рябчиков и кипятится на медленном огне около 10 минут. Далее в чугунок кладется молодой картофель, соль, перец и тушится в русской печи около 20 минут. В готовое блюдо добавляются зеленые специи из огорода, и в сибирской глухомани рождается блюдо, какое невозможно найти ни в одном столичном ресторане. А если кто-нибудь спросит, сколько стоит такое блюдо, ему можно ответить скороговоркой, коих много знала баба Дуня (Тарбакова): *«Сорок да сорок — рубль сорок, ел не ел — два рубля, итого три восемьдесят»*.

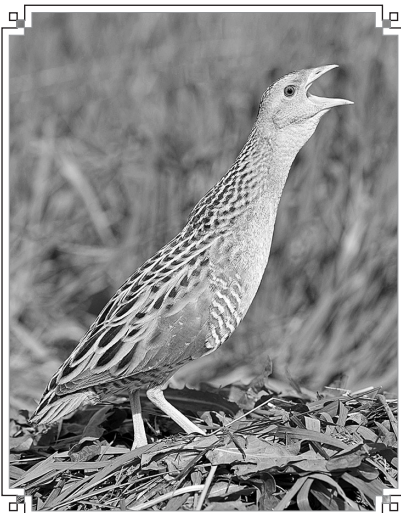

Кедровка — величиной с галку, с пестро окрашенным оперением, с длинным острым и крепким клювом. Очень полезная для тайги птичка. Она не только питается семенами сосны и орехами кедра, но и прячет их подо мхом. Забывая об этих «захоронках», птица содействует расселению кедра, сосны и ели.

Сколько раз, бывая в тайге длительное время, я с благодарностью смотрел на эту шустрюю и горластую птицу, не дающую мне чувствовать одиночество.

Коростель (дергач) —

промысловая птица средней величины, чуть больше дрозда. Оперение сверху — светло-рыжее с темными пестринами. Летает неохотно, предпочитая спастись от опасности бегством. В поле эта птица могла буквально вылететь из-под ног. Вяло махая крыльями, она медленно перелетала на небольшое расстояние, приземлялась и убегала. Казалось, что птицу можно легко добыть. В детстве у меня не раз с этой

птицей были такие встречи. Я быстро мчался за ней, почти ее догонял и стрелял из рогатки. Но она быстро меняла направление, и было трудно в нее попасть. Из многих попыток такой охоты удачными были только две. Один раз мне удалось найти гнездо коростеля — среди травы и в зарослях тальника. Гнездо находилось в углублении, и найти его было непросто. Я был удивлен, увидев в нем десять пятнистых яиц. Я долго стоял поблизости гнезда, надеясь увидеть самочку, но она так и не появилась.

Деревенскую ласточку

называют еще касаткою за длинные раздвоенные хвосты, похожие на две косы. Имеет яркое оперение. Спинка темно-синяя с металлическим отливом, такого же цвета широкая полоса поперек груди. Брюшко — сливочно-желтого цвета. На хвостовых перьях по белому пятну. Вместо пения издает не очень громкое щебетание «витт-витт». Полет у ласточ-

ки стремительный, отличается элегантностью и ловкостью. В воздухе может совершать головокружительные акробатические трюки. Когда ласточки летают высоко — быть хорошей погоде, летают низко — к дождю. Примета надежная и связана с тем, что ласточка — птица насекомоядная (мошка, комары, мухи). В хорошую погоду воздух сухой, потоки воздуха поднимают насекомых вверх и ласточки летают (охотятся) высоко. Перед дождем воздух становится влажным. Насекомые опускаются, за ними опускаются и ласточки. Гнездятся ласточки обычно

рядом с жильем человека. Лепные гнезда устраиваются под крышами деревянных домов и сараев, на стенах, на чердаках и открытых верандах. Яйца (4—6 штук) насиживает одна самка. Самец в это время носит ей корм, а потом оба родителя заботятся о потомстве.

С деревенской ласточкой связано множество народных примет, поговорок, загадок. На Украине, например, существует поверье, что ребенок, трогавший яйца этой птицы, обязательно будет отмечен веснушками на лице. Другая примета предупреждает, что в случае разорения гнезда ласточка принесет в клюве уголек и сожжет дом, где погибло ее потомство.

Городские ласточки отличаются от деревенских тем, что у них нет длинных краевых перьев раздвоенного хвоста. Городские ласточки лепят уютные закрытые гнездышки под карнизами каменных и деревянных домов.

Береговые ласточки отличаются от деревенских ласточек меньшими размерами. Верхняя часть тела у них имеет бурую окраску, а нижняя часть — белую окраску с бурой поперечной полоской. Береговые ласточки гнездятся на крутых берегах или отвесных стенах карьера, роя гнезда длиной около полуметра и более.

Стрижи похожи на ласточек, имеют сходство по образу жизни, но не родственники им. Стрижи имеют более узкие крылья и летают с существенно большей скоростью. Иглохвостый стриж может развивать скорость до 170 километров в час, в то время как самая быстрая ласточка развивает скорость в два раза меньше.

Деревенские ласточки и стрижи являлись неотъемлемой частью моего детства. Нравнодушие к ласточкам сохранилась до сих пор. Ласточки и стрижи – «дети воздуха», они не могут ходить и плавать, а только летать. Можно долго смотреть на их суетливую воздушную жизнь, и это не надоедает, а только успокаивает. Про ласточек красиво написано для детей у поэтессы Е. Неменко:

*«Ласточку касаточкой ласково зовут,
и весною радостно длиннохвостку ждут.
Если туч касается ласточка крылом,
тучи проливаются ласковым дождем.
Моем дождик деревце, ландыш добела,
А ребятам верится — ласточки дела».*

Сибирские цветы

Сибирские цветы растут везде – в тайге, на таежных полянах (еланях) и опушках леса. Основными являются медуница (желтая и голубая), иван-чай (малиновый), ромашка (белая), лилии (красные, ярко-желтые, белые), кудреватая лилия – саранка (всевозможных цветов от нежно-лиловых до густо-красных), полевые колокольчики, лютики (желтые и лиловатые), оранжево-огненные жарки, гвоздики, синие герани, кремовые таволги и другие.

Не все цветы выставляют-ся напоказ. Есть много таких, которые прячутся в высокой траве или в кустах, то ли стесняясь своей красоты, то ли боясь быть погубленными. Больше всего цветы боятся человека, которому непременно надо их сорвать, понюхать, поддержать в руках, а затем выбросить.

Цветы не могут не радовать... Поэтому и родились такие стихи А. Грабовского (Красноярск):

*«... Там, где землю оплакали ирисы,
Ароматный вдыхается дух.
Вздох листвы — эхо хвойное примеси —
Животворный зеленый продукт.
Где разбрызганы солнечно лютики,
Там сердца согревают жарки.
Под аккорды крылатые музыки
Из земли вырастают стихи...».*

Знаменитые енисейские жарки (купальницы) воспеты в стихах и песнях. Цветки раскрывают свою красу тогда, когда вода в реках прогревается настолько, что можно купаться. Они ни в чем не уступают тюльпанам Голландии и Иссык-Куля. Выходишь на окраину леса, а там вся опушка «пламенем горит, захлестнутая жарками».

Вот несколько строчек из песни «Енисейские жарки» (слова В. Гераскина):

*«... А в траве пылают жаром
золотые огоньки...
Называют их недаром
Енисейские жарки.*

*Припев: Ой, неброские,
ой, Сибирские.
Ой, вы цветики, цветки.
Неприметные таежные
Енисейские жарки ...».*

Есть красивая легенда о жарках. Стройный молодой пастух Алексей пригонял часто табуны коней на водопой к Байкалу. С разгону влетали кони в светлые воды озера, поднимая фонтаны брызг, но неугомонней всех был Алексей. Он так радостно нырял, плавал и так заразительно смеялся, что перепугал всех русалок. Русалки стали придумывать разные хитрости, чтобы завлечь Алексея, однако ни одна из них не удостоилась его внимания. Уныло вздыхая, большинство русалок погрузились на дно озера, но одна так полюбила Алексея, что не захотела с ним расставаться. Она стала выбираться из воды и незаметно преследовать пастуха. Волосы ее выгорели от солнца и стали золотыми. Холодный взор загорелся. Однако Алексей ничего не замечал. Иногда он обращал внимание на необыкновенные очертания тумана, схожего с девушкой, протягивающей к нему руки. Но и тогда только смеялся и так разгонял коня, что русалка в страхе отскакивала в сторону. Последний раз она сидела недалеко от Алексея у ночного костра, пытаясь обратить на себя внимание шепотом, грустной песней и бледной улыбкой, но когда Алексей поднялся, чтобы к ней приблизиться, русалка растаяла в утренних лучах, превратившись в цветок купальницы, который сибиряки ласково называют жарками.

Саранка — кудреватая лилия, или «царские кудри» — многолетнее лекарственное растение. Памятный с детства дивный цветок — роскошная таежная орхидея с тонким, но крепким стебельком, удерживающим несколько жестких, но изящных цветков. Сколько же цветовых оттенков имеют эти

цветки! В земле — съедобная луковица, содержащая большое количество белковых веществ и имеющая сладковато-пресный вкус. Сколько ребятишек в сибирских селах утоляло голод, когда поспевала эта луковица. Божественный цветок ниспослан нам с неба, чтобы не только радовать взор, но и спасать.

Лес вызывает к человеку: не вреди, помоги!

Дикий капитализм ворвался и в Сибирь. Повсеместно не соблюдаются нормы лесной науки, процветает безоглядная вырубка, не наказывается в должной мере пожарная безответственность, не выполняются планы по лесовосстановлению и, как следствие, нарушается сложившееся веками природное равновесие. Лес стал служить не столько на благо общества, сколько для обогащения отдельных, часто криминальных групп. Вслед за местными лесорубами ныне в тайгу нахлынули из Китая и республик степных районов «самозаготовители». Для них нет леса, а есть лишь древесина для заработка. Участились незаконные порубки и вывоз древесины за рубеж.

Новое лесное законодательство России, отвергнув многое разумное, что было в системе охраны лесов при социализме, снизило контролирующую роль государства, и потому не может обеспечить охрану лесов от пожаров. Ставка делается на улучшение работы авиалесоохраны, особенно при ликвидации пожаров в зачатке.

Недооценка роли лесников и, соответственно, важности повседневной работы в поддержании леса в здоровом состоянии отрицательно отразились на его противостоянии огню. Настоящим спасителем леса может стать только лесник-профессионал. Лес нуждается в очистке от промышленного мусора, бурелома, древесной ветоши и порубочных остат-

ков, в своевременном удалении ослабленных, зараженных и больных деревьев, в профилактике появления различных вредителей и заболеваний деревьев и т.д. Без лесников нельзя обойтись и при профилактике пожаров в лесах. Огромна их роль в организации предупредительных мер, связанных с посещением леса туристами, охотниками и просто горожанами с психологией дикаря.

Можно позавидовать Белоруссии — здесь сохранили прежнюю разумную систему охраны лесов. И вот результат. Лето 2010 года у них тоже было экстремально жарким. Но благодаря слаженной работе лесников с населением площадь пожаров оказалась даже меньше, чем в более прохладном и сыром 2009 году.

Есть еще в Сибири настоящая тайга, где по-прежнему водятся ценные промысловые звери и птица и сохранились полезные для человека растения, в том числе плодовые, ягодные и т.п. Но такие массивы — уже наперечет. Меньше стало таежных деревень, тысячи из них находятся в запустении, значительно поубавилось «таежное» население и, как следствие, погибло много народных лесных промыслов.

Мир тайги, особенно на равнинных территориях, да еще с суровым климатом, более чувствителен к изменениям ареала. Например, хвойные все больше уступают место мелколиственным лесам, особенно по гарям и вырубкам. В тайге с годами все меньше становится пушного зверя и боровой дичи. Причина, видимо, не только в хищнических аппетитах человека, проникающего все глубже в таежные дали, но и, видимо, в изменении состояния биосферы, которая как глобальная экосистема, становится все более неустойчивой.

Бесхозяйственность в тайге рано или поздно приведет к катастрофе. Если исчезнет лес, придет конец всему живому, потому что он каркас всей земной биосферы. Такие грозные всполохи катастрофы, как глобальное потепление, кислотные дожди и участвовавшие наводнения непосредственно связаны с ухудшением состояния лесного покрова равнинных пространств. Лес, являясь единственным на земле возобновляемым природным ресурсом, достоин не только уважения,

преклонения, но и безотлагательной помощи человека. А что происходит на самом деле? В 2000 году была ликвидирована самостоятельная лесная служба (Рослесхоз), начало которой было положено еще императором Павлом I (а это XVIII век!) Лесное хозяйство почему-то передано Министерству природных ресурсов, занимающемуся добычей полезных ископаемых. Под крышей этого ведомства произошло противозаконное совмещение функций хозяйственной деятельности и контроля над лесом. Важнейшая отрасль (лесное хозяйство) потерялась в системе государственного управления. Было совершенно проигнорировано, что лес — живой организм, который рождается, растет, старится и умирает. Без помощи человека хищнически истребляемый лес самостоятельно не восстановится.

А нам с вами остается только надеяться на благоразумие человека, на понимание проблемы на государственном уровне, на возрождение самостоятельной лесной службы и разработку в ближайшие годы комплексной программы, способной свести интересы общества, организаций, человека с интересами природы. Гимн тайге лучше всего закончить отрывком из стихотворения Станислава Горохова:

*«...Айда в тайгу, без всякого маршрута.
Нет подлости в растениях и зверях,
И нет разгула рыночных страстей...
Цветы в рублях не ценят аромата.
Здесь, салютуя в честь больших дождей,
Из пней стреляют залпами опять!
Тайга — не огород, она ничья,
И может потому в ней так интимно.
А детский лепет чистого ручья —
Он громче государственного гимна».*

4. РЫБАЛКА НА ЕНИСЕЕ

Любой человек, если он проведет хотя бы один день с удочкой на реке или озере, если он вволю надышится ароматом цветов, услышит пересвист птиц и курлыканье журавлей, увидит в темной воде бронзовый или серебристый блеск крупной рыбы, если он, наконец, почувствует ее упругий бег на тончайшей звенящей леске, будет потом долго вспоминать этот день, как один из самых счастливых дней в своей жизни.

К. Паустовский

Рыбалка — прежде всего «кормление с реки»

О рыбалке, в том числе и на Енисее, написано много. Для одних — это пропитание, для других — спорт, увлечение, хобби, отдых. Здесь не ставилась задача описать рыбалку во всех ее аспектах. На Енисее рыбалка всегда выполняла функцию «кормления с реки». Ныне рыбная отрасль Красноярского края уже не «кормящая» и находится в плачевном состоянии. Свидетельство этому — множество заброшенных бывших рыбацких поселений на берегах Енисея, Чулыма, Кана. В экономике края процент рыбодобычи ничтожно мал и, соответственно, мала рыбная доля прибыли в бюджете края.

Енисей и его притоки богаты разнообразной рыбой, но ее все-таки меньше, чем в других речных системах России. Это объясняется малым содержанием первичного корма для рыб в енисейской воде, что связано с высокой скоростью течения воды, каменистым руслом, неразвитостью поймы реки, сложным ледовым и термическим режимом рек Севера страны.

Видовое разнообразие рыб существенно отличается в верхнем, среднем и нижнем течениях Енисея. Например, елец и

достаточно редкая рыба тугун наибольшей численности достигают в нижнем течении — между реками Ангарой и Курейкой. Севернее Курейки резко сокращается численность осетра, стерляди, тайменя, ленка, хариуса, плотвы, окуня и язя, но возрастает количество нельмы, ряпушки, муксуна, чира, пеляди, омуля и сига. Окунь, щука, таймень и налим встречаются по всему Енисею, хотя численность этих рыб на разных участках реки далеко не одинаковая. В среднем и частично в нижнем течении обитают осетр, стерлядь, таймень, ленок, хариус, сорога, чебак, окунь, сиг, елец, налим, щука, пескарь, ерш. Но их уловы невелики и не удовлетворяют потребности даже местных жителей. В Верхнем Енисее на 50-километровом участке вниз по Енисею от места слияния Бий-Хема и Каа-Хема сохранился хариус. В Красноярском море помимо окуня, щуки, сороги акклиматизировался сазан и карась¹.

В достаточно спокойных левобережных притоках Енисея, протекающих по Западносибирской равнине и богатых водной растительностью, преобладают язь, окунь, щука, налим, гольян, голец, щиповка. На правобережной стороне Енисея царствует горная тайга. Притоки здесь неистовые, бурные, с чистейшей холодной водой. В таких местах выгодно чувствуют себя таймень, ленок, хариус, речной сиг.

В Красноярском крае системный кризис, связанный с управлением рыбной отраслью и использованием рыбных ресурсов, не преодолен. Некоторые положения Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20 декабря 2004 года прописаны нечетко, в частности, в области лицензионного лова. Для конкретных регионов требуются дополнительные практические приложения. В Красноярском крае нет до сих пор утвержденного списка видов рыб для лицензионного лова. Разовые лицензии рыбакам выдаются непонятно кем, где и как. Но краевая власть демонстрирует равнодушие.

Жизненные интересы людей, связанные с рыбалкой, в должной мере не решаются. А если что-то и делается, то всё

¹ Красноярское море — искусственный водоем, образованный при строительстве Красноярской ГЭС. По объему воды в три раза превышает объем Балтийского моря.

как-то не в интересах населения, что вызывает скрытое недовольство. Возьмем, к примеру, проект Федерального закона «О любительском и спортивном рыболовстве», опубликованный 17 августа 2011 года, где рыбалка разрешается только при наличии путевки, то есть за деньги. Это неизбежно лишит возможности рыбачить огромное количество людей, и в первую очередь, пенсионеров, подростков и детей.

Жители прибрежных поселений на Енисее издавна ловили рыбу, хорошо знали рыбы повадки, зимовальные ямы, сроки и места нерестилищ. Уважающий себя рыбак не перегораживал сетями ход рыбы, а ставил их вдоль, не позволяя себе в погоне за сиюминутной выгодой истребить на корню всю стаю рыбы. Почитая и храня природу, жители понимали, что она их кормит. В нерестовый период рыбу не ловили, не истребляли маточное поголовье рыбы, а помогали ей в самовосстановлении. Поголовье рыбы не уменьшалось. Но наступили новые времена. Рыбы стало меньше. Жителей стали ограничивать в ловле рыбы. Ловлю же ценных пород рыбы, особенно осетровых пород, вообще запретили.

Первый запрет на промысловую добычу осетра и стерляди длился с 1947 по 1953 год. Рыбоохранная инспекция еще только формировалась и не имела возможности отследить полный запрет. Жители многочисленных поселений среднего и нижнего Енисея продолжали ловить осетра и стерлядь, используя самоловы.

Что такое самолов? Это достаточно эффективная снасть штучной ловли осетра и стерляди, изобретенная еще дедами и прадедами. Снасть весьма похожа на перемет. Она состоит из основного шнура, к которому привязаны поводки с крючками. Но на остро отточенные крючки (без бородок) не надевают наживку, и лов основан на том, что эти острые крючья цепляют за бока случайно к ним прикоснувшейся рыбы. Почувствовав укол, рыба, пытаясь освободиться, дергается и цепляется вторично за соседние крючки. Крючки надежно удерживают осетра, так как тело его покрыто большими рельефными костяными щитками, расположенными в пять продольных рядов. Вес крупного сибирского осетра

может достигать 80–100 кг. Обычный вес — 10–12 кг. Осетра весом менее 10 кг в Сибири называют кастрюком. Жаргонное название мелкого осетра (до 2–3 кг) — «синий», поскольку брюшко и бока такого осетра синего цвета из-за малого количества нагулянного жира. Помесь осетра с сибирской стерлядью называется костерь. Осетр старается держаться русел рек с быстрым течением. Преимущественно обитает на глубине, около дна, где и находит пищу.

Крючковая самоловная снасть бывает разной. На Енисее, где быстрое течение, применяется шашковая снасть. У этой снасти шнур лежит на дне, а крючки приподняты вверх с помощью поплавков (шашек), которые привязываются на коротеньких поводках к шейке каждого крючка. Снасть может иметь до сотни крючков и опускается на дно. Начало снасти держит якорь, остальная часть вытягивается по течению. Чтобы шнур плотнее лежал на дне, к нему через определенные интервалы подвязываются небольшие камешки, завернутые в мешочки из бересты.

Конечно, осетра и стерлядь можно ловить сетью (неводом), но применительно к сильному Енисею в одиночку и без достаточно мощного катера сделать это невозможно. Самолов, являясь достаточно добычливым средством, доступен и одному рыбаку. К тому же снасть можно спрятать, опустить на дно. Самолов важно проверять каждый день. В этом случае вред от него незначительный, так как рыба редко сходит с крючков, а, главное, не успевает замориться. Заснувшую в воде рыбу не едят. При сходе осетра с крючка рана может долго не заживать и, хуже всего, накапливать яд. Такой осетр, попавшись вторично в самолов, может отравить человека.

Существует официальная точка зрения, что самоловные снасти калечат и жестоко ранят большое количество срывающихся с них рыб. Однако крупнейший знаток рыб России и активный противник истребительных способов ловли Л.П. Сабанеев придерживался прямо противоположного мнения, по крайней мере, когда речь заходила о ловле стерляди. В фундаментальном труде «Рыбы России» Сабанеев пишет:

«Заметим, впрочем, что стерлядь, почувствовав вонзившийся крючок, очень мало бьется и обыкновенно лежит очень смиренно, почти не двигаясь, так что почти всегда имеет одну, и то небольшую ранку. Вред от ловли самоловами, как и всегда, заключается не в самой снасти, а в злоупотреблении ею — загораживании всего русла и в часто расположенных крючках, из-за чего вылавливается громадное количество молодой стерляди. Потехин свидетельствует, что из ста стерлядей, пойманных крючками, в садке в течение нескольких месяцев уснуло только четыре. Данилевский тоже против запрещения крючковой самоловной снасти для стерляди. Эти рыбы живучи и выносливы, и раны, нанесенные крючками, очень скоро заживают. По словам петербургских рыбопродавцев, в крючковой рыбе не замечается большей смертности, чем выловленной сетями».

Как бы то ни было, к 1951 году самоловы безоговорочно запретили и вряд ли они будут когда-либо разрешены. А приведенное здесь описание самоловов следует воспринимать не как руководство к действию, а как историческое чтение.

После отмены первого запрета (1953 год) начался активный промысловый лов осетровых. Высокая эффективность лова способствовала появлению у промысловиков иллюзии неисчерпаемости енисейского осетра. Но вскоре появились признаки перелова и пришлось вводить новый запрет, который продолжался почти двадцать лет (1971—1990 годы). Лов в годы второго запрета в относительно небольших объемах велся только в научных и рыбоводных целях. Но продолжала существовать незаконная добыча, причем уже в больших объемах. В поселениях появились моторные дюралевые и алюминиевые лодки. Потребовались деньги для покупки лодок, подвесных моторов и бензина. Местные мужики стали добывать царскую рыбу не столько «для кормления», сколько для продажи.

Бывая в Назимово в 70—80-е годы, я часто наблюдал, как мимо проплывающий грузовой теплоход сбавлял скорость, к нему подплывал местный мужик с рыбой, получал деньги и быстро отчаливал. Еще более весомый натуральный обмен продуктами происходил, когда мимо проплывала бензоналивная баржа-самоходка. За царскую рыбу мужик получал

200-литровую бочку казенного бензина и обеспечивал себя почти на все лето. Бензин в селах всегда был дефицитом, так как завозился (по воде) в основном для колхозных нужд и жителям продавался редко, да и в малых количествах.

В период второго запрета существенно ужесточился контроль незаконной ловли осетровой рыбы. В эти годы появилась достаточно разветвленная структура районной и краевой рыбоохраны, обладающая достаточно хорошей материально-технической базой и весомыми полномочиями.

Но мог ли местный житель, чьи предки всегда ловили эту рыбу, мириться с этим запретом!? Обычай крепче закона. К тому же в сельмагах свежую рыбу не продавали, ни речную, ни морскую. Поэтому жители продолжали воровски ловить осетра, стерлядь, тайменя, ленка, хариуса и другую ценную рыбу. Ведь река-то родная, вроде бы свое берут.

Краевой и районный рыбнадзор не дремал и изобретал различные способы поимки с поличным местных рыбаков. Рыбнадзорский катер непрерывно барражировал по Енисею, задерживаясь вблизи селений на два-три дня. Рыбаки хоть и были осторожными, но все же попадались. На первый раз налагался штраф, иногда с конфискацией лодки. На второй раз — суд и два-три года «химии»¹.

Много лет между мужиками прибрежных селений и рыбнадзором шла настоящая война. В один из приездов в Назимово в 80-х годах я застал своего приятеля Юру Брюханова с больной спиной. За несколько дней до моего приезда Юра смотрел самолет. Его засёк в бинокль инспектор рыбоохраны, прятавшийся в кустах на берегу Енисея. Началась погоня. Расстояние между лодками сокращалось. Когда Юра повернул лодку в мелководный приток Тис, инспектор прекратил погоню, но успел напоследок выстрелить из ракетницы в спину Юры. На телогрейке была выжжена дыра и частично пострадала кожа на спине.

Иногда такие поединки оборачивались жестокими преступлениями. Мужики иногда стреляли пулями по лодкам

¹ Отправить на «химию» — это наказание трудом на рудниках и предприятиях Красноярского региона с суровыми и часто вредными условиями труда.

рыбнадзора. Было немало случаев, когда инспектора исчезали, их долго не могли найти. Если находили, то утопшими или убитыми. И такие преступления происходят до сих пор. Как все это можно прокомментировать? Можно только сожалеть, что по сложным житейским вопросам власти никогда не пытались найти компромисс с населением российской глубинки, живущим в основном натуральным хозяйством. Почему бы для местного населения не предоставить какие-либо льготы? Например, выдавать лицензии (или квоты) на вылов сетью или бреднем определенного количества рыбы в установленные сроки и в определенных местах. Но у нас с населением предпочитают общаться на языке запретов, распоряжений, указаний и угроз типа «Закинешь сетку — увидишь небо в клетку». Не учитывается то, что большинство местных рыбаков добывают рыбу для выживания. Штучный же вылов вряд ли может заметно повлиять на численность популяции ценных видов рыбы.

Второй запрет лова осетра не достиг своей цели. Заметного увеличения количества рыбы не произошло по причине не столько возросших объемов браконьерского лова, сколько изменившихся условий обитания осетровых в Енисее из-за гидростроительства и загрязнения нефтепродуктами, тяжелыми металлами и радионуклидами.

Последний запрет на добычу осетровой рыбы существует с 1998 года. Но за последние два десятка лет на Енисее расцвело тотальное браконьерство. Браконьерство стало болезнью социальной. Значительное число трудоспособного населения сел Енисея вынуждено заниматься незаконным промыслом из-за бесхозяйственности, безденежья, отсутствия работы, слома прежних ценностей. Существующие органы рыбоохраны не способны противостоять браконьерству, так как малочисленны и зачастую коррумпированы.

Браконьерский и нелегальный промысел на енисейском севере, где еще сохранилась ценная рыба, ныне приобрел промышленные масштабы. Справиться с этим промыслом, оснащенным современной технологией, технически маломощному рыбнадзору практически невозможно. Турист, со-

вершающий по Енисею поездку на теплоходе, в районах Ярцево, Ворогова, Туруханска может купить свежую рыбу, не сходя на берег. К теплоходу причаливают моторки, в которых под мокрым брезентом — осетры, стерлядки и другая ценная рыба. Однако туристы — не главные покупатели. Сегодня по Енисею шныряет много частных судов — катеров, самоходных барж. Некоторые из них специально отправляются за рыбой. Капитаны этих посудин под покровом ночи пристают в укромных местах и загружаются той рыбой, которая завтра-послезавтра может быть предложена вам в каком-либо ресторане Красноярска или на одном из городских рынков.

Промысловый лов неводом и «ельцовкой»

В 50–70-х годах прошлого века в Назимово, да и в других подобных прибрежных поселениях Енисея, хоть и существовал промысловый лов рыбы, но в достаточно малых объемах, причем, только летом и весной. Весной ставили сети-ловушки (ставные сети) и чаще всего в устьях речек, впадающих в Енисей, когда рыба устремлялась на нерест. Летом пользовались, как правило, плавными (буксируемыми) сетями: неводом (снасть задерживающего типа) и «ельцовкой» (снасть запутывающего типа, предназначенная для ловли только ельца и тугуна). Я не буду здесь писать про особенности ловли ставными сетями. Этот способ — древний, добычливый и требует тоже мастерства, но неинтересный и абсолютно неспортивный.

Буксируемой сетью можно было заловить любую рыбу, которая водится в Енисее: осетра, стерлядь, сига, сорогу, чебака, окуня, хариуса, налима, шуку, пескаря, ельца. Но осетр и стерлядь обычно обитают на больших глубинах (подальше от берега) и поэтому при прибрежном невождении залавливались очень редко. А если и попадали осетр или стерлядь в невод, то их нужно было отпустить, так как в то время существовал полный запрет на ловлю этой царской рыбки. Но местные рыбаки никогда не выполняли этот запрет.

Поймать рыбку неводом без умения и сноровки не просто. Неводом можно ловить по дну, на «полводы» и по поверхности. Условия ловли определяются соотношением подъемной силы поплавков и силы тяжести грузил. При ловле по поверхности наплавной шнур должен удерживать в воде сеть и грузила. При этом предусматривается двойной запас плавучести. При ловле неводом по дну грузила (кибасья) перевешивают подъемную силу.

В Назимово рыболовецкая бригада состояла из 4–6 человек и имела самостоятельный статус: бригадир отвечал за план по сдаче рыбы государству и сам определял места и время рыбалки. В 60-х годах успешным бригадиром был Леонид Колесник (по паспорту Илларион), который хорошо знал не только рельеф русла реки в местах невожения, но и особенности хода той или иной рыбы в разное время лета.

Колхозный невод имел длину около 60 метров и высоту стенки четыре метра. Ячей невода позволяла отцеживать мелкую рыбешку. Как производилось невожение? Сеть выметывалась из лодки со стороны берега. Один из рыбаков оставался на берегу и держал тетиву начала сети. В лодке находились три рыбака: два — за веслами, третий — на корме у невода. Выметание сети должно было производиться быстро. Гребцам нельзя было медлить, а сеть должна была сбрасываться в воду без задержек и путаницы. Успех зависел от правильного уложения сети в лодке и ловкости того, кто сеть сбрасывал. В воде сеть распрямлялась на всю высоту («дель») за счет закрепленных по всей длине грузил (внизу) и поплавков (вверху). После выметания, когда невод образовывал большой полукруг, лодку поворачивали к берегу и быстро причаливали, держа свободный речной конец тетивы. Выскочив на берег, рыбаки начинали интенсивно вытягивать невод. Делали они это обычно тихо, без криков и плеска. Лишь когда невод оказывался под самым берегом, начинали бить натянутой тетивой по воде, чтобы рыба не уходила там, где кончается сеть.

Рыбак, остававшийся на берегу, шел к ним навстречу, не отставая от плывущего невода и шлепая по воде поплавковым

верхним шнуром. При вытаскивании невода рыбаки следили, чтобы грузовой шнур прижимался ко дну, иначе рыба могла пройти под неводом. Последняя операция по вытаскиванию на берег «пуза» сети требовала от всех участников четкости и согласованных быстрых движений. Именно на этой стадии из-за неумелых действий можно было потерять значительную долю улова. Но зато, когда все выполнено профессионально и на берегу появляется трепещущая серебристая горка больших и малых рыбин, рыбаки закуривали, веселили, начинали шутишь и подтрунивать друг над другом. Не думайте, что неводом выгребали много рыбы. Самый удачный улов рыбы за одну тоню мог составить 30–40 кг. Чаще всего были уловы в 10–20 кг, а иногда и хуже. В иной теплый вечер, когда небо украшено темным бархатом, усеянным дрожащими звездочками, а вокруг разлита благодать и, казалось бы, ничто не может омрачить рыбалку, а рыбаки тоню за тоней вытягивают пустой невод, точно кто попрятал всю рыбу. И возвращаются в село рыбаки хмурые и молчаливые. Для рыболова-промысловика отсутствие улова — срыв плана и отсутствие заработка. Счастье рыбака обманчиво и не всегда зависит от его мастерства.

«Ельцовка» — наплавная нитяная (часто капроновая) сеть длиной 40–50 м и высотой стенки 1,0–1,2 м, предназначенная для ловли рыбы у поверхности воды. Эту сеть еще называют запутывающей (жаберной), так как, наткнувшись на такую сеть, рыба запутывается в ячее, через которую проходит голова, но не тело. Вырваться назад рыбка не может — не пускают жабры. В августе бывают такие удивительно теплые вечера, когда над водной гладью реки, явившись словно из небытия, начинают метаться миллионы подёнок¹. Елец и тугун поднимаются с глубин, где они держатся в светлое время суток, на поверхность, выходят на мелководные прибрежные участки реки и начинают охоту на подёнок. В такие вечера наблюдается массовый ход рыбы, и за одну тоню можно выловить 30–40 кг рыбы.

¹ Подёнки — маленькие серые мотыльки с прозрачными крылышками, похожими на тонкие листочки слюды. Живут один день, потому и поденками зовутся. Множество их падает в воду. Выброшенные прибоем, они устилают берега.

С «ельцовкой» можно управляться вдвоем. Сеть укладывают заранее на гладкий лоточек (грузики к грузикам, поплавки к поплавкам) и смачивают водой — так она лучше сходит с лотка при выметании. Вымётывают сеть тоже с лодки, но в отличие от невода с реки в сторону берега. Отплывают на лодке от берега на длину сети (40–50 м) и бросают в воду «гагарку» (легкую деревянную крестовину), к которой привязан речной конец тетивы. Один из участников рыбного действия начинает грести медленно к берегу, при этом сеть сама сползает с лотка в воду, а второй участник следит, чтобы не было зацепов при сходе сети. У берега, когда уже вся сеть смётана, лодку разворачивают параллельно берегу. Все плывет самосплавом: лодка, сеть и гагарка. Можно 30–40 минут быть счастливым человеком, сидеть в лодке, смотреть на звезды, на ныряющие в воду поплавки, когда попавшаяся в ячею рыба начинает тянуть их вниз, и забыть все печали и горести. Когда гагарка выдвинется вперед (вследствие большей скорости течения на глубине) и сеть вытянется под углом около 45 градусов к берегу, можно снасть выбирать. Укладывают ее на лоток вместе с застрявшей в ячейках рыбой (ельцами и тугуном). Затем причаливают к берегу и выполняют самую нудную операцию — перебирая сеть, вынимают из ячеек рыбу, застрявшую головами. Нужно освободить голову каждой рыбки от опоясывающей ее нитки. Иногда нитка застревает в жабрах и требуется некоторое время, чтобы суметь освободить рыбку и сохранить голову. Требуется ловкость и сноровка. Например, при двадцатикилограммовом улове даже ловкие четыре руки выемку рыбы из сети производят почти час. Поэтому успеть за один вечер сделать две тони можно только при условии, если первая тоня была малоуловистой.

Рыбалка «ельцовкой» совершенно не утомительна. Хоть и приплываешь в село в полночь, когда все затихает и даже не гавкают собаки, но ты бодр, переполнен эмоциями и четко воспринимаешь окружающее. На небе горят звезды, на угоре еле заметны силуэты спящих домов, умиротворенный Енисей выглядит каким-то темно-темно-синим, а воздух пронизан запахом реки и рыбы. Тебе хочется замереть, смотреть и

слушать. И совсем непонятная грусть захватывает тебя, когда серединой реки проплывет теплоход, и ты долго провожаешь его таинственно светящиеся одиночные огни.

Любительская рыбалка удочкой и перемётами

Мои регулярные поездки в Сибирь, на Енисей, в село Назимово (нижнее течение Енисея — широта 59 град) на протяжении последних 50 лет обязательно сопровождалась какой-либо памятной рыбалкой. Каждая рыбалка — это какой-то безмерный отрезок жизни, как бы вынутый из реального пространства и времени, но очень хорошо сохранившийся в памяти. Я полностью согласен с общепринятым мнением рыбаков, что время рыбалки особое и в счет жизни не идет.

Поездка в Назимово в августе 1961 года знаменательна тем, что со мной были трое друзей из Московского университета: В. Кандидов, А. Баранов и О. Козьминых.

Стояли погожие дни. В такие дни Енисей завораживает, притягивает не только игрой солнечных бликов на водной глади, но и всплесками плавающей рыбы. Даже если ты и не заядлый рыбак, все равно не усидишь дома, отложишь любые, даже срочные дела. Предстоящий день было решено посвятить рыбалке, обед устроить на берегу у костра, а главным блюдом сделать уху из пойманной рыбы. Для рыбалки была выбрана простая снасть — удочки и переметы.

Поплавковая удочка читателю хорошо известна. В любом рыболовном магазине имеется большой выбор таких удочек с телескопическими удилищами. Но в Назимово удочки мы делали сами. Удилищем служили гибкие черемуховые прутья длиной 3,5—4 м. На реке, где сильное течение, поймать хорошую рыбу (сига, сорогу, чебака, окуня, ельца) удочкой непросто. Приходилось использовать массивные грузила и достаточно большие поплавки, поэтому снасть получалась грубой. Осторожную рыбу поймать на нее трудно. Конечно, есть места на Енисее с совсем малым течением, например, улова, где обычно с берега и ловят удочкой. Но мест-

ные рыбаки, как правило, с берега удочкой не ловят (много не наловишь, да и рыба у берега — мелковатая). Для занятого человека это баловство. Опыт, приобретенный в детстве, придавал уверенность — удочками вряд ли, а вот перемётами рыбы для наваристой ухи наловим.

Перемёт (закидушка) — снасть длиной 20–25 м, изготовленная из капроновой или нейлоновой лески толщиной 0,5–0,7 мм. Конец снасти, имеющий грузило и рыболовные крючки, забрасывается ручным способом в реку на 25–30 м. Обычно привязывают пять-шесть крючков на тонких поводках длиной 15–20 см с интервалом 30–35 см.

Оптимальные размеры крючков — шестой-седьмой номера. Конечно, можно навязать крючки и больших размеров в расчете на крупную рыбу. Но крупную рыбу обмануть сложнее, она может долго крутиться около крючка с наживкой, но так и не клонуть. Может, конечно, подойти более голодная и менее осторожная рыбина, но для этого нужно иметь время и большое терпение. Крючки меньших размеров хорошо скрываются наживкой, более уловисты, но быстро атакуются мелкой рыбешкой, не представляющей большого интереса для рыбака. В качестве грузила использовались небольшие продолговатые камни, которые без труда можно было найти на галечном берегу. Для привязки лески у такого камня посередине выбивалась (другим камнем) круговая ложбинка. Такое грузило должно было удерживать снасть от сноса течением, но и не быть тяжеловатым, чтобы не затруднять забрасывание снасти в реку. Уловистый перемёт сделать удастся не каждому. Здесь тоже нужна сметка и опыт. Бывает так, что два рыбака, находящиеся недалеко друг от друга, ловят, казалось бы, одинаковыми перемётами, но один при каждом осмотре перемета вытаскивает на берег две-три рыбины, другой — ничего. Даже правильный заброс перемёта в реку имеет значение. Например, при резком броске может сорваться или сдвинуться наживка на крючке. Имеет значение даже то, как после броска перемёт ляжет на дно: перпендикулярно береговой линии или под острым углом.

Любая рыбалка не может быть успешной, если ей не предшествует тщательная подготовка. Накануне нашей по-

ездки были заготовлены четыре удочки и четыре перемёта. Для наживки на колхозном дворе были накопаны дождевые красные черви. В полную готовность приведен лодочный мотор «Москва-25» и проверена надежность его крепления к торцу кормы лодки.

Все твое существо проникнуто ожиданием рыбалки. Эмоциональный подъем не дает тебе проспать начало рассвета, внутренние часы тебя будят, ты встаешь, выходишь на угор, смотришь на реку, на небо и полностью взбадриваешься — погода благоприятствует рыбалке! Объявляется подъем и быстрые сборы. Через полчаса все у лодки. Проверяем, взяты ли все снасти, наживка, ведро для рыбы, котел для ухи, посуда и продукты. Выбранное место рыбалки — другая сторона реки (ширина более 2 км), каменистый берег ниже порогов Кармакулы. Сталкиваем лодку на воду, я запускаю двигатель, дергая за шнур, намотанный на шкив стартера, и вот мы уже мчимся по зеркальной глади, захлебываясь чистым речным воздухом. Проходит еще полчаса, и мы на месте.

В первую очередь готовим перемёты. Надо размотать леску, уложить ее кольцами на галечный берег, предварительно очищенный от крупных камней и мусора, чтобы при забрасывании ничто не мешало и не спутало леску. Далее важная процедура — умелая насадка червей на крючки. Наживкой надо не просто скрыть крючок, но и насадить ее так, чтобы рыбе было трудно ее стащить. Последнее действие — заброс перемёта в реку. Здесь тоже требуется умение. Заброс должен быть плавный и безопасный для рыбака. Бывало много случаев, когда при забросе на крючки попадался сам рыбак.

При хорошем клёве перемёты можно вытягивать (смотреть) через 15–20 минут. В этом промежутке можно «побаловаться» и удочкой.

Вот наступает время смотреть перемёты. Тебя обуревают нетерпение, но стараешься быть спокойным. Первые осмотры перемётов беру на себя. Москвичи должны стоять рядом, внимательно смотреть за всеми действиями и терпеливо слушать мои наставления. Следующие осмотры перемётов они будут делать самостоятельно. Главное, тянуть леску неспеша и плав-

но. Если на перемете сидит рыба, да еще достаточно крупная, то это чувствуется сразу. Рыба дергает или тащит леску то в одну, то в другую сторону. По тому, как ходит леска, опытный рыбак сразу узнает, какая попалась рыба и что надо сделать, чтобы ее не упустить. При приближении к берегу на мелководье леску нельзя поднимать, попавшаяся рыба должна находиться в воде и не догадываться, какая ее ждет участь, иначе она начнет вырываться и может, сорвавшись с крючка, уйти.

Проходит три часа. 12-литровое ведро уже на две трети заполнено рыбой: окунями, сорогами, чебаками, ельцами, пескарями, ершами. Большая часть рыб живая (ведро с водой стоит в тени и прикрыто листьями папоротника). Пора готовить уху. Надо же угостить москвичей настоящей ухой из свежей рыбы! Тройной ухи не получится — нет ни налиимьей печенки, ни осетровой, ни стерляжьей тушки. Но двойная уха должна получиться на славу.

Рецептов, как варить обычную, двойную или тройную уху, — много. Здесь не ставилась задача удивить читателя каким-то особым рецептом. Рыба свежая, ее много, и варить мы будем по-деревенски, без всяких премудростей. Уха, как и чай, тем насыщеннее, чем в первом случае не жалеешь рыбы, а во втором — заварки.

Воду для ухи и чая мы не стали брать из Енисея, хотя она в 60-е годы прошлого века была еще достаточно чистая и ее пили все жители села. У нас была возможность взять чистой-шую воду из таежного ручья, втекающего в Енисей в километре от нашего места стоянки выше по течению. Для получения первого рыбного бульона выбираем всю мелкую (с ладонь и меньше) рыбешку (окуни, ерши, пескари, ельцы). Чешую не чистим, но вынимаем все внутренности и тщательно промываем брюшки. Закладываем рыбу в шестилитровый котел и добавляем к ней головы и хвосты крупных рыб (200—400 грамм). Вливаем холодную воду, ставим на огонь и доводим до кипения. Снимаем пену. Солим по вкусу и варим на несильном огне около 20 минут. Когда навар готов, сливаем бульон, а оставшуюся рыбу выбрасываем. Котел с бульоном снова ставим на огонь, доливаем воды, кладем пять-шесть картофелин

средних размеров, разрезанных пополам, крупную луковицу, разрезанную на четыре части, морковь и доводим до кипения. Через 10–15 минут в кипящий бульон закладываем вычищенную, выпотрошенную и тщательно промытую крупную рыбу. Варим уху на слабом огне 15–20 минут и следим, чтобы рыба не переварилась, иначе она развалится. Незадолго до конца варки в котел кладем небольшой пучок нарезанного зеленого берегового лука. О готовности рыбы говорят глазные хрусталики — у сваренной речной рыбы они выскакивают из глазниц. Прежде чем подать на стол, уху после снятия с костра нужно протомить в течение десяти минут.

Незабываемая рыбалка на Тису

Еще одна забываемая поездка на рыбалку в том же составе была совершена несколькими днями позже на приток Тис, впадающий в Енисей на другой стороне в километре от Назимово (вниз по реке).

Приток Тис — вьющаяся, как змейка, красивейшая таежная речушка, бурливая на порогах и перекатах и спокойная, величавая на плесах. Вода холодная и прозрачная. Даже на трехметровые глубины проникают солнечные зайчики, высвечивая разноцветные камешки. При желании можно увидеть темные спинки стоящих у больших камней рыб. Когда пробираешься вверх по речке, а это происходит медленно из-за сильного течения, то невольно осматриваешь окрестности и удивляешься разнообразию берегов. Они — то обрывистые и скалистые, с каменными разноцветными выступами, то наклонно уходящие ввысь, покрытые темно-синей щетиной леса, то равнинные, заросшие смешанным лесом, где часто прячется охотничья избушка, совершенно невидимая с речки.

Путешествие по Тису — это уже не легкая прогулка. Требовалась серьезная подготовка, на что ушел целый день. Только деревенская «круговая порука» помогла мне быстро достать бензин, найти легкую деревянную лодку, весла, два окованных шестика (оковки на концах шестов — остроконечные, похожие на воронку железные конусы), а также подвесной мотор «Вете-

рок-12», маломощный, но зато легкий. К лодке приделываем «лыжу»: к кормовой части днища прибаваем гвоздями прочную осиновую доску, которая должна предохранять винт от камней на порогах или мелководе. Если такую лыжу не приделать, то в Тису, где много подводных камней и мелей, тебя сразу же ждет поломка — срезанная шпонка в винте. И хорошо, если шпонка есть в запасе, то тогда можно снять с кормовой подвески мотор, вытащить его на берег, снять винт и сделать ремонт. На это уходит драгоценное время. Поэтому деревенскими мужиками и была придумана «лыжа».

Рыболовная снасть для Тиса отличается от той, что применяется на Енисее, она более хитроумна и требует большего внимания.

В Тис рыбаки ездят за хариусом и ленком. Есть в Тису и таймень, но обитает он в основном на дальних глубоких плесах. В Тису рыбаки используют ставные сети, спиннинги, маховые удочки и «кораблики». На удочках и «корабликах» приманкой служат обманки — искусственные мушки. Они долговечны, их легко изготовить и, когда рыба особо не капризничает, они успешно имитируют насекомых. Порой это сложные конструкции из шерсти, ниток, перьев, проволоки и пластмасс. Самые простые мушки изготавливают из пучка шерсти и красной нитки. Сделать такие обманки уловистыми — дело непростое. Чтобы смоделировать по виду и цвету какое-либо насекомое, требуется смекалка и наблюдательность. В Назимово лучше всех мастерил обманки (крылатых муравьев, бескрылых мушек, оводов, мотыльков, шмелей и т.д.) ссыльный Буш. Членистое брюшко насекомого имитировалось с помощью обкрутки ниткой определенного цвета, утолщение между брюшком и головкой скручивалось из шерсти, хвост делался из отдельных бородак пера, выщипанного из шеи рыжего петуха, или нескольких шерстинок, выстриженных из рыжей бородки Буша (а часто и из других, чаще всего, интимных мест). Хариус хорошо различает цвета приманки (и даже их оттенки) и неодинаково охот к какой-либо мушке в начале, середине и в конце лета. Было замечено, что в середине лета, когда появляются крылатые муравьи, в солнечный день хариус хорошо клюет на черные и темно-

коричневые, в сумерках — на серые, желтые и бледно-розовые мушки.

Буш (старше меня лет на двадцать) жил один, и мы не раз засиживались в его доме, ведя длинные разговоры о жизни в Москве и вообще о политике. В один из более поздних приездов в Назимово мне повезло пожить в Тисе с Бушем несколько дней. Он обычно рыбачил один, ни с кем в селе не группировался, и я был приятно удивлен, когда Буш пригласил меня порыбачить и поделился со мной кое-какими секретами ловли хариуса. Только тогда я стал понимать, что рыбалка — это искусство, где требуется творчество, своего рода импровизация. Как в любом искусстве, в рыбалке нет стандартных правил и границ. Слишком много факторов могут влиять на исход рыбалки: время года и суток, погода, атмосферное давление, уровень воды, место рыбалки, тип снасти, характер наживки и даже настроение рыбака. Даже опытный рыболов не может точно знать, какой его ждет улов.

Мне очень нравилось ловить хариусов и ленков (попадались, но редко) «корабликом» (другие названия — «змей», «торпеда», «санки»). Снасть простая — леска диаметром 0,4–0,5 мм длиной от 10 до 20 м, четыре-пять мушек на крючках пятых-седьмых номеров и самая главная часть — кораблик. Кораблик — это прямоугольная дощечка, которая должна стоять в воде вертикально за счет утяжеления нижней ее части. Дощечка привязывается к леске четырьмя веревочками (от четырех углов). Длины веревочек подбираются такими, чтобы дощечка устанавливалась под углом к течению и возникала сила, толкающая дощечку (кораблик) в реку. Кораблик напоминает обыкновенный воздушный змей, только роль воздушного потока играет течение реки. Кораблик, к которому привязана леска с мушками, запускается в реку с берега или с лодки на 5–15 м. Остается только немного подождать, хариус, выпрыгивая из воды, хватает мушку, цепляется за крючок, леска начинает ходить влево-вправо, и ты уже счастливый. Вместо однокорпусных корабликов чаще всего используют двухкорпусные кораблики-катамараны. Они гораздо устойчивее при сильном течении, на быстринах и бурунах.

Итак, мы познакомились с рыболовной снастью, какая используется в Тису. У Буша мне удалось раздобыть двадцать штук драгоценных мушек. Были изготовлены четыре удочки (две мушки на каждой) и два кораблика (по пять мушек на каждом).

Перед отплытием был критически осмотрен еще раз груз (палатка, одежда, кадушка для рыбы, котел для варки ухи, сковородка для жарки рыбы, ведро, посуда, соль и продукты), ведь лодка не должна быть тяжелой, так как нам предстояло в Тису преодолевать мелководные перекаты.

Планировалось провести в Тису четыре дня: первые два дня — активное продвижение вперед, третий день — стоянка с рыбалкой, четвертый день — возвращение (с краткими остановками на рыбалку в уловистых местах). Москвичам этих дней должно было хватить, чтобы насытиться дикой природой, почувствовать рыбацкое счастье и получить здоровую физическую закалку.

За первые два дня мы пытались продвинуться как можно дальше вверх по речке. У таежных речек есть особенность — самые красивые места, да и плёсы, богатые рыбой, прячутся подальше. На нижних участках реки водится, как правило, мелкий хариус (200—800 г). Высоко забраться может только крупный хариус (0,8—1 кг), способный преодолеть не только быстрое течение, но и массу естественных препятствий (пороги, перекаты, мели).

В первый же день нам пришлось пройти испытание на одном из перекатов. Только благодаря тому, что сильное встречное течение приподнимало лодку, нам удалось протащить ее по мелководу на участке около 200 метров. Причем всем четверым пассажирам пришлось вылезать из лодки и толкать ее против течения, бредя в воде. К концу дня, когда уже начало смеркаться, было найдено подходящее место для ночлега. Мы устали так, что даже рыбачить не хотелось. Поужинав у костра, улеглись в палатке и быстро уснули. Второй день опять встречал нас солнечным утром, многоголосыми звуками леса и бурливой реки, радостным ожиданием новых впечатлений. Быстро позавтракав, отправились в путь, когда река и берега уже просматривались сквозь утренний туман. В этот день мы не стали до-

жидаться сумерек, а остановились на ночлег пораньше, чтобы наловить хариусов и на ужин побаловать себя жареной рыбой. За два дня было пройдено около двадцати километров. Стали искать место для суточной стоянки. Выбрали равнинное прибрежье, а на реке — порожистый участок с переходом на плес, любимое место обитания хариуса.

Друзьям-москвичам была прочитана лекция, где и как ловить хариуса. Вот некоторые положения теоретической части, легко усвоенной в отличие от практики. Жируя в реках, хариус не любит застойные воды и предпочитает держаться на быстринах. Излюбленными местами стоянок хариуса являются перекаты, пороги и верхние участки плёса, где начинаются сливы. Здесь держатся мелкие и средние рыбы, их легче спровоцировать на поклевку. Часто косяки хариусов стоят у крутояра в тени, где с нависших кустов и деревьев падают насекомые. Крупные хариусы и ленки более осторожны. Они любят таиться за большими надводными или подводными камнями, а также предпочитают глубокие ямы и плёсы, сильные струи, пенные водовороты.

Практика ловли хариуса проходила с использованием удочек и была освоена не сразу. Здесь тоже требуется сноровка. Но ученики оказались способные. Два человека ловили с берега, два — с лодки. За час было поймано около 30 хариусов (по 300—500 граммов каждый). Так что рыбный ужин у нас был обеспечен, а каждый рыбак сдал зачет по практической части и был горд тем, что, в отличие от генералов из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», мог теперь сам поймать рыбку и прокормиться.

Интересно было наблюдать за москвичами, поймавшими первых хариусов. Рыбалка чем-то похожа на игру, где пойманная рыба становится для рыболова выигрышем, способом самореализации. Счастливый человек в обычной жизни, на людях, как-то проявляется в своем поведении. Футболист, например, забив удачный гол, от радости может на поле станцевать или даже сделать сальто. Наш же москвич-рыболов, выигрывая, полностью отключался от внешнего мира, громко не выражал эмоций, но по выражению лица, движениям можно было ви-

деть счастливого человека, абсолютно свободного, ничем не отягощенного.

Хариус — близкий родственник лососевых и сиговых рыб, обитающий только в Северном полушарии. Тело продолговатое, серебристое, с черными пятнышками на спине, с фиолетовым отливом на боках и брюхе. На спине имеет огромный цветисто-яркий плавник. Может достигать веса 2,5—3,0 кг. Но обычно рыбакам попадаются особи не более килограмма.

Третий день — незабываемая рыбалка, роскошная уха, жареная рыба, вечером песни у костра. Для рыбалки были использованы не только удочки, но и кораблики. Ловля на кораблики всем понравилась. Спущенный в воду кораблик подхватывается течением и по мере отпускания лески уходит все дальше от берега (или лодки). Привязанные к леске на тонких проводках мушки прыгают над быстро движущейся водой. Видно, как выпрыгивают хариусы, пытаясь схватить мушки. Ловкие попадают на крючок сразу, а некоторые промахиваются, но не сдаются, делают повторные прыжки и попадают. Все это видит рыбак, и можете представить его состояние, когда один-два хариуса цепляются за крючок и рыбак, замерев от счастья, притягивает их к себе...

Хариус ловился почти весь день, но был утренний пик и более растянутый вечерний. За день мы наловили хариуса око-

ло двадцати килограммов и несколько штук небольших ленков. Около шести килограммов отложили на уху и жарёху, остальную рыбу, немного подсолив, уложили в кадушку. Но помимо рыбы у нас был еще и ягодный улов. Ольга (украшение нашей компании) в ближайших зарослях как-то незаметно сумела набрать чуть ли не ведро крупной черной смородины. Вечером у костра после рыбного ужина мы пили чай с ягодой и пели свои любимые песни. В этот вечер мы были счастливы! К этому располагала еще и красота дикой природы. С наступлением сумерек пространство вокруг стало таинственным и завораживающим. Рокочущий Тис казался еще шире, а берега — круче и величественней. Над водой курились прозрачные голубовато-серебристые струйки и носились синие, зеленые и золотые стрекозы с переливающимися, как родничковая вода, крыльями.

Четвертый день — возвращение. Вниз по реке спускаться вроде бы проще, но опаснее. Надо внимательно смотреть вперед и не налететь на большой скорости на затопленные острые камни. При боковом ударе о камень лодка может перевернуться, но хуже — если она получит пробоину. Обычно в носовой части лодки стоит человек с шестом, который не только заблаговременно указывает опасные направления для кормщика, но и способен с помощью шеста ловко оттолкнуть лодку от камня.

На плёсах со спокойным течением заводили мотор. В остальных местах шли самосплавом, но с небольшим торможением лодки с помощью каменного якоря. При таком торможении хорошо запускались кораблики с двух бортов лодки. Медленно сплавляясь, мы ловили хариуса, причем в некоторых уловистых местах достаточно успешно. Спустившись к Енисею, мы уже имели полный ушат (почти два ведра) рыбы. Солнце подсело, пора было плыть домой. Не хотелось покидать Тис. Ведь через несколько дней надо было уезжать в Москву, и неизвестно, когда еще удастся снова его посетить. На берегу Енисея разожгли костер, перекусили, попили чай, удобно расселись в лодке, завели мотор и покатали по водному пространству, взяв курс на другой берег Енисея. В лицо ударила теплая струя напористого речного воздуха, а душа замерла, упоённая ладом с природой.

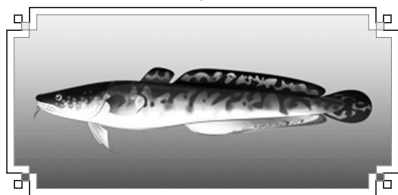
В эту поездку нам не удалось поймать ни одного крупного ленка. Это можно было сделать с помощью спиннинга, но у нас его не было. Ленки — хищная рыба семейства лососевых с коротким, толстым туловищем, с розоватым брюхом и огненно-ярким хвостом. В отличие от хариуса чешуя у ленки мелкая, а каждая чешуйка круглая. Может достигать веса до шести килограммов. В отличие от хариуса, к которому можно приблизиться достаточно близко, ленок — более осторожная и пугливая рыба. Ленки могут испугать неестественный шум, яркая одежда, даже тень, мелькнувшая над водой. Поэтому поймать ленок — большая удача для рыбака. Обычно ловят его спиннингом, но для успеха важны место рыбалки и выбор блесны. В одну из более поздних поездок в Тис (с братом Колей) мне удалось в течение трех дней поймать на блесну шесть ленок по два-три килограмма. При этом было исследовано много мест на реке с разными скоростями течения и было перепробовано много блёсен. Оказалось, что ленок больше всего любит плёсы с ровным течением глубиной полтора-два метра и дном, где разбросаны камни средней величины. Эффективными блёснами оказались не магазинные, а самодельные латунные, сделанные в заводском цехе мастерами-умельцами по моему заказу. Блёсны были не колеблющимися и достаточно тяжелыми, что обеспечивало облов нижних и средних слоев воды. Вместе с тем, важно было правильно подобрать не только размер блесны, но и размер тройника. Нужно было учитывать то, что рот у среднего ленки (весом около 2 кг) небольшой.

Приток Тис — одно из привлекательных мест для рыбаков и охотников. Местными охотниками бассейн этой речушки освоен на сотни километров. Они осенью по воде в охотничьи избушки завозят продукты, капканы и ловушки, а зимой пробиваются к местам охоты на снегоходах типа «Буран». Для рыбаков нет лучше места, чтобы вдоволь потешить себя ловлей хариуса, ленки и даже тайменя. Но пробраться по Тису вглубь (80–100 км) непросто, особенно при малой воде. Пороги, перекаты, мели как будто специально затрудняют доступ к далеким плёсам, чтобы сохранить и для внуков эти не только богатые рыбой, но и красивейшие места. Начиная с 70-х годов прошло-

го века на Тис стали часто наезжать лихие рыбаки из Енисейска и Красноярска. На легких дюралевых или алюминиевых лодках, да еще с водометными двигателями, они даже в малую воду легко пробирались в глубь Тиса, вывозя оттуда большое количество рыбы. Жители Назимово с большим неудовольствием относились к этим чужакам, так как было ясно, что рыбный Тис уже не стал заповедным и ему грозит разорение.

Ловля налима

Помимо описанных выше существует много других методов лова рыбы в Енисее (как на открытой воде, так и при ледоставе). Но те, которые удалось освоить автору этих строк в школьные и студенческие годы (50–60-е годы прошлого века), настолько оригинальны и эмоционально захватывающи, что их забыть невозможно.

Налим является объектом рыбалки как на открытой воде, так и подо льдом. Зимой прорубают толстый лед и ставят уды, которые темными колышками то тут, то там вырастают на заснеженном ледовом покрывале реки. Уда — обычная роготулька, от которой до дна тянется капроновая веревка или толстая леска, далее грузило и крючок. На крючок насаживают живца — ерша или пескаря, зацепляя за спинку и реже — за губу. С осени заготавливают животку — ящик с отверстиями, куда сажают ершей или пескарей. Животку держат в реке, вытаскивая зимой через прорубь. Уды просматривают через день-два, за это время живец, как правило, еще не успевает уснуть. Такой способ лова налима нельзя отнести к промысловому, он мало добычлив и требует большой затраты времени и труда. Во времена моего детства даже самые трудолюбивые рыбаки ставили не более пяти уд. Если при просмотре пяти уд попадалось два-три налима, каждый по три-пять килограммов, то это считалось удачей. Рыбацкая семья могла несколько дней кормиться рыбой, а гости непременно угощались налиమ్ей строганиной. Из налима можно приготовить много

блюд. Мясо налима не содержит косточек. Поэтому налим хорош в жареном виде и как начинка для пирога. Особенно вкусна из него уха, где его печень играет основную роль.

Совсем иной способ ловли налима весной или осенью, когда налим активен и хорошо клюет на обычного крупного дождевого червя или аппетитного живца.

Хорошо запомнилась рыбалка на налима во время моего приезда в Назимово из Норильска в августе 1954 года (после 8-го класса). Отчим дядя Миша рыбалку любил, но инвалидность (одна нога не работала, подволакивалась) не позволяла ему самостоятельно справляться с лодкой и со всей рыбацкой суеютой. До моего отъезда из села (после семилетки) мы часто рыбачили вдвоем, и без рыбы домой не приплывали. После приезда из Норильска мне было уже 16 лет, страсть к рыбалке только усилилась. Кто-то поведал, что наступила пора активного клева налима, причем в первую половину ночи и на дождевого червя. Я уговорил дядю Мишу съездить порыбачить перемётами. Были сделаны четыре перемёта с использованием лески толщиной 0,8 мм и наибольших крючков (с номерами 10—12), по пять крючков на перемёт. Снасть грубая, рассчитанная на крупного налима. Отплыли мы из села часов в восемь вечера. Налим любит илистые места, которыми изобилует левая сторона реки. Поэтому нам не надо было переплывать Енисей, куда часто жители села ездят на рыбалку. Мы поднялись бечевой вверх по реке на семь километров и в районе девяти часов были на нужном месте: выгнутый участок берега, течение замедленное, а дно в основном илистое. Неспеша стали готовиться к рыбалке, надо было дождаться полной темноты. Но рыбацкое нетерпение было так велико, что с большим трудом приходилось сдерживать себя от торопливости. От опытных рыбаков нам было известно, что место, освещаемое ярким костром, почему-то притягивает налимов, и мы делали всё, чтобы обеспечить хороший улов. При свете яркого костра я стал готовить перемёты. На каждый крючок насаживал крупного червя и любовался его веретенообразными и кольцевыми движениями, представляя, насколько соблазнительно это будет смотреться в реке, где плавают большие рыбыны. После заброса перемётов начиналось

томительное ожидание проверки снастей. Было решено проверять закидушки через каждые тридцать—сорок минут. Вот, наконец-то, подхожу к первому перечёту и опять же сдерживаю нетерпение, заставляю себя не спешить. Спокойно беру леску в руку и начинаю тянуть и — о, радость! — перемот идет с натягом. В отличие от крупной рыбы (окуня, сига, чебака), которые, попавшись на крючок, мечутся, пытаются освободиться, налим только иногда делает одиночные, сильные рывки, практически не сопротивляется и вытаскивается без ухищрений. Первый улов — налим около 3 кг. Остальные перемоты — еще два налима, каждый от 2 до 3 кг. Даже с этим уловом уже можно, не стыдясь, возвращаться домой. Но у нас до конца активного клёва оставалось еще около трех часов. Но через два часа, когда улов уже составил около 15 рыбин, и рыбацкий задор поутих, да и стала ощущаться усталость, было решено сворачиваться. Большее количество рыбы за разовую рыбалку и не нужно, ее трудно сохранить. Морозильников не было, а в подвалах (ямках) срок хранения свежего продукта не превышал недели. Если удавался богатый улов, то рыбу раздавали родственникам, друзьям. За деньги не продавали. Конечно, все изменилось после того, как появился Ново Назимовский леспромхоз (в 60-х годах) и в село понаехало много «чужого» люда.

В 80-е годы (тридцать лет спустя) я делал попытку повторить ловлю налима на перемоты на том же памятном месте. Но не получилось. Илистое дно местами заросло зелеными водяными растениями. По такому дну перемот не вытащишь. И это является еще одним из подтверждений изменения гидрологического режима реки, обусловленного, в первую очередь, сооружением Красноярской ГЭС.

Ловля окуня «подергушкой»

В один из приездов в Назимово в 80-е годы, когда районный и краевой рыбнадзор находился в самой активной фазе своей деятельности, все мои попытки достать хоть какой-либо рыбы и потешить себя рыбным блюдом были безуспешны. Хотя в селе (при колхозе) и существовала промысловая рыбо-

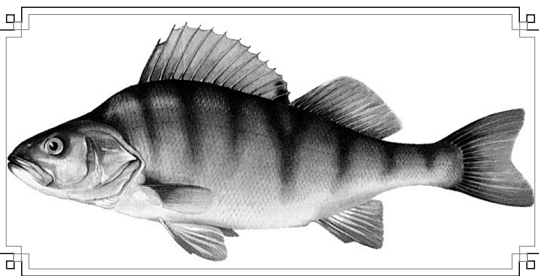
ловецкая артель из четырех человек, жителям от этой артели доставались рожки да ножки. Всю достойную рыбу артель сдавала государству — отправляла в районный центр Енисейск. В сельпо иногда эта артель сдавала 20–30 кг мелочевки (ельцов, пескарей, окуней, ершей). Выстраивалась очередь, и счастливыми оказывались восемь-десять покупателей. Парадоксально, но факт — люди живут на берегу реки, богатой разнообразной рыбой, но у них на безрыбье не было даже раков. Самолов и любые сети запрещены. А чем еще ловить? Удочками и закидушками?! Да уважающий себя сельский мужик этой ерундой заниматься не будет. Удочками и закидушками много не наловишь, времени нет. По хозяйству дел много (огород, дрова, сено). Не подготовишься летом, будешь зимой, как медведь, лапу сосать.

Мой однокашник по школе Юра Брюханов, тоже занятый с утра до вечера домашним хозяйством, решил меня осчастливить, пригласив на необычную окуневую рыбалку. Снасть для ловли окуня — «подергушка», основой которой являлась самодельная блесна. Блесна делалась из алюминиевой ложки, к которой припаивался крючок-тройник и наваривалась небольшая свинцовая лепёшка для тяжести. В отличие от спиннинга у снасти нет ни длинной лески, ни катушки. Блесна привязывалась к прочной нити защитного цвета (шпагату) диаметром 0,8–1,0 мм и длиной 3–4 м, наматываемой на деревянную дощечку.

Юра знал места у острова Скутовый, где любят резвиться окуни и, конечно, время суток и погодные особенности, когда у окуней наступает жор. Пробуждающееся утро, скованная ночной прохладой и легким туманом река, еще не вышедшее на божий свет солнце, но мы уже на берегу и готовы к отплытию. Вот Юра дергает заводной шнур моторки, чистым бурлящим валиком вскипает за кормой вода, и лодка бешено несется, рассекая гладь упругой воды. Встречный холодноватый ветер ударяет в лицо, легкая дрожь пробегает по телу, но в душе — вдохновение и непередаваемое чувство свободы, ощущение вольных сынов Енисея.

Примерно через час мы на месте, на плёсе нижнего изголовья острова. Юра, сидя в корме лодки, достает снасть, спускает

блесну в воду до дна (3–4 м) и начинает за нитку подергивать блесну вверх. Тут же резкий рывок в сторону, и Юра неспеша достает из воды красавца — окуня около 300 граммов. Снова спуск блесны под лодку, подергивание и опять окунь, уже больше первого. Пораженный, я не ожидал

такого быстрого эффекта. Хватаю свою блесну, опускаю ее в воду и начинаю подергивать. Но такого быстрого эффекта нет. Подергивать тоже надо уметь. Прошло какое-то время и вдруг — сильный рывок. Ага, попался и у меня! Вытаскиваю окуня, и тоже около 300 граммов. Окуневый жор длился около часа, а затем все прекратилось. Стая ушла. Но мы были довольны: за час рыбалки было добыто 28 окуней (Юра — семнадцать, я — одиннадцать). Около девяти часов утра мы были уже дома. Когда я стал собирать своих десять окуней, Юра сказал, что у рыбаков, когда они рыбачат вместе, принято делить пойманную рыбу поровну. Так что домой я принес рыбы гораздо больше, чем поймал.

Лучение рыбы — охота с остройгой

Этот красивый и поэтичный способ добычи рыбы, с которым мне пришлось познакомиться в Назимово еще в школьные годы, известен издревле и называется охотой с остройгой, или же лучением рыбы. В нашей стране в законах о рыбной ловле этот промысел числится браконьерским. Но жаль, что этот спортивный способ, требующий не просто активного участия рыбака в ловле, но и ловкости, умения обращаться с остройгой и лодкой, находится под запретом. А ведь мелкую рыбу остройга не губит, подранков с нее уходит не меньше, чем с гарпунов ружей для разрешенной подводной охоты. В такой стране, как Финляндия, где заботятся об охране рыбы больше, чем в нашей

стране, острога считается вполне спортивным орудием лова, открыто продается в магазинах, и оскудения водоемов рыбой у них как-то не наблюдается.

Первая моя рыбалка с острогой состоялась в начале 50-х годов. Была поздняя осень, по реке уже плыла мелкая шуга и обычными способами рыба ловилась плохо. Для успешной охоты с острогой нужно несколько условий: совершенно тихая погода, темная безлунная ночь, чистая прозрачная вода, хорошее лучение рыбы светом, умело сделанная острога и, конечно, сноровка рыбака-охотника. Отчим дядя Миша был моим наставником и напарником. Конечно, опыта работы с острогой у меня не было, пришлось обучаться по ходу дела. Для лучения рыбы светом в корме лодки была сооружена «коза» — железная решетка с загнутыми рогами, где разводился огонь с использованием смоляных лучин. Острога, изготовленная местным кузнецом, имела три железных острых зуба с бородками на концах (как у рыболовных крючков). Трехзубая конструкция насаживалась на сухое, легкое березовое древко. Через металлическое кольцо, закрепленное на конце древка, продевалась крепкая бечева и привязывалась к лодке.

Дядя Миша сидел на корме, поддерживал огонь и с помощью шестика медленно продвигал лодку вперед. Кругом тишина, лодка беззвучно скользит по зеркалу воды, ореол огня и света озаряет лодку и ближайшее пространство воды. Вся толща воды в полтора-два метра до каменистого дна хорошо просматривается, и ты видишь то там, то тут спинки стоящих неподвижно рыб (хариуса, налима, окуня, сига, щуки). В тебе пробуждается охотник, но нужно не спешить, медленно завести острогу в воду, приблизить к рыбе и быстрым движением ее вонзить. Если рыба на остроге, то можно уверенно ее поднимать в лодку, она уже не сорвется (сачок не требуется). В то время я еще не знал, что такое преломление света на границе воздух—вода, но быстро понял, что промах получается реже, когда рыба ближе к лодке и острога опускается почти вертикально в воду. И часто возникало недоумение по поводу частых промахов, когда рыба находилась на некотором удалении от лодки и острогу приходилось подводить к ней наклонно. Каза-

лось бы, всё делалось правильно, но оставалось загадкой, почему острога шла мимо. Охота с острой увлекательна и живописна, ты выпадаешь из времени, но кончается лучина, да и опытный в жизни дядя Миша заключал, что надо знать меру.

Любая рыбалка — это не просто добыча рыбы, это еще и романтика, положительные эмоции и душевное успокоение. Увлечение рыбалкой позволяет человеку хоть на какое-то время реализовать абсолютную свободу, быть самому себе хозяином, уйти от проблем на работе и дома, от назойливых переживаний и размышлений. Удивительно, но психотерапевтический эффект от рыбалки — одно из самых действенных средств избавления от психологических и физических перегрузок.

Для одного из моих друзей — председателя профкома одной из оборонных фирм — именно рыбалка превратилась в постоянный ритуал эффективного снятия стрессовых нагрузок. И отдохновение он находит не в поездке на дальние озёра, где ловится крупная рыба, а на прудике вблизи своей дачи, где ловятся только карасики. Для моего друга, да и для меня тоже, тихая рыбалка стала идеальным отдыхом для души, своего рода психотерапией. Приглашаем и читателя присоединиться к нам. А закончу очерк опять же стихами:

*«Воздух свеж, ароматен сосной!
Мне для счастья ведь много не надо —
Уреки повозиться с удой...
<...>Где еще красоту ту увидишь,
Где ещё так душой отдохнешь?
Приходи ты к реке на восходе —
Может даже смысл жизни поймешь.
<...>Мне до пенсии меньше полгода,
Брошу все и уйду на покой.
Буду чаще ходить на рыбалку,
Наловлю-насолю окуней.
Позову всех друзей, и за пивом
Жизнь пойдет на земле веселей!..»*

(А. Данилов)

При лада для счастья человека...

В душе я остался патриотом Сибири, реки Енисея, бескрайней тайги и самобытных, крепких духом людей-тружеников. Что меня соединяет с сибиряками? По-видимому, то самое, что в жизни дороже всего: детство, юность, память. Детство прошло в селе, на берегу великой реки Енисей, в окружении тайги. Эта пора жизни дала всё то, что есть во мне лучшего. Видимо, от родителей — бакенщиков мне передалась любовь к природе. До сих пор живы в памяти картины восхода солнца над рекой, солнечных бликов на воде, раздольных цветистых полей, бурлящих таежных речек, сизого тумана над просыпающейся рекой и таежных тропинок, уводящих в синее царство тайги. В лесу, на реке и в полях учился видеть и слышать мир. Вот и захотелось поразмыслить, что-то полезное написать для моих внуков об этих, теперь уже далеких днях, когда окружающий мир не пугал, а радовал.

Учиться в сельской семилетке мне нравилось. Я много и с упоением читал. В школьной библиотеке было достаточно книг, чтобы увлечь деревенского паренька проживать с героями интересную жизнь. Из книг я усвоил, что добрые дела помогают человеку ладить с окружающим миром, а дурные поступки рано или поздно плохо отразятся на самом человеке. Вспоминается такой случай из школьной жизни. Кто-то украл в школе единственный противогаз — редкое наглядное пособие. Резина от противогаза очень подходила для рогаток. Директор школы Петр Васильевич Тынько вел дознание, ведя в своем кабинете разговор по душам со всеми подозреваемыми. Подозреваемым был и я, поскольку был шаловливым. Я не крал противогаз и был уверен, что подозрение легко отпадет, для этого достаточно посмотреть мне в глаза. Широко открытыми глазами я смотрел на директора и бормотал: «Неужели вы не видите, что я не брал?». Мне много

лет спустя об этом эпизоде рассказывал сам Пётр Васильевич. С детства во мне сидит ощущение, что все мои деяния (хорошие и плохие) находятся под чьим-то наблюдением. Это меня часто сдерживало от дурных поступков. Но они у меня все же бывали...

Но главное, что я достойно пронес по всей жизни и чем могу гордиться, — это увлеченность работой, вера в добрых людей, вера в друзей, простодушие, доверчивость, любовь к родной стране и природе, тяга к живому светлomu миру. Любую работу выполнял добросовестно, забывая про время и не терзаясь корыстью. Сохранил верность многочисленным друзьям и родным.

Детство в глухом сибирском селе, тяжелые бытовые условия в многодетной семье, первые испытания при встрече с жестокостью и несправедливостью — все это не смогло сделать из меня изгоя или разбойника. Мрачным, завистливым, подозрительным к людям никогда не был. Даже в самые тяжкие времена. Себя не считал ущербным, поскольку всегда старался быть в ладах с природой и совестью. Вот и захотелось пооткровенничать и рассказать, как окружающий мир и конкретные люди помогли мне возмужать и стать положительным человеком. Да, я себя отношу к положительным людям, что может быть воспринято как нескромная самоуверенность, но для этого у меня есть основания.

Конечно, оценить себя на «положительность», исходя не только из формального соблюдения поведенческих норм в обществе, но и из духовного содержания своих деяний — задача не простая. Вспоминаются уроки литературы в советской школе. Обычно писатель право определить, за кого переживать, а кого ненавидеть, предоставляет самому читателю. Однако учитель литературы, руководствуясь указаниями методичек, при разборе произведений классиков лихо раскладывал персонажей на положительных и отрицательных, хотя объективных критериев добра и зла не было, нет и поныне. Поэтому бывает трудно

оценить себя на «положительность» и определить свое место в обществе. В этом плане заслуживают внимания поучения китайского мыслителя Конфуция, сформулировавшего восемь почитаемых и восемь презираемых свойств человека. Что заслуживает почитания? Любовь к Родине, служение народу, соблюдение законов, стремление к науке, трудолюбие, взаимопомощь и единение, честность, настойчивость. Что заслуживает презрения? Нанесение ущерба Родине, измена народу, нарушение законов, невежество, лень, эгоизм, нечестность, жизнь в свое удовольствие.

Человек, живущий с формальным соблюдением законов общества, не всегда может быть положительным. Законы государства – это еще не моральный кодекс. Старинная русская пословица гласит: «Закон что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет». Справедливость и закон могут и не пересекаться. Более важным является то, как человек ладит с самим собой, с окружающим миром и Богом. Замечательный писатель Василий Белов мудро написал, что если у человека есть эти три лада, то он не может не быть счастливым. Лад с самим собой – это умение обораоть свои страсти, умение управлять своим поведением, своими эмоциями. Лад с окружающим миром – это добрые отношения с родственниками, друзьями, близкими, это бережное отношение к природе, животным, это любовь к своей стране. Лад с Богом – это житие с Богом в душе, то есть по законам православной духовности: любовь и добродетель ставят превыше всего. Жить с Богом в душе оказывается для человека самым сложным. Прав поэт из Узбекистана Бах Ахмедов:

«Камни и ветер, вода и песок –
Что-то сильнее навеки.
Как беззащитен и одиноко
Внутренний Бог в человеке...».

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. Бакенская эпопея родителей	6
Лирическое отступление.....	7
Бакенские избушки оживляли	
суровые берега Енисея	8
Трагическая судьба отца.....	13
Глава 2. Село Назимово. Семилетняя школа	23
Село-то стародавнее.....	24
Ссылные немцы с Поволжья	28
Как выживали сибиряки	32
«Беляевский» хлеб	51
Отчим — знатный сапожник и строгий воспитатель.....	53
Памятная поездка в Сибирь в 1961 году.....	62
Неувядаемая любовь к малой родине	71
Глава 3. Родословная	78
Глава 4. Первая встреча с Красноярском	97
Глава 5. Два судьбоносных года в Норильске	106
Жизнь у дяди Саши	107
Норильский лагерь заключённых.....	115
Норильское восстание	119
Мои новые родители	130
«Норильск, Норильск, скажи мне,	
почему навек ты дорог сердцу моему?!»	149
Глава 6. Рождение Норильска и комбината	157
Вместо предисловия	158
Штрихи к ранней истории Норильска	161
Коварство Севера и вечной мерзлоты... ..	174
Изобретатели выручали на производстве и в быту.....	183
Металлургия — это особая страница	
героической биографии Норильска	195

Открытия геологов на Таймыре	210
Гимны прославленным врачам Норильска	218
Послесловие	234
Глава 7. Поездка в Красноярск и Норильск.	
Лето 2011 года.....	241
Глава 8. Енисейская родная сторона:	
и гордость, и боль... ..	258
1. Повесть о бакене	259
2. Весенний ледоход.....	270
3. Енисейская тайга	278
Неброская таёжная красота пленяет на всю жизнь	278
Тайга зимой: кругом всё бело, пышно, волшебнo.....	288
Тайга для человека — и кормилица, и поилица	291
О некоторых таёжных зверях	304
О некоторых таёжных птицах	313
Сибирские цветы.....	319
Лес вызывает к человеку: не вреди, помоги!.....	322
4. Рыбалка на Енисее.....	325
Рыбалка — прежде всего «кормление с реки».....	325
Промысловый лов неводом и «ельцовкой»	332
Любительская рыбалка удочкой и перемётами	336
Незабываемая рыбалка на Тису	340
Ловля налима.....	348
Ловля окуня «подергушкой»	350
Лучение рыбы — охота с острогой.....	352
Три лада для счастья человека... ..	355

Литературно-художественное издание

Беляев Анатолий Ильич
Всё началось с Енисея...

Книга первая.
Детские годы в Сибири

Компьютерная верстка
П.Н. Морозов

Корректор
И.В. Сазонова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «ПОЛИМЕДИА»
143000, Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13
Адрес электронной почты:
polymedia@list.ru

Подписано в печать 18.03.2016. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура NewtonС. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 21,75 печ. л.

Заказ № 24.
Тираж 50 экз.

Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА»
143000, Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13